

ВЕЛИКИЕ ЭКОНОМИСТЫ



# АДАМ СМИТ

---

ИССЛЕДОВАНИЕ  
О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ  
БОГАТСТВА НАРОДОВ

Великие экономисты и менеджеры

Адам Смит

**Исследование о природе и  
причинах богатства народов**

«ЭКСМО»

1776

УДК 330.8  
ББК 65.02

**Смит А.**

Исследование о природе и причинах богатства народов /  
А. Смит — «Эксмо», 1776 — (Великие экономисты и менеджеры)

ISBN 978-5-699-84994-9

Настоящий том представляет читателю второе издание главного труда «отца» классической политической экономии Адама Смита – «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Первое издание, вышедшее в серии «Антологии экономической мысли» в 2007 г., было с одобрением встречено широкими кругами наших читателей и экспертным сообществом. В продолжение этой традиции в настоящем издании впервые публикуется перевод «Истории астрономии» А. Смита – одного из главных произведений раннего периода (до 1758 г.), в котором зарождается и оттачивается метод исследования социально-экономических процессов, принесший автору впоследствии всемирную известность. В нем уже появляется исключительно плодотворная метафора «невидимой руки», которую Смит обнародует применительно к небесным явлениям («невидимая рука Юпитера»). В «Богатстве народов» А. Смит обобщил идеи ученых за предшествующее столетие, выработал систему категорий, методов и принципов экономической науки и оказал решающее влияние на ее развитие в XIX веке в Великобритании и других странах, включая Россию. Еще при жизни книга Смита выдержала несколько изданий и была переведена на другие европейские языки, став классикой экономической литературы. Неослабевающий интерес к ней проявляется и сегодня в связи с проблемами мирового разделения труда, глобального рынка и конкуренции на нем. Все достоинства прежнего издания «Богатства народов» на русском языке, включая именной, предметный и географический указатели, сохранены. Текст сверялся с наиболее авторитетным на сегодняшний день «Глазговским изданием» сочинений Смита (1976–1985, 6 томов). Для научных работников, историков экономической мысли, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся наследием классиков политической экономии.

УДК 330.8

ББК 65.02

ISBN 978-5-699-84994-9

© Смит А., 1776

© Эксмо, 1776

## Содержание

От редакции	7
В. С. Афанасьев	8
Исторические условия формирования теории Смита	11
Двойственность методологии и теоретической системы Смита	14
Предмет политической экономии	23
Трудовая теория стоимости Смита	25
Теория распределения Смита	38
Смит о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала	46
Исследование о природе и причинах богатства народов	50
Предисловие к третьему изданию	53
Предисловие к четвертому изданию	54
Введение и план сочинения	55
Книга I	57
Глава I	57
Глава II	61
Глава III	64
Глава IV	66
Глава V	70
Глава VI	80
Глава VII	84
Глава VIII	90
Глава IX	104
Глава X	111
Отдел I	111
Отдел II	123
Глава XI	138
Отдел I	140
Отдел II	150
Отдел III	158
Очерк колебаний стоимости серебра в течение последних четырех столетий	159
Колебания в соотношении между стоимостью золота и серебра	179
Основания, позволяющие предполагать, что стоимость серебра продолжает уменьшаться	183
Различные последствия развития культуры для трех видов сырых продуктов	183
Конец ознакомительного фрагмента.	197

# Адам Смит

## Исследование о природе и причинах богатства народов



Первый перевод с английского (П. Н. Клюкин при поддержке группы переводчиков):  
Смит А. ПРИНЦИПЫ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ И НАПРАВЛЯЮТ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ; ИЛЛЮСТРИРУЮТСЯ НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ АСТРОНОМИИ [НАПИСАНО ДО 1758 ГОДА]

Редакционный совет тома:

*Автономов В. С.* – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель факультета экономических наук НИУ ВШЭ.

*Ананьин О. И.* – кандидат экономических наук, профессор факультета экономических наук НИУ ВШЭ.

*Афанасьев В. С.* – доктор экономических наук, профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений МГУ им. М. В. Ломоносова.

*Васина Л. Л.* – кандидат экономических наук, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, руководитель группы MEGA.

*Клюкин П. Н.* – доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, зав. лабораторией изучения наследия российских экономистов Института экономики РАН.

*Макашева Н. А.* – доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, зав. отделом экономики ИНИОН РАН.

*Энтов Р. М.* – академик РАН, доктор экономических наук, профессор НИУ ВШЭ, лауреат премии А. Смита (A. Smith Award) – 1999 г.

Под научной редакцией *П. Н. Клюкина*

© П. Клюкин, перевод, 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

## От редакции

Масштабная серия «Антология экономической мысли», выходившая в издательстве «Эксмо» в 2007–2011 гг. и посвященная творчеству великих экономистов прошлого, возобновляется вновь. Тома, ее составляющие, будут выходить теперь уже *вторым изданием*. Они, по возможности, будут отличаться от первого издания дополнительным набором новых текстов и переводов. Все сочинения по-прежнему публикуются не в сокращенном, а в полном варианте. Главная задача серии прежняя – сделать доступными для российского читателя памятники мировой экономической литературы, способствовать подъему уровня российской экономической мысли. Стремясь к решению этой задачи, мы имеем в виду не только качественное воспроизведение текстологического материала (хотя и это в наше время само по себе уже неплохо), но и привлечение талантливой молодежи к осмыслению ключевых проблем современности, к поиску новых идей и концепций. В этой связи публикация оригинальных текстов, побуждающих к самостоятельным размышлениям над книгой, является в настоящее время, на наш взгляд, насущной потребностью. Справочные и иные материалы, а также разнообразные приложения, приводимые в каждом томе, помогут сориентироваться в большом потоке информации и лучше разобраться в проблематике, связанной с тем или иным классическим автором-экономистом.

Первые выпуски серии посвящены классической политической экономии. Как и в 2007 г., серия открывается изданием «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита (1723–1790), в последний раз издававшимся в нашей стране в полном объеме в 1962 г. под редакцией проф. В. С. Афанасьева. Однако в отличие от всех предыдущих изданий в настоящем издании публикуется *первый полный перевод на русский язык «Истории астрономии»* Смита (написан до 1758 года). Этот очерк, по единодушным отзывам Й. Шумпетера, М. Фридмана, а также известных отечественных экономистов (в частности, А. В. Аникина), представляет собой блестящее введение в творческую лабораторию Смита, позволяет глубже понять, как зарождался и развивался его метод исследования экономических и социальных проблем. Подробные примечания к тексту открывают российскому читателю по существу неизвестного еще Смита, который, тем не менее, уже оперировал метафорой «невидимой руки Юпитера».

Вслед за изданием А. Смита, преследующего помимо дидактических, как видим, также и научно-популярные цели, готовятся к печати избранные сочинения Д. Рикардо, преемника Смита в развитии политической экономии в Великобритании в начале XIX в.

В выпусках по классической экономии перевод термина «value» (за исключением новых переводов) везде оставлен как «стоимость», чтобы не идти вразрез со сложившейся долгой традицией. Читатель должен иметь в виду, однако, что в дореволюционных переводах классиков он переводился как «ценность», считаясь «естественным словоупотреблением русского языка».

Колонтитулы, вследствие большей информативности, сделаны сложные; поэтому в ряде мест они приводятся в сокращенном виде. Примечания авторов по-прежнему обозначены цифрами, редакторские примечания – звездочками. Издания снабжаются, как минимум, именными указателями. Дополнительные особенности оговариваются в каждом следующем томе отдельно.

## В. С. Афанасьев

### Адам Смит: политическая экономия мануфактурного капитализма

«Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) великого шотландского ученого Адама Смита (1723–1790) – это труд подлинного энциклопедиста, совершившего революцию в политической экономии, внесшего существенный вклад в становление и развитие таких экономических наук, как история народного хозяйства и экономической мысли, а также теория государственных финансов. Эта работа Смита представляет огромный интерес и для историков, социологов, философов и других обществоведов.<sup>1</sup>

«Богатство народов», потребовавшее от Смита более двадцати пяти лет упорного труда, составило эпоху в мировой экономической мысли. Преодолев отраслевую ограниченность теорий своих предшественников, Смит превратил политическую экономию в подлинно общественную науку, оказывающую самое непосредственное воздействие как на современную экономическую мысль, так и на хозяйственную практику наших дней. Известный американский экономист Кеннет Э. Боулдинг писал: «Современная экономическая теория ведет свою родословную от «Богатства народов» Адама Смита...».<sup>2</sup>

Теория Смита во многом предопределила дальнейшее развитие политической экономии. Последующие школы экономической мысли складывались и эволюционировали в значительной степени под влиянием теории Смита. И в наши дни это влияние простирается не только на трактовку важнейших проблем экономической теории (соотношение рыночного и государственного регулирования капиталистической экономики, движущие силы экономического развития и т. п.), но и на ее основную структуру. Парадокс, требующий своего объяснения, состоит в том, что экономическое учение Смита выступило в качестве теоретического исходного пункта противоборствующих друг с другом важнейших течений современной экономической мысли: марксизма и неоклассики.

Рыночные экономические реформы, проводимые в последние годы во многих странах мира, в том числе и в России, непосредственно связаны с концепцией «невидимой руки конкуренции», разработанной Смитом более двухсот лет назад.<sup>3</sup>

Со временем сама работа Смита превратилась в подлинное богатство народов. Произведения, подобные «Богатству народов» Адама Смита, появляются раз в столетие. Для XIX века – это «Капитал» Карла Маркса (I том в 1867 г.), а для XX века – «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) Джона Мейнарда Кейнса.

До конца XVIII века «Богатство народов» выдержало десять английских изданий, не считая публикаций в США и Ирландии, и было переведено на датский, голландский, испанский, немецкий и французский языки, в том числе на два последних языка – неоднократно.<sup>4</sup> Его первый русский перевод, предпринятый молодым чиновником министерства финансов Николаем Политковским, был опубликован в Санкт-Петербурге в четырех томах в 1802–1806 гг. Всего же на русском языке осуществлено десять изданий «Богатства народов». После Второй

---

<sup>1</sup> «Богатство народов» Смита – это «часть осуществления им незаконченного грандиозного научного проекта «История свободных наук и изящных искусств» (Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа. Спб.: Экономическая школа. 2001. С. 232–233).

<sup>2</sup> Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа. 2002. Т. 2. С. 908.

<sup>3</sup> Вальтер Адамс, Джеймс В. Брок. Адам Смит шагает по Москве: диалог о радикальной реформе. М.: «Дело ЛТД».

<sup>4</sup> Йозеф А. Шумпетер. История экономического анализа. Спб.: Экономическая школа, 2001. С. 249.



мировой войны в СССР и России эта работа Смита выходила трижды – в 1962, 1991 (не полностью: лишь книги I и II в составе «Антологии экономической классики» т.1) и в 1993 годах.

«Богатство народов» Смита включает в себя пять книг, из которых первые две посвящены анализу проблем политической экономии капитализма. Первая книга имеет заголовок, отражающий литературные традиции того времени: «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа». Вторая книга озаглавлена: «О природе капитала, его накоплении и применении». Третья книга – «О развитии благосостояния у разных народов» – посвящена проблемам истории народного хозяйства. В четвертой книге – «О системах политической экономии» – Смит критикует своих предшественников – меркантилистов и физиократов, которым он противопоставляет свою систему политической экономии.<sup>5</sup> Название пятой книги – «О доходах государя или государства» – свидетельствует о том, что ее предмет – государственные финансы. «Богатство народов» Адама Смита – это своего рода экономическая энциклопедия последней четверти XVIII века.

Идеи свободы предпринимательской деятельности в концепции экономического либерализма Смита обосновывали необходимость ликвидации феодальных порядков с присущими им отношениями личной зависимости и играли прогрессивную роль. Именно поэтому учение Смита получило широчайшее распространение не только в Великобритании, но и далеко за ее пределами, в том числе и в России.

Особую роль в быстром распространении учения Смита играла его концепция «невидимой руки конкуренции», в соответствии с которой механизм рынка без какого-либо вмешательства государства в экономику в состоянии обеспечить сочетание частных и общественных интересов и на этой основе – наиболее эффективное развитие экономики. Смит писал о предпринимателе, стремящемся к получению наибольшей прибыли и, как правило, при этом не задумывающемся об общественной пользе: «... в этом случае, как и во многих других, он *невидимой рукой* (курсив мой. – В. А.) направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».<sup>6</sup> Однако Смит, как отмечает Й. Шумпетер, не придавал слишком большого значения тезису о том, что частный интерес в конечном счете совпадает с общественным интересом, поскольку он «остро чувствовал антагонизм между классами».<sup>7</sup> К тому же Смит в определенной мере видел и ограниченность рыночного механизма саморегулирования экономики. Он писал, что в тех сферах хозяйства, в которых рынок «не тянет», его должно заменять государство.

Исторический процесс XX века выявил недостаточность и более того – опасность концепции экономического либерализма. Стихийное рыночное саморегулирование экономики породило самый глубокий и продолжительный за всю историю капитализма мировой экономический кризис 1929–1933 гг., Великую депрессию, и поставило на грань краха всю капиталистическую систему хозяйства. Стало очевидным, что без дополнения рынка государственным контролем и регулированием капиталистическая экономика существовать не может. К такому заключению пришел один из самых крупных экономистов XX века – английский ученый Дж. М. Кейнс (1883–1946) в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). К концу XX века в научной западной экономической мысли оно стало доминирующим и проникло в учебники и справочную литературу по экономической теории. К концу XX века в научной западной экономической мысли этот вывод стал преобладающим и проник в учебники и спра-

<sup>5</sup> «Примером... системы политической экономии является (как по замыслу автора, так и фактически) «Богатство народов» А. Смита». (Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 45.)

<sup>6</sup> Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 443.

<sup>7</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 302.

вочную литературу по экономической теории. «Сейчас известно, – пишет лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. американский ученый Дж. Ю. Стиглиц, – что «... утверждение об эффективности рыночной экономики действительно только при строго ограниченных условиях. Несовершенства (рынка. – В. А.)... делают очевидным, что существует много проблем, с которыми рынок не справляется адекватным образом... Сегодня среди американских экономистов *доминирует* (курсив мой. – В. А.) взгляд, что ограниченное государственное вмешательство могло бы смягчить (если не решить) наиболее острые проблемы: государство должно играть активную роль в поддержании полной занятости и в устранении крайних выражений нищеты, но центральную роль в экономике должно играть частное предпринимательство».<sup>8</sup>

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время рынок не справляется с регулированием именно тех сфер хозяйства, которые играют решающую роль в реализации возможностей современной научно-технической революции, таких как фундаментальная наука, культура, просвещение, здравоохранение, личное потребление широких масс трудящихся, должно обеспечивать высокий стандарт воспроизводства рабочей силы, способной использовать и развивать новейшие технологии, основанные на применении немеханических форм движения материи.

«Словарь современной экономической теории Макмиллана», подготовленный группой западных экономистов, так резюмирует приведенную в нем статью о «невидимой руке конкуренции»: «Современный взгляд на эту проблему сводится к тому, что хотя рука, без сомнения, действует, она, скорее всего, страдает артритом». Опасность стихийного рыночного регулирования экономики для самого существования капиталистической системы весьма рельефно выразил известный предприниматель и общественный деятель Джордж Сорос в работе «Кризис мирового капитализма». Он писал: «... Рыночные силы, если им предоставить полную власть, даже в чисто экономических и финансовых вопросах вызывают хаос и в конечном итоге могут привести к падению мировой системы капитализма. Это – мой самый важный вывод в данной книге».<sup>9</sup>

Очевидно, что «невидимая рука» рынка нуждается в некоем внешнем поддерживающем средстве, роль которого в современной экономике играет государство. «Экономическая роль правительства, несомненно, велика и всеобъемлюща», – констатируют авторы популярного учебника «Экономикс». О мощи государства в современной рыночной экономике свидетельствует тот факт, что, по данным Всемирного банка, в государственные бюджеты стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – а это наиболее развитые в экономическом отношении страны мира – изымается в среднем около 50 % их совокупного валового внутреннего продукта (в 2003 г. он составлял 29,2 трлн долл.).<sup>10</sup> Эти гигантские средства используются и в интересах развития экономики, для дополнения и корректировки рыночного механизма. Тем более существенную роль призвано играть государство в странах с переходной экономикой, в которых еще только формируются рыночные институты. Это в полной мере относится и к России, экономический кризис в которой в 90-х годах XX – начале XXI века по своим разрушительным последствиям намного превзошел американскую Великую депрессию 30-х годов в результате применения к реформированию высококонцентрированной советской экономики стихийного рыночного механизма – «невидимой руки» рынка, т. е. модели экономического развития XVII–XVIII веков.<sup>11</sup>

<sup>8</sup> Дж. Ю. Стиглиц. Экономика государственного сектора. Издательство Московского университета, 1997. Инфра-М, 1997. С. 16.

<sup>9</sup> Джордж Сорос. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. С. XXIII.

<sup>10</sup> Statistical Abstract of the United States 2006, 125th edition, Washington 2006, p. 874; «Вопросы экономики». № 7. 1997. С. 8.

<sup>11</sup> Афанасьев В. С. «Великие депрессии в США и России», журнал «Экономист». № 3. 2002; Реформы глазами американских и российских ученых. М.: Российский экономический журнал, 1996.

## Исторические условия формирования теории Смита

*Капиталистическая мануфактура.* Производство Великобритании во второй половине XVIII столетия – в эпоху Смита – характеризовалось господством капиталистической мануфактуры – крупного по тем временам производства, основанного на ремесленной технике и разделении труда. Именно разделение труда, являвшееся в то время главным фактором роста производительности труда, отличало мануфактуру от предшествующей ему простой капиталистической кооперации. В то время как от последующей ступени развития капитализма – машинной индустрии – мануфактура отличалась отсутствием применения машин.

Мануфактурное разделение труда, ведущее к специализации средств труда, а потому и самого труда, а также к упрощению производственных операций, явилось важнейшей предпосылкой последующего перехода к машинному производству. Во времена Смита оно делало лишь самые первые шаги. Смит был знаком с Джемсом Уаттом – изобретателем паровой машины – и сотрудничал с ним во время подготовки его изобретения.<sup>12</sup> Смит – экономист мануфактурного капитализма кануна промышленной революции – перехода к машинному производству.

Мануфактурное разделение труда «по Смицу... является практически единственным фактором экономического прогресса».<sup>13</sup> Показательно, что Смит ставит на первое место не механическую, а социальную производительную силу – разделение труда, которое и в XXI веке наряду с дисциплиной труда, управлением производством, предпринимательством, организацией производства и другими ее формами играет огромную роль.

Смит писал, что рост выработки в результате разделения труда определяется следующими тремя обстоятельствами: во-первых, увеличением ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, экономией времени, которое теряется – при отсутствии разделения труда – при переходе от одного вида труда к другому; в-третьих, изобретением большого числа приспособлений и машин, способствующих повышению производительности труда.<sup>14</sup>

При этом Смит особое внимание уделял обучению как важнейшему фактору роста производительности труда. «...Адам Смит гораздо яснее понимал чрезвычайную важность человеческих знаний и ноу-хау для производственного процесса, чем современные экономисты... Экономическое развитие – это процесс, который почти полностью происходит в сознании людей. Это в значительной мере процесс обучения...».<sup>15</sup>

Смит посвятил три первых главы «Богатства народов» проблеме разделения труда. Характерно при этом, что данная проблема получает у Смита двойную трактовку. С одной стороны, Смит видит, что разделение труда порождается теми многочисленными преимуществами, которые получает использующее его производство (рост производительности труда и качества товаров, снижение издержек производства на единицу продукции и т. п.). С другой стороны, он пишет, что разделение труда «представляет собой следствие... определенной склонности человеческой природы... а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой»,<sup>16</sup> и потому оно зависит и от объема рынка.

Нетрудно заметить, что методологически это разные трактовки: если первая позиция Смита ищет причину разделения труда в тех положительных изменениях, которые оно вызы-

---

<sup>12</sup> Андрей Аникин. Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 70–80; его же – Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей экономистов до Маркса. 4-е изд. М.: Политиздат, 1985.

<sup>13</sup> Йозеф Шумпетер. Цит. соч. С. 240.

<sup>14</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 72–73.

<sup>15</sup> Кеннет Э. Боулдинг. Экономическая теория и социальные системы. Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 920.

<sup>16</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 76.

вает в процессе производства *потребительных стоимостей*, то вторая обращается к товарным, рыночным, следовательно, *стоимостным* аспектам проблемы.

На эту противоречивость методологических позиций Смита следует обратить особое внимание, поскольку она характерна для его трактовок фактически всех рассматриваемых им экономических проблем.

В «Богатстве народов» Смит приводит, ставшее классическим, описание мануфактурного производства английских булавок, отмечая при этом, что выработка на одного рабочего сравнительно с индивидуальным ремесленником в результате разделения труда в мануфактуре увеличилась в сотни раз. Он писал, что труд по производству булавок в лучших мануфактурах разделен приблизительно на 18 самостоятельных операций: «Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка головки – другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики». <sup>17</sup> В результате достигается высокий уровень производительности труда. 10 рабочих, пишет Смит, в такой мануфактуре за один день производят свыше 48 тысяч булавок. Результат более чем поразительный, если учесть, что при этом применялись только ремесленные, ручные орудия труда. «Но если бы все они, – продолжает Смит, – работали в одиночку и независимо друг от друга и не были приучены к этой специальной работе, то, несомненно, ни один из них не смог бы сделать двадцати, а может быть, даже и одной булавки в день». <sup>18</sup>

Видел Смит не только позитивные, но и негативные стороны разделения труда, в том числе и порождаемую им опасность вырождения народа. Он писал: «С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум». <sup>19</sup> В этих условиях работник не имеет возможности развивать свои физические и умственные способности, кроме тех, которые требуются для выполнения простых производственных операций. В результате он «становится... тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо», что наносит огромный вред здоровью народа, а тем самым экономике страны и ее военной мощи. Между тем, поясняет Смит, «в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны неизбежно впадать трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого». <sup>20</sup> Здесь, как и в других случаях, когда рыночный механизм не срабатывает, Смит – разумный поборник свободы предпринимательства – обращается к силе государства.

*Историческая призма теории Смита.* В силу той исключительной роли, которую играло разделение труда в условиях мануфактуры, для Смита оно выступает как своего рода «историческая призма», сквозь которую он рассматривает экономические явления своей эпохи. Исследуя труд под углом зрения его разделения в обществе, Смит сумел уловить общественную целостность труда в отличие от его отраслевой специфики, на которую делали акцент его предшественники (меркантилисты – на труд в сфере торговли, добычи благородных металлов; физиократы – на труд в сельском хозяйстве). Тем самым Смицу удалось в значительной мере преодолеть отраслевой подход к анализу экономических явлений, характерный для меркантилизма и физиократии. В его трактовке политическая экономия впервые предстает как наука об экономике общества в целом, а не какой-либо ее отдельной сферы или отрасли, хотя бы и очень

<sup>17</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 69–70.

<sup>18</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 70.

<sup>19</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 722.

<sup>20</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 722.

важной. У Смита она выступает как наука о «богатстве народов». В результате политическая экономия – народнохозяйственная в своей сущности наука – сбрасывает ранее присущую ей отраслевую оболочку.

Эта «призма» позволила Смиту установить, что труд выступает источником стоимости в любой отрасли материального производства, что явилось важнейшим шагом вперед в развитии трудовой теории стоимости, начало которой положил английский ученый Уильям Петти (1623–1687).

Рассматривая разделение труда как важнейший метод повышения его производительности, Смит находит в нем объяснение многих явлений современной ему экономики. Так, причину отставания сельского хозяйства от промышленности он видит прежде всего в неразвитости в сельском хозяйстве разделения труда, обусловленной природными факторами. С этих же позиций он объясняет неравномерность в развитии отдельных регионов и стран. В упрощении производственных операций в результате развития разделения труда Смит усматривает предпосылку изобретения машин, повышающих эффективность разделения труда. «Повсеместное установление разделения труда» рассматривается Смитом в качестве важнейшей причины превращения товарного обмена (по мнению Смита, присущего самой «природе человека») в настоятельную экономическую необходимость.

Смит подчеркивал, что степень развития разделения труда в значительной мере определяется емкостью рынка. Эта мысль Смита зафиксирована в названии третьей главы его главной работы «Богатство народов»: «Разделение труда ограничивается размерами рынка». Если учесть, что разделение труда во времена Смита являлось главным средством повышения производительности труда, это его положение приобретает существенную теоретическую и практическую значимость: в рыночной экономике уровень развития производительных сил в конечном счете определяется размерами рынка.

Эта концепция, выразившая важнейшую закономерность рыночной экономики, открытую Смитом, нашла свое дальнейшее развитие в работах выдающихся мыслителей-экономистов, в том числе К. Маркса (в его учении о взаимосвязи производительных сил и общественно-производственных отношений) и Дж. М. Кейнса (в его концепции экономических реформ и, в частности, в теории эффективного спроса – фактора непосредственно определяющего динамику капиталистического производства). Данная закономерность блестяще подтверждается массовыми данными нашего времени. К примеру, в годы Второй мировой войны (1939–1945), когда были созданы – через систему государственных заказов на военную продукцию – весьма благоприятные условия для ее сбыта, объем промышленного производства в США удвоился за очень короткое время – 6 лет. Для сравнения скажем, что удвоение промышленного производства в США в предвоенный период, когда таких благоприятных рыночных условий не было, потребовало примерно 18 лет, а сразу после Второй мировой войны – 12 лет, т. е. в 2–3 раза больше.<sup>21</sup> Этот пример говорит о том, какой значительный экономический потенциал можно привести в движение, если обеспечить соответствие между условиями производства и условиями реализации товарной продукции в промышленно развитой капиталистической стране.

---

<sup>21</sup> Рассчитано по данным: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. N. Y. 1989. P. 666–667.

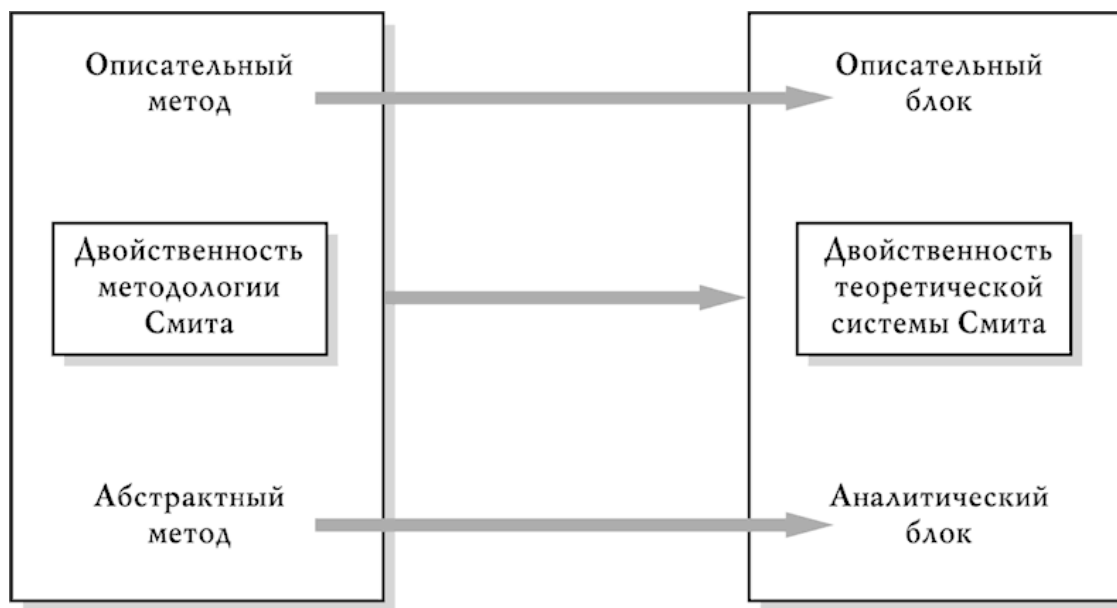
## **Двойственность методологии и теоретической системы Смита**

*Два метода исследования Смита.* Смит одновременно применял два различных метода исследования: описательный и абстрактный. Причина этого заключается в том, что Смит выступил как обобщающий экономист мануфактурного капитализма и потому должен был не только исследовать внутренние зависимости экономических процессов (и для этого использовать абстрактный метод), но и дать внешнюю характеристику всей экономической системы мануфактурного капитализма в целом (что требовало применения описательного метода). К тому же с рядом экономических явлений Смит в своих исследованиях столкнулся впервые, а потому и ограничивался их простым описанием.

Внешняя форма экономических явлений, как правило, не совпадает с их содержанием. Это присуще и явлениям природы. Представляется, например, что Солнце движется по небосклону вокруг Земли. Между тем известно, что такое представление ошибочно, и в действительности Земля вращается вокруг Солнца. Научная истина требует глубокого проникновения в суть исследуемых явлений, в то, что непосредственно сознанием не воспринимается и нередко явно противоречит обыденному и притом очевидному представлению, отражающему лишь внешнюю видимость явлений.

Одновременное применение Смитом двух различных методов исследования приводило к тому, что при рассмотрении каждой экономической проблемы он получал, как правило, две (а иногда и больше) различные и противоречащие друг другу теоретические трактовки. Парадокс состоял в том, что в большинстве своем, взятые сами по себе, эти трактовки были правильными в том смысле, что они верно отражали реальные свойства экономических явлений. Различие между ними состояло, как правило, в том, что одни из них выражали сущностные стороны таких явлений, в то время как другие – фиксировали противоречащие им внешние, обманчивые формы.

Противоречивость теории Смита, свидетельствующая о ее некоторой незрелости, тем не менее составляет ее важное научное достоинство. Дело в том, что эти противоречия, как правило, вовсе не являлись результатом ошибок Смита. Они проистекали из двух причин: во-первых, из противоречивости самих экономических явлений, которые исследовал Смит, из того, что внешняя форма экономического явления, как правило, не совпадает с его содержанием, и, во-вторых, из противоречивости примененного Смитом метода исследования. Правильно описывая внешнюю форму того или иного экономического явления и правильно раскрывая его содержание, но не умея определить действительного их соотношения, Смит получал противоречивую трактовку этого явления и тем самым поднимал перед экономической наукой важные теоретические проблемы. Противоречия теории Смита явились по этой причине важнейшим фактором развития экономической науки как классического, так и неоклассического направления.



**Рис. 1. Двойственность методологии и теоретической системы Смита.**

Недостаток же теории Смита состоял в том, что он ставил на одну доску те различные результаты, которые он получал с помощью различных методов исследования, смешивая содержание экономического явления и его внешнюю форму, которая выступала в его теории как некая «вторая сущность». В результате двойственность примененного Смитом метода обусловила и двойственность всей его теоретической системы. С помощью описательного метода Смит получал достаточно цельную картину общественно экономических отношений, какой она выглядит на поверхности явлений экономической жизни общества. Абстрактный же метод, примененный Смитом, позволял ему разработать другой теоретический блок, отражающий свойства той же самой экономической системы, но уже с точки зрения ее сущностных закономерностей.

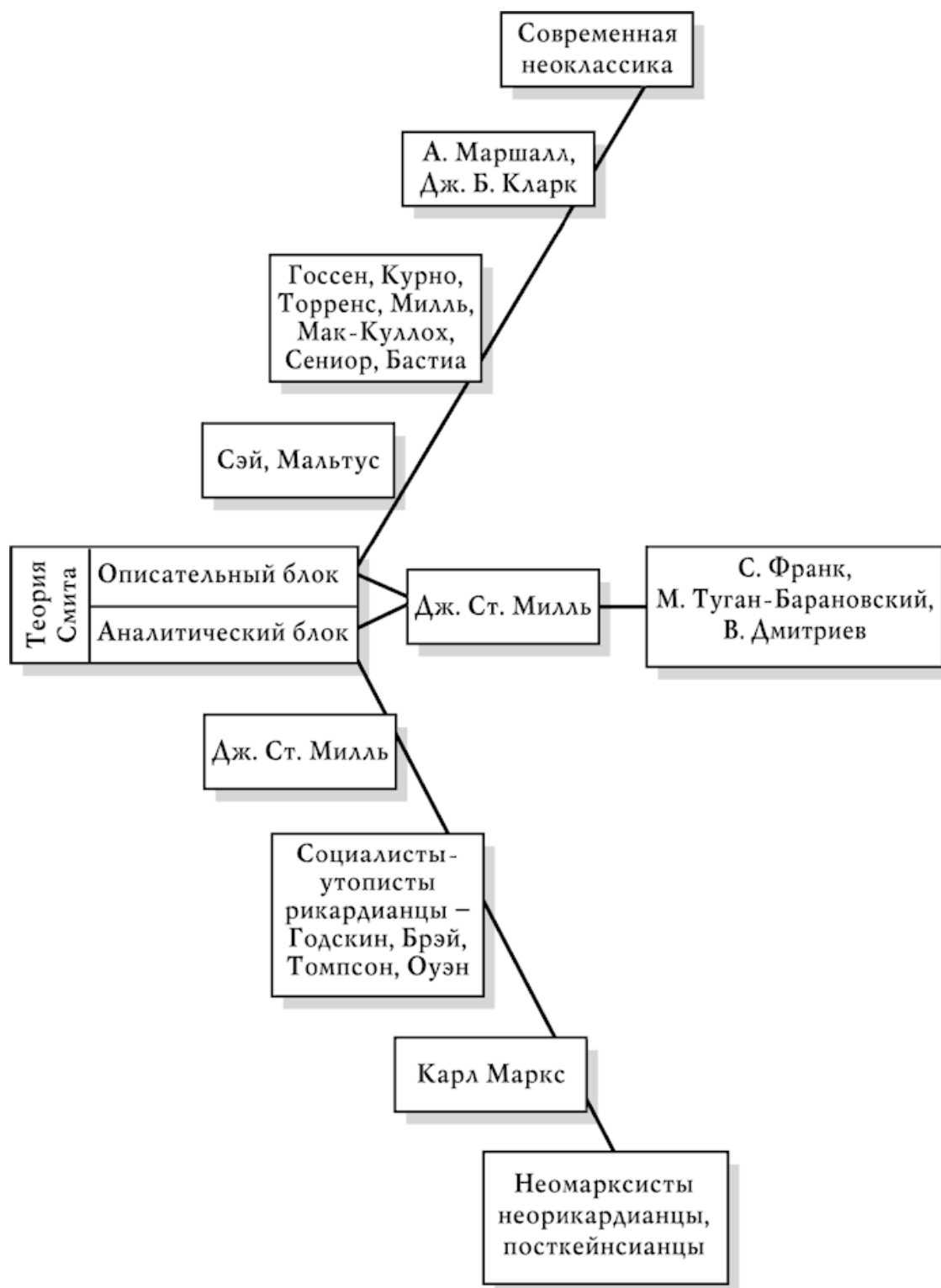
*Два блока теоретической системы Смита.* Двойственность методологии Смита обусловила, таким образом, двойственность всей его экономической теории, фактически состоящей из двух различных, тесно связанных и переплетающихся друг с другом теоретических блоков: описательного и аналитического (рис. 1).

Понимание истоков двойственности экономической теории Смита существенно важно не только для выявления ее особенностей, но и для раскрытия всего процесса эволюции экономической мысли после Смита. Последующее развитие политической экономии (в некоторых аспектах – вплоть до наших дней) во многом сводилось сначала к систематизации и разработке идей, входящих в эти два противоречащих друг другу различных теоретических блока учения Смита, в полемике между сторонниками этих блоков, а затем в постепенном обособлении данных блоков друг от друга, а со временем и в противопоставлении их друг другу в качестве самостоятельных течений политической экономии, нередко ведущих между собой ожесточенную теоретическую и идеологическую борьбу (рис. 2).

В данной связи известный экономист М. Добб в работе «Теории ценности и распределения после Адама Смита» (1973) выделял «две совершенно различных и соперничающих в экономической мысли XIX в. традиции, объясняющих порядок и способ детерминации феноменов обмена и распределения», восходящих к теории А. Смита.

«Первая традиция, берущая начало от Смитовой теории естественных цен на основе издержек производства (теории ценности, основанной на суммировании издержек), разрабатывалась Сениором, Миллем, Джевонсом, Маршаллом и Вальрасом и далее современными неоклассическими теоретиками общего равновесия, такими как Самуэльсон, Эрроу и Дебре;

другая, берущая начало от Смитова видения взаимозависимости цен конечных благ, с одной стороны, и доходов общественных классов, формирующих издержки производства этих благ, с другой стороны, разрабатывалась Рикардо, Марксом и Сраффой и далее неомарксистами и неорикардианцами середины XX в.».<sup>22</sup>



<sup>22</sup> Панорама экономической мысли конца XX столетия. Спб.: Экономическая школа, 2002. С. 41–42.



## Рис. 2. Превращение теоретических блоков учения Смита в самостоятельные течения экономической теории

Как и во многих других процессах развития экономической мысли, в качестве решающего фактора размежевания данных тенденций выступила идеологическая борьба между трудом и капиталом.<sup>23</sup> И в наши дни аналитический блок теории Смита, а подчас и все его учение является объектом нападков со стороны буржуазных экономистов.<sup>24</sup>

Тем не менее попытки стать над идеологией, соединить все более расходящиеся тенденции в экономической теории появляются сразу же, как только явственно обнаруживается противопоставление данных двух тенденций в трудах Дж. Стюарта Милля (1806–1873), особенно в теории стоимости в работах российских ученых С. Л. Франка (1877–1950), М. И. Туган-Барановского (1865–1919), В. К. Дмитриева (1868–1913) и ряда других ученых.

В методологическом отношении борьба двух тенденций в экономической теории – это борьба между «сущностью», внутренними свойствами и закономерностями экономических явлений и процессов и их внешними «превращенными формами», в которых эти же явления и процессы выступают на поверхности экономической жизни.

*Начало метода экономической двойственности.* Двойственность методологии Смита приобретает более конкретные формы, присущие собственно методологии экономического анализа, если учесть, что его основу Смит видел в выявлении фундаментальной роли труда в экономической жизни общества. Труд, писал он, доставляет людям «первоначальный фонд» их жизнедеятельности в виде продуктов, необходимых им для существования, а также удобства жизни. Труд выступает и в качестве источника стоимости этих продуктов.

Такая позиция Смита имеет глубокие основания. Экономические явления тем и отличаются от всех других общественных явлений, что они представляют собой различные выражения человеческого труда (живого или овеществленного, содержания труда или его общественной формы, средств труда, предметов труда, результатов труда, его эффективности, условий, оплаты, распределения и обмена результатами труда и т. д. и т. п.). По этой причине Смит вполне правомерно рассматривает различные экономические явления с точки зрения их отношения к труду. Это своего рода отправной пункт научных исследований Смита.

Однако Смиту была неизвестна двойственная природа труда товаропроизводителя, его разграничение на труд конкретный (полезная форма труда, создающая потребительную стоимость товара) и труд абстрактный (затраты общественного труда, определяющие стоимость товара).<sup>25</sup> В результате этого в одних случаях он рассматривает экономические явления с позиции конкретного труда и в итоге получает ряд теоретических трактовок, отражающих лишь внешнюю видимость этих явлений, а в других – он исследует те же самые явления с точки зрения абстрактного труда, что позволяет ему разработать другой ряд теоретических позиций, отражающих сущностные свойства этих экономических явлений (рис. 3).

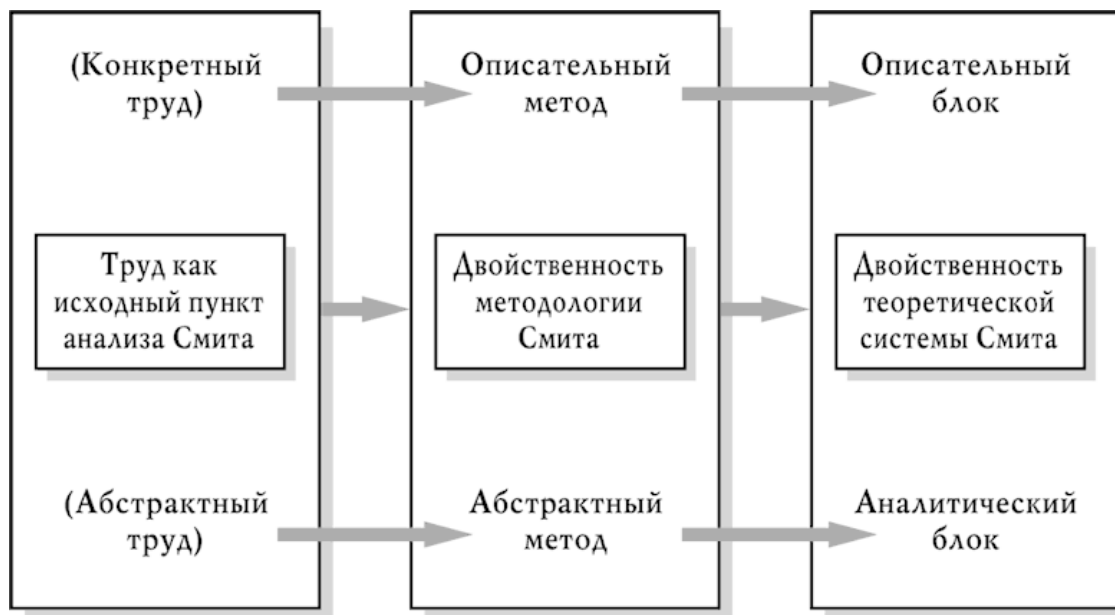
Таким образом, описательный метод Смита в своей сути представляет собой подход к экономическим явлениям с позиции конкретного труда, а его абстрактный метод – их анализ с точки зрения абстрактного труда. Двойственность методологии и теории Смита объясняется, таким образом, интуитивным применением им метода экономической двойственности – в качестве специфического метода экономического анализа. Неслучайно Маркс писал о про-

<sup>23</sup> «Согласно Доббу, решающим фактором, определяющим выбор экономистами одного из этих двух классических подходов, характеризовавшимися своими особыми предпосылками, понятиями и теориями, была идеология». (Панорама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. С. 42. См. также: Современная экономическая мысль. М.: Прогресс, 1981. Под ред. С. Вайнтрауба. Гл. 23.)

<sup>24</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 235–237, 242, 244; Марк Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. С. 35.

<sup>25</sup> Поэтому в нижеприведенной схеме эти категории поставлены в скобки.

творениях теории Смита, что «...их источник следует искать как раз в научных исходных пунктах А. Смита».<sup>26</sup>



**Рис. 3. Истоки двойственной методологии и теории А. Смита**

*Результат годового труда нации и богатство в трактовке Смита.* Примером противоречивости итогов применения Смитом метода экономической двойственности могут служить его рассуждения о результатах годового труда нации.

С одной стороны, он утверждает, что таковым результатом является вся **сумма** произведенных за год **потребительных стоимостей**. Введение к «Богатству народов» начинается со следующих слов: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов».<sup>27</sup> Таково заключение Смита, полученное с позиции описательного метода. Вместе с тем видно и то, что этот результат отражает подход Смита к результату годового труда нации с точки зрения конкретного труда, создающего потребительную стоимость товара.

С другой стороны, результат годового труда нации представляется Смитом, использовавшему в данном случае абстрактный метод, в качестве всей **суммы новой стоимости**, в которой воплощен затраченный в течение года труд нации. Он пишет, например, о «...меновая стоимости всех товаров, составляющих общий годичный продукт труда каждой страны, взятых в общей сложности».<sup>28</sup>

Здесь Смит ведет речь о результате, полученном им с позиции абстрактного метода, выделяющем стоимостной аспект проблемы.

На этом примере видно, что Смит при изучении одной и той же проблемы – результата годового труда нации – вследствие одновременного использования различных методов исследования – описательного и абстрактного – действительно получает два различных результата. В первом случае им выступает вся сумма потребительных стоимостей, созданных за год, то есть

<sup>26</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 24. С. 421.

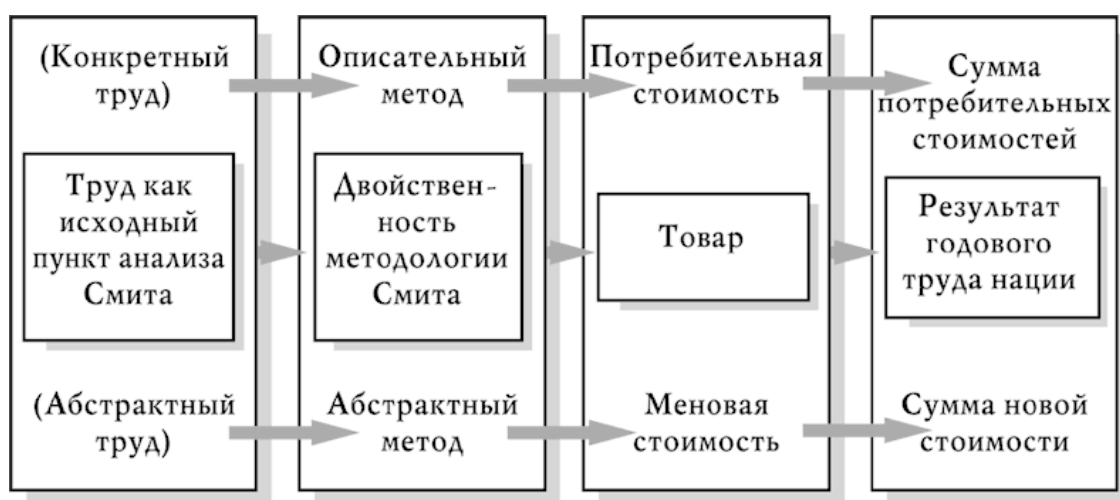
<sup>27</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 65.

<sup>28</sup> Адам Смит. Там же. С. 107.

общественный продукт, произведенный трудом нации в течение года, во втором же – созданный этим трудом национальный доход, представляющий собой всю сумму новой стоимости, произведенную в течение года (рис. 4).

Из схемы видно, что полученная Смитом двойственность результатов годового труда нации отражает в конечном счете двойственную природу труда, а также товара, представляющего собой противоречивое единство потребительной стоимости (полезности) и стоимости.

Смещение Смитом результатов исследования годового труда нации ведет к отождествлению им стоимостных структур общественного продукта (включающего в себя как стоимость израсходованных на его производство средств производства, так и вновь созданную стоимость) и национального дохода, в котором представлена только вновь созданная в данном году стоимость. Отсюда проистекает так называемая «догма Смита», состоящая в исключении им из стоимостной структуры товара стоимости израсходованных средств производства и помешавшая ему в исследовании процессов воспроизводства.



**Рис. 4. Методологическая основа трактовки Смитом результатов годового труда нации**

Подобного рода двойственную трактовку Смит дает и другим экономическим явлениям, в том числе и богатству. С одной стороны, он отмечает, что «каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия».<sup>29</sup> Богатство здесь трактуется с позиции описательного метода как сумма потребительных стоимостей, которая находится в распоряжении человека. Такая форма богатства была типична (по терминологии Смита) для «первобытного», фактически же – для докапиталистического общества.

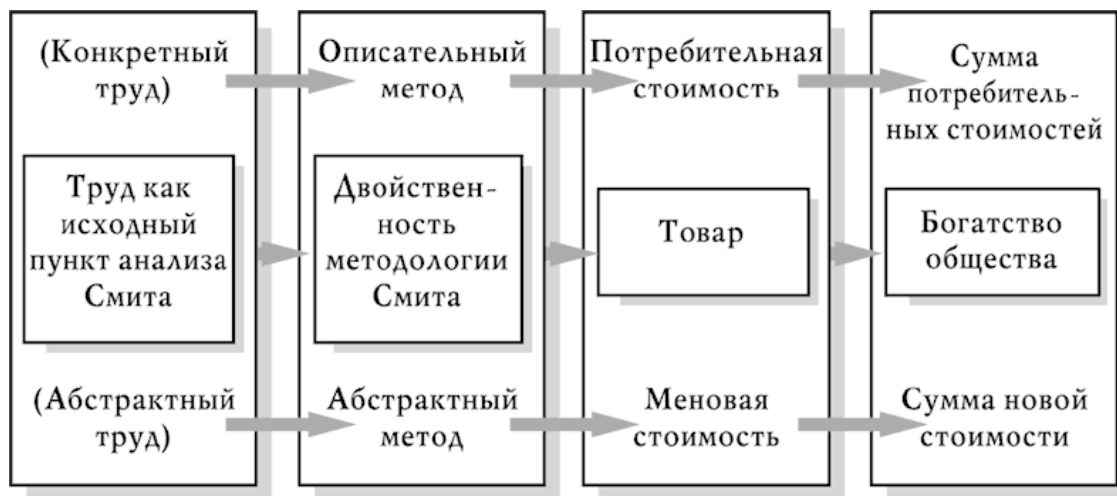
Смит решительно выступал против меркантилистов, полагавших, что богатство выражается в количестве золота (золотовалютных резервов), находящихся в руках государства. По Смицу, богатство состоит в «предметах необходимости, удобства и удовольствия», т. е. как предметов потребления, так и средств производства, реально располагаемых населением.

Другая позиция Смита о богатстве выделяет стоимостной аспект проблемы. Он писал, что человек «богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распоряжаться или которое он может купить».<sup>30</sup> Здесь фактически Смит ведет речь о той форме богатства, которая присуща капиталистической экономике, где богатыми являются те, кто имеет возможность «распоряжаться» трудом других людей или покупать этот труд. Одно-

<sup>29</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 88.

<sup>30</sup> Там же.

временное применение Смитом двух разных методов дает двойкую трактовку как структуры товара, так и богатства (рис. 5).



**Рис. 5. Методологическая основа двойственной трактовки Смитом богатства общества**

Отсюда видна важнейшая особенность методологии Смита: в качестве специфического метода экономического анализа он использует трудовую теорию стоимости. С точки зрения этой теории он анализирует экономические явления своей эпохи, что придает его исследованию системный характер. Видный английский ученый-экономист конца XIX – начала XX века. Альфред Маршалл отмечал, что книга Смита «Богатство народов» является «**образцовой методологически**». При этом Маршалл писал о Смите: «Он в огромной мере развил доктрину свободной торговли, но его **основная работа** состояла в том, чтобы найти в теории стоимости общий центр, обеспечивающий единство экономической науки». <sup>31</sup>

Таковым «общим центром» теории Смита является его идея о фундаментальной роли труда в экономической жизни общества: труд является единственным источником богатства народов и, соответственно, доходов различных классов.

*Подход Смита к констатации двухполюсности экономических явлений.* Смит обнаружил, хотя и интуитивно, внутреннюю связь между двойственной природой труда, которую он не разработал в качестве особого теоретического понятия, и двойственной структурой результатов годового труда нации.

Более того, интуитивный подход к экономическим явлениям с позиции двойственной природы труда подводил Смита к фактической констатации двойственности всех экономических явлений капиталистической экономики, что нашло свое выражение, как отмечалось, в наличии двух различных блоков его экономической теории – описательного и аналитического.

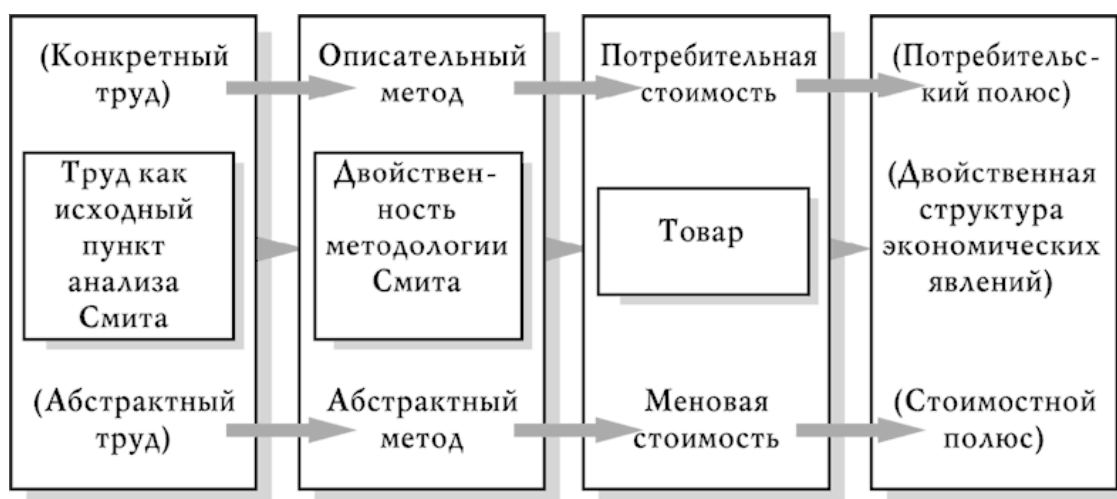
Тем самым Смит впервые в истории экономической мысли применил, хотя и противоречиво, специфический метод экономического анализа – метод экономической двойственности, без использования которого ничего нельзя понять в экономических явлениях и их законах. Этот метод используется только в экономической науке и представляет собой конкретизацию общенаучных методов исследования с учетом специфики предмета политической экономии. Метод экономической двойственности позволяет научно объяснить внешнюю видимость экономических явлений с точки зрения их сущностных свойств, а также выявить как внешние функциональные зависимости между этими явлениями, так и их сущностные закономерности.

<sup>31</sup> А. Маршалл. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. Приложение В. § 3. С. 708–711. (выделено мной. – В. А.)

Применение данного метода явилось важным свидетельством научной зрелости разработанной Смитом теории. «Каждая сколько-нибудь развитая наука, имея свой особый предмет изучения и свои теоретические принципы, применяет свои особые методы, вытекающие из того или иного понимания сущности ее объекта... Поэтому обычно в особую категорию выделяют т. н. конкретно-научные, или специальные, методы».<sup>32</sup>

Первые шаги использования Смитом метода экономической двойственности имели для экономической науки эпохальное значение, поскольку они подводили к пониманию двойственной природы явлений рыночной экономики, к выявлению в них тех аспектов, которые проистекают, с одной стороны, из потребительной стоимости товара (потребительский полюс явления), а с другой – из его стоимости (стоимостной полюс).<sup>33</sup> Неслучайно этот метод впоследствии получил дальнейшее развитие и применение фактически во всех течениях политической экономики, как в теории К. Маркса, так и в учениях А. Маршалла, Дж. М. Кейнса, Дж. К. Гэлбрейта и многих других видных теоретиков-экономистов, хотя и в существенно различных формах, и для решения существенно различных задач (рис. 6).

*Противоречие субъективного и объективного.* Противоречивость методологии Смита нашла свое яркое выражение и в двойственности исходных пунктов его анализа. С одной стороны, как мы видели, у Смита одним из них является идея об определяющей роли труда в экономической жизни общества, об объективном характере экономических законов. С другой стороны, в противоречии с этим подходом в качестве исходного пункта исследования у него выступает концепция так называемого «экономического человека», хозяйствующего индивида, преследующего лишь свой частный интерес. Рассматривая экономическую жизнь общества с этой последней точки зрения и опираясь на описательный метод, Смит заключал, что именно эгоизм хозяйствующих субъектов является главной движущей силой экономического развития. Здесь Смит вводит в свой анализ важнейший пласт хозяйственной деятельности – психологию хозяйствующих субъектов, их экономическую мотивацию, играющих относительно самостоятельную роль. Однако он упускает из вида то важное обстоятельство, что этот пласт не является выражением извечной «природы человека», что он в конечном итоге определяется характером господствующих в обществе экономических отношений, прежде всего – отношений собственности на средства производства, функционирующей в нем системы объективных экономических законов.



<sup>32</sup> Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 410–411.

<sup>33</sup> Афанасьев В. С. Как создается научная новизна? «Вопросы экономики» № 8. 2006. *Его же*. Метод экономической двойственности. «Вопросы экономики» № 8. 2005. *Его же*. Первые системы политической экономики (Метод экономической двойственности). М.: Инфра-М, 2005.

### **Рис. 6. Подход Смита к констатации двухполюсности экономических явлений**

*Противоречия метафизического и исторического подходов.* Противоречивость обнаруживается и в других методологических позициях Смита. В целом он, как и другие представители классической школы, придерживался метафизической точки зрения, трактуя экономические законы капитализма как вечные законы природы. Правда, Смит внес сюда многозначительное уточнение, рассматривая их как законы *человеческой* природы и тем самым фиксируя их общественную сущность. С другой стороны, Смит, живший в эпоху еще неразвитой классовой борьбы, мог себе позволить элементы исторического подхода к анализу важнейших социально-экономических процессов. Так, он выделяет два основных этапа развития общества: «первобытное и малоразвитое общество» (в действительности – простое товарное хозяйство, то есть товарное хозяйство, не использующее наемную рабочую силу) и «развитое общество» (фактически – капитализм), для которого, как отмечал Смит, характерно накопление капиталов и появление частной собственности на землю, а в силу этих обстоятельств – превращение труда в товар.

Такое разграничение позволило Смицу поставить перед экономической наукой ряд важных теоретических проблем, в том числе вопрос об изменениях в действии закона стоимости в связи с переходом от простого товарного хозяйства к капиталистической экономике, то есть вопрос о превращении стоимости в цену производства. Смит зафиксировал тот факт (хотя и не объяснил его), что в результате такого перехода закон стоимости, т. е. закон эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством заключенного в них общественно необходимого труда, превращается в закон цен производства. В новых – капиталистических – условиях обмен товаров осуществляется по отклоняющейся от стоимости цене производства, обеспечивающей равенство прибылей на равновеликий капитал.

Методология Смита оказала огромное прогрессивное воздействие на экономическую теорию не только тем, что она привела к формированию метода экономической двойственности, но и тем, что, порождая противоречивые теоретические концепции Смита, ставила важные научные проблемы.

## Предмет политической экономии

*Задачи политической экономии.* Во введении к книге IV «О системах политической экономии» Смит писал: «Политическая экономия, рассматриваемая как отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, ставит себе две различные задачи: обеспечить народу обильный доход или средства существования, а точнее, обеспечить ему возможность добывать себе их; во-вторых, доставить государству или обществу доход, достаточный для общественных потребностей. Она ставит себе целью обогащение как народа, так и государя». <sup>34</sup> Комментируя эту позицию Смита, Й. Шумпетер писал, что она «превращает экономическую науку в набор рецептов для государственного деятеля». <sup>35</sup> И здесь мы снова видим, что Смит – поборник свободного предпринимательства – вовсе не чурался экономической роли государства, когда видел в ней необходимость.

*Научная ценность трактовки Смита.* Смит исходил из того, что человеческое общество есть меновой союз, в котором люди обмениваются результатами труда. Поэтому-то труд и является мерой товарного обмена, выступая в качестве источника богатства. Богатство общества, по Смиту, определяется численностью занятых в сфере производства и производительностью их труда, зависящей прежде всего от степени его разделения.

Таким образом, заслуга Смита состояла в том, что он объявил предметом политической экономии сферу производства, а не обращения (как меркантилисты), и притом производство не в какой-либо отдельной отрасли (как физиократы), а во всех отраслях материального производства. Методологической основой такой позиции явился подход Смита к рассмотрению производства с точки зрения разделения труда в обществе, позволяющий охватить производство в его общественном целом. Научная ценность данной трактовки Смита определяется тем, что она акцентирует внимание экономической науки на изучении главной сферы хозяйства – материального производства, являющейся фундаментальной основой всей хозяйственной деятельности общества, в том числе и в современных условиях.

*Научная недостаточность трактовки предмета политической экономии Смитом.* Точка зрения Смита на предмет политической экономии характеризуется определенной научной недостаточностью.

Во-первых, Смит ограниченно понимает сферу производства, а именно только как сферу материального производства. Между тем общественное производство включает в себя и нематериальное производство, а именно производство нематериальных благ и услуг. Однако исторически позиция Смита правильно отражала положение дел, сложившееся в английской экономике во второй половине XVIII века, когда сфера услуг была неразвита и еще не была подчинена капиталу, представляя собой сферу деятельности мелкого товарного производства.

К. Маркс уже в I т. «Капитала» показал, что производство услуг – это составная часть общественного производства, <sup>36</sup> и обстоятельно исследовал эту проблему в IV т. «Капитала». <sup>37</sup> Тем не менее официальная советская экономическая мысль и советская статистика, на словах придерживавшиеся теории Маркса, на деле разделяли позицию Смита <sup>38</sup> в условиях, когда сфера услуг занимала все более господствующие позиции в общественном производстве. К

---

<sup>34</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 419.

<sup>35</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 238.

<sup>36</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 517.

<sup>37</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 26, ч. I, гл. 4, приложение 12.

<sup>38</sup> См., например, Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1979. Т. 3. С. 375; Народное хозяйство СССР в 1988 г. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 697.

примеру, число занятых в производстве услуг в США в июне 2006 г. составляло 83,4 % от общего числа занятых в несельскохозяйственном секторе этой страны.<sup>39</sup>

Во-вторых, для позиции Смита характерен недифференцированный подход к трактовке общественного производства, отсутствие у него достаточно четкого разграничения этого явления на производительные силы общества и общественно-производственные отношения. Тем не менее Смит сосредоточивает свое внимание не на технической, а на социально-экономической стороне производства. Он достаточно реалистично описывает классовую структуру общества своего времени и «естественный порядок» распределения доходов между различными классами. Разрабатываемые им категории политической экономии выступают, как правило, в качестве теоретического отражения общественно-производственных отношений капиталистической экономики и их законов. Таковы стоимость товара, прибыль, заработная плата, земельная рента и т. п.

Недифференцированность проявлялась и в том, что в противовес меркантилистам, утверждавшим, что целью производства является получение прибыли, Смит считал, что таковой является потребление. В действительности же цель производства, как и всякое экономическое явление при капитализме, имеет двойственную структуру.<sup>40</sup> Она выступает как противоречивое единство естественной цели производства, каковой является потребление, и социально-экономической цели – для условий капитализма: получения прибыли. При этом естественная цель производства всегда опосредована его социально-экономической целью.

«Законы человеческой природы». В теории Смита дальше развивается учение классической школы об экономических законах. Правда, самого этого термина еще нет в его трудах. Смит, как отмечалось, говорит о «законах человеческой природы». Тем не менее введение в научный оборот этого понятия представляло собой несомненный шаг вперед сравнительно с позицией его предшественника У. Петти, который трактовал законы, действующие в экономике, как «законы природы». У Смита же намечается определенное понимание специфики экономических законов – их принадлежность к общественным явлениям. Иллюстрируя свою мысль о действии в экономике таких законов, Смит писал: «Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой. Никому не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: это – мое, то – твое, я отдам тебе одно в обмен на другое».<sup>41</sup> В то же время люди, как отмечает Смит, постоянно и в больших количествах совершают такие действия. Ценным в этой позиции Смита является его понимание объективного характера таких законов, того, что они действуют независимо от воли и сознания хозяйствующих субъектов и что люди тем не менее могут использовать эти законы в своей хозяйственной практике. Однако Смит, как и вся классическая школа, ограниченный буржуазным кругозором, не видел исторического характера экономических законов.

---

<sup>39</sup> Economic Indicators. June 2006. Washington: United States Government Printing Office. 2006. P. 15.

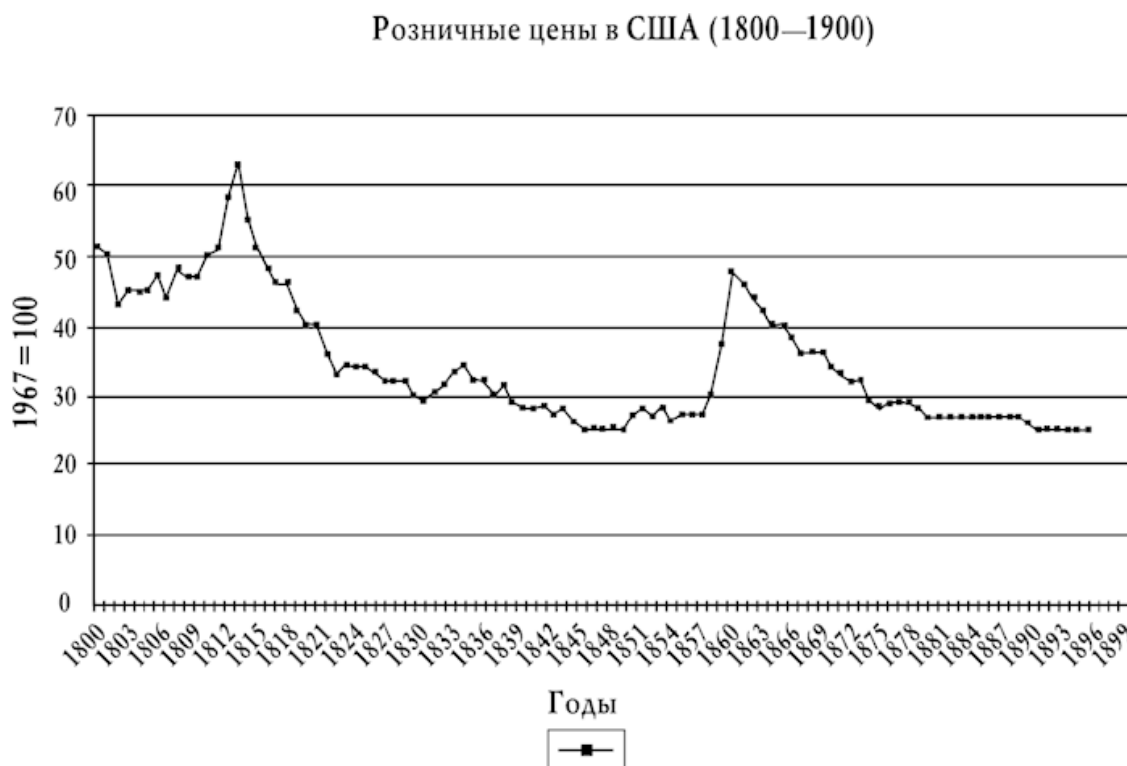
<sup>40</sup> Афанасьев В. С. Великое открытие Карла Маркса. Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М.: Мысль, 1980.

<sup>41</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 76.



## Трудовая теория стоимости Смита

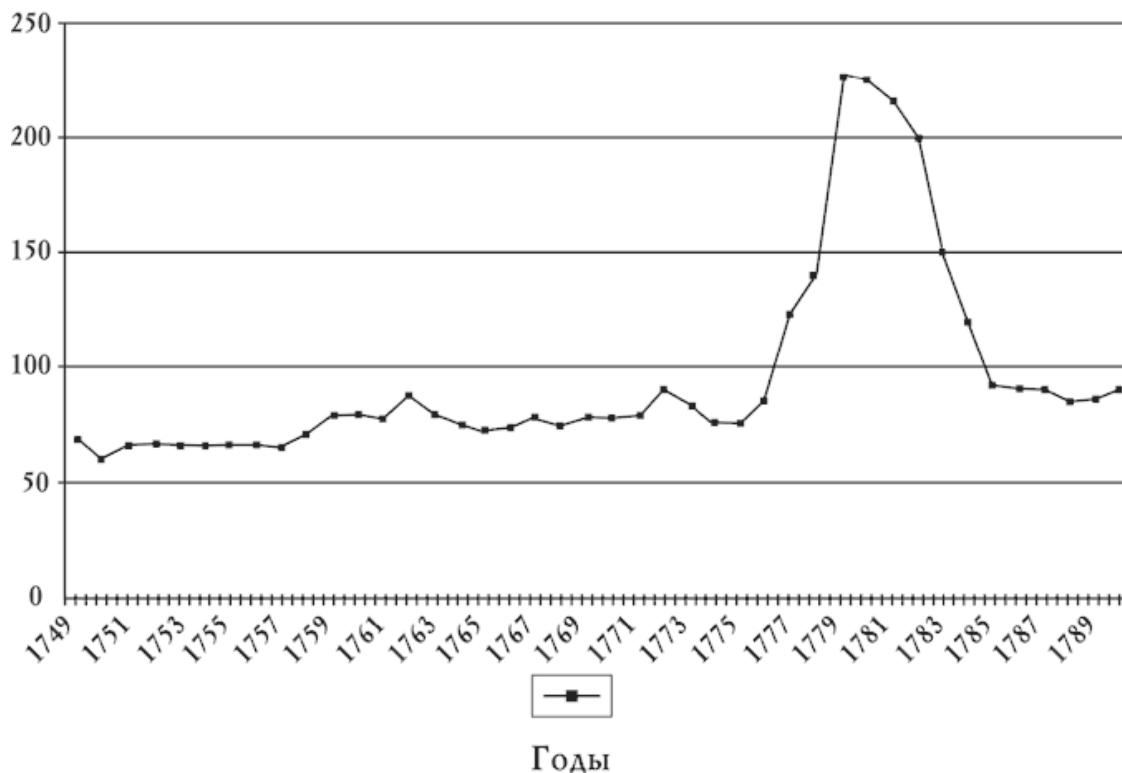
*Трудовая теория стоимости.* Одним из главных вопросов экономической теории является объяснение процесса ценообразования, поскольку цены лежат в основе всех процессов рыночной экономики. Изменение цен заставляет всю экономическую систему приспосабливаться к новым условиям рыночных отношений. В соответствии с трудовой теорией стоимости товарные цены в своей основе определяются затратами общественно необходимого труда на производство товаров. С уменьшением таких затрат наблюдается тенденция к снижению цен, как это имело место в XIX в. в эпоху перехода от ручного ремесленного мануфактурного производства к машинной фабрике (рис. 7).



**Рис. 7. Розничные цены в США (1800—1900)**

В XVIII веке во времена Смита с характерным для них господством ручной ремесленной техники положение было существенно иным. Тенденция к некоторому понижению стоимости товаров вследствие развития мануфактурного разделения труда не могло пробиться сквозь множество противодействующих ей конъюнктурных факторов колонизируемой экономики США. Поэтому на второй диаграмме мы видим тенденцию к повышению цен (рис. 8).

### Розничные цены в США (1749–1790; 1910–1914 = 100%)



**Источник:** Historical Statistics of the United States. N. Y. 1989 Part I. P. 211, 202

**Рис. 8. Оптовые цены в США (1749–1790; 1910–1914 = 100 %)**

Вместе с тем как на первом, так и на втором графике видно, сколь болезненно реагирует хозяйство на военные действия. Вызванная ими дезорганизация экономики, понижение уровня производительности труда, следовательно, увеличение затрат труда на производство единицы товара с необходимостью обуславливают резкий рост стоимости и, соответственно, цен производимых товаров.

Основоположником трудовой теории стоимости явился выдающийся английский экономист Уильям Петти (1623–1687). Смит, знакомый с идеями Петти, существенно дальше продвинул разработку этой теории. Классические формы трудовая теория стоимости приобрела благодаря исследованиям Давида Рикардо (1772–1823) и Карла Маркса (1818–1883).

*Два варианта трудовой теории стоимости Смита.* Используя двойственный метод, Смит фактически разработал две различные теории стоимости: одна из них определяет стоимость товара количеством труда, необходимым для его производства, другая – количеством труда (живого или овеществленного), которое можно купить на данный товар. Стоимость товара определяется, таким образом, двояко: с одной стороны, трудом, **затраченным** на его производство трудом, с другой стороны – трудом, **покупаемым** на данный товар.

Второй вариант теории стоимости, в свою очередь, имеет две разновидности. В соответствии с одной из них стоимость товаров определяется доходом товаропроизводителя, а в соответствии с другой – суммой доходов владельцев факторов производства, т. е. заработной платой, прибылью и рентой. Поэтому подчас у Смита насчитывают три или даже четыре теории стоимости. В действительности же их две: первый и второй варианты трудовой теории.

В представлении Смита между определением стоимости затраченным или покупаемым трудом не существует сколько-нибудь значительной разницы, поскольку, если обмен является

эквивалентным, безразлично, как определять величину стоимости товара: либо трудом, затраченным на его производство, либо количеством другого товара, если в нем заключено такое же количество труда и он обменивается на первый товар. Отсюда видно, что методологически позиция Смита основана на отождествлении стоимости товара с его меновой стоимостью, т. е. с выражением стоимости товара в количестве потребительной стоимости другого товара, обмениваемого на первый. Однако в действительности это различные точки зрения, хотя они и не выходят за рамки трудовой теории стоимости, притом различные не только по существу (здесь смешиваются стоимость и ее внешнее проявление), но и количественно: если под покупаемым трудом имеется в виду живой труд (фактически – рабочая сила), то его обмен на капитал (фактически – на заработную плату) является неэквивалентным (поскольку рабочая сила производит большую стоимость, нежели ее собственная стоимость).

Определение стоимости товаров затратами труда на их производство Смит относит к «первобытному, неразвитому» обществу», т. е. к эпохе простого товарного производства, предшествующего капитализму. Он писал: «В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения разных предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена их друг на друга. Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобер будет, естественно, обмениваться на двух оленей или иметь стоимость двух оленей... При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику...».<sup>42</sup>

Определение стоимости товаров, писал Смит, меняется при переходе от «первобытного» к «современному, развитому», т. е. капиталистическому, обществу, которое возникает после того, как накапливаются капиталы и земля превращается в частную собственность. Он отмечал: «При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить его с владельцем капитала, который нанимает его», а также с собственником земли. Если первый получает часть продукта труда работника в виде прибыли на капитал, то второй – в форме земельной ренты. «В таком случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием для определения количества труда, которое может быть куплено или получено в обмен на него».<sup>43</sup> В этих новых условиях, по мнению Смита, стоимость товаров определяется суммой доходов, получаемых владельцами факторов производства, участвующих в их производстве, т. е. суммой заработной платы, прибыли и ренты.

Может сложиться впечатление, что в отношении «развитого», т. е. капиталистического, общества Смит отказывается от трудовой теории стоимости. В действительности же, как мы увидим дальше, Смит в своей второй теории стоимости сделал попытку исследовать те изменения в действии закона стоимости, которые происходят в связи с переходом от простого товарного производства к капитализму. Однако при этом он не сумел раскрыть механизм превращения стоимости товара в его цену производства.

*Первый вариант трудовой теории стоимости Смита.* Трудовая теория стоимости – это главное научное достижение Смита. С точки зрения этой теории он сумел раскрыть ряд важнейших закономерностей капиталистической экономики, прежде всего – внутренний механизм рынка, рыночной конкуренции в теории «невидимой руки». Трудовая теория стоимости помогла ему подойти к пониманию решающей роли труда в экономической жизни общества, действительных источников доходов основных классов общества – рабочих, предпринимате-

<sup>42</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

<sup>43</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 105.

лей и земельных собственников, к постановке и решению ряда других важных теоретических проблем.

Трудовая теория стоимости Смита может быть резюмирована в основном в трех выдвинутых им категориях: «действительная цена», «естественная цена» и «номинальная цена».

Под «действительной» ценой товара Смит фактически понимал его стоимость, затраты общественно необходимого труда на его производство. «...Труд, – писал Смит, – представляет собой действительное мерило меновой стоимости всех товаров». <sup>44</sup> К «действительной цене» товара, как к некоему центру, тяготеют его рыночные цены, зависящие от конкретно складывающихся соотношений между спросом и предложением на данный товар на различных рынках в различное время. <sup>45</sup>

«Естественная цена», по Смиуту, это также своеобразный центр притяжения рыночных цен товара, но характерный для условий капиталистической экономики, в то время как «действительная цена» выполняет эту роль в «неразвитом», «первобытном» обществе, фактически – в условиях простого товарного производства. Решающая особенность «естественной цены», по Смиуту, состоит в том, что реализация товара по этой цене позволяет обеспечить лицам, участвующим в производстве и доставке данного товара на рынок, доходы, соответствующие их «средним» или «естественным» нормам, характерным для «каждого общества или каждой местности». Смит писал: «Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот, можно сказать, продается по его естественной цене». <sup>46</sup> Важнейшим условием возникновения «естественных цен» Смит считал наличие «полной свободы» хозяйственной деятельности, что на практике означало развитие не только внутриотраслевой, но и межотраслевой конкуренции. То, что имеет в виду Смит под «естественной ценой», впоследствии получило у Д. Рикардо наименование «относительной стоимости», а в теории К. Маркса – «цены производ-

<sup>44</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 88.

<sup>45</sup> Может показаться странным утверждение английского историка экономической мысли Марка Блауга о том, что у Смита «не было... трудовой теории ценности», фактически повторяющего здесь Й. Шумпетера (Марк Блауг. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. С. 35; Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 242). Но странности здесь нет никакой. Ларчик, увы, открывается просто: такие утверждения – это не что иное, как одно из многочисленных проявлений борьбы против аналитического блока учения Смита, являющимся предшественником теории Маркса. Блауг пишет: «Сейчас никто не ратует за Адама Смита или Рикардо, но по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования». (Марк Блауг. Цит. соч. С. 207). И чтобы понизить это давление, Блауг рассказывает сказку о том, что трудовая теория стоимости Маркса возникла на пустом месте. Аргументы, приводимые Блаугом и Шумпетером, более чем неубедительны. Блауг заявляет, что «в «Богатстве народов» не предполагается, что различные факторы производства могут быть редуцированы, сведены к какому-то иному, нежели деньги, общему знаменателю, и, в частности, нет предположения о том, что ценность капитальных благ может быть сведена к прошлым затратам труда на их изготовление». (Марк Блауг. Цит. соч. С. 35). Нерешенность проблемы редукции Смитом свидетельствует всего лишь об относительной неразвитости его трудовой теории стоимости, отражавшей реальные условия мануфактурного капитализма с характерным для него низким органическим строением капитала. Однако именно Смит сделал важные шаги в разработке путей решения данной проблемы в своей догадке о структуре стоимости товара, содержащей стоимость израсходованных на производство товара средств производства, в своих попытках разграничения индивидуальной и общественной стоимости товара и ряде других концепций. Эти шаги Смита открыли дорогу для развития трудовой теории стоимости в трудах Д. Рикардо и К. Маркса. Не лучше обстоит дело и с аргументами Шумпетера. «...Вопреки упору Смита на трудовой фактор, его теорию ценности вовсе нельзя считать трудовой теорией, – писал он, путаясь в собственных противоречиях... – Тот факт, что первая фраза введения называет весь национальный доход «продуктом труда», несколько не противоречит этому выводу». Еще как противоречит! «...Ему, – продолжает Шумпетер шельмовать Смита, – приписали трудовую теорию ценности, или, скорее, три несовместимые трудовые теории ценности, тогда как из главы VI совершенно ясно, что *объяснять* товарные цены Смит собирался издержками производства, которые в этой главе он разлагает на заработную плату, прибыль и ренту – «первоначальные источники всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости» (Й. Шумпетер. Цит. соч. С. 241–242). Действительно, «весь национальный доход», по Смиуту, «продукт труда». Но и составляющие его доходы, суммой которых Смит пытался *объяснить* цены товаров, также являются продуктами труда. Это и есть второй вариант *трудовой* теории стоимости Смита, получивший глубокую научную критику в трудах Рикардо и Маркса, блестяще развивших первый вариант этой теории.

<sup>46</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 109.

ства» и рассматривалось как следствие развития межотраслевой конкуренции, уравнивающей различные нормы прибыли в различных отраслях в среднюю норму прибыли.

«Номинальная», «рыночная» или «денежная» цена товара, по Смиуту, есть собственно его цена, денежное выражение «действительной» или «естественной» цены, колеблющаяся под воздействием спроса и предложения товара вокруг этих центров – основных регуляторов цен. «...Под денежной ценой товаров, – писал он, – я всегда понимаю количество чистого золота или серебра, за которое они продаются...».<sup>47</sup> Или в другом месте: «Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену...».<sup>48</sup>

Труд, затраченный на производство товаров, по Смиуту, потому является мерой их стоимости, регулятором товарного обмена, что товаропроизводители под воздействием разделения труда вынуждены обмениваться продуктами своего труда. «...Труд, – писал Смит, – является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилом стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах».<sup>49</sup> Здесь мы видим, что Смит в поисках закона товарного обмена делает крупный шаг вперед, выдвигая категорию стоимости и определяя ее трудом, затраченным на производство товаров, как мерой меновых отношений. В отличие от своих предшественников, прежде всего У. Петти, Смит в данном случае полностью абстрагирует стоимость товара от ее внешней формы проявления – от цены.

Важной заслугой Смита является то, что он сумел впервые в истории экономической мысли выразить в категориях политической экономии двойственную структуру товара, обнаруженную еще мыслителями античного мира, прежде всего Аристотелем. Именно Смит ввел в научное обращение категории «потребительная стоимость» и «меновая стоимость» товара. «... Слово «стоимость», – отмечал Смит, – имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую – меновой стоимостью».<sup>50</sup>

Однако Смит не раскрывает основу двойственности товара, которая коренится в двойственном характере труда товаропроизводителей, его разграничении на конкретный и абстрактный труд. Как и в других случаях, здесь Смит интуитивно, имплицитно применяет метод экономической двойственности. Тем не менее он вполне определенно показывал, что здесь речь идет о различных сторонах товара, что стоимость товара определяется затраченным трудом на его производство, какова бы ни была его потребительная стоимость.

Эта позиция Смита ясно видна в так называемом «парадоксе стоимости» Смита, заключающемся в том, что нередко очень полезный товар, без которого невозможна сама жизнь человека (например, вода), стоит очень дешево, в то время как товар, потребительная стоимость которого незначительна (например, алмаз), имеет весьма высокую цену.<sup>51</sup> Эта точка зрения Смита свидетельствует о том, что он не рассматривал потребительную стоимость товара, его полезность в качестве фактора, определяющего его стоимость и, соответственно, цену.

*Проблема общественно необходимого труда.* Известно, что на производство одинаковых товаров различные товаропроизводители затрачивают различное количество своего труда (раз-

<sup>47</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 102.

<sup>48</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 110.

<sup>49</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 94.

<sup>50</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 87. Однако это вовсе не означает, что в товаре существуют две стоимости. Потребительная стоимость и стоимость товара – это разнопорядковые явления. Если первая выражает натурально-вещественные свойства товара в их отношении к потребностям покупателей, то вторая – общественно-производственные отношения обмена, обслуживаемые товаром. Это противоположности, которые в своем единстве образуют товар.

<sup>51</sup> См. Адам Смит. Цит. соч. С. 87.

личную индивидуальную стоимость). Возникает вопрос, какими же затратами труда определяются стоимость и, соответственно, цены этих товаров? Практика показывает, что одинаковые товары в общем и целом продаются по единой рыночной цене, которая отражает господствующие условия их производства. Определяемые этими условиями затраты труда представляют собой общественно необходимые затраты, общественную стоимость товаров. Смит близко подошел к пониманию того, что величина стоимости товара определяется количеством труда, общественно необходимым для его производства, то есть определяется **общественной** стоимостью, а не теми затратами труда, которые у различных товаропроизводителей фактически пошли на его изготовление, то есть его **индивидуальной** стоимостью. «...Продукт, – писал Смит, – изготавливаемый **обычно** в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготавливаемый **обычно** в течение одного дня или одного часа труда».<sup>52</sup>

Однако Смит не разработал категорию общественно необходимого труда. Эта проблема была решена в трудах Д. Рикардо и К. Маркса.

*Сущность рыночного механизма.* Подойдя к разграничению индивидуальной и общественной стоимости товара, Смит затронул проблему, имеющую самое непосредственное отношение к сущности рыночного механизма. Те товаропроизводители, индивидуальная стоимость продукции которых выше ее единой рыночной цены, несут убытки и вынуждены переключаться на производство таких товаров, которые дадут им прибыль. В противном случае они разоряются. И напротив, те производители, затраты которых на единицу товара ниже единой цены, процветают и обогащаются. Именно этот рыночный механизм экономического принуждения к эффективному ведению хозяйства, приспособления производства к изменяющемуся платежеспособному спросу лежит в основе Смитовой концепции «невидимой руки» рыночной конкуренции.

Заслуга Смита состояла здесь в том, что он сумел объяснить действие рыночного механизма с позиции трудовой теории стоимости. Разграничив «естественную» и «рыночную» цену товара, то есть фактически – его стоимость, определяемую затратами общественного труда и модифицированную межотраслевой конкуренцией, и его цену, определяемую стоимостью и колебаниями спроса и предложения, Смит получил возможность вскрыть механизм действия «невидимой руки» конкуренции. Он писал: «...Естественная цена как бы представляет собой центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему».<sup>53</sup> Полагая, что естественная цена складывается из доходов – прибыли, заработной платы и ренты, Смит приходил к заключению о том, что любое отклонение от нее рыночной цены сразу же скажется на положении того или иного участника рыночных отношений, определяя его судьбу. Имея в виду рыночную цену, Смит писал: «Какая бы часть ее ни оплачивалась ниже своей естественной нормы, лица, интересы которых от этого страдают, немедленно почувствуют ущерб и сейчас же извлекут столько труда или капитала из производства этого товара, что количество последнего, доставляемого на рынок, окажется достаточным только для удовлетворения действительного спроса на него. Его рыночная цена поэтому скоро повысится до его естественной цены. Так будет, по крайней мере, в случае существования полной свободы».<sup>54</sup>

*Подход к проблеме абстрактного труда.* Рассматривая труд под углом зрения его разделения в обществе, Смит приходил к выводу о том, что источником стоимости является труд

<sup>52</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 103 (курсив мой. – В. А.).

<sup>53</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 112.

<sup>54</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 116.

в любой отрасли материального производства, а не какой-либо его специфический вид. Этот вывод имел весьма важное значение для экономической науки. Ведь Смит фактически утверждал, что труд как источник стоимости не зависит от своей отраслевой специфики, абстрагирован от нее и выступает как труд вообще. Эта позиция Смита открывала дорогу к разработке категории абстрактного труда, а тем самым – к выявлению двойственного характера труда, создающего товар. Однако неразвитость исторического метода Смита не позволила ему провести различие между трудом вообще, как затратой труда в физиологическом смысле слова, и абстрактным трудом как особой исторической формой труда вообще, при которой затраченный труд превращается в общественный труд, выступающий в качестве меры и регулятора меновых отношений.

*Простой и сложный труд.* Важной заслугой Смита в разработке им трудовой теории стоимости явилась постановка проблемы простого и сложного труда, вопроса об интенсивности труда под углом зрения процесса образования стоимости. По Смицу, различия в сложности и интенсивности труда не ставят под сомнение основной тезис трудовой теории стоимости о труде как единственном источнике стоимости товаров. Он отмечал, что час тяжелой работы может содержать в себе больше труда, чем два часа легкой, что час труда высококвалифицированного работника может заключать в себе больше труда, чем работа в течение месяца, совершаемая необученным работником.<sup>55</sup> Рынок, отмечал он, приравнивает друг другу продукцию, произведенную различными видами труда с точностью, достаточной для решения практических проблем. «...Не имеется никакого точного мерила, – писал Смит, – и дело решает рыночная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел».<sup>56</sup>

Смит получил важные научные результаты в своем анализе товарных отношений прежде всего благодаря применению общенаучного метода научной абстракции вообще и специфического метода экономической двойственности в особенности, несмотря на неразвитость у него этих методов и непоследовательность в их применении. В самом деле, чтобы подойти к определению действительного источника стоимости, Смит абстрагируется от потребительной стоимости товара, от его рыночной цены, от отраслевой специфики труда, производящего товар, от колебаний спроса и предложения и т. п.

Резюмируя свой анализ научного варианта теории стоимости Смита, К. Маркс писал: «... У А. Смита стоимость создается всеобщим общественным трудом, – в каких бы потребительных стоимостях он ни был представлен, – создается исключительно только количеством необходимого труда».<sup>57</sup>

Однако даже этот вариант теории стоимости Смита содержал в себе множество нерешенных проблем товарных отношений. Смит, например, не раскрыл социально-экономическую сущность стоимости товара как особого общественно-производственного отношения товаропроизводителей, имеющего исторический характер. Стоимость представлялась ему вечным и естественным явлением, как результат простого овеществления затрат человеческого труда в процессе производства товара.

Одной из нерешенных проблем теории Смита явился вопрос о соотношении стоимости и меновой стоимости товара, с чем тесно связан второй вариант теории стоимости Смита, основанный на применении им описательного метода.

*Второй вариант трудовой теории стоимости Смита.* Согласно этой концепции, «... стоимость всякого товара... равна количеству труда, которое он (товаровладелец. – В. А.)

<sup>55</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 89.

<sup>56</sup> Там же.

<sup>57</sup> К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. IV т. «Капитала», ч. I, с. 60. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.26. Ч. I. С. 60.

может купить на него или получить в свое распоряжение».<sup>58</sup> Отсюда видно, что Смит смешивает стоимость товара с внешней формой ее проявления, с меновой стоимостью – с проявлением стоимости данного товара в количестве потребительной стоимости другого товара, обмениваемого на первый товар.

Труд, который «можно купить на товар или получить в свое распоряжение», так сказать, «покупаемый труд», фактически представляет собой два различных явления:

во-первых, это труд, овеществленный в другом товаре, который товаровладелец получает в обмен на свой товар;

во-вторых, это живой труд, который товаровладелец получает в свое распоряжение, покупая рабочую силу.

И в том и в другом случае «покупаемый труд» не определяет стоимость товаров.

Труд, овеществленный в покупаемом товаре, создает лишь основу для соизмерения стоимостей обмениваемых товаров, а не создает стоимость продаваемого товара. Созданная им потребительная стоимость служит вещной формой проявления стоимости продаваемого товара. Смит здесь смешивает стоимость продаваемого товара, то есть воплощенный в нем общественный труд, с его меновой стоимостью, с его проявлением в количестве потребительной стоимости покупаемого товара.

Живой труд, покупаемый на данный товар, также не является источником его стоимости. Чтобы выступить в качестве источника стоимости товара, живой труд должен овеществиться в этом последнем, то есть произвести этот товар, а не быть просто обмененным на него. К тому же Смит в своем рассуждении сталкивается с важным количественным несоответствием, поскольку при обмене товара на труд владелец товара получает в свое распоряжение большее количество живого труда, нежели то, что воплощено в его товаре. Это происходит потому, что он оплачивает не труд, а стоимость способности к труду, получившую впоследствии (в теории К. Маркса) наименование рабочей силы. Это обстоятельство ясно видно из следующей формулы:

$$T_1 - T_2 \text{ (рабочая сила)}$$

(10 ч.) (10 ч. – стоимость рабочей силы, способной осуществлять труд в течение, напр., 15 ч.).

Оплачивая рабочую силу по ее полной стоимости (10 ч.), то есть обменивая свой товар на рабочую силу по эквиваленту, владелец товара  $T_1$  «получает в свое распоряжение» 15 ч. живого труда, которые способна осуществить рабочая сила стоимостью в 10 ч., что свидетельствует о неэквивалентном характере конечных результатов отношений между данными товаровладельцами.

Здесь Смит столкнулся с очень важной проблемой: с противоречием между законом эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством заключенного в них общественного труда (законом стоимости) и процессом самовозрастания капитала (законом прибавочной стоимости). Он видел, что товарный обмен является эквивалентным, а конечный результат отношений – неэквивалентный. Смит не сумел разрешить это противоречие, поскольку он полагал, что в отношениях наемного рабочего и капиталиста продается труд. Отсюда он сделал вывод о нарушении закона стоимости при переходе от «первобытного» общества к «современному», в действительности – от простого товарного хозяйства к капиталистической экономике.

Это заключение Смита подкреплялось его рассуждением о своего рода «расщеплении» дохода производителя в связи с переходом от «первобытного» общества к «современному». Если на первом этапе производитель, полагал Смит, присваивал весь продукт своего труда, который представлял собой его доход, созданный его собственным трудом, то на втором этапе,

<sup>58</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 88.



для которого характерно накопление капитала и превращение земли в частную собственность, производитель оказался вынужденным делиться этим продуктом как с собственником капитала, так и земельным собственником. В связи с этим, заключал Смит, ранее единый доход производителя расщепляется на три самостоятельных дохода: заработную плату работника, прибыль капиталиста и ренту земельного собственника.

Отсюда Смит делал важный вывод в отношении процесса образования стоимости товара: если в «первобытном» обществе она определялась трудом, затраченным на его производство, или, что то же самое, как полагал Смит, доходом производителя, то в «современном» обществе, в связи с «расщеплением» этого дохода, стоимость товара стала определяться суммой трех доходов. «Заработная плата, прибыль и рента являются, – писал Смит, – тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости».<sup>59</sup>

Здесь явственно видны два варианта второй теории стоимости Смита: стоимость товара определяется в «первобытном обществе» доходом производителя, созданным его трудом, а в «современном обществе» – суммой трех доходов, также представляющих собой результат труда производителя.

Отсюда Смит заключал, что в условиях «современной» экономики, то есть при капитализме, закон стоимости нарушается: стоимость перестает определяться трудом, затраченным на производство товаров, а представляет собой результат суммирования трех доходов. Положение второй теории стоимости Смита о том, что стоимость товара складывается из трех доходов и распадается на них, получило в экономической литературе наименование «догмы Смита».

«Догма Смита» – положения теории Смита, игнорирующие в структуре стоимости товаров стоимость средств производства, потребленных в процессе производства этих товаров.

Догма Смита имеет две стороны:

1. Утверждение о том, что стоимость товаров *распадается* на доходы – заработную плату, прибыль и ренту, и
2. Утверждение о том, что стоимость товаров *складывается* из доходов. И в той и в другой трактовке Смитом структуры стоимости товаров отсутствует «перенесенная стоимость», т. е. стоимость средств производства, израсходованных в процессе производства товаров (С).

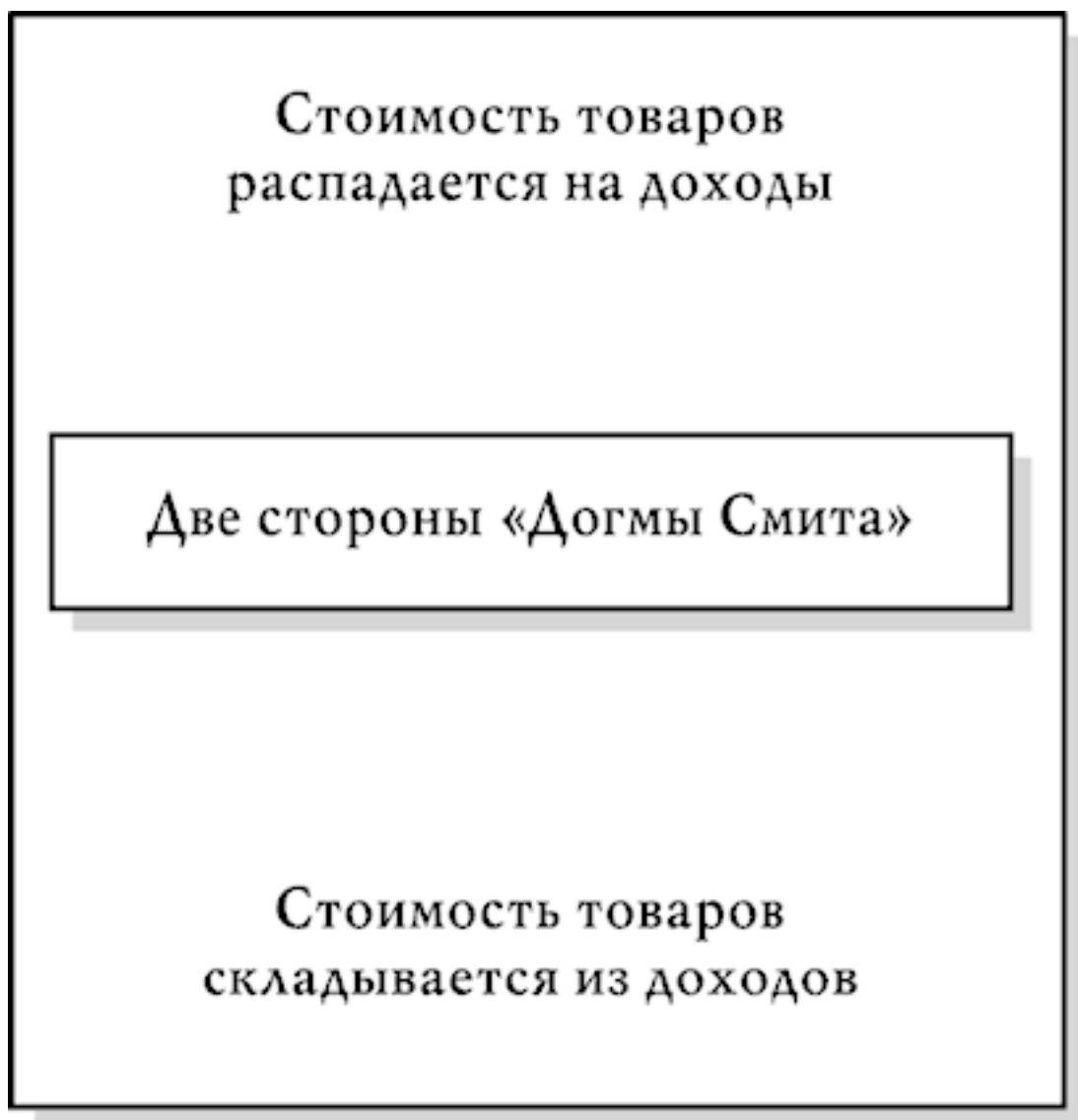
Если обозначить заработную плату через  $V$ , а сумму прибыли и земельной ренты через  $M$ , то можно сделать заключение, что догма Смита сводит структуру стоимости товара ( $C + V + M$ ) лишь к вновь созданной стоимости ( $V + M$ ) (рис. 9).

Положение Смита о том, что стоимость складывается из доходов, содержит тавтологию: стоимость товара не может возникнуть из доходов по той простой причине, что доходы – это уже созданная в процессе производства стоимость, к тому же прошедшая фазу распределения. Образование стоимости товара выводится Смитом из уже существующей стоимости доходов. Стоимость объясняется стоимостью. К тому же сумма трех доходов всегда будет меньше стоимости товара, поскольку последняя включает в себя также и так называемую «перенесенную» стоимость, то есть стоимость израсходованных на производство данного товара средств производства (материалы, амортизация и т. п.).

По этой же причине неубедительно и второе положение Смита о «распадении» стоимости товара только на отмеченные три дохода: здесь также выпадает стоимость израсходованных на производство данного товара средств производства.

---

<sup>59</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 107.



**Рис. 9. Две стороны «Догмы Смита»**

В ошибочности представлений Смита о структуре стоимости товаров, сводящих ее к сумме доходов, легко убедиться, если допустить, что цены на товары действительно определяются стоимостью, состоящей из суммы заработной платы, прибыли и ренты. В этом случае предприниматели, продав свои товары по таким ценам, не смогли бы возместить затраты на использованные в производстве этих товаров материалы, износ машин и оборудования и быстро бы разорились.

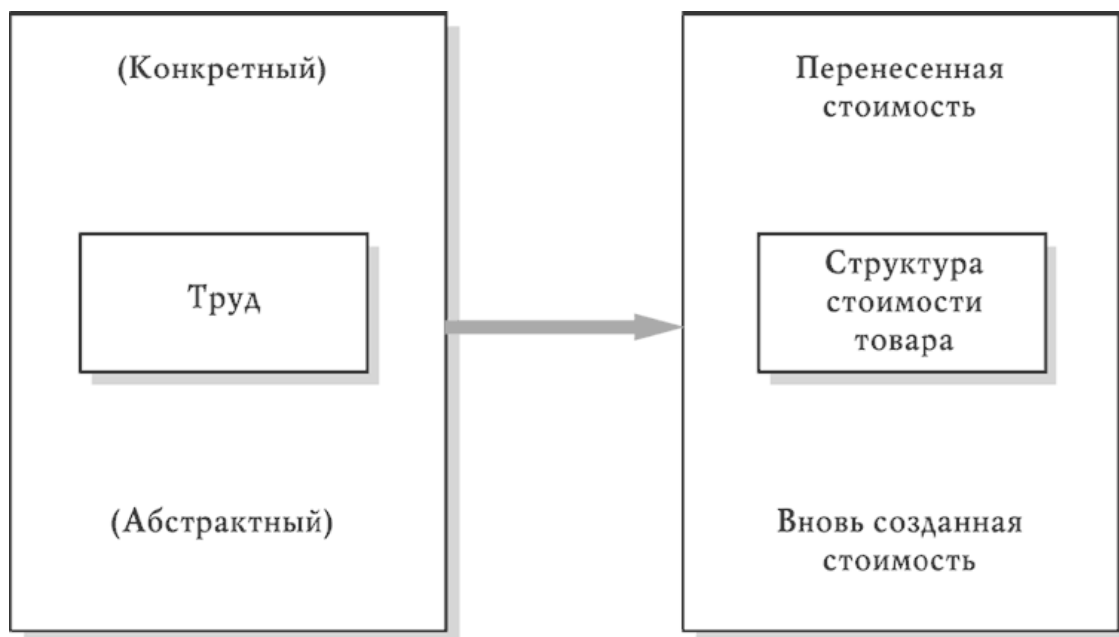
Несостоятельность догмы Смита обнаруживается и в том, что она противоречит очевидным экономическим фактам, а именно – наличию в структуре стоимости товаров амортизации, представляющей собой стоимость средств производства, израсходованных в процессе производства товаров и перенесенных на созданные товары. Показательно, что общая сумма амортизации в экономике США в 2004 г. составила гигантскую сумму – почти в полтора триллиона долларов (1,407,3 трлн долл.).<sup>60</sup> Теоретическая несостоятельность догмы Смита не помешала тому обстоятельству, что она была положена в основу современных неоклассических концепций общественного продукта и национального дохода.<sup>61</sup>

---

<sup>60</sup> Statistical Abstract of the United States 2006, p. 450.

<sup>61</sup> Афанасьев В. С. Первые системы политической экономии (Метод экономической двойственности). М.: Инфра-М, 2005.

Смит чувствовал неудовлетворительность своей позиции сведения стоимости товара к вновь созданной стоимости. В учении о валовом и чистом доходе он сделал попытку преодолеть эту точку зрения, выделив затраты на восстановление основного и оборотного капитала.<sup>62</sup> И в ряде других мест «Богатства народов» им признается существование той части стоимости товара, которая перенесена со средств производства. Так, Смит пишет: «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов».<sup>63</sup>



**Рис. 10. Догадка Смита о двойственной структуре стоимости товара**

Здесь Смит выделяет в структуре стоимости товара стоимость, перенесенную со средств производства на производимый товар («стоимость обрабатываемых материалов», которая вновь появляется в готовом товаре, произведенном из данных материалов), и вновь созданную стоимость, «прибавленную» к стоимости материалов трудом работников. Он пишет также о «стоимости снашивания судна» или рабочего скота фермера и других его хозяйственных орудий (рис. 10).<sup>64</sup>

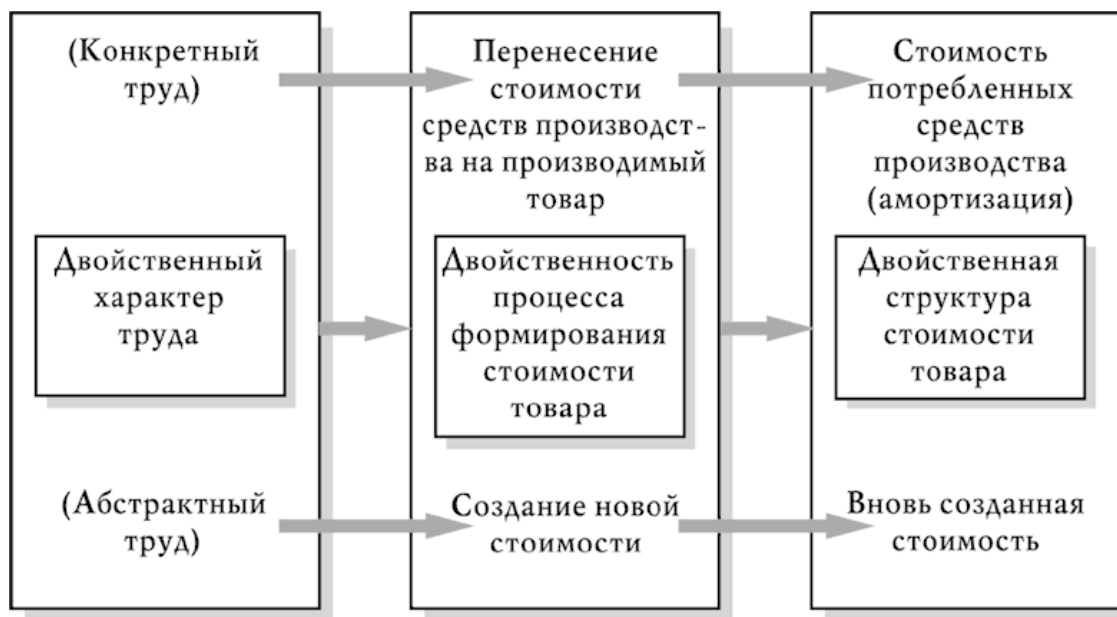
Однако Смит не видел двойственности процесса формирования стоимости товара, обусловленного двойственной природой труда товаропроизводителя. Он не знал механизма перенесения старой стоимости, т. е. того, что стоимость израсходованных на производство товара средств производства переносится на этот товар с помощью полезной формы труда («конкретного труда»), а также того, что в то же самое время затрачиваемый в данном процессе производства общественный труд («абстрактный труд») создает новую стоимость (рис. 11).

С. 289–293 (Примечание).

<sup>62</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 298–299.

<sup>63</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

<sup>64</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 80, 105.



**Рис. 11. Двойственность процесса формирования стоимости товара**

Непонимание двойственного характера труда приводило Смита к тому, что, поднимая вопрос о перенесенной стоимости, он в конечном счете сводил эту часть стоимости товара к вновь созданной стоимости, отказываясь от своего важнейшего открытия в теории стоимости. Он писал о структуре цены товара фермера: «Может показаться, что необходима еще четвертая (наряду с тремя доходами: зарплатой, прибылью и рентой. – В. А.) часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий». Но эта «четвертая часть», по мнению Смита, «сводится – непосредственно или в конечном счете – к тем же составным частям: к ренте, заработной плате и прибыли».<sup>65</sup> В действительности же она «сводится» не только к доходам, но и к перенесенной стоимости.

Исторически «Догма Смита» обуславливалась тем, что его теория сформировалась в условиях мануфактурного капитализма, основанного на ручной, ремесленной технике, когда доля основного капитала в общей структуре капитала была незначительной и вопрос о том, как возмещается стоимость израсходованных в производстве средств производства еще не приобрел (как это произошло в эпоху промышленной революции и отражено в теории Рикардо и Маркса) свою актуальность. Методологически данная позиция Смита проистекала из непонимания двойственной природы труда товаропроизводителя, которая, в свою очередь, определялась ограниченностью буржуазного кругозора Смита, рассматривавшего экономические явления капиталистической экономики как вечные и естественные.

«Догма Смита» – это его теоретическая ошибка. Однако она содержит важный научный элемент, а именно – гениальную догадку Смита об историческом процессе превращения стоимости в цену производства. Логика рассуждений Смита была следующей. На первом этапе общественного развития – в «первобытном обществе», под которым Смит имел в виду простое товарное производство, – стоимость товаров определялась затратами труда и всю ее в виде дохода присваивал сам товаропроизводитель. В «современном обществе», под которым Смит понимал капитализм, в связи с возникновением классов капиталистов и земельных собственников положение дел меняется. Теперь товаропроизводитель вынужден делиться произведенным им продуктом с собственниками средств производства. В этих условиях стоимость товаров, по мнению Смита, перестает определяться затратами труда и «складывается из доходов».

<sup>65</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 106.

На цены производства – на эту специфическую модификацию стоимости товаров под воздействием межотраслевой конкуренции – в отличие от стоимости действительно влияют доходы: средняя прибыль и общий уровень заработной платы. Тем самым Смит констатирует, что в законе стоимости происходят определенные изменения в процессе перехода от простого товарного производства к капитализму и, следовательно, ставит важную теоретическую проблему.

## Теория распределения Смита

Важной предпосылкой теории доходов Смита является его учение о классовой структуре капиталистического общества.

*Классовая структура буржуазного общества по Смигу.* В отличие от физиократов Смит впервые в истории экономических учений сумел выделить основные классы этого общества, исходя из одного – социально-экономического – критерия, а именно – из отношений собственности, отбросив характерный для теории физиократов отраслевой критерий, заведявший их по множеству вопросов в тупик. По мнению завершителя школы физиократов А. Тюрго (1727–1781), во Франции во второй половине XVIII века было пять классов: кроме земельных собственников имелись еще два класса предпринимателей и два класса наемных рабочих, соответственно тому, в какой отрасли они функционируют. С его точки зрения, получалось, что предприниматели (как и рабочие) в сельском хозяйстве и в промышленности – это совершенно различные классы.

По Смигу, капиталистическое общество разделяется на три класса: собственников капитала – предпринимателей, земельных собственников и наемных работников, обладающих собственностью на свой труд, который они продают во временное пользование предпринимателям. Соответственно этому распределяются и доходы: предприниматели получают прибыль на свой капитал, собственники земли – земельную ренту, а наемные работники за свой труд – заработную плату.

Описание Смигом классовой структуры буржуазного общества весьма далеко от идеальной картины, которую рисуют последователи теории «гармонии интересов». Вот как излагает позицию Смита Й. Шумпетер: «...Бесчувственные» и «пребывающие в праздности» землевладельцы, которые жнут, где не сеяли; предприниматели, заканчивающие каждую встречу сговором между собой; купцы, которые и сами благоденствуют, и предоставляют возможность зарабатывать на жизнь своим приказчикам и счетоводам; и бедные рабочие, обеспечивающие роскошную жизнь остальным членам общества, – вот и все персонажи предлагаемого нам зрелища».<sup>66</sup> Смит близко подходил к пониманию эксплуататорской сущности капитализма. Так, он писал, что как прибыль, так и рента представляют собой не что иное, как вычеты из продукта труда рабочих.

*Первоначальное накопление капитала.* Смигу присущ некоторый, хотя и весьма ограниченный, исторический подход к проблеме классовой структуры общества. На первом этапе общественного развития, каковым, по Смигу, является «первобытное» общество (в действительности – простое товарное хозяйство), классов не существовало. Они возникли в результате двух важнейших процессов: накопления капиталов в частных руках и появления – вместо ранее существовавшей общей земельной собственности – частной собственности на землю. Он пишет об «...обществе первобытном и малоразвитом, предшествующем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность...»,<sup>67</sup> а также об обществе «современном», в котором уже осуществились эти важнейшие социально-экономические преобразования и сформировались характерные для этого общества три класса.

Однако у Смита нет специального исследования процесса первоначального накопления капитала, то есть процесса формирования классовой структуры капиталистического общества, в котором важную роль играет впервые отмеченный А. Тюрго процесс отделения непосредственных производителей (крестьян и ремесленников) от средств производства. Тем не менее сам термин «первоначальное накопление капитала» («previous accumulations») принадлежит

---

<sup>66</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 237.

<sup>67</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

Смиту, под которым он понимал исторически исходный пункт капиталистической экономики. Это видно из того, что в качестве условий возникновения «современного общества», то есть капиталистического строя и, соответственно, «современных» доходов от собственности, Смит изображает накопление капиталов и возникновение частной собственности на землю.

*Теория доходов Смита.* Двойственность методологии Смита находит яркое проявление в его противоречивой теории доходов. Фактически Смит придерживается двух различных концепций по данной проблеме. С одной стороны, опираясь на абстрактный метод, он с позиции первого варианта трудовой теории стоимости предпринял попытку выявить общую основу доходов как от собственности – прибыли, земельной ренты и ссудного процента, так и от труда – заработной платы. С другой стороны, описательный метод Смита наталкивал его на факториальную трактовку происхождения этих доходов.

*Две теории прибыли Смита.* «Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, – писал Смит, – некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов».<sup>68</sup>

Из этого рассуждения Смита достаточно ясно видно, что «выгода», получаемая владельцами капиталов, проистекает из труда работников, из того, что они «прибавили к стоимости обрабатываемых материалов». Эту мысль Смит поясняет следующим образом: «...Стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы».<sup>69</sup>

Отсюда видно, что прибыль предстает у Смита как результат неоплаченного труда, как «вычет из продукта труда рабочего»<sup>70</sup> вследствие присвоения капиталистом стоимости, созданной рабочим сверх того ее количества, которое возмещает заработную плату или «цену труда» рабочего.

Однако Смит не объяснил, как и вся классическая школа, происхождение прибыли на капитал с точки зрения действия закона стоимости, то есть закона эквивалентного обмена товаров в соответствии с количеством затраченного на их производство общественного труда. Он полагал, что в сделке купли-продажи между капиталистом и наемным рабочим продается и покупается труд. Эта позиция при ближайшем рассмотрении оказывается весьма противоречивой.

Если труд есть товар и его реализация осуществляется в соответствии с законом стоимости, то рабочий в обмен на свой труд должен получать его полный эквивалент, то есть всю произведенную им стоимость, что исключает возможность возникновения прибыли капиталистов. Между тем прибыль реально существует, и Смит был далек от ее отрицания. При допущении того, что труд является товаром, возникновение прибыли могло быть объяснено лишь из нарушения закона эквивалентности обмена товаров по их общественной стоимости, из оплаты труда рабочих ниже его стоимости.

Таким образом, для теории Смита характерно противоречие между законом стоимости и законом самовозрастания капитала, впоследствии (в трудах Маркса) получившего наименование закона прибавочной стоимости. Это одно из основных противоречий классической школы, ставивших под удар ее главное научное достижение, ее теоретический и методологический фундамент – созданную ею трудовую теорию стоимости.

---

<sup>68</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 103.

<sup>69</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 104.

<sup>70</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 118.

С этим противоречием тесно связан второй вариант теории прибыли, разработанный Смитом с помощью описательного метода. По мнению Й. Шумпетера, он сводится к тому, что «прибыль, понимаемая как основной доход класса капиталистов, по существу, выступает результатом делового использования накопленных этим классом физических благ (включая средства существования наемных рабочих)...».<sup>71</sup> В действительности же Смит говорит вовсе не о том, что прибыль есть результат «делового использования физических благ», а лишь о том, что прибыль – это доход капиталиста, который зависит от величины капитала. Он писал: «... Доход, получаемый с капитала лицом, которое лично употребляет его в дело, называется прибылью...»,<sup>72</sup> и «прибыль определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала».<sup>73</sup> Данная зависимость определяется действием закона равенства прибылей на равновеликий капитал, порожденного межотраслевой конкуренцией. Однако поскольку Смит не сумел объяснить эту зависимость, он открывал дорогу ошибочному заключению о том, что прибыль порождается капиталом.

В данном случае Смит смешивает те формы, в которых происходит присвоение прибыли, с теми формами, в которых осуществляется ее создание. Действительное участие «капитала», а в действительности средств производства (средств труда и предметов труда) в формировании стоимости производимых с их помощью товаров заключается в том, что их стоимость – по мере их производительного потребления – переносится на производимый товар и образует составную часть издержек его производства.

*Теория земельной ренты.* Возникновение ренты Смит также связывает с процессами перехода средств производства в частные руки, в данном случае – земли в руки земельных собственников. «С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, – писал Смит, – землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли... Работник... должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту...».<sup>74</sup>

Использование описательного метода при рассмотрении земельной ренты так же, как и при анализе прибыли, наталкивало Смита на ряд необоснованных заключений. Отталкиваясь от внешних проявлений дифференциальной ренты, величина которой, как известно, зависит от качества, плодородия обрабатываемой почвы и ее удаленности от рынка сбыта сельскохозяйственных товаров, Смит приходил к выводу о том, что земельная рента порождается землей как таковой. Здесь Смит фактически стоит на позициях физиократов.

Нетрудно убедиться в необоснованности этой концепции ренты Смита. Величина дифференциальной ренты зависит от плодородия почвы вовсе не потому, что земля является источником ренты. Более высокое плодородие почвы (или лучшее местоположение) выступает важным условием повышения производительности труда сельских рабочих, а тем самым – условием производства дополнительного дохода фермера, который используется им для оплаты аренды земли у земельного собственника.

Основой третьего варианта теории ренты Смита является специфика цен на сельскохозяйственную продукцию. По Смицу, такие цены являются монопольными, поскольку спрос на сельские товары всегда превышает их предложение, что приводит к отклонению этих цен вверх сравнительно со стоимостью данных товаров. Из этого превышения цен над стоимостью и проистекает, как полагал Смит, земельная рента. Таким образом, Смит поставил важную проблему взаимосвязи особенностей ценообразования на сельскохозяйственные товары

<sup>71</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 244.

<sup>72</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 107.

<sup>73</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 104.

<sup>74</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 105.



и явлением земельной ренты. Эта проблема имеет важное значение при анализе абсолютной земельной ренты. Однако данный вид земельной ренты не исследуется Смитом прежде всего потому, что он не раскрыл соотношения стоимости товара и ее особой исторической формы – цены производства. По этой причине Смит не идет дальше утверждения о том, что земельная рента представляет собой результат превышения рыночной цены над стоимостью сельскохозяйственных товаров, то есть выводит в данном случае ренту из нарушения закона стоимости.

Методологической основой противоречивой трактовки доходов в теории Смита является смешение им двух сторон единого процесса производства товара: процесса создания его потребительной стоимости с процессом создания его стоимости (прибыли). Между тем в этих двух процессах участвуют различные факторы: если фактором создания стоимости товара выступает только труд товаропроизводителя (в его качестве абстрактного прибавочного труда), то в процессе производства потребительной стоимости товара участвуют три фактора: конкретный труд, средства труда и предметы труда.



**Рис. 12. Методологическая и гносеологическая основы теории доходов А. Смита**

Это последнее обстоятельство и послужило для Смита гносеологической (познавательной) основой факториального подхода к вопросу об образовании доходов: здесь Смит (как и многие экономисты неоклассической школы впоследствии) представляет три фактора создания потребительной стоимости товара в качестве трех самостоятельных источников его стоимости.

Тем не менее анализ прибыли и земельной ренты наталкивал Смита на мысль о том, что труд выступает как единственный фактор производства. «...А. Смит пытался показать, как доли землевладельца и капиталиста «вычитаются» из общего продукта, который «естественно» полностью является продуктом труда. Это, очевидно, указывает на другое концептуальное построение, отводящее роль фактора производства одному лишь труду и исключаящее триаду факторов...». <sup>75</sup>

*Подход к категории прибавочной стоимости.* Бросается в глаза фактическая тождественность трактовки источников прибыли и земельной ренты Смитом, полученных им с позиции абстрактного метода: и то и другое представляется ему как различные формы неоплаченного труда наемных рабочих. Этот вывод подкрепляется Смитом анализом происхождения процента на ссудный капитал. Рассматривая процент как производный доход, как часть прибыли или земельной ренты, выплачиваемой банкиру за предоставленный им предпринимателю или земельному собственнику кредит, Смит и процент сводит к неоплаченному труду наемных работников. Доход от капитала, писал Смит, «... получаемый с него лицом, который не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом или денежным ростом... Ссудный процент всегда представляет собой доход производный...». <sup>76</sup>

Трактовка Смитом доходов от собственности с позиции трудовой теории стоимости явилась крупным шагом вперед по сравнению с теорией физиократов. Эти доходы предстали теперь как результат функционирования труда в любой отрасли материального производства, а не только в сельском хозяйстве, как у физиократов. Ведущее место среди этих доходов заняла промышленная прибыль, в то время как физиократы либо не выделяли ее в качестве дохода особого класса, либо рассматривали в качестве дохода, производного от земельной ренты. В этом учении Смит предпринимает попытку выявить некую общую основу всех доходов от собственности, которую он находит в неоплаченном труде наемных работников, трактуя как прибыль, так и земельную ренту в качестве различных «вычетов из продукта труда работников». Однако данная основа (фактически – прибавочная стоимость) не получает у него выражения в какой-либо политико-экономической категории и не находит своего объяснения с точки зрения закона стоимости.

*Теория заработной платы.* Одновременное применение Смитом описательного и абстрактного метода нашло свое выражение и при рассмотрении им дохода класса наемных рабочих – заработной платы.

С позиции описательного метода заработная плата трактуется Смитом как цена труда, а труд рассматривается в качестве товара, который наемный работник продает предпринимателю. Такой подход к заработной плате порождает множество противоречий в теории Смита и исключает возможность объяснить происхождение прибыли с точки зрения основной методологической позиции Смита – трудовой теории стоимости. Ведь если труд – это товар и рабочий получает в заработной плате полный эквивалент своих трудовых затрат, то возникновение прибыли можно было бы объяснить только нарушением закона стоимости.

---

<sup>75</sup> Йозеф А. Шумпетер. Цит. соч. С. 731. См. также: Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 389.

<sup>76</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 107.

Вместе с тем к проблеме заработной платы, как дохода работников наемного труда, Смит подходит и с позиции абстрактного метода. Опираясь на концепцию двух стадий развития общества и рассматривая продукт труда как «естественное вознаграждение за труд», Смит писал: «В том первобытном состоянии общества, которое предшествует превращению земли в частную собственность и накоплению капиталов, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с землевладельцем, ни с хозяином».<sup>77</sup> Но положение существенно меняется, отмечает Смит, в результате превращения земли в частую собственность и накопления капиталов. «Как только земля становится частной собственностью, – поясняет Смит, – землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его рента составляет первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли».<sup>78</sup> Второй вычет из продукта труда наемного работника осуществляет владелец капитала, «...который, – как пишет Смит, – не имел бы никакого интереса нанимать его, если бы не получал долю с продукта его труда или если бы его капитал не возмещался с некоторой прибылью».<sup>79</sup>

Таким образом, описательный метод приводит Смита к заключению о том, что заработная плата – это цена труда как специфического фактора производства и зависит от ситуации на рынке труда. С другой стороны, абстрактный метод, примененный Смитом, подводит его к пониманию связи заработной платы с механизмом эксплуатации труда капиталом и процессом воспроизводства «расы рабочих», требующим, чтобы заработная плата несколько превышала прожиточный минимум. Здесь намечается понимание того, что в действительности рабочий продает не труд, а способность к труду. Именно поэтому заработная плата определяется условиями воспроизводства «расы рабочих».

*Две трактовки производительного труда.* Соответственно двойственности научных исходных пунктов теории Смита, специфики примененной им методологии, его учение о производительном труде также носит двойственный и противоречивый характер.

С одной стороны, опираясь на абстрактный метод, Смит определяет производительный труд как труд, который **«обменивается на капитал»** (имеется в виду покупка рабочей силы в обмен на заработную плату, составляющую часть капитала предпринимателя), а непроизводительный труд – как труд, который **«обменивается на доход»** (здесь подразумевается наем, например, домашнего слуги в обмен на часть дохода нанявшего его человека – прибыли предпринимателя, ренты земельного собственника, заработной платы наемного рабочего). О критериях производительного труда Смит писал: «Один вид труда увеличивает стоимость предмета, к которому он прилагается, другой вид труда не производит такого действия. Первый, поскольку он производит некоторую стоимость, может быть назван производительным трудом, второй – непроизводительным. Так, труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает, а именно увеличивает ее на стоимость своего содержания и прибыли его хозяина. Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости... Человек становится богатым, давая занятие большому числу мануфактурных рабочих; он беднеет, если содержит большое число домашних слуг».<sup>80</sup>

Из этого высказывания Смита видно, что производительным он считает труд наемных рабочих, создающих прибыль для своего хозяина, а непроизводительным – труд домашних слуг, потребляющих доход нанявших их лиц.

Данная позиция Смита теоретически и методологически верно характеризует производительный труд при капитализме как труд, воспроизводящий капитал, капиталистические про-

<sup>77</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 117.

<sup>78</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 118.

<sup>79</sup> Там же.

<sup>80</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 338–339.

изводственные отношения, составляющие самую существенную сторону капиталистического способа производства. Это действительно производительный труд, поскольку он, в отличие от труда домашних слуг, воспроизводит капиталистическую собственность на средства производства.

Другая трактовка проблемы производительного труда Смитом опирается на описательный метод. Она сводится к тому, что Смит определяет производительным тот труд, который овеществляется в товаре. Смит писал: «...Труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать и который существует по крайней мере некоторое время после того, как закончен труд...Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи».<sup>81</sup>

Нетрудно заметить, что данная позиция Смита находится в явном противоречии с его первой трактовкой производительного труда. С точки зрения второй концепции наемный труд, производящий услуги и создающий своему хозяину прибыль (например, наемный учитель в частной школе), не является производительным трудом, поскольку продукт этого труда не овеществляется «в каком-либо отдельном предмете». Между тем такой труд вполне подходит под первый критерий производительного труда Смита, ибо он «обменивается на капитал», создает прибыль предпринимателю, а тем самым воспроизводит капитал.

Не менее очевидно и другое: труд, производящий вещественную потребительную стоимость, далеко не всегда в условиях капитализма выступает в качестве производительного труда. Примером может быть труд частного ремесленника, который производит вещественные товары (например, ковры), однако не выступает в качестве наемного труда, создающего прибыль своего хозяина. При капитализме – это непроизводительный труд, поскольку он не воспроизводит капиталистические производственные отношения – капитал, хотя и создает вещественный продукт.

Исключение Смитом труда сферы услуг из разряда производительного труда было для его времени – то есть более двух веков тому назад – исторически оправданным, поскольку, как отмечалось, эта сфера тогда была совершенно не развита, и к тому же она еще не была подчинена капиталу, базировалась на простом товарном производстве и труд в ней с точки зрения капиталистической экономики не являлся производительным.

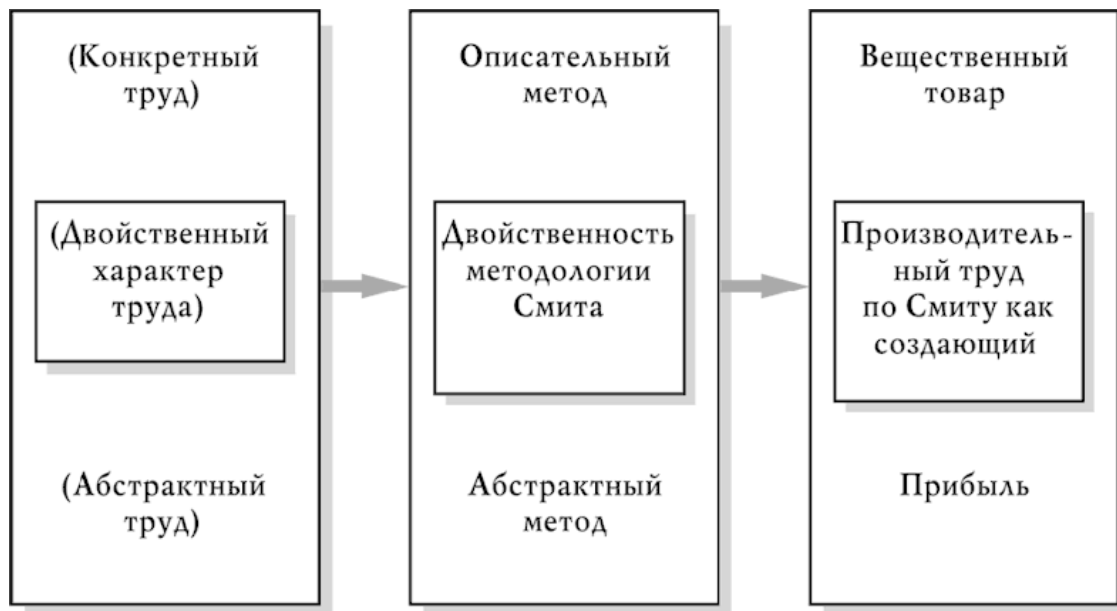
Односторонний подход к экономическим явлениям либо с точки зрения конкретного труда, либо с позиции абстрактного труда приводил Смита к тому, что во второй трактовке производительного труда он критерием производительного труда объявил одну из характеристик конкретного труда – его способность овеществляться в продуктах материального производства. Между тем проблема производительного труда не имеет никакого отношения к специфике конкретного труда и его продукта. В качестве производительного труда может выступить и труд, овеществленный в товаре, и труд, создающий не принимающие вещной формы услуги или нематериального блага.

Необходимыми предпосылками производительного труда при капитализме выступают следующие два обстоятельства. Во-первых, производительным является такой труд, который создает общественную потребительную стоимость (вещественную или невещественную), т. е. потребительную стоимость для других, а не только для ее производителя. Во-вторых, одновременно с этим производительным выступает тот труд, который воспроизводит господствующую систему производственных отношений. Для капиталистической экономики это означает, что данный труд производит прибыль и тем самым воспроизводит капитал (рис. 13).

Несмотря на свою противоречивость, концепция производительного труда Смита явилась важным вкладом в научную трактовку проблемы. Производительный труд действительно

<sup>81</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 339.

является двойственным феноменом: с одной стороны, это труд, производящий общественную потребительную стоимость и тем самым воспроизводящий производительные силы общества (средства производства и рабочую силу как личный фактор производства), а с другой – это труд, производящий прибыль, т. е. воспроизводящий капитал, капиталистическую систему экономических отношений.



**Рис. 13. Методология теории производительного труда Смита**

Учение Смита о производительном труде носило явный антифеодальный характер. Оно показывало, что те слои и классы общества, которые не участвуют в создании «богатства народов» в его капиталистической форме, представляют собой непроизводительных работников. Смит писал: «Труд некоторых самых уважаемых сословий общества, подобно труду домашних слуг, не производит никакой стоимости и не закрепляется и не реализуется ни в каком длительно существующем предмете или товаре, могущем быть проданным, который продолжал бы существовать и по прекращении труда... Например, государь со всеми своими судебными чиновниками и офицерами, вся армия и флот представляют собой непроизводительных работников. Они являются слугами общества и содержатся на часть годового продукта труда остального населения».<sup>82</sup>

<sup>82</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 339.

## **Смит о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала**

В теории воспроизводства в целом Смит сделал явный шаг назад по сравнению с физиократами: он не дал целостной картины процесса воспроизводства всего общественного капитала, подобной тому, которая имеется в «Экономической таблице» Ф. Кенэ. Причина кроется в методологическом исходном пункте анализа воспроизводства в теории Смита. В отличие от Кенэ, исходившем в своем анализе процесса воспроизводства из товарной формы промышленного капитала, которая позволяла увидеть все основные потоки производимого общественного продукта как в натурально-вещественной форме, так и по стоимости, Смит отталкивался от производительной формы этого капитала, которая исключала такую возможность.

Однако по отдельным и весьма важным вопросам Смит удалось продвинуть вперед теорию воспроизводства благодаря своей роли «обобщающего экономиста» мануфактурной стадии развития капитализма.

Одна из важных заслуг Смита в данном направлении состояла в том, что он обобщил физиократические категории «первоначальных» и «ежегодных авансов» в категории основного и оборотного капитала, распространив их на все отрасли материального производства, а не только на сельское хозяйство, как это делали физиократы. Таким образом, деление на основной и оборотный капитал впервые предстало не как специфическая черта сельского хозяйства (а именно таковой ее изображали физиократы, обнаружившие различия в способах обращения различных частей капитала в сельском хозяйстве в связи с годовым циклом производства), а как важная особенность капитала, функционирующего в любой отрасли капиталистического производства, как особенность производительной формы промышленного капитала.

Однако Смит распространил категории основного и оборотного капитала за пределы собственно производства, на сферу обращения. Между тем процесс перенесения стоимости со средств производства – по мере их производительного потребления – на производимый товар (а именно способами такого перенесения и отличаются друг от друга основной и оборотный капиталы) имеется только в сфере производства. Тем не менее к оборотному капиталу Смит относит не только сырье и полуфабрикаты, но и деньги, запасы продовольствия и готовых изделий у торговцев и предпринимателей. В последнем случае Смит смешивает оборотный капитал как форму производительного капитала, функционирующую только в производстве (сырье и полуфабрикаты), с капиталом обращения, обслуживающего куплю-продажу товаров (деньги, готовые изделия). «Капитал купца, например, – писал Смит, – целиком представляет собою капитал оборотный».<sup>83</sup>

Это смешение порождало ряд противоречий и ошибок в теории Смита.

Смит полагал, что оборотный капитал приносит прибыль владельцу своим обращением. Он же обеспечивает прибыль и на основной капитал. Эти положения Смита наталкивали на отвергнутый уже физиократами вывод о том, что прибыль предпринимателя имеет своим источником сферу обращения, возникает из простой смены форм стоимости в процессе обмена товаров и денег. Между тем, как бы значительно ни влияла сфера обращения на величину прибыли, прибыль не может возникнуть в процессе обращения. Естественно, она не возникает, если обмен является эквивалентным, когда обмениваются различные товары, имеющие равную стоимость. Прибыль не возникает из обращения и тогда, когда обмен неэквивалентен, поскольку в процессе обмена не увеличивается общая стоимость обмениваемых товаров. Если в ходе товарного обмена увеличивается прибыль у одного из контрагентов, это всего лишь

---

<sup>83</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 292.

означает, что на соответствующую сумму уменьшается прибыль у какого-то другого участника обмена.

Что же касается основного капитала, то, по мнению Смита, он не участвует в обращении и приносит прибыль с помощью оборотного капитала. Своеобразным аргументом Смита здесь служил тот факт, что основной капитал – по своей натурально-вещественной форме производственные помещения, машины и оборудование – не покидает сферы производства, закреплен в ней и не меняет своего владельца. Однако если считать, что основной капитал не обращается, то есть не переносит своей стоимости на производимый товар, то невозможно объяснить, как же воспроизводится основной капитал, как он возмещается по стоимости и натурально-вещественной форме.

Позиция Смита в отношении обращения основного капитала отражала исторические условия мануфактурного капитализма, для которого было характерно господство ручных орудий труда и неразвитость основного капитала, а также противоречия его методологических исходных пунктов анализа.

Отрицание обращения основного капитала Смитом базировалось на отождествлении им обращения капитала и товарного обмена. Смит полагал, что обращение есть переход товара из рук одного собственника в руки другого, что характерно только для оборотного капитала. В действительности же обращение капитала и товарный обмен – явления далеко не тождественные: обращение капитала включает в себя обмен товаров, но не сводится к нему. Обращение капитала продолжается и в самом процессе производства. Этот факт зафиксировали (и абсолютизировали) еще меркантилисты, когда они утверждали, что производство представляет собой «момент обращения».

В самом деле, в производстве происходит превращение производительной формы капитала (в виде средств производства и рабочей силы) в товарную форму (в виде готовой продукции). Между тем смена вещных форм капитала как раз и составляет содержание процесса обращения капитала. По этой причине и оборотный капитал до тех пор, пока он находится в сфере производства, то есть является оборотным капиталом, в отличие от капитала обращения, не меняет своего владельца и, следовательно, не подходит под определение оборотного капитала, данное Смитом. Когда же такой владелец меняется, оборотный капитал перестает быть оборотным, покидает сферу производства и превращается в капитал обращения.

Основной капитал получает у Смита следующее определение. Смит писал: «...Капитал может быть употреблен на улучшение земли, на покупку полезных машин и инструментов или других подобных предметов, которые приносят доход или прибыль, без перехода от одного владельца к другому или без дальнейшего обращения. Такие капиталы можно... назвать основными капиталами».<sup>84</sup>

А между тем основной капитал все же обращается, так как он – по мере своего износа – переносит свою стоимость на производимый товар. И происходит это в самой сфере производства, и притом без актов купли-продажи и, соответственно, без смены владельца капитала. Смит же, в силу непонимания им двойственной природы труда, не замечает один из важнейших моментов процесса воспроизводства капитала – повторное появление стоимости израсходованного капитала во вновь созданной продукции. Обращение промышленного капитала, то есть капитала, содержащего в себе (в отличие от торгового и ссудного капиталов) фазу производства, представляет собой смену вещных форм капитала: систематическое превращение капитала из денежной формы в производительную (форму средств производства и рабочей силы), а из нее – в товарную форму и, наконец, после реализации произведенного товара – снова в денежную форму.

<sup>84</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 292.

Весьма ценным и актуальным является положение Смита о том, что составной частью основного капитала являются «приобретенные и полезные способности всех жителей или членов общества». Для своего образования такие способности человека требуют затрат на его воспитание и обучение. Такие затраты «...представляют собою основной капитал, который как бы реализуется в его личности, – писал Смит. – Эти способности, являясь частью состояния такого лица, вместе с тем становятся частью богатства всего общества, к которому оно принадлежит».<sup>85</sup> Эти положения теории Смита предвосхитили концепцию «человеческого капитала», получившую значительное развитие во второй половине XX века. Они выражают тот факт, что частный капитал объективно заинтересован, понимают ли это его представители или нет, во всемерном развитии образования народа, так же как и его здоровья, разумеется, если это не рваческий капитал, преследующий лишь сиюминутные выгоды, а капитал, ориентированный на длительную перспективу. Эта заинтересованность образует основу филантропической деятельности собственников капитала.

Игнорирование в структуре стоимости товара стоимости, перенесенной со средств производства, наталкивало Смита на отождествление общественного продукта и национального дохода, что, в свою очередь, являлось существенным препятствием к исследованию процесса воспроизводства всего общественного капитала. Пытаясь преодолеть его, Смит проводит различие между «валовым» и «чистым» доходами. Он писал: «Валовой доход всех жителей обширной страны состоит из всего годового продукта их земли и труда; их чистый доход составляет то, что остается в их распоряжении, за вычетом по восстановлению, во-первых, их основного, а во-вторых, их оборотного капитала...».<sup>86</sup> Здесь Смит фактически признает наличие в структуре стоимости общественного продукта той части, которая расходуется на воспроизводство израсходованных средств производства и ни для кого не образует доходов, не может быть сведена к заработной плате, прибыли и ренте. Тем самым Смит предпринимает попытку преодолеть свою концепцию о том, что стоимость товара распадается лишь на доходы и, следовательно, в ней отсутствует стоимость, перенесенная со средств производства.

Эта попытка открывала дорогу для четкого разграничения общественного продукта и национального дохода. Однако Смит не воспользовался этим своим открытием, не разработал его и в вопросах воспроизводства в целом остался на позициях отрицания перенесенной стоимости со средств производства.

Ценным в анализе Смитом процесса воспроизводства является и его попытка провести различие между двумя основными подразделениями общественного производства – производящими средства производства и предметы личного потребления. Смит выделяет две большие группы рабочих, одна из которых занята производством средств производства, другая – производством предметов потребления. Из такого разделения труда вытекает необходимость обмена товарами между данными группами, что определяет основные товарные потоки в процессе воспроизводства общественного капитала. Однако у Смита и эти ценные положения не получили дальнейшего развития и применения.

В анализе экономических закономерностей капитализма на его мануфактурной стадии развития Адам Смит достиг весьма значительных результатов. Даже противоречия его теории сыграли значительную роль в развитии экономической науки, поскольку они поднимали перед исследователями сложные, нерешенные научные проблемы.

Труды А. Смита относятся к периоду, непосредственно предшествующему промышленной революции, когда явственно назрели ее основные предпосылки. Объектом анализа Смита был капитализм, еще не получивший своей адекватной технико-производственной базы в виде машинной индустрии, т. е. сравнительно незрелая ступень развития капитализма. Это обсто-

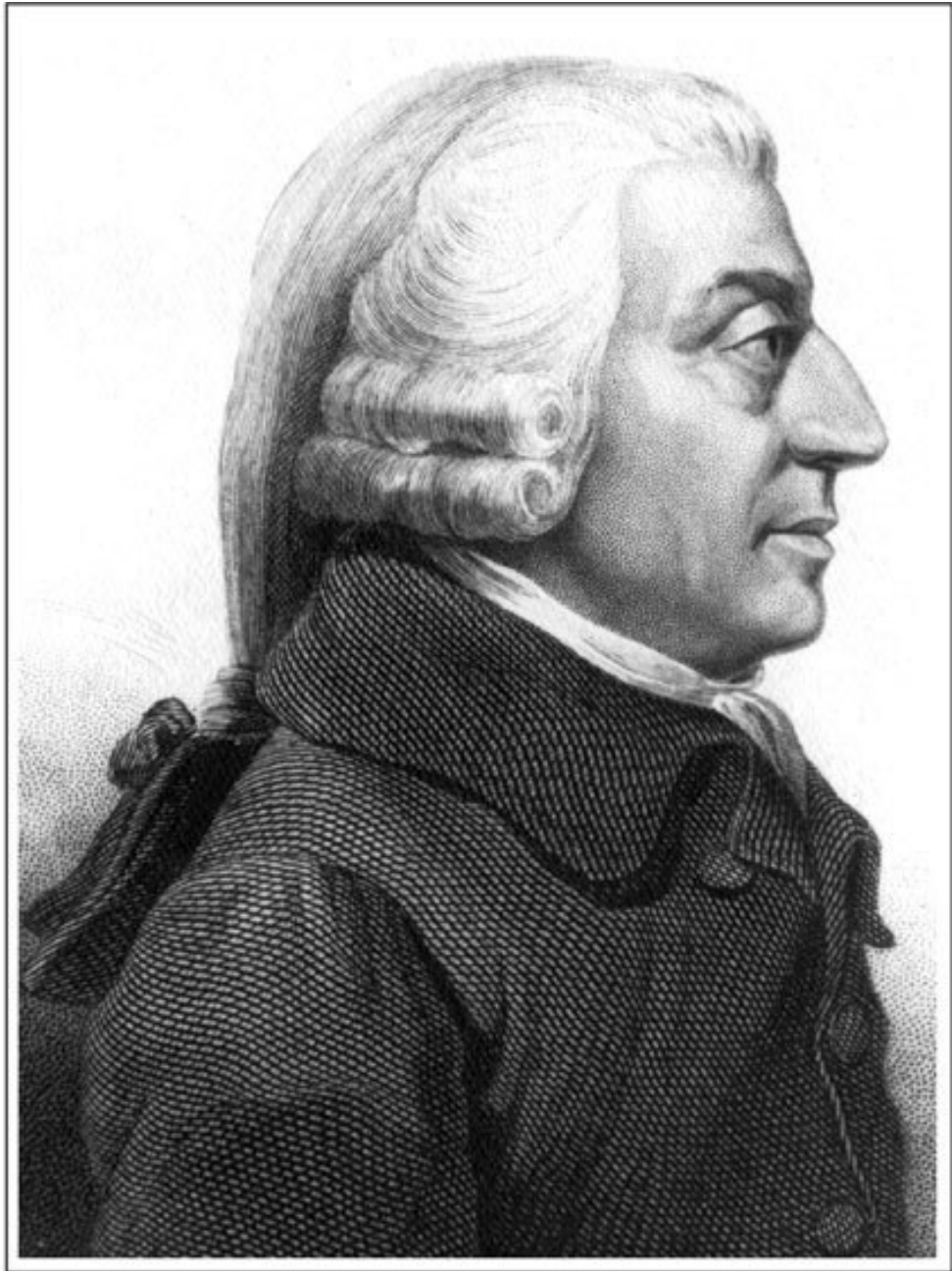
<sup>85</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 294.

<sup>86</sup> Адам Смит. Цит. соч. С. 298.



тельность в известной мере обусловило и определенную неразвитость экономической теории Смита, ее двойственность и противоречивость. Тем не менее гениальность и поразительное трудолюбие Адама Смита позволили ему создать произведение, которое и через 230 лет после своего появления на свет привлекает к себе живейший интерес и пристальное внимание научной мысли.

## **Исследование о природе и причинах богатства народов**



# АДАМ СМИТ



**05.06.1723 – 17.07.1790**  
**Керколди – Эдинбург**



## **Предисловие к третьему изданию**

Первое издание этой книги печаталось в конце 1775 и начале 1776 г. Поэтому, когда в большей части этой книги говорится о настоящем положении вещей, надо иметь в виду положение вещей, существовавшее в то время, когда я писал эту книгу, или в несколько более ранний период. В третьем издании я сделал несколько добавлений, в частности к главе о возвратных пошлинах и к главе о премиях. Кроме того, я прибавил новую главу под заглавием «Заключение о меркантилистической системе» и новый параграф в главе о расходах государя. Во всех этих добавлениях, говоря о настоящем положении вещей, я всегда имею в виду положение вещей в 1783 и в начале 1784 г.

## **Предисловие к четвертому изданию**

В этом, четвертом, издании я не сделал никаких изменений. Однако я считаю нужным выразить величайшую благодарность мистеру Генри Гопу из Амстердама. Этому лицу я обязан очень точными и подробными сведениями о весьма интересном и важном предмете, об Амстердамском банке, о котором я не нашел удовлетворительных и ясных данных ни в одном печатном отчете. Имя этого человека так хорошо известно в Европе, сведения, исходящие от него, делают столько чести всякому, кто их получил, и это признание так льстит моему самолюбию, что я не могу отказать себе в удовольствии предпослать этому новому изданию настоящее предисловие.

## Введение и план сочинения

Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов.

Поэтому от количества этих продуктов или того, что приобретается в обмен на них сравнительно с числом тех, кто их потребляет, народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается.

Но это отношение у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими, в общем, применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. Каковы бы ни были почва, климат и размеры территории того или иного народа, обилие или скудость его годового снабжения всегда будут зависеть от этих двух условий.

Обилие или скудость этого снабжения зависят, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго. У диких народов – охотников и рыболовов – каждый человек, способный к труду, более или менее занят полезным трудом и старается по мере сил добывать все необходимое для своей жизни или для тех лиц из своего семейства и племени, которые по своей старости, молодости или слабости не могут заниматься охотой и рыбной ловлей. Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас заставляет их – или по крайней мере они думают, что она вынуждает их, – убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям. Напротив, у народов цивилизованных и процветающих – хотя у них большое число людей совсем не работает, причем многие неработающие потребляют в десять, а часто и в сто раз большего труда, чем большинство работающих, – продукт всего труда общества в целом так велик, что часто все бывают в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь.

Причины этого прогресса в области производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами и группами людей в обществе, составляют предмет первой книги настоящего исследования.

Каково бы ни было состояние искусства, умения и сообразительности, применяемых при работе данным народом, обилие или скудость годового снабжения должны зависеть при неизменности этого состояния от соотношения между числом людей, занятых полезным трудом, и числом лиц, не занимающихся им. Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления. Поэтому вторая книга рассматривает природу капитала, способы его постепенного накопления, а также изменения в количествах труда, приводимых им в движение, в зависимости от различных способов его применения.

Народы, довольно далеко подвинувшиеся вперед в отношении искусства, умения и сообразительности в применении своего труда, употребляли весьма различные методы для того, чтобы придать труду известный характер или направление, причем не все применявшиеся ими методы были одинаково благоприятны для умножения их продукта. Политика одних народов особенно сильно поощряла земледелие, политика других – городскую промышленность. Вряд ли хотя бы один народ относился одинаково ко всем родам промышленности. Со времени падения Римской империи политика Европы более благоприятствовала ремеслам, мануфактуре и торговле – одним словом, городской промышленности, чем земледелию – труду сельскому.

Обстоятельства, которые, по-видимому, привели к такой политике и упрочили ее, объяснены в третьей книге.

Хотя эти различные методы были, может быть, обусловлены частными интересами и предрассудками отдельных групп населения, которые не принимали во внимание или не предусматривали возможных последствий для благосостояния общества в целом, однако они послужили основанием для весьма различных теорий политической экономии; при этом одни из последних особенно подчеркивают значение городской промышленности, другие – сельской. Эти теории имели значительное влияние не только на мнения образованных людей, но и на политику государей и государственной власти. В четвертой книге я пытался возможно полнее и точнее объяснить эти различные теории и главные результаты, к которым они приводили в разные века и у различных народов.

В задачу первых четырех книг, таким образом, входит выяснение того, в чем состоял доход главной массы народа или какова была природа тех фондов, которые в различные века и у различных народов составляли их годовое потребление. Пятая, последняя, книга рассматривает доход государя или государства. В ней я старался показать, во-первых, каковы необходимые расходы государя или государства, какие из этих расходов должны покрываться за счет сборов со всего общества и какие – только определенную часть общества или отдельными его членами; во-вторых, каковы различные методы привлечения всего общества к покрытию расходов, падающих на все общество, и каковы главные преимущества и недостатки каждого из этих методов; и, в-третьих, наконец, какие причины и соображения побуждали почти все современные правительства отдавать часть своих доходов в долгосрочный залог или заключать займы и какое влияние имели они на действительное богатство общества, на годовой продукт его земли и его труда.



# **Книга I**

## **Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа**

### **Глава I**

#### **О разделении труда**

Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда. Значение разделения труда для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если ознакомиться с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве. Обыкновенно полагают, что дальше всего оно проведено в некоторых мануфактурах, имеющих второстепенное значение. В действительности разделение труда, может быть, и не идет там так далеко, как в других, более крупных; но в небольших мануфактурах, предназначенных обслуживать спрос лишь незначительного числа людей, общее число рабочих должно быть по необходимости невелико, и потому рабочие, занятые различными операциями в производстве, часто соединены в одной мастерской и могут находиться все сразу на виду. Напротив, в тех крупных мануфактурах, которые предназначены удовлетворять спрос большого количества людей, каждая отдельная часть работы занимает столь значительное число рабочих, что уже представляется невозможным соединить их всех в одной и той же мастерской. Здесь нам приходится видеть вместе только рабочих, занятых одною частью работы. И потому, хотя в таких крупных мануфактурах разделение труда может быть в действительности проведено гораздо дальше, чем в мануфактурах меньшего значения, в них оно не так заметно и поэтому мало обращало на себя внимание.

Для примера возьмем поэтому весьма маловажную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда очень часто отмечалось, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный этому производству (разделение труда сделало последнее особой профессией) и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем (толчок к изобретению последних, вероятно, тоже был дан этим разделением труда), едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок. Но при организации, которую имеет теперь это производство, не только оно само в целом представляет особую профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из которых каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавок – другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции. Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих и где, следовательно, некоторые из них выполняли по две и по три различных операции. Хотя они были очень бедны и потому недостаточно снабжены необходимыми приспособлени-

ями, они могли, работая с напряжением, выработать все вместе двенадцать с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько больше 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день. Следовательно, считая на человека одну десятую часть 48 тыс. булавок, можно считать, что один рабочий вырабатывал более 4 тыс. булавок в день. Но если бы все они работали в одиночку и независимо друг от друга и не были приучены к этой специальной работе, то, несомненно, ни один из них не смог бы сделать двадцати, а, может быть, даже и одной булавки в день. Одним словом, они, несомненно, не выработали бы  $1/240$ , а может быть, и  $1/4800$  доли того, что в состоянии выработать теперь в результате надлежащего разделения и сочетания их различных операций.

Во всяком другом ремесле и мануфактуре последствия разделения труда подобны описанным в этом весьма маловажном производстве, хотя во многих из них труд не может быть в такой степени разделен и сведен к таким простым операциям. Однако разделение труда в любом ремесле, в каких бы размерах оно ни было введено, вызывает соответствующее увеличение производительности труда. По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось этим преимуществом. Вместе с тем такое выделение обыкновенно идет дальше в странах, достигших более высокой ступени промышленного развития: то, что в диком состоянии общества составляет работу одного человека, в более развитом обществе выполняется несколькими. Во всяком развитом обществе фермер обыкновенно занимается только фермерством, владелец мануфактуры занят только своей мануфактурой. Труд, необходимый для производства какого-нибудь законченного предмета, тоже почти всегда распределяется между большим количеством людей. Сколько различных профессий занято в каждой отрасли производства полотна или сукна, начиная с тех, кто выращивает лен и овец, доставляющих шерсть, и кончая теми, которые заняты белением и лощением полотна или крашением и аппретурою сукна! Правда, земледелие по природе своей не допускает ни такого многообразного разделения труда, ни столь полного отделения друг от друга различных работ, как это возможно в мануфактуре. Невозможно вполне отделить занятие скотовода от занятия хлебопашца, как это обычно имеет место с профессиями плотника и кузнеца. Прядильщик и ткач почти всегда два разных лица, тогда как работник, который пашет, боронит, сеет и жнет, часто представляет собою одно лицо. Ввиду того что эти различные виды труда должны выполняться в разные времена года, невозможно, чтобы каждым из них в течение всего года был постоянно занят отдельный работник. Невозможность столь полного выделения всех различных видов труда, практикуемых в земледелии, является, пожалуй, причиной того, что увеличение производительности труда в этой области не всегда соответствует росту ее в промышленности. Самые богатые народы, конечно, обыкновенно идут впереди своих соседей как в области земледелия, так и промышленности, но их превосходство обычно больше проявляется в промышленности, чем в земледелии. Их земля, по общему правилу, лучше обработана, и, ввиду того что в нее вложено больше труда и издержек, она производит больше, чем это соответствовало бы ее размеру и естественному плодородию. Но это увеличение производительности редко превосходит добавочное вложение труда и издержек. В земледелии богатой страны труд не всегда более производителен, чем в бедной стране, или, во всяком случае, это различие в производительности никогда не бывает так значительно, как это обыкновенно наблюдается в промышленности. Поэтому хлеб богатой страны при равном качестве не всегда продается на рынке дешевле хлеба страны бедной. Хлеб из Польши стоит столько же, сколько французский хлеб того же качества, несмотря на большее богатство и техническое превосходство Франции. Хлеб во Франции в хлебородных провинциях столь же хорош и почти всегда имеет ту же цену, что и хлеб Англии, хотя по богатству и уровню техники Франция, наверное, стоит ниже Англии. А между тем поля Англии возделываются лучше полей Франции, а поля Франции, как утверждают, лучше возделываются, чем поля Польши. Хотя бедная страна, несмотря на худшую обработку земли, может в известной мере соперничать с богатой страной в отношении дешевизны и качества

своего хлеба, но она не может претендовать на такую конкуренцию в отношении продуктов своих мануфактур, по крайней мере если последние соответствуют почвенным условиям, климату и географическому положению богатой страны. Шелка Франции лучше и дешевле шелков Англии, так как шелковая промышленность менее соответствует климату Англии, особенно при существующих ныне высоких ввозных пошлинах на шелк-сырец. Зато железные товары и грубые сукна Англии несравненно превосходят французские, а также много дешевле их при одинаковом качестве. В Польше, как сообщают, отсутствует какая бы то ни было промышленность, за исключением небольшой грубой домашней промышленности, без которой не может существовать ни одна страна.

Такое значительное увеличение количества работы, которое может выполнить в результате разделения труда одно и то же число рабочих, зависит от трех различных условий: во-первых, от увеличения ловкости каждого отдельного рабочего; во-вторых, от экономии времени, которое обыкновенно теряется на переход от одного вида труда к другому; и, наконец, от изобретения большого количества машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку выполнять работу нескольких.

I. Развитие ловкости рабочего обязательно увеличивает количество работы, которое он в состоянии выполнить, а разделение труда, сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь простой операции и делая эту операцию единственным занятием всей его жизни, необходимо в значительной мере увеличивает ловкость рабочего. Обыкновенный кузнец, хотя и привычный к работе молотом, но никогда не выделявавший гвоздей, в случае поручения ему этой работы вряд ли окажется в состоянии, я в этом уверен, выделывать более 200 или 300 гвоздей в день, и притом очень плохих. Кузнец, привыкший изготавливать гвозди, но не занимавшийся исключительно или преимущественно этим делом, редко может при крайнем старании выделывать больше 800 или 1000 гвоздей в день. Я видел многих юношей, не достигших 20 лет, которые никогда не занимались другим делом, кроме выделки гвоздей, и которые при напряженном труде могли выделять каждый свыше 2300 гвоздей в день. А между тем выделка гвоздей отнюдь не является одною из простейших операций. Один и тот же рабочий раздувает мехи, по мере нужды сгребает или разгребает жар, раскаливает железо и кует отдельно каждую часть гвоздя; притом при ковании шляпки ему приходится менять инструменты. Различные операции, на которые расчленяется работа по выделке булавки или металлической пуговицы, более просты, и ловкость рабочего, работа которого в течение всей жизни сводилась к этой операции, обыкновенно бывает значительно большей. Быстрота, с которой выполняются некоторые операции в этих мануфактурах, превосходит всякое вероятие, и кто не видел этого собственными глазами, не поверит, что рука человека может достигнуть такой ловкости.

II. Выгода, получаемая от экономии времени на переход от одного вида работы к другому, значительно больше, чем мы в состоянии с первого взгляда представить себе. Невозможно очень быстро переходить от одного вида работы к другому, поскольку она выполняется в другом месте и иными инструментами. Деревенский ткач, обрабатывающий небольшую ферму, должен терять очень много времени на переход от своего станка в поле и с поля к станку. Когда две различные работы могут выполняться в одной и той же мастерской, потеря времени, несомненно, значительно меньше. Однако даже и в этом случае она весьма значительна. Рабочий обыкновенно делает небольшую передышку, переходя от одного вида работы к другому. Когда он принимается за новую работу, он редко проявляет сразу большое усердие и внимание; его голова, как выражаются, занята еще другим, некоторое время он смотрит по сторонам и не работает как следует. Привычка глазеть по сторонам и работать небрежно, естественно или, вернее, неизбежно приобретаемая каждым деревенским работником, который вынужден каждые полчаса менять работу и инструменты и ежедневно принаравливаясь в течение всей своей жизни к двадцати различным занятиям, почти всегда делает его ленивым, нерадивым и неспособным к напряженному труду даже в случаях настоятельной необходимости. Неза-

висимо поэтому от недостатка у него ловкости, одна эта причина должна всегда значительно уменьшать количество труда, которое он способен выполнить.

III. Наконец, всем должно быть понятно, как облегчается и сокращается труд благодаря применению надлежащих машин. Нет необходимости приводить примеры. Должен только заметить, что изобретение всех машин, облегчающих и сокращающих труд, следует, по-видимому, приписывать разделению труда. Люди скорее открывают более легкие и быстрые способы для достижения какого-нибудь результата, когда все внимание их умственных способностей направлено к одной лишь определенной цели, чем когда оно рассеивается на большое количество разных предметов. Вследствие разделения труда все внимание каждого работника, естественно, направляется на какой-нибудь один очень простой предмет. Естественно поэтому ожидать, что кто-либо из тех, кто занят в каждой специальной операции, скорее откроет более легкий и быстрый способ выполнения своей специальной работы, поскольку ее характер допускает это. Значительная часть машин, употребляемых в тех мануфактурах, где проведено наибольшее разделение труда, была первоначально изобретена простыми рабочими. Те, кому приходилось часто посещать такие мануфактуры, должны были видеть весьма хорошие машины, изобретенные самими рабочими в целях ускорения и облегчения выполняемой ими специальной работы. К первым паровым машинам постоянно приставлялся подросток для того, чтобы попеременно открывать и закрывать сообщение между котлом и цилиндром в зависимости от приподнимания и опускания поршня. Один из этих мальчиков, любивший играть со своими товарищами, подметил, что, если привязать веревку от рукоятки клапана, открывающего это сообщение, к другой части машины, клапан будет открываться и закрываться без его помощи и это позволит ему свободно забавляться с товарищами. Таким образом, одно из важнейших улучшений, сделанных в паровой машине с момента ее изобретения, было придумано подростком, который хотел сократить свой собственный труд.

Однако далеко не все усовершенствования машин явились изобретением тех, кому приходилось работать при машинах. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, когда производство машин сделалось особой отраслью промышленности, а некоторые – теми, кого называют учеными, или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов. С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан. Подобно всякому иному занятию, она тоже распадается на большое число различных специальностей, из которых каждая доставляет занятие особому разряду или классу ученых; такое разделение занятий в науке, как и во всяком другом деле, увеличивает умение и берегает время. Каждый отдельный работник становится более опытным и сведущим в своей специальности; в целом производится больше работы и значительно возрастают достижения науки. Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа. Каждый работник может располагать значительным количеством продуктов своего труда сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения его собственных потребностей; и, поскольку все остальные работники находятся точно в таком же положении, он оказывается в состоянии обменивать большое количество своих продуктов на большое количество изготавливаемых ими продуктов, или, что то же самое, на цену этих продуктов. Он с избытком доставляет им то, в чем они нуждаются, а они в той же мере снабжают его тем, в чем он нуждается, и таким образом достигается общее благосостояние во всех слоях общества.

Присмотритесь к домашней обстановке большинства простых ремесленников или поденщиков в цивилизованной и богатеющей стране, и вы увидите, что невозможно даже перечис-

лить количество людей, труд которых, хотя бы в малом размере, был затрачен на доставление всего необходимого им. Шерстяная куртка, например, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт соединенного труда большого количества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, аппретурщик и многие другие – все должны соединить свои различные специальности, чтобы выработать даже такую грубую вещь. А сколько, кроме того, купцов и грузчиков должно было быть занято для доставки материалов от одних рабочих к другим, живущим часто в весьма отдаленных частях страны! Сколько нужно было торговых сделок и водных перевозок, сколько, в частности, нужно было судостроителей, матросов, выделывателей парусов, канатов, чтобы доставить различные материалы, употребляемые красильщиком и нередко привозимые из самых отдаленных концов земли! А какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить инструменты для этих рабочих! Не говоря уже о таких сложных машинах, как судно, валяльная мельница и даже станок ткача, подумаем только, какой разнообразный труд необходим для того, чтобы изготовить весьма простой инструмент – ножницы, которыми пастух стрижет шерсть. Рудокop, строитель печи для руды, дровосек, угольщик, доставляющий древесный уголь для плавильной печи, изготовитель кирпича, каменщик, рабочий при плавильной печи, строитель завода, кузнец, ножовщик – все они должны соединить свои усилия, чтобы изготовить ножницы. Если мы таким же образом рассмотрим все различные предметы обстановки и одежды упомянутого простого ремесленника или поденщика – грубую холщовую рубаху, которую он носит на теле, обувь на его ногах, постель, на которой он спит, и все различные части ее в отдельности, плиту, на которой он приготовляет свою пищу, уголь, употребляемый им для этой цели, добытый из глубин земли и доставленный ему, может быть, морем и затем по суше с далекого расстояния, всю остальную утварь его кухни, все предметы на его столе – ножи и вилки, глиняные и оловянные блюда, на которых он ест и режет свою пищу; если подумаем о всех рабочих руках, занятых изготовлением для него хлеба и пива, оконных стекол, пропускающих к нему солнечный свет и тепло, защищающих от ветра и дождя, если подумаем о всех знаниях и ремеслах, необходимых для изготовления этого прекрасного и благодетельного предмета, без которого эти северные страны света вряд ли могли бы служить удобным местом для жилья; об инструментах всех различных работников, занятых в производстве различных предметов необходимости и удобств; если мы рассмотрим все это, говорю я, и подумаем, какой разнообразный труд затрачен на все это, мы поймем, что без содействия и сотрудничества многих тысяч людей самый бедный обитатель цивилизованной страны не мог бы вести тот образ жизни, который он обычно ведет теперь и который мы неправильно считаем весьма простым и обыкновенным. Конечно, в сравнении с чрезвычайной роскошью богача его обстановка должна казаться крайне простой и обыкновенной, и тем не менее может оказаться, что обстановка европейского государя не всегда настолько превосходит обстановку трудолюбивого и бережливого крестьянина, насколько обстановка последнего превосходит обстановку многих африканских царьков, абсолютных владык жизни и свободы десятков тысяч нагих дикарей.

## Глава II

### О причине, вызывающей разделение труда

Разделение труда, приводящее к таким выгодам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие – хотя очень медленно и постепенно развивающееся – определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой.

В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование того, является ли эта склонность одним из тех основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи. Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных, которым, по-видимому, данный вид соглашений, как и все другие, совершенно неизвестен. Когда две гончие преследуют одного и того же зайца, иногда кажется, будто они действуют по какому-то соглашению. Каждая из них гонит его в сторону другой или старается перехватить, когда другая гонит его к ней. Однако это отнюдь не результат какого-либо соглашения, а проявление случайного совпадения их страстей, направленных в данный момент в сторону одного и того же предмета. Никому не приходилось видеть, чтобы одна собака сознательно менялась костью с другой. Никому не приходилось видеть, чтобы какое-либо животное жестами или криком показывало другому: это – мое, то – твое, я отдам тебе одно в обмен на другое. Когда животное хочет получить что-либо от человека или другого животного, оно не знает других средств убеждения, чтобы снискать милость тех, от кого ожидает подачки. Щенок ласкается к своей матери, а болонка старается бесчисленными уловками привлечь внимание своего обдающего хозяина, когда хочет, чтобы он накормил ее. Человек иногда прибегает к таким же уловкам со своими ближними, и если у него нет другого средства побудить их действовать в соответствии с его желаниями, он пытается приобрести их расположение угодничеством и всяческой лестью. Однако у него не хватило бы времени действовать так во всех случаях. В цивилизованном обществе он непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц. Почти у всех других видов животных каждая особь, достигнув зрелости, становится совершенно независимой и в своем естественном состоянии не нуждается в помощи других живых существ; между тем человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них. Всякий предлагающий другому сделку какого-либо рода предлагает сделать именно это. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе, – таков смысл всякого подобного предложения. Именно таким путем мы получаем друг от друга значительно большую часть услуг, в которых мы нуждаемся. Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах. Никто не хочет зависеть главным образом от благоволения своих сограждан. Даже нищий не целиком зависит от него. Милосердие добрых людей снабжает его, правда, средствами, необходимыми для существования. Но, хотя этот источник в конечном счете дает ему все необходимое для жизни, он не снабжает и не может снабжать его непосредственно предметами жизненной необходимости в тот момент, когда нищий испытывает в них нужду. Большая часть его нужд удовлетворяется таким же способом, как и нужды других людей, а именно посредством договора, обмена, покупки. На деньги, которые нищий получает от других людей, он покупает пищу. Старое платье, которое ему дарят, он выменивает на другое, более подходящее для него, или на жилище, пищу, наконец, на деньги, на которые он может купить пищу, одежду, снять помещение в зависимости от потребности.

Точно так же как посредством договора, обмена и покупки мы приобретаем друг от друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек выделяет, например, луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот или дичь; в конце концов он видит, что может таким путем получать больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей

выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится таким образом своего рода оружейником. Другой выделяется своим умением строить и покрывать крышей маленькие хижины или шалаши. Он привыкает помогать в этой работе своим соседям, которые вознаграждают его таким же способом – скотом и дичью, пока, наконец, он не признает выгодным для себя целиком отдаться этому занятию и сделаться своего рода плотником. Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый – кожевником или дубильщиком шкур и кож, главных частей одежды дикарей. И, таким образом, уверенность в возможности обменять весь тот излишек продукта своего труда, который превышает его собственное потребление, на ту часть продукта труда других людей, в которой он может нуждаться, побуждает каждого человека посвятить себя определенному специальному занятию и развить до совершенства свои природные дарования в данной специальной области.

Различные люди отличаются друг от друга своими естественными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и само различие способностей, которыми отличаются они в своем зрелом возрасте, во многих случаях является не столько причиной, сколько следствием разделения труда. Различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым уличным носильщиком, например, создается, по-видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием. Во время своего появления на свет и в течение первых шести или восьми лет своей жизни они были очень похожи друг на друга, и ни их родители, ни сверстники не могли заметить сколько-нибудь заметного различия между ними. В этом возрасте или немного позже их начинают приучать к различным занятиям. И тогда становится заметным различие способностей, которое делается постепенно все больше, пока, наконец, тщеславие ученого отказывается признавать хотя бы и тень сходства между ними. Но не будь склонности к торгу и обмену, каждому человеку приходилось бы самому добывать для себя все необходимое для жизни. Всем приходилось бы выполнять одни и те же обязанности, производить одну и ту же работу, и не существовало бы тогда такого разнообразия занятий, которое и породило значительное различие в способностях.

Эта склонность к обмену не только создает различие способностей, столь заметное у людей различных профессий, она также делает его полезным. Многие породы животных, признаваемые принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо более резко выраженным несхождением способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания. Ученый по своему уму и способностям и наполовину не отличается так от уличного носильщика, как дворцовая собака от гончей, или гончая от болонки, или последняя от овчарки. Однако эти различные породы животных, хотя и принадлежащие все к одному виду, почти бесполезны друг для друга. Сила дворцовой собаки ни в малейшей степени не дополняется ни быстротой гончей, ни понятливостью болонки, ни послушанием овчарки. Все эти различные способности и свойства, ввиду отсутствия способности или склонности к обмену и торгу, не могут быть использованы в общих целях и ни в какой мере не содействуют лучшему приспособлению и удобствам всего вида. Каждое животное, вынужденное заботиться о себе, защищать себя отдельно и независимо от других, не получает решительно никакой выгоды от разнообразных способностей, которыми природа наделила подобных ему животных. Напротив того, среди людей самые несходные дарования полезны одно другому; различные их продукты благодаря склонности к торгу и обмену собираются как бы в одну общую массу, из которой каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается.

## Глава III

### Разделение труда ограничивается размерами рынка

Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности, или, другими словами, размерами рынка. Когда рынок незначителен, ни у кого не может быть побуждения посвятить себя целиком какому-либо одному занятию ввиду невозможности обменять весь излишек продукта своего труда на необходимые продукты труда других людей.

Существуют профессии, даже самые простые, которыми можно заниматься только в большом городе. Носильщик, например, ни в каком другом месте не может найти себе занятие и прокормление. Деревня является слишком узким поприщем для приложения его труда, даже город средней величины вряд ли достаточно велик для того, чтобы обеспечить ему постоянную работу. В уединенных фермах и маленьких деревушках, разбросанных в такой редконаселенной стране, как горная Шотландия, каждый фермер должен быть вместе с тем мясником, булочником и пивоваром для своей семьи. В таких условиях трудно встретить даже кузнеца, плотника или каменщика на расстоянии менее 20 миль от его собрата по профессии. Семьи, живущие на расстоянии 8 или 10 миль друг от друга, вынуждены сами выполнять множество мелких работ, за выполнением которых в более населенных местностях они обратились бы к содействию этих ремесленников. Деревенские ремесленники почти повсеместно вынуждены заниматься самыми разнообразными промыслами, имеющими лишь то общее, что для них употребляются одинаковые материалы. Деревенский плотник выполняет всякого рода работу по дереву, деревенский кузнец выделывает все изделия из железа. Первый является не только плотником, но и столяром, краснодеревцем и даже резчиком по дереву, а также изготавливает колеса, телеги и плуги. Работа кузнеца еще более разнообразна. В отдаленных и внутренних частях горной Шотландии немыслима даже профессия гвоздаря. Такой рабочий при выработке в день 1 тыс. гвоздей и при 300 рабочих днях в году изготовит за год 300 тыс. гвоздей. Но в такой местности невозможно сбыть и 1 тыс. гвоздей в год.

Так как благодаря водному транспорту для всех видов труда открывается более обширный рынок, чем это мыслимо при существовании одного лишь сухопутного транспорта, то разделение труда и совершенствование всякого рода промыслов, естественно, вводятся впервые в приморских местностях и по берегам судоходных рек; часто эти улучшения спустя лишь долгое время проникают во внутренние части страны. Большой фургон, запряженный 8 лошадьми и при 2 рабочих, в продолжение шести недель свезет из Лондона в Эдинбург и обратно около 4 тонн товара. Приблизительно за то же самое время парусное судно с экипажем в 6 или 8 человек, курсирующее между портами Лондона и Лейта, свезет туда и обратно 200 тонн товара. Таким образом, 6 или 8 человек при помощи водного транспорта могут свезти туда и обратно между Лондоном и Эдинбургом такое же количество товаров, какое свезут 50 больших фургонов при 100 рабочих и 400 лошадях. Следовательно, на 200 тонн товаров, перевозимых самым дешевым способом – сухим путем – из Лондона в Эдинбург, должны ложиться расходы по содержанию в течение трех недель 100 человек и 400 лошадей; к этому надо присоединить уменьшение стоимости лошадей – сумма, приблизительно равная содержанию их, равно как и 50 фургонов. Между тем на такое же количество товаров, перевозимых водою, приходится наложить только расход по содержанию 6 или 8 человек и стоимость снашивания судна вместимостью в 200 тонн плюс оплата большего риска, или разницы между морским и сухопутным страхованием. Поэтому, если бы между этими двумя пунктами не было иного сообщения, кроме сухопутного, и из одного из них можно было бы перевозить в другой только такие товары, цена которых весьма значительна в сравнении с их весом, эти пункты могли бы вести между собою лишь ничтожную торговлю по сравнению с тою, которая существует в



настоящее время, и, следовательно, могли бы поощрять промышленность друг друга в значительно меньшей степени, чем ныне. При таких условиях или совсем не могла бы существовать какая бы то ни было торговля между различными частями света, или имела бы ничтожные размеры. Какие товары могли бы выдержать расходы по сухопутной перевозке между Лондоном и Калькуттой? И если бы даже нашлись столь дорогостоящие товары, чтобы выдержать такие расходы, то разве перевозка их через территории стольких варварских народов могла бы быть безопасна? Между тем эти два города в настоящее время ведут между собою очень значительную торговлю, и каждый из них, представляя рынок для другого, в большей мере поощряет промышленность последнего.

При таких преимуществах водного транспорта представляется естественным, что первые успехи ремесел и промышленности имели место там, где удобство сообщений открывало весь мир для сбыта продуктов всех видов труда, и что они всегда позднее начинали развиваться во внутренних областях страны. Последние в течение долгого времени не могут иметь для большей части своих товаров другого рынка, кроме прилегающих к ним местностей, отделяющих их от морского берега и больших судоходных рек. Размеры рынка поэтому в течение продолжительного времени должны соответствовать богатству и населению этих местностей, и потому рост их богатства всегда будет отставать от роста богатства упомянутых местностей. В наших североамериканских колониях плантации постоянно устраивались на берегу моря или по берегам судоходных рек и вряд ли где-нибудь простирались на значительное расстояние от них.

Народы, которые, согласно самым достоверным историческим источникам, представляются первыми носителями цивилизации, жили по берегам Средиземного моря. Это море, величайшее из известных на земле внутренних морей, не знающее ни приливов и отливов, ни волнений, кроме вызываемых ветром, благодаря спокойствию своей поверхности, а также обилию островов и близости окаймляющих его берегов чрезвычайно благоприятствовало зарождавшемуся мореплаванию в то отдаленное время, когда люди, не знавшие еще компаса, боялись терять из виду берег и вследствие слабого развития кораблестроения того времени не решались пускаться в бушующие волны океана. Проплыть геркулесовы столпы, т. е. выйти за Гибралтарский пролив в открытое море, долго считалось в древнем мире самым удивительным и опасным подвигом. Много прошло времени, пока финикийцы и карфагеняне, самые искусные мореплаватели и кораблестроители тех отдаленных времен, попытались сделать это, и еще долгое время только они предпринимали такие попытки.

Из всех стран по берегам Средиземного моря Египет, по-видимому, первый занялся в сколько-нибудь значительных размерах земледелием и промышленностью и усовершенствовал их. Верхний Египет ни в одном месте не отделяется более чем на несколько миль от Нила, а в Нижнем Египте эта великая река разветвляется на множество рукавов, которые при помощи несложных искусственных сооружений обеспечивали, по-видимому, водное сообщение не только между крупными городами, но и между всеми значительными сельскими поселениями и даже многими отдельными поместьями, как это в настоящее время имеет место по Рейну и Маасу в Голландии. Обширность и легкость этого внутреннего водного сообщения послужили, вероятно, одной из главных причин ранней цивилизации Египта.

Земледелие и промышленность развились, по-видимому, также в весьма глубокой древности в провинциях Бенгалии в Индии и в некоторых из восточных провинций Китая; впрочем, отдаленность этого времени не может быть установлена вполне достоверно для нас историческими источниками. В Бенгалии Ганг и ряд других больших рек разветвляются на множество судоходных рукавов, подобно Нилу в Египте. В восточных провинциях Китая несколько больших рек с их притоками тоже образуют много судоходных путей и, сообщаясь между собой, порождают внутреннее судоходство, еще более оживленное, чем по Нилу и Гангу или, пожалуй, по обоим вместе. Интересно, что ни древние египтяне, ни индусы, ни китайцы не поощ-

ряли внешней торговли, но свои большие богатства все они извлекали, по-видимому, из этого внутреннего судоходства.

Вся внутренняя часть Африки, часть Азии, которая отстоит далеко к северу от Черного и Каспийского морей, древняя Скифия, современная Татария и Сибирь во все века находились, по-видимому, в таком же варварском и диком состоянии, в каком они находятся и в настоящее время. Единственным морем Татарии являлся Ледовитый океан, который не допускает судоходства; и хотя несколько величайших рек в мире протекает по этой стране, они находятся на слишком большом расстоянии друг от друга, чтобы по ним можно было поддерживать сношения и вести торговлю с большей частью страны. В Африке совсем не существует таких больших внутренних морей, как Балтийское и Адриатическое в Европе, Средиземное и Черное в Европе и Азии, и таких заливов, как Аравийский, Персидский, Индийский, Бенгальский и Сиамский в Азии, а потому внутренние области этого великого материка недоступны морской торговле, большие же реки Африки находятся слишком далеко друг от друга, чтобы делать возможным сколько-нибудь значительное внутреннее судоходство. Помимо того, торговля, которую может вести народ, пользуясь рекой, не имеющей большого числа притоков и рукавов и протекающей перед впадением в море по чужой территории, никогда не достигает очень значительных размеров, потому что всегда во власти народов, обладающих этой территорией, воспрепятствовать сообщению между истоками реки и морем. Судоходство по Дунаю приносит очень мало пользы различным государствам, через которые он протекает, – Баварии, Австрии и Венгрии – в сравнении с тем, что оно могло бы давать, если бы одно из этих государств владело рекою на всем ее протяжении до впадения в Черное море.

## **Глава IV**

### **О происхождении и употреблении денег**

Как только повсеместно устанавливается разделение труда, лишь весьма малая доля потребностей каждого человека может быть удовлетворена продуктом его собственного труда. Значительно большую часть их он удовлетворяет обменом того излишка продуктов своего труда, который остается после удовлетворения его потребностей, на излишки продукта труда других людей, в которых он нуждается.

Таким образом, каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз.

Но, когда разделение труда только еще зарождалось, эта возможность обмена часто встречала очень большие затруднения. Предположим, что один человек обладал большим количеством определенного продукта, чем сам нуждался в нем, тогда как другой испытывал в нем недостаток. Поэтому первый охотно отдал бы часть этого излишка, а второй охотно приобрел бы его. Но если последний в данный момент не имел бы ничего такого, в чем нуждается первый, то между ними не могло бы произойти никакого обмена. Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем сам может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждый часть этого мяса; они не могут ничего предложить ему в обмен, кроме различных продуктов их собственного промысла, но мясник уже запасся тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время. В таком случае между ними не может состояться обмен. Мясник не может явиться поставщиком пивовара и булочника, а они – его потребителями; и, таким образом, они все ничем не могут служить друг другу. В целях избежания таких неудобных положений каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда, естественно, должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла.

Надо думать, что самые различные товары выбирались и употреблялись последовательно для этой цели. В варварском состоянии общества таким общим орудием обмена, как говорят, был скот; и хотя он был весьма неудобен для этой цели, однако мы находим, что в древние времена предметы часто оценивались по тому количеству скота, которое давалось в обмен на них. Вооружение Диомеда, как говорит Гомер, стоило только 9 быков, а вооружение Главка стоило 100 быков. Как передают, в Абиссинии обычным средством торговли и обмена служит соль; на берегах Индии таким средством служат раковины особого вида, в Нью-Фаундленде – сушеная треска, в Виргинии – табак, в некоторых наших вест-индских колониях – сахар, в некоторых других странах – шкуры или выделанная кожа, и, как мне рассказывали, в настоящее время в Шотландии существует деревня, где рабочий нередко вместо денег приносит в булочную или пивную гвозди.

Однако во всех странах люди, по-видимому, в силу бесспорных доводов сочли, в конце концов, необходимым дать предпочтение для этой цели металлам по сравнению со всеми другими предметами. Металлы не только можно сохранять с наименьшею потерей, ибо вряд ли какие-нибудь другие предметы обладают большею прочностью по сравнению с ними, но их можно также делить без всяких потерь на любое количество частей, которые потом опять могут быть легко сплавлены в один кусок; этим качеством не обладает никакой другой продукт, отличающийся такою же прочностью, и именно оно, больше чем какое-нибудь другое, делает их пригодными служить орудием обмена и обращения. Например, человек, которому нужно было купить соль и который в обмен на нее мог дать только скот, вынужден был купить соль в количестве, равном цене целого быка или целой овцы. Он редко мог купить меньше этого количества, потому что то, что он мог отдать за нее, редко можно было разделить на части без убытка; а если ему хотелось купить больше, то в силу той же причины он вынужден был покупать двойное или тройное количество, т. е. на стоимость двух или трех быков или двух или трех овец. Если же вместо овцы или быка он мог дать в обмен за соль металл, он легко мог отделить количество металла, точно соответствующее количеству того товара, в котором он в данный момент нуждался.

Различные народы пользовались для этой цели различными металлами. Древние спартанцы употребляли в качестве средства обмена железо, древние римляне пользовались для этого медью; золотом и серебром пользовались все богатые и торговые народы.

Первоначально, по-видимому, металлы употреблялись для этой цели в слитках, а не в монете. Так, Плиний<sup>87</sup> рассказывает нам, ссылаясь на свидетельство Тимея, что до Сервия Туллия римляне не имели чеканной монеты, а для покупки нужных им предметов пользовались слитками меди без всякого чекана. Таким образом, эти неоформленные слитки металла в то время выполняли функцию денег.

Пользование такими слитками металла сопровождалось двумя очень значительными неудобствами: во-первых, трудностью взвешивать металл и, во-вторых, трудностью определения их пробы. По отношению к драгоценным металлам, когда даже ничтожная разница в количестве обуславливает громадную разницу в их стоимости, самое взвешивание с надлежащей точностью требует по крайней мере очень точных весов и гирь. Взвешивание золота в особенности представляет собою очень кропотливую и тонкую операцию. Конечно, с более грубыми металлами, когда небольшая ошибка не имеет большого значения, требуется меньшая точность. Однако мы нашли бы в высшей степени неудобным, если бы бедный человек, собирающийся купить или продать что-нибудь на мелкую монету, должен был каждый раз отвешивать надлежащее количество металла. Операция удостоверения чистоты металла еще более затруднительна, требует еще большей кропотливости, и если металл не расплавлен надлежащим образом в тигле и не обработан надлежащими кислотами, всякое определение пробы его

<sup>87</sup> *Plin. Hist. Nat. lib. cap. 3.*

будет в высшей степени неточно. До введения чеканной монеты люди всегда должны были подвергаться самым грубым обманам и надувательствам. Вместо фунта чистого серебра или чистой меди они могли получать в обмен на свои товары подделанный сплав из самых грубых и дешевых материалов, которые, однако, по внешнему виду походили на эти металлы. Для предотвращения таких злоупотреблений, для облегчения обмена и содействия таким образом развитию всех видов промышленности и торговли во всех более или менее развитых странах было сочтено необходимым отмечать публичным клеймом определенные количества тех металлов, которые в этих странах обычно употреблялись при покупке товаров. Так возникли чеканная монета и те государственные учреждения, которые получили название монетных дворов. Они имеют совершенно такой же характер, как и учреждения, созданные для надзора за правильностью мер и для клеймения сукон и полотен. Все эти учреждения имеют одну и ту же задачу – удостоверить наложением публичных клейм количество и установленное качество различных товаров, поступающих на рынок.

Первые публичные клейма такого рода, которые накладывались на находившиеся в обращении металлы, во многих случаях, по-видимому, имели в виду удостоверить то, что было труднее и важнее всего, а именно – доброкачественность или чистоту металла; они походили на пробу, которой в настоящее время клеймятся слитки серебра и серебряная посуда, или на испанскую пробу, которая иногда накладывается на слитки золота и которая, будучи наложена только на одну сторону слитка, не покрывая всю его поверхность, удостоверяет только чистоту металла, а не его вес. Авраам отвесил Ефрону четыреста сиклей серебра, которые обещал заплатить за Махпельское поле. Хотя сикли, по-видимому, были ходячей монетой в торговле, однако они принимались по весу, а не по счету, точно так же, как слитки золота и серебра в настоящее время. Как передают, доходы древних саксонских королей Англии получались ими не в монете, а натурой, т. е. всякого рода съестными и другими припасами. Вильгельм Завоеватель установил обычай уплачивать эти доходы монетой. Однако она в течение долгого времени принималась в казначействе по весу, а не по счету.

Неудобства и затруднения, связанные с точным взвешиванием этих металлов, повели к установлению чекана монет, причем клейма, целиком покрывающие обе стороны монеты, а иногда также ее ребра, должны были удостоверить не только чистоту, но и вес металла. Поэтому такие монеты принимались, как и в настоящее время, по счету, без взвешивания их.

Названия этих монет первоначально, по-видимому, выражали вес или количество металла, содержащегося в них. Во времена Сервия Туллия, который первый стал чеканить в Риме монету, римский асс, или пондо, содержал римский фунт чистой меди. Подобно нашему тройскому фунту, он подразделялся на 12 унций, из которых каждая содержала унцию чистой меди. Во времена Эдуарда I английский фунт стерлингов содержал фунт серебра (по тауэрскому весу) установленной пробы. Тауэрский фунт, по-видимому, был несколько больше римского фунта и несколько меньше тройского фунта.<sup>88</sup> Последний был введен в английском монетном дворе только на 18-м году царствования Генриха VIII. Французский ливр во времена Карла Великого содержал тройский фунт серебра установленной пробы. Ярмарка в Труа в Шампани в это время посещалась всеми народами Европы, и потому меры и весы столь известной ярмарки были всюду известны и всеми признавались. Шотландская монета в фунт со времени Александра I до Роберта Брюса содержала фунт серебра того же веса и пробы, как и английский фунт стерлингов. Английские, французские и шотландские пенни содержали

<sup>88</sup> Смит отличает тройский фунт (Troyes pound) от тауэрского фунта (Tower pound). Под тройским фунтом понимается известная мера веса, употребляемая до сих пор при взвешивании золота и серебра. Что касается термина Tower pound, то русский переводчик Смита П. А. Бибилов (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. СПб., 1866), по образцу французского перевода, передал его как «турский фунт». На самом же деле Смит, по-видимому, имеет в виду весовую единицу, употреблявшуюся в то время на монетном дворе в Тауэре, откуда и название тауэрский фунт. Ср. Rogers. History of agriculture and prices in England. Vol. I. 1866. P. 173. (Прим. ред.)

тоже первоначально действительный пенс серебра, т. е. одну двадцатую часть унции, или  $1/240$  часть фунта. Шиллинг тоже первоначально, по-видимому, обозначал вес. Когда пшеница стоит 12 шилл. за квартал, говорит старинный статут Генриха III, пшеничный хлеб ценою в один фартинг должен весить 11 шилл. и 4 п. Однако соотношение между шиллингом и пенни, с одной стороны, и фунтом, с другой стороны, не было, вероятно, так постоянно и единообразно, как соотношение между пенни и фунтом. Во время первой династии французских королей французское су, или шиллинг, в различных случаях содержал, по-видимому, 5, 12, 20 и 40 п. У древних саксов шиллинг одно время содержал только 5 пенсов; и представляется вероятным, что он был у них столь же неустойчив, как и у их соседей, древних франков. Со времени Карла Великого у французов и со времени Вильгельма Завоевателя у англичан соотношения между фунтом, шиллингом и пенни установились, по-видимому, такие же, как и в настоящее время, хотя стоимость их была совсем другая. Ибо во всех странах мира, как я полагаю, скупость и несправедливость государей и государственной власти, злоупотреблявших доверием своих подданных, постепенно уменьшили действительное содержание металла, первоначально содержащееся в их монетах. Римский асс в последние времена республики был уменьшен до  $1/24$  части своей первоначальной стоимости и стал весить только пол-унции вместо фунта. Английский фунт и пенни содержат в настоящее время только около трети, шотландские фунт и пенни – около  $1/36$ , а французские фунт и пенни – около  $1/66$  части своей первоначальной стоимости. Посредством таких операций государи и правительства получали, как казалось, возможность уплачивать свои долги и выполнять свои обязательства при помощи меньшего количества серебра, чем требовалось бы без такой подделки. Однако это была только видимость, ибо их кредиторы фактически оказывались обманутыми и лишались части того, что им следовало получить. Все другие должники в государстве получали такую же привилегию и могли теперь погашать долги, сделанные ими в старой монете, такой же номинальной суммой новой и испорченной монеты. Поэтому подобные операции всегда оказывались выгодными для должников и разорительными для кредиторов; нередко они производили более значительные расстройства и всеобщие потрясения в имущественном состоянии частных лиц, чем потрясения, порождаемые великими общественными бедствиями.

Таким образом, у всех цивилизованных народов деньги стали всеобщим орудием торговли, при посредстве которого продаются и покупаются всякого рода товары или же обмениваются один на другой.

Теперь я приступлю к выяснению правил, согласно которым люди обменивают товары друг на друга или за деньги. Эти правила определяют так называемую относительную, или меновую, стоимость товара.

Надо заметить, что слово *стоимость* имеет два различных значения: иногда оно обозначает полезность какого-нибудь предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Первую можно назвать потребительной стоимостью, вторую – меновой стоимостью. Предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют; напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют. Нет ничего полезнее воды, но на нее почти ничего нельзя купить, почти ничего нельзя получить в обмен на нее. Напротив, алмаз почти не имеет никакой потребительной стоимости, но часто в обмен на него можно получить очень большое количество других товаров.

Для выяснения основных правил, определяющих меновую стоимость товаров, я попытаюсь показать:

во-первых, каково действительное мерило этой меновой стоимости, или в чем состоит действительная цена всех товаров;

во-вторых, из каких частей состоит эта действительная цена;

и, наконец, какие причины повышают иногда некоторые или все части этой цены над ее естественным или обычным уровнем, а иногда понижают ее ниже этого уровня; или какие причины иногда препятствуют точному совпадению рыночной цены, т. е. фактической цены товаров, с их естественной ценой.

Эти три вопроса я попытаюсь выяснить со всей возможной полнотой и ясностью в трех последующих главах, причем должен весьма серьезно просить у читателя внимания и терпения: терпения – для рассмотрения подробностей, которые могут в некоторых местах показаться, может быть, излишне утомительными; внимания – для усвоения того, что может показаться в некоторой степени неясным даже после самых обстоятельных объяснений, какие я в состоянии дать. Я всегда предпочитаю заслужить упрек в недостатке краткости, лишь бы быть уверенным, что мое изложение понятно; однако, несмотря на все мое старание быть возможно более понятным, вопрос все же может показаться недостаточно разъясненным ввиду его чрезвычайно абстрактного характера.

## **Глава V**

### **О действительной и номинальной цене товаров, или о цене их в труде и цене их в деньгах**

Каждый человек богат или беден в зависимости от того, в какой степени он может пользоваться предметами необходимости, удобства и удовольствия. Но после того как установилось разделение труда, собственным трудом человек может добывать лишь очень небольшую часть этих предметов: значительно большую часть их он должен получать от труда других людей; и он будет богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может располагаться или которое он может купить. Поэтому стоимость всякого товара для лица, которое обладает им и имеет в виду не использовать его или лично потребить, а обменять на другие предметы, равна количеству труда, которое он может купить на него или получить в свое распоряжение. Таким образом, труд представляет собою действительное мерило меновой стоимости всех товаров.

Действительная цена всякого предмета, т. е. то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, нужные для приобретения этого предмета. Действительная стоимость всякого предмета для человека, который приобрел его и который хочет продать его или обменять на какой-либо другой предмет, состоит в труде и усилиях, от которых он может избавить себя и которые он может возложить на других людей. То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом. В самом деле, эти деньги или товары сберегают нам этот труд. Они содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость такого же количества труда. Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы. Не на золото или серебро, а только на труд первоначально были приобретены все богатства мира; стоимость их для тех, кто владеет ими и кто хочет обменять их на какие-либо новые продукты, в точности равна количеству труда, которое он может купить на них или получить в свое распоряжение.

Как говорит Гоббс, богатство – это сила.<sup>89</sup> Но человек, который приобретает или получает по наследству большое состояние, необязательно приобретает вместе с ним или наследует политическую, гражданскую или военную власть. Его состояние, может быть, дает ему средства приобрести ту или другую, но одно лишь обладание этим состоянием не дает ему непременно

---

<sup>89</sup> «Leviathan», part. I, ch. 10.

такую власть. Обладание этим состоянием дает ему немедленно и непосредственно лишь возможность покупать, располагать всем трудом или всем продуктом труда, который имеется на рынке. Богатство его более или менее велико в прямом соответствии с размерами этой возможности, т. е. с количеством труда других людей, или, что то же самое, с количеством продукта труда других людей, которое он благодаря своему богатству может купить или получить в свое распоряжение. Меновая стоимость всякого предмета должна быть всегда в точности равна размеру той власти, которую данный предмет дает своему обладателю.

Однако, хотя труд является действительным мерилom меновой стоимости всех товаров, стоимость их обычно расценивается не в труде. Часто бывает трудно установить отношение между двумя различными количествами труда. Время, затраченное на две различные работы, не всегда само по себе определяет это взаимоотношение. В расчет должна быть принята также различная степень затраченных усилий и необходимого искусства. Один час какой-нибудь тяжелой работы может заключать в себе больше труда, чем два часа легкой работы; точно так же один час занятия таким ремеслом, обучение которому потребовало десять лет труда, может содержать в себе больше труда, чем работа в течение месяца в каком-нибудь обычном занятии, не требующем обучения. Не легко найти точное мерило для определения степени трудности или ловкости. Правда, обычно при обмене продуктов различных видов труда принимается во внимание степень трудности и ловкости. Однако при этом не имеется никакого точного мерила, и дело решает рыночная конкуренция в соответствии с той грубой справедливостью, которая, не будучи вполне точной, достаточна все же для обычных житейских дел.

Помимо того, товары гораздо чаще обмениваются, а потому и сравниваются с другими товарами, чем с трудом. Поэтому более естественным является расценивать их меновую стоимость количеством какого-нибудь другого товара, а не количеством труда, которое можно на них купить. К тому же большинство людей лучше понимает, что означает определенное количество какого-нибудь товара, чем определенное количество труда. Первое представляет собою осязательный предмет, тогда как второе – абстрактное понятие, которое хотя и может быть объяснено, но не отличается такую простотою и очевидностью.

С тех пор как прекратилась меновая торговля и деньги сделались общепринятым средством торговли, каждый отдельный товар гораздо чаще обменивается на деньги, чем на какой бы то ни было другой товар. Мясник редко тащит своего быка или барана к булочнику или пивовару для того, чтобы обменять их на хлеб или на пиво; он отправляется с ними на рынок, где выменивает их на деньги, а затем обменивает эти деньги на хлеб и на пиво. Количество денег, которое он получает за них, определяет в свою очередь количество хлеба и пива, которое он может затем купить. Поэтому для него гораздо естественнее и проще расценивать их стоимость по количеству денег – товара, на который он непосредственно выменивает их, чем по количеству хлеба и пива – товаров, на которые он может обменять их только при посредстве третьего товара. Проще сказать, что мясо стоит три или четыре пенса за фунт, чем сказать, что оно стоит три или четыре фунта хлеба или три или четыре кварты пива. В результате этого меновая стоимость каждого товара чаще расценивается по количеству денег, чем по количеству труда или какого-нибудь другого товара, которое можно получить в обмен на него.

Однако, подобно всем другим товарам, золото и серебро меняются в своей стоимости: они бывают то дешевле, то дороже, их то легче, то труднее купить. Количество труда, которое можно получить в свое распоряжение или купить на определенное количество этих металлов, или количество других товаров, которое можно выменять на них, всегда находится в зависимости от обилия или скудости разрабатываемых в данное время рудников. В XVI столетии открытие богатых рудников в Америке уменьшило в Европе стоимость золота и серебра приблизительно на целую треть. Так как добыча этих металлов из рудников и доставка их на рынок стоили теперь меньшего труда, то, попадая на рынок, золото и серебро могли уже купить меньшее количество труда. И эта, пожалуй, величайшая революция в стоимости золота и серебра

отнодье не единственная известная в истории. Подобно тому как естественные меры, вроде ступни, локтя или горсти, постоянно меняющиеся в своих размерах, никогда не могут служить точным мерилom количества других предметов, так и товар, который сам постоянно подвергается колебаниям в своей стоимости, никоим образом не может быть точным мерилom стоимости других товаров. Можно сказать, что во все времена и во всех местах одинаковые количества труда имели всегда одинаковую стоимость для рабочего. При обычном состоянии своего здоровья, силы и способностей, при обычной степени искусства и ловкости он всегда должен пожертвовать той же самой долей своего досуга, своей свободы и спокойствия. Цена, которую он уплачивает, всегда остается неизменной, каково бы ни было количество товаров, которое он получает в обмен за свой труд. Правда, он может иногда купить большее количество этих товаров, иногда меньшее, но в данном случае изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, на который они покупаются. Во все времена и повсюду дорогим считалось то, что трудно достать или на приобретение чего требуется больше труда, а дешевым то, что легче достать или что требует затраты меньшего количества труда. Таким образом, один лишь труд, стоимость которого никогда не меняется, является единственным и действительным мерилom, при помощи которого во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров. Именно труд составляет их действительную цену, а деньги составляют лишь их номинальную цену.

Но хотя равные количества труда имеют всегда одинаковую стоимость для работника, однако для его нанимателя они представляют собою то бoльшую, то меньшую стоимость. Он покупает эти количества труда то за большее, то за меньшее количество товаров, и ему представляется, что цена труда меняется так же, как и цена всех других предметов. В одних случаях она кажется ему дорогой, а в других дешевой. Но в действительности именно товары дешевы в одном случае и дороги в другом.

Таким образом, в этом обычном смысле можно говорить, что труд, подобно товарам, обладает действительной и номинальной ценой. Можно сказать, что его действительная цена состоит в количестве предметов необходимости и удобства, которые даются за него, а номинальная цена состоит в количестве денег. Рабочий бывает богат или беден, он хорошо или плохо вознаграждается в зависимости от действительной, а не номинальной цены его труда.

Различие между действительной и номинальной ценой товаров и труда имеет не только чисто теоретическое значение, но нередко имеет и важное практическое значение. Одна и та же действительная цена всегда имеет одну и ту же стоимость, но ввиду колебания стоимости золота и серебра одна и та же номинальная цена может иметь весьма различные стоимости. Поэтому если продается какое-нибудь имение с обеспечением продавцу постоянной ренты, то при желании, чтобы эта рента всегда сохраняла одну и ту же стоимость, для семейства, в пользу которого устанавливается эта рента, важно, чтобы она не была выражена в какой-либо определенной сумме денег. Действительно, в таком случае стоимость этой ренты подвергалась бы двоякого рода колебаниям: во-первых, тем, которые обуславливаются колебаниями количества золота и серебра, содержащегося в различные эпохи в монете одного и того же наименования; и, во-вторых, тем, которые обуславливаются различием стоимости одинаковых количеств золота и серебра в разное время.

Государи и правительства нередко воображали, что в данный момент им выгодно уменьшить количество чистого металла, содержащегося в их монете, но им редко приходило в голову увеличивать его. Я поэтому думаю, что количество металла, содержащегося в монетах всех народов, почти непрерывно уменьшалось и вряд ли когда-нибудь увеличивалось. Такие изменения почти всегда ведут к уменьшению стоимости денежных рент.

Открытие рудников в Америке уменьшило стоимость золота и серебра в Европе. Как обыкновенно полагают, — хотя, думается мне, бездоказательно, — это уменьшение все еще постепенно продолжается и как будто будет продолжаться еще в течение значительного вре-



мени. Если это верно, то такие изменения в стоимости золота и серебра скорее уменьшат стоимость денежных рент, чем увеличат их, даже если плата их будет выговорена не в определенном количестве монет того или другого наименования (например, столько-то фунтов стерлингов), а в определенном количестве унций чистого серебра или серебра определенной пробы.

Ренты, установленные в зерне, гораздо лучше сохранили свою стоимость, чем ренты, установленные в деньгах, даже если чеканка монеты не изменилась. В 18-й год правления Елизаветы было издано распоряжение, чтобы третья часть ренты по арендным договорам, заключаемым университетскими коллегиями, устанавливалась в зерне и выплачивалась либо натурой, либо соответственно фактической цене зерна на ближайшем рынке. Деньги от реализации этой натуральной доли ренты и первоначально составлявшие лишь третью часть всей ренты, в настоящее время, по словам д-ра Блэкстона, обычно вдвое больше той суммы, которая получается от остальных двух третей. Соответственно этому старинные денежные ренты университетских коллегий уменьшились до четвертой части своей прежней стоимости или стоят немного больше четвертой части того количества зерна, которому они раньше равнялись по стоимости. Но со времени правления Филиппа и Марии качество английской монеты подверглось небольшим изменениям, а может быть, и совсем не изменялось, и потому одно и то же количество фунтов, шиллингов и пенсов содержало все время почти неизменное количество чистого серебра. Таким образом, это уменьшение стоимости денежных рент университетских коллегий обусловлено исключительно уменьшением стоимости серебра.

Когда уменьшение стоимости серебра соединяется с уменьшением количества его, содержащегося в монете одного и того же наименования, потери часто бывают еще больше. В Шотландии, где ухудшение монеты имело место в гораздо больших размерах, чем когда бы то ни было в Англии, и во Франции, где оно производилось в еще больших размерах, чем даже в Шотландии, некоторые старинные ренты, первоначально имевшие значительную стоимость, свелись, таким образом, почти к нулю.

В отдаленные друг от друга эпохи одинаковые количества труда можно скорее приобрести за одинаковые количества хлеба – этого главного средства существования рабочего, чем за равные количества золота и серебра или вообще какого-либо другого товара. Ввиду этого равные количества зерна скорее сохраняют в отдаленные друг от друга эпохи одну и ту же действительную стоимость или будут давать возможность его обладателю купить или получить в свое распоряжение приблизительно то же самое количество труда других людей. Я говорю, что хлеб «скорее» сохранит свою стоимость, чем почти все другие товары, так как даже равные количества хлеба тоже не сохраняют вполне одну и ту же стоимость. Средства существования труда, или действительная цена труда, как я постараюсь показать в дальнейшем, подвергаются значительным изменениям в зависимости от различных обстоятельств; их размеры бывают более значительны в обществе, прогрессирующем на пути к богатству, чем в обществе, которое не прогрессирует, а в этом последнем значительнее, чем в обществе, клонящемся к упадку. Но любой другой товар будет обмениваться во всякое время на большее или меньшее количество труда в зависимости от количества необходимых средств существования, на которые он в данное время может быть обменен. Поэтому рента, установленная в зерне, изменяется только соответственно изменениям количества труда, которое можно купить за определенное количество зерна, тогда как рента, установленная во всяком другом товаре, меняется не только в зависимости от колебаний количества труда, которое можно купить за определенное количество зерна, но и в зависимости от колебаний количества зерна, которое можно приобрести в обмен за определенное количество данного товара.

При этом следует заметить, что хотя действительная стоимость ренты в зерне гораздо меньше изменяется на протяжении целого столетия, чем действительная стоимость денежной ренты, но из года в год она колеблется гораздо сильнее. Денежная цена труда, как я постараюсь ниже показать, не колеблется из года в год соответственно изменениям денежной цены зерна, а,

по-видимому, везде приспосаблиется не к временной или случайной, а к средней или обычной цене этого необходимого средства существования. Средняя же или обычная цена зерна в свою очередь определяется, как я тоже постараюсь еще показать, стоимостью серебра, богатством или скудостью рудников, снабжающих рынок этим металлом, или количеством труда, который должен быть затрачен, а следовательно, и количеством зерна, которое должно быть потреблено, чтобы доставить определенное количество серебра из рудников на рынок. Стоимость серебра, хотя очень сильно колеблется на протяжении целого столетия, редко подвергается большим изменениям из года в год; нередко она держится на одном и том же уровне или незначительно изменяется в течение целого полувека или даже целого столетия. Поэтому обычная или средняя денежная цена зерна может оставаться неизменной в течение столь долгого периода или же изменяться незначительно, а вместе с ней остается неизменной или изменяется незначительно денежная цена труда при том условии, конечно, что в других отношениях в обществе не имели места никакие серьезные перемены. Между тем временная и случайная цена хлеба часто может быть в одном году в два раза больше, чем в предыдущем, или колебаться, например, от 25 до 50 шилл. за квартал. Но когда хлеб имеет эту последнюю цену, то не только номинальная, но и действительная стоимость ренты в зерне будет в два раза больше, чем при цене в 25 шилл., и будет обмениваться на двойное количество труда или большинства других товаров; денежная же цена труда, а вместе с ним и большинства других вещей останется неизменной, несмотря на эти колебания.

Таким образом, очевидно, что труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах. Как уже было указано, мы не можем определять действительную стоимость различных товаров от одного столетия к другому количествами серебра, которые даются за них. Мы не можем определять ее от одного года к другому количествами хлеба. Но количествами труда мы можем с величайшей точностью определять ее как от столетия к столетию, так и от одного года к другому. Для очень продолжительных периодов времени хлеб представляет собою лучшее мерило, чем серебро, потому что от столетия к столетию одинаковые количества хлеба обмениваются скорее на то же количество труда, нежели серебра. Напротив, от одного года к другому серебро представляется лучшим мерилom, чем хлеб, потому что одинаковые количества серебра скорее могут быть обменены на одинаковое количество труда.

Хотя при установлении вечных рент или даже при весьма долгосрочных арендах, может быть, и полезно делать различия между реальной и номинальной ценой, но оно не имеет практического значения при покупках и продажах, этих наиболее распространенных и обычных сделках в человеческой жизни.

В данное время и в данном месте действительная и номинальная цена всех товаров точно соответствует одна другой. Чем больше или меньше денег вы получите, например, на лондонском рынке за какой-либо товар, тем большее или меньшее количество труда вы сможете приобрести на них в данное время и в данном месте. Поэтому в определенное время и в определенном месте деньги представляют собою точное мерило действительной меновой стоимости всех товаров, но только в определенное время и в определенном месте.

Поскольку речь идет о различных местах, не существует правильного соответствия между действительной и денежной ценой товаров. Несмотря на это, купец, доставляющий товары из [одних] мест в другие, может принимать во внимание только их денежную цену или разницу между количеством серебра, за которое он покупает их, и тем количеством, за которое он может их продать. Пол-унции серебра в Кантоне в Китае может означать большее количество как труда, так и средств существования и удобств, чем одна унция в Лондоне. Поэтому товар, который в Кантоне продается за пол-унции серебра, может быть в действительности там дороже или иметь большее действительное значение для человека, который обладает им, чем

товар, который продается в Лондоне за одну унцию, для человека, обладающего им в Лондоне. Однако, если лондонский купец может купить в Кантоне за пол-унции серебра товар, который он может затем продать в Лондоне за одну унцию, он наживает 100 % на этой сделке, как и в том случае, если бы унция серебра имела в Лондоне ту же стоимость, что и в Кантоне. Для него не имеет значения тот факт, что пол-унции серебра в Кантоне дали бы ему возможность получить больше труда или большее количество средств существования и удобств, чем одна унция может доставить ему в Лондоне. Одна унция в Лондоне всегда дает ему возможность приобретения двойного количества всего того, что можно приобрести на пол-унции, а в этом именно для него заключается сущность дела.

Поэтому номинальная, или денежная, цена товаров в конечном счете определяет разумность или неразумность всех торговых сделок и таким образом регулирует почти все дела обыденной жизни, связанные с ценой, нам не приходится удивляться, что на денежную цену люди обращали гораздо большее внимание, чем на действительную цену.

Но в сочинениях, подобных настоящему, иногда бесполезно сравнивать колебания действительных цен какого-нибудь одного товара в различное время и в различных местах, т. е. различные степени власти над трудом других людей, которую этот товар при различных условиях дает лицу, им обладающему. В подобном случае мы должны сравнивать не столько различные количества серебра, за которые этот товар обыкновенно продавался, сколько различные количества труда, которые могли быть куплены на эти количества серебра. Но рыночная цена труда в отдаленное время и в отдаленных местах вряд ли может быть установлена с какой-либо точностью. Цены хлеба, хотя они регулярно отмечались лишь в немногих местах, обыкновенно лучше известны и чаще отмечались историками и писателями. Мы поэтому должны по общему правилу удовлетворяться ценами хлеба, и не потому, что они всегда точно соответствуют рыночным ценам труда, а потому, что они ближе всего к ним. В дальнейшем мне не раз придется делать такого рода сравнения.

По мере развития промышленности торговые народы находили удобным чеканить монету из различных металлов; золотую монету чеканили для более крупных платежей, серебряную – для покупок средних размеров и медную или из какого-либо другого грубого металла – для совсем небольших покупок. Однако эти народы всегда признавали один из этих металлов более подходящим мерилom стоимости, чем другие два; такое предпочтение, по-видимому, обычно давалось тому металлу, который впервые стали употреблять в качестве орудия обмена. Раз начав пользоваться им в качестве мерила, – а это они вынуждены были делать в те времена, когда у них не было других денег, – они обыкновенно продолжали пользоваться им, когда в этом уже не было необходимости.

Говорят, что римляне имели лишь одни медные деньги почти до первой Пунической войны и только за пять лет до нее впервые стали чеканить серебряную монету.<sup>90</sup> Медь поэтому всегда оставалась, по-видимому, мерилom стоимости в этой республике. В Риме все счета велись и ценность всех имуществ определялась, по-видимому, в ассах или сестерциях. Асс всегда оставался обозначением медной монеты. Слово «сестерций» означает два асса с половиной. Хотя, таким образом, сестерций был первоначально серебряной монетой, стоимость его определялась в меди. В Риме про человека, который наделал долгов на большую сумму денег, говорили, что он имеет много чужой меди.

Северные народы, утвердившиеся на развалинах Римской империи, с самого начала своей оседлой жизни имели, по-видимому, серебряную монету и в течение нескольких веков после того не знали ни золотой, ни медной монеты. В Англии во времена саксов была серебряная монета, в ней до эпохи Эдуарда III чеканилось очень мало золота, а до Якова I, короля Великобритании, совсем не было медной монеты. В Англии поэтому – и по той же самой при-

<sup>90</sup> *Plin. lib. 33, cap. 3.*

чине, как я полагаю, у всех других современных народов Европы – все счета ведутся и стоимость всех товаров и всех имуществ обыкновенно исчисляется в серебре; и если мы хотим определить размеры состояния какого-либо лица, мы редко называем число гиней, а называем число фунтов стерлингов, которое, по нашему мнению, дадут за него.

Первоначально, как я думаю, во всех странах законным платежным средством могла служить только монета из того металла, который специально признавался мерилем стоимости. В Англии золото долгое время после того, как стали чеканить золотую монету, не признавалось законным платежным средством. Соотношение между стоимостью золотой и серебряной монеты не было установлено никаким законодательным актом или указом, это было предоставлено установлению рынка. Если должник предлагал уплатить золотом, кредитор мог или отвергнуть такой платеж, или согласиться на него, причем золото при этом расценивалось по соглашению между ними. Медь в настоящее время не является законным платежным средством, исключая случаи размена мелкой серебряной монеты. При таком положении вещей различие между металлом, являвшимся мерилем стоимости, и металлом, не являвшимся им, имело не только номинальное значение.

С течением времени, по мере того как народ приучался к употреблению монет из различных металлов и таким путем ближе узнавал соотношение их стоимости, в большинстве стран, как мне кажется, нашли целесообразным определенно установить это соотношение, объявив законом, что гиней, например, такого-то веса и такой-то пробы соответствует 21 шилл. или является законным платежным средством для погашения долга этого размера. При таком положении вещей и при сохранении указанного определенного соотношения разница между металлом, который служит мерилем стоимости, и металлом, который им не был, имеет лишь номинальное значение.

Однако если произойдет какое-либо изменение в этом установленном соотношении, то указанное различие может приобрести – или по меньшей мере нам кажется, что оно приобретает, – уже не только номинальное значение. Так, например, если установленная стоимость гиней будет уменьшена до 20 или повышена до 22 шилл., то при исчислении всех счетов и при выражении почти всех обязательств в серебряных деньгах большая часть платежей сможет быть выплачиваема тем же количеством серебряной монеты, как и раньше, но для этого будет требоваться совсем другое количество золотой монеты: большее в первом случае и меньшее во втором. Серебро покажется более устойчивым в своей стоимости, чем золото. Нам будет казаться, что серебро является мерилем стоимости золота, тогда как золото не является мерилем стоимости серебра. Стоимость золота, по-видимому, будет зависеть от количества серебра, на которое его можно обменять, между тем как стоимость серебра не будет находиться в зависимости от количества золота, на которое его можно будет обменять. Однако это различие будет целиком обусловлено обыкновением вести счета и выражать все крупные и мелкие суммы предпочтительно в серебряной, а не в золотой монете. Банкнота м-ра Друммонда в 25 или 50 гиней после изменения указанного рода будет оплачиваться 25 или 50 гинейми, точно так же, как и прежде. После указанной перемены она будет оплачиваться таким же количеством золота, как и раньше, но совсем другим количеством серебра. При оплате такой банкноты золото покажется более устойчивым в своей стоимости, чем серебро. Золото покажется мерилем стоимости серебра, тогда как серебро, по-видимому, не будет являться мерилем для стоимости золота. Если когда-либо получит общее распространение обычай вести счета и выражать всякие денежные обязательства и кредитные билеты в золоте, то золото, а не серебро будет принято в качестве металла, специально служащего мерилем стоимости.

В действительности, пока держится определенное соотношение между стоимостями различных металлов в монете, стоимость самого дорогого металла определяет стоимость всех монет. 12 медных пенсов содержат полфунта меди не самого лучшего качества, которая до чеканки едва ли стоит 7 серебряных пенсов. Но поскольку, согласно установленному соотно-

шению, 12 таких пенсов должны обмениваться на шиллинг, на рынке они признаются имеющими стоимость шиллинга, и в любое время на них можно получить 1 шилл. Даже еще до недавнего преобразования золотой монеты в Великобритании золотая монета или по крайней мере та часть ее, которая циркулировала в Лондоне и в его окрестностях, меньше отклонялась от установленного веса, чем большая часть серебряной монеты. Тем не менее 21 истертый и изрезанный шиллинг признавался равным по стоимости гинее, которая, правда, тоже была истерта и изрезана, но не в столь большой степени. Недавно изданные правила довели золотую монету до ее установленного веса с такой точностью, которая только мыслима для находящейся в обращении монеты какого-либо народа; распоряжение о принятии золота в государственных учреждениях только по весу обещает сохранить такую полновесность золотой монеты до тех пор, пока оно будет проводиться в жизнь. Серебряная же монета продолжает обращаться в том же истертом и изрезанном виде, как и до перечеканки золотой монеты. Несмотря на это, на рынке 21 шилл. такой испорченной серебряной монеты все еще признается равным по своей стоимости полновесной золотой гинее.

Перечеканка золотой монеты, очевидно, повысила стоимость серебряной монеты, которая может быть обменена на золотую.

На английском монетном дворе из фунта золота чеканятся 44 1/2 гиней, которые, считая 21 шилл. в гинее, равны 46 ф. ст. 14 шилл. 6 п. Таким образом, унция такой золотой монеты стоит 3 ф. 17 шилл. 10 1/2 п. серебром. В Англии за чеканку монеты не уплачивается никакая пошлина, и всякий, кто принесет на монетный двор фунт или унцию золота в слитке установленной пробы, получит взамен без всякого вычета фунт или унцию золота чеканной монетой. И потому принято говорить, что 3 ф. 17 шилл. 10 1/2 п. за унцию представляют собою монетную цену золота в Англии, т. е. количество золотой монеты, которое монетный двор выдает в обмен на слитки золота установленной пробы.

До перечеканки золотой монеты цена слитка золота установленной пробы на рынке в течение многих лет держалась выше 3 ф. 18 шилл., иногда 3 ф. 19 шилл. и очень часто 4 ф. за унцию; весьма вероятно, что эта сумма в стертой и изрезанной золотой монете редко содержала более одной унции золота установленной пробы. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена золотых слитков установленной пробы редко превышает 3 ф. 17 шилл. 7 п. за унцию. До перечеканки золотой монеты рыночная цена всегда держалась несколько выше монетной; после этой перечеканки она постоянно держалась ниже монетной цены. Но эта рыночная цена всегда одна и та же, независимо от того, выплачивается она в золотой или в серебряной монете. Таким образом, последняя перечеканка золотой монеты повысила не только стоимость золотой, но и серебряной монеты по сравнению с золотом в слитках и, вероятно, также по сравнению со всеми другими товарами; но так как цена большей части других товаров колеблется в зависимости от многих других причин, то повышение стоимости золотой и серебряной монеты по сравнению с товарами не столь очевидно и чувствительно.

На английском монетном дворе из фунта серебра установленной пробы чеканятся 62 шилл., содержащие точно так же фунт серебра установленной пробы. Поэтому принято говорить, что монетной ценой серебра в Англии является 5 шилл. и 2 п. за унцию, или количество серебряной монеты, которое монетный двор дает в обмен на серебряный слиток установленной пробы. До перечеканки золотой монеты рыночная цена серебряных слитков установленной пробы была в различных случаях 5 шилл. 4 п., 5 шилл. 5 п., 5 шилл. 6 п., 5 шилл. 7 п. и очень часто 5 шилл. 8 п. за унцию. Однако наиболее обычной ценой было, по-видимому, 5 шилл. 7 п. Со времени перечеканки золотой монеты рыночная цена слитков серебра установленной пробы падала временами до 5 шилл. 3 п., 5 шилл. 4 п. и 5 шилл. 5 п. за унцию, причем выше последней она не поднималась. Хотя рыночная цена серебряных слитков значительно понизилась со времени перечеканки золотой монеты, она все же превышала монетную цену.

Если при установлении пропорции между различными металлами в английской монете медь оценивается гораздо выше, то серебро оценивается несколько ниже своей действительной стоимости. На европейских рынках унция чистого золота во французской или голландской монете выменивается приблизительно на 14 унций чистого серебра; в английской же монете она обменивается на 15 унций, т. е. на большее количество серебра, чем она стоит, согласно общепринятым в Европе расценкам. Но подобно тому как высокая цена меди в английской монете не повышает даже в Англии цены меди в слитках, так и низкая цена серебра в английской монете не понижает цены серебра в слитках. Серебро в слитках все еще сохраняет свою надлежащую пропорцию к золоту; в силу той же самой причины медь в слитках сохраняет свое соотношение к серебру.

После перечеканки серебряной монеты в правление Вильгельма III цена серебра в слитках продолжала держаться несколько выше монетной цены. Локк объяснял эту высокую цену разрешением вывозить серебро в слитках при одновременном запрещении вывоза серебряной монеты.<sup>91</sup> Он указывал, что это разрешение вывоза увеличивало спрос на серебро в слитках сравнительно со спросом на серебряную монету. Но количество людей, нуждающихся в серебряной монете для сделок по продаже и покупке у себя на родине, несомненно, гораздо больше, чем число тех, кому нужны серебряные слитки для вывоза их за границу или для каких-либо других целей. В настоящее время существует такое же разрешение вывозить золото в слитках и запрещение вывозить золотую монету,<sup>92</sup> и тем не менее цена золота в слитках упала ниже монетной цены. Но серебро в английской монете в то время, как и теперь, было оценено ниже его действительного отношения к золоту, и золотая монета (относительно которой в ту эпоху не полагали, что она требует какой-либо перечеканки) определяла тогда так же, как и теперь, действительную стоимость всех монет. Подобно тому как перечеканка серебряной монеты не понизила в то время цены серебра в слитках до уровня монетной цены, так весьма вероятно, что и в настоящее время она не приведет к такому результату.

Если бы серебряная монета была приведена к узаконенному весу так же близко, как приведена золотая, то, вероятно, гиней при сохранении существующей пропорции стала бы вымениваться на большее количество серебра в монете, чем она может купить в слитках. Если бы серебряная монета содержала в себе полностью узаконенный вес, было бы выгодно переплавить ее в слитки, чтобы сперва продать эти слитки за золотую монету, а затем обменять эту золотую монету на серебряную с целью превращения последней опять в слиток. По-видимому, единственное средство для предупреждения таких нежелательных явлений заключается в некотором изменении установленной ныне пропорции между обоими металлами.

Неудобство это было бы, пожалуй, меньше, если бы серебро в монете было оценено настолько выше надлежащего соотношения его к золоту, насколько оно ныне оценивается ниже этого соотношения, при условии, конечно, чтобы одновременно с тем был бы издан закон, что серебро может служить законным платежным средством на сумму не более одной гиней, подобно тому как в настоящее время медная монета служит законным платежным средством для суммы не более одного шиллинга. В таком случае ни один кредитор не оказался бы в убытке в результате высокой оценки серебра в монете, так же как ни один кредитор в настоящее время не терпит убытка от высокой оценки меди. При таком порядке теряли бы только банкиры. Когда к ним предъявляются усиленные требования платежей, они нередко стараются выиграть время, выплачивая деньги шестипенсовыми монетами, а вышеуказанное правило помешало бы им пользоваться таким сомнительным средством для избежания немедленного платежа. В результате этого они вынуждены были бы постоянно держать в своих денежных шкафах большее количество наличных денег, чем в настоящее время. И хотя это, без сомне-

<sup>91</sup> *Locke. Considerations Raising the value of Money.* 2 nd. ed. (1695), p. 35, sqq.

<sup>92</sup> Закон, запрещающий вывоз золотой и серебряной монеты, был отменен в 1819 г. (Прим. ред.)

ния, могло бы явиться большим неудобством для них, это в то же самое время послужило бы солидным обеспечением для их кредиторов.

3 ф. 17 шилл. и 10 1/2 п. (монетная цена золота) не содержат, конечно, даже в нашей теперешней превосходной золотой монете больше одной унции золота установленной пробы, и потому, казалось бы, на эту сумму нельзя было бы купить большего количества золота в слитке. Но золото в монете более удобно, чем золото в слитках; и хотя в Англии всем предоставлена свобода превращать свое золото в монету, тем не менее приносимое на монетный двор в слитках обычно может быть возвращено его владельцу в монете лишь по прошествии нескольких недель. А при теперешней загруженности монетного двора владелец может получить обратно свое золото в монете лишь через несколько месяцев. Эта проволочка равносильна небольшому налогу и делает золотую монету несколько более ценной, чем такое же количество золота в слитках. Если бы английская серебряная монета расценивалась соответственно ее надлежащему соотношению с золотом, то цена серебряных слитков, наверное, упала бы ниже монетной цены даже при отсутствии какой бы то ни было перечеканки серебряной монеты; ибо стоимость даже нынешней стертой и обрезанной серебряной монеты регулируется стоимостью вполне хорошей золотой монеты, на которую она может быть обменена.

Установление небольшой пошлины за чеканку золотой и серебряной монет, наверное, еще более повысило бы стоимость этих металлов в монете над стоимостью того же количества их в слитках. В таком случае при чеканке монеты стоимость металла поднялась бы соответственно размерам этой пошлины, подобно тому как рисунок повышает стоимость золотого или серебряного блюда на стоимость этого рисунка. Большая стоимость монеты сравнительно со слитком устранила бы переплавку монеты в слитки и остановила бы их вывоз за границу. И если бы какая-либо общественная необходимость побудила к вывозу монеты, то большая ее часть сама собою скоро вернулась бы обратно. За границей эта монета ценилась бы только по ее весу в слитках, внутри же страны она обладает большею покупательною силою, чем это соответствует ее весу. Поэтому выгодно возвращать ее обратно внутрь страны. Во Франции установлена пошлина на чеканку монеты приблизительно в 8 %, и французская монета, как передают, в случае вывоза за границу сама собою возвращается на родину.<sup>93</sup>

Те или иные случайные колебания рыночных цен золота и серебра в слитках происходят от тех же причин, как и подобные же колебания рыночных цен всех остальных товаров. Частые потери этих металлов благодаря различным несчастным случаям на море и на суше, постоянная затрата их на позолоту и на выделку посуды, на позументы и вышивки, на снашивание монеты и на снашивание утвари требуют во всех странах, не обладающих собственными рудниками, постоянного ввоза для возмещения этих потерь и этого расходования. Мы имеем основания полагать, что купцы, занимающиеся ввозом этих металлов, подобно всем остальным купцам, стараются по мере возможности приспособить свой ввоз к существующему, по их мнению, в данный момент непосредственному спросу. Но при всем своем старании они иногда или преувеличивают нужное количество, или преуменьшают его. И если они ввозят больше слитков, чем нужно, они, чтобы избежать риска и хлопот, связанных с обратным вывозом их, предпочитают продать часть этих слитков несколько дешевле их обычной или средней цены. Когда же, с другой стороны, они ввозят менее нужного количества, они получают несколько больше средней цены. Но если при всех таких случайных колебаниях рыночная цена золотых или серебряных слитков в течение нескольких лет устойчиво держится на уровне несколько выше или несколько ниже по сравнению с их монетною ценою, мы можем быть уверены, что такое устойчивое отклонение цены вверх или вниз является следствием изменений в состоянии самой монеты, которые в данное время придают определенному количеству

<sup>93</sup> Это ошибка. Смита ввел в заблуждение «Словарь монет» Базингена. Во времена Смита пошлина за чеканку монеты во Франции не превышала 1–1,5 %. (Прим. ред.)

монеты большую или меньшую стоимость, чем стоимость того количества металла, которое эта монета должна содержать. Устойчивость и постоянство результата предполагают соответствующую устойчивость и постоянство причины.

В каждый данный момент и в каждом данном месте деньги какой-либо страны представляют собою более или менее точное мерило стоимости в соответствии с тем, насколько находящаяся в обращении монета более или менее точно соответствует своему узаконенному масштабу или содержит более или менее точно то самое количество чистого золота или чистого серебра, которое она должна содержать. Если в Англии, например, 44 1/2 гинеи содержали бы ровно фунт золота установленной пробы или 11 унций чистого золота и 1 унцию лигатуры, то ее золотая монета могла бы служить наиболее точным мерилем фактической стоимости товаров в любое время и в любом месте, поскольку это допускается самой природой вещей. Но если благодаря стиранию и обрезыванию 44 1/2 гинеи обыкновенно содержат меньше 1 фунта золота установленной пробы, причем уменьшение в весе в одних монетах больше, чем в других, то само мерило стоимости оказывается подверженным такой же неустойчивости и неточности, каким подвержены обыкновенно все остальные веса и меры. Так как эти последние редко соответствуют в точности установленному для них образцу, то купец сообразует цены своих товаров не с теми весами и мерами, какими они должны были бы быть, а с теми средними весами и мерами, какими, по его опыту, они фактически являются. Вследствие подобных отклонений в монетах цена товаров точно таким же образом должна сообразоваться не с количеством чистого золота или серебра, которое должна была бы содержать монета, а с тем количеством, которое в среднем она фактически содержит, как это установлено опытом.

Надлежит заметить, что под денежной ценой товаров я всегда понимаю количество чистого золота или серебра, за которое они продаются, совершенно не принимая во внимание названия монеты. 6 шилл. и 8 п. времен Эдуарда I я признаю, например, имеющими ту же самую денежную цену, что и фунт стерлингов в настоящее время, потому что они содержали, насколько мы можем судить, то же самое количество чистого серебра.

## **Глава VI**

### **О составных частях цены товаров**

В обществе первобытном и малоразвитом, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению земли в частную собственность, соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения разных предметов, было, по-видимому, единственным основанием, которое могло служить руководством для обмена. Так, например, если у охотничьего народа обычно приходится затратить вдвое больше труда для того, чтобы убить бобра, чем на то, чтобы убить оленя, один бобр будет, естественно, обмениваться на двух оленей или будет иметь стоимость двух оленей. Вполне естественно, что продукт, изготавливаемый обычно в течение двух дней или двух часов труда, будет иметь вдвое большую стоимость, чем продукт, изготавливаемый обычно в течение одного дня или одного часа труда.

Если один вид труда тяжелее какого-либо другого вида, то, естественно, делается надбавка соответственно этой большей тяжести, и благодаря этому продукт одного часа первого вида труда может часто обмениваться на продукт двух часов более легкого труда.

Точно так же если какой-либо вид труда требует особенного искусства и ловкости, то уважение, с которым люди относятся к таким способностям, придает их продукту большую стоимость, чем это соответствовало бы времени, затраченному на него. Такие способности и таланты редко могут быть приобретены при отсутствии продолжительного предварительного упражнения, и высшая стоимость их продукта часто является лишь вполне разумным возмещением того времени и труда, которое надо было затратить на приобретение их. В развитом обществе в заработную плату рабочего обыкновенно включается надбавка этого рода за доба-



вочную тяжесть и большее искусство работника; вероятно, нечто в этом роде имело место и в более ранних периодах развития общества.

При таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику, и количество труда, обыкновенно затрачиваемого на приобретение или производство какого-нибудь товара, представляет собою единственное условие, определяющее количество труда, которое может быть куплено, приобретено в распоряжение или обменено на него.

Лишь только в руках частных лиц начинают накапливаться капиталы, некоторые из них, естественно, стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов. При обмене готового товара на деньги, на труд или на другие продукты помимо оплаты цены материалов и заработной платы работников должна быть еще дана некоторая сумма для прибыли предпринимателя, рискующего своим капиталом в этом деле. Поэтому стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая – на оплату прибыли их предпринимателя на весь капитал, который он авансировал в виде материалов и заработной платы. У него не было бы никакого интереса нанимать этих рабочих, если бы он не мог рассчитывать получить от продажи изготовленных ими произведений что-нибудь сверх суммы, достаточной лишь на возмещение его капитала; точно так же он не был бы заинтересован затрачивать больший капитал, а не меньший, если бы прибыли не соответствовали величине употребленного в дело капитала.

Но могут подумать, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый вид труда, а именно за труд по надзору и управлению делом. Однако эта прибыль совершенно непохожа на заработную плату, она устанавливается совсем на иных началах и не стоит ни в каком соответствии с количеством, тяжестью или сложностью этого предполагаемого труда по надзору и управлению. Прибыль определяется вообще стоимостью употребленного в дело капитала и бывает больше или меньше в зависимости от размеров этого капитала. Предположим, например, что в каком-либо месте, где обычная годовая прибыль промышленного капитала доходит до 10 %, имеются две различные мануфактуры, в каждой из которых работают по 20 рабочих за плату по 15 ф. в год, или при расходе 300 ф. в год на заработную плату в каждой мануфактуре. Предположим далее, что сырой материал, идущий в обработку на одной мануфактуре в течение года, стоит только 700 ф. ст., тогда как более дорогое сырье для другой мануфактуры стоит 7000 ф. ст. В таком случае капитал, ежегодно затрачиваемый на первой мануфактуре, будет достигать лишь 1 тыс. ф., тогда как капитал, затрачиваемый на второй, достигнет 7300 ф. При норме в 10 % предприниматель первой мануфактуры будет ожидать прибыль лишь в 100 ф., тогда как предприниматель второй будет ожидать прибыль в 730 ф. Но хотя размер прибыли так различен, их труд по надзору и управлению делом может быть одинаков или почти одинаков. На многих крупных предприятиях почти весь труд такого рода выполняется главным служащим или управляющим. В его заработной плате надлежащим образом выражается стоимость труда по надзору и управлению. Хотя при установлении ее обычно принимается во внимание не только его труд и умение, но также и доверие, которое оказывается ему, однако эта заработная плата никогда не находится в каком бы то ни было соответствии с размерами капитала в предприятии, которым он руководит. А владелец этого капитала, хотя он таким образом оказывается освобожденным почти от всякого труда, все же ожидает, что прибыль будет соответствовать размерам его капитала. Ввиду этого в цене товаров прибыль на капитал образует составную часть, совершенно отличную от заработной платы, и определяется на совершенно других началах.

При таком положении вещей работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. В большинстве случаев он должен делить его с владельцем капитала, который нанимает его.

В таком случае количество труда, обычно затрачиваемого на приобретение или производство какого-либо товара, не является единственным условием для определения количества труда, которое может быть куплено или получено в обмен за него. Очевидно, что добавочное количество приходится на долю прибыли с капитала, авансированного на заработную плату и доставившего сырой материал для рабочего.

С тех пор как вся земля в той или иной стране превратилась в частную собственность, землевладельцы, подобно всем другим людям, хотят пожинать там, где не сеяли, и начинают требовать ренту даже за естественные плоды земли. Теперь устанавливается определенная добавочная цена за деревья в лесу, траву на лугах и за все естественные произведения земли, которые прежде, когда она была общей, не стоили работнику ничего, кроме труда собрать их. Работник теперь должен платить за разрешение собирать их, он должен отдавать землевладельцу часть того, что собирает или производит его труд. Эта часть, или, что то же самое, цена этой части, составляет земельную ренту, и эта рента образует третью составную часть цены большей части товаров.

Следует иметь в виду, что действительная стоимость всех различных составных частей цены определяется количеством труда, которое может купить или получить в свое распоряжение каждая из них. Труд определяет стоимость не только той части цены, которая приходится на заработную плату, но и тех частей, которые приходятся на ренту и прибыль.

Во всяком обществе цена каждого товара в конечном счете сводится к одной из этих основных частей или ко всем им, а в каждом развитом обществе все эти три составные части в большей или меньшей мере входят в цену громадного большинства товаров.

Так, например, в цене хлеба одна ее доля идет на оплату ренты землевладельца, вторая – на заработную плату или содержание рабочих и рабочего скота, занятых в его производстве, и третья доля является прибылью фермера. Эти три части, по-видимому, либо непосредственно, либо в конечном счете составляют всю цену хлеба. Может показаться, что необходима еще четвертая часть для возмещения капитала фермера, т. е. для возмещения снашивания его рабочего скота и других хозяйственных орудий. Но надо иметь в виду, что цена любого хозяйственного орудия, хотя бы рабочей лошади, в свою очередь состоит из таких же трех частей: из ренты на землю, на которой она была вскормлена, из труда, затраченного на уход за ней и содержание ее, и прибыли фермера, авансировавшего ренту за землю и заработную плату за труд. И потому, хотя в цену хлеба должна входить оплата цены и содержания лошади, в целом она все же сводится – непосредственно или в конечном счете – к тем же трем составным частям: к ренте, заработной плате и прибыли.

В цене муки мы должны прибавлять к цене зерна прибыль мельника и заработную плату его рабочих; к цене печеного хлеба – прибыль пекаря и заработную плату его рабочих, а в обоих случаях – затрату на оплату труда по перевозке зерна от фермера до мельника и от мельника до пекаря, а также прибыль тех, кто авансировал деньги на оплату этого труда.

Цена льна распадается на такие же три части, как и цена хлеба. В цене полотна мы должны прибавить к цене льна заработную плату чесальщика льна, прядильщика, ткача, отбельщика и т. п., а также прибыли их предпринимателей.

Чем больше какой-либо товар нуждается в обработке, тем большей становится та часть цены, которая приходится на заработную плату и прибыль, сравнительно с той частью, которая приходится на ренту. С развитием обрабатывающей промышленности не только увеличивается последовательный ряд прибылей, но и каждая последующая становится больше прибыли, полученной на предыдущей стадии; это обуславливается тем, что капитал, с которого она получается, становится все больше. Капитал, занимающий ткачей, например, должен быть больше капитала, занимающего прядильщиков, потому что он не только замещает последний с его прибылью, но, кроме того, выплачивает заработную плату ткачей, а прибыль всегда должна быть в известной пропорции к капиталу.

Впрочем, даже в наиболее развитых обществах всегда имеется небольшое число товаров, цена которых сводится лишь к двум составным частям, а именно к заработной плате и прибыли на капитал, и еще меньшее число товаров, цена которых состоит только из заработной платы. Так, например, в цене морской рыбы одна ее часть оплачивает труд рыбаков, а другая – прибыль на капитал, затраченный на рыбную ловлю. Рента очень редко входит составной частью в эту цену, хотя это иногда и бывает, как я покажу в дальнейшем. Иначе обстоит дело, по крайней мере в большей части Европы, в речном рыболовстве. За ловлю форелей уплачивается рента, она, хотя ее и нельзя назвать земельной рентой, так же составляет часть цены форели, как заработная плата и прибыль. В некоторых местах Шотландии бедняки промышляют собиранием вдоль морского берега различных камешков с крапинками, известных под названием шотландских голышей. Цена, которую им платит за эти камешки гранильщик, представляет собою только плату за их труд; в нее не входит ни рента, ни прибыль.

Но цена всякого товара в конечном счете должна все же сводиться к той или другой или ко всем этим трем частям, так как всякая доля цены, остающаяся после оплаты земельной ренты и цены всего труда, затраченного на добычу материала, обработку и доставку его на рынок, должна по необходимости оказаться чьей-либо прибылью.

Так как цена, или меновая стоимость любого товара, взятого в отдельности, сводится к той или другой или ко всем трем указанным составным частям, то к таким же трем составным частям должна сводиться цена, или меновая стоимость, всех товаров, составляющих общий годичный продукт труда каждой страны, взятых в общей сложности? Она должна распределяться между различными жителями данной страны или в виде заработной платы за их труд, или в виде прибыли на их капитал, или в виде ренты за их землю. Таким именно способом распределяется между различными членами общества все, что ежегодно собирается или производится трудом этого общества, или, что то же самое, вся цена годичного продукта труда. Заработная плата, прибыль и рента являются тремя первоначальными источниками всякого дохода, равно как и всякой меновой стоимости. Всякий иной доход в конечном счете получается из этих источников.

Всякий человек, который получает свой доход из источника, принадлежащего лично ему, должен получать его либо от своего труда, либо от своего капитала, либо от своей земли. Доход, получаемый от труда, называется заработной платой; доход, получаемый с капитала лицом, которое лично употребляет его в дело, называется прибылью; доход, получаемый с него лицом, которое не употребляет его в дело, а ссужает его другому, называется процентом, или денежным ростом. Он представляет собою вознаграждение, уплачиваемое заемщиком заимодавцу за ту прибыль, которую он имеет возможность извлечь при помощи этих денег. Часть этой прибыли, естественно, принадлежит заемщику, который берет на себя риск и заботы по употреблению капитала в дело, а часть, естественно, принадлежит заимодавцу, который предоставляет заемщику возможность получить прибыль. Ссудный процент всегда представляет собою доход производный, который, если он не выплачивается из прибыли, полученной от применения этих денег, должен быть выплачен из какого-либо иного источника дохода, поскольку, конечно, заемщик не является расточителем, делающим новый долг для уплаты процентов по первоначальному долгу. Доход, получающийся целиком с земли, называется рентой и достается землевладельцу. Доход фермера получается частью от его труда, частью с его капитала. Для него земля является лишь орудием, дающим возможность получать заработную плату за труд и извлекать прибыль с своего капитала. Все налоги и всякий основанный на них доход – все оклады, пенсии, ежегодные рентные доходы всякого рода – в конечном счете получаются из этих трех первоначальных источников и выплачиваются непосредственно или посредственно из заработной платы, из прибыли с капитала или из ренты с земли.

Когда эти различные виды дохода принадлежат различным лицам, их легко отличают друг от друга, но когда они принадлежат одному и тому же лицу, их нередко смешивают, по крайней мере в обыденной речи.

Землевладелец, обрабатывающий часть своего поместья, после оплаты расходов по обработке земли получает и ренту землевладельца, и прибыль фермера. Но он склонен называть всю свою выручку прибылью и таким образом смешивает, по крайней мере в обыденной речи, ренту с прибылью. Большая часть наших североамериканских и вест-индских плантаторов находится в таком именно положении. Они в большинстве своем сами ведут хозяйство в своих поместьях, и в соответствии с этим мы редко слышим о ренте с плантации, но часто слышим о прибыли, приносимой ею.

Рядовые фермеры редко держат управляющего для руководства работами на ферме. Они обыкновенно немало работают сами вместе со своими рабочими, сами пахут и боронят и т. п. И потому излишек урожая, остающийся после уплаты ренты, должен не только возместить им капитал, употребленный на обработку земли, вместе с обычной прибылью на него, но и оплачивать заработную плату, причитающуюся им в качестве рабочих и управителей. Однако весь излишек, остающийся после уплаты ренты и возмещения капитала, называется прибылью. Между тем часть этого излишка, очевидно, составляет заработная плата. Фермер, сберегая расход на эту заработную плату, должен сам получать ее. Следовательно, заработная плата в этом случае смешивается с прибылью.

Какой-нибудь независимый ремесленник, который обладает капиталом, достаточным для приобретения материала и для собственного содержания впредь до продажи продукта на рынке, получает как заработную плату поденщика, работающего на хозяина, так и прибыль, которую получил бы хозяин от продажи продукта труда поденщика. Но вся его выручка обыкновенно называется прибылью, и заработная плата в данном случае тоже смешивается с ней.

Огородник, который обрабатывает собственный огород своими руками, соединяет в своем лице три различных лица: землевладельца, фермера и рабочего. Его продукт поэтому должен оплачивать ему ренту первого, прибыль второго и заработную плату третьего. Однако вся его выручка обыкновенно признается заработной платой за его труд. Рента и прибыль в этом случае смешиваются с заработной платой.

Так как в цивилизованной стране найдется лишь немного товаров, меновая стоимость которых создается одним только трудом, и меновая стоимость большинства товаров содержит в себе в значительной мере ренту и прибыль, то годичный продукт труда этой страны оказывается всегда достаточным для того, чтобы купить или получить в свое распоряжение гораздо большее количество труда, чем то количество его, которое было затрачено на добычу, обработку и доставку этого продукта на рынок. Если бы общество ежегодно употребляло в дело весь тот труд, который оно в состоянии ежегодно купить, то вследствие того, что количество этого труда ежегодно будет значительно возрастать, продукт каждого последующего года будет иметь значительно большую стоимость, чем продукт предыдущего года. Но не существует страны, в которой весь годичный продукт употреблялся бы только на содержание лиц, занятых трудом. Повсюду значительная часть его потребляется праздными людьми, и в зависимости от различной пропорции, в какой продукт ежегодно распределяется между этими двумя классами людей, его обычная или средняя стоимость должна либо ежегодно возрастать, либо уменьшаться, или оставаться из года в год неизменной.

## **Глава VII**

### **О естественной и рыночной цене товаров**

В каждом обществе или каждой местности существует обычная или средняя норма как заработной платы, так и прибыли для каждого из различных приложений труда и капитала. Эта

норма, как я покажу в дальнейшем, естественно, регулируется частью в зависимости от общих условий общества, от его богатства или бедности, от его процветания, застоя или упадка, частью же в зависимости от особой природы того или иного приложения труда и капитала.

В каждом обществе или каждой местности, равным образом, существует обычная, или средняя, норма ренты, которая, как я покажу в дальнейшем, тоже регулируется частью общими условиями общества или местности, где расположена земля, частью же естественным или искусственным плодородием почвы.

Эти обычные, или средние, нормы могут быть названы естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты для того времени и той местности, где они обычно преобладают.

Если цена какого-либо товара соответствует тому, что необходимо для оплаты в соответствии с их естественными нормами земельной ренты, заработной платы и прибыли на капитал, затраченный при добыче, обработке и доставке его на рынок, то товар этот продается, можно сказать, по его естественной цене.

Товар в таком случае продан за столько, сколько он стоит, т. е. сколько он обошелся тому лицу, которое доставило его на рынок, ибо, хотя в обыденной речи так называемые издержки производства товара не включают в себя прибыль лица, перепродающего его, все же, если оно продает товар по цене, не дающей ему обычную в его местности норму прибыли, оно, очевидно, теряет от такой торговой сделки; в самом деле, затратив свой капитал каким-либо иным образом, оно могло бы получить прибыль. Эта прибыль, кроме того, составляет его доход, действительный фонд, из которого он черпает средства для своего существования. Подобно тому как он при изготовлении и доставке на рынок своих товаров авансирует своим рабочим их заработную плату или средства их существования, он точно таким же образом авансирует и самому себе средства своего существования, которые обычно находятся в соответствии с той прибылью, которую он имеет основание ожидать от продажи своих товаров. И потому, если товары не приносят ему ожидаемую прибыль, можно сказать, что они не возмещают ему того, что они действительно ему стоили.

Поэтому, хотя цена, доставляющая ему эту прибыль, не всегда представляет собою самую низкую, за которую торговец соглашается продавать свои товары, но она будет самой низкой ценой, по которой он согласен продавать их сколько-нибудь продолжительное время по крайней мере там, где существует полная свобода или где он может по желанию менять профессию. Фактическая цена, за которую обычно продается товар, называется его рыночной ценой. Она может или превышать его естественную цену, или быть ниже ее, или же в точности совпадать с нею.

Рыночная цена каждого отдельного товара определяется отношением между количеством, фактически доставленным на рынок, и спросом на него со стороны тех, кто готов уплатить его естественную цену, или полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар доставлялся на рынок. Эти лица могут быть названы действительными покупателями, а их спрос – действительным спросом, так как этот спрос достаточен для того, чтобы вызвать доставку товара на рынок. Он отличается от абсолютного спроса. Про очень бедного человека можно в известном смысле сказать, что он предъявляет спрос на карету с шестеркой лошадей; он может желать иметь ее, но его спрос не является действительным спросом, ибо товар ни в коем случае не может быть доставлен на рынок для удовлетворения его.

Если количество товара, доставленного на рынок, не покрывает действительного спроса, то лица, соглашающиеся заплатить полную стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок, не могут получить то именно количество товара, которое им нужно. Не желая совсем остаться без него, некоторые из них предпочитают в таком случае заплатить за него несколько больше. Среди них начнется сейчас же конкуренция, и рыночная цена более или менее повысится в сравнении с есте-

ственной ценою в зависимости от того, насколько недостаток предложения товара, богатство и расточительность покупателей обостряют конкуренцию. При наличии конкурентов, отличающихся одинаковым богатством и одинаковой склонностью к расточительности, определенная нехватка товара обыкновенно вызывает более или менее обостренную конкуренцию в зависимости от большей или меньшей важности для них приобретения этого товара. Отсюда непременно высокая цена предметов необходимости во время осады города или во время голода.

Если количество товара, доставленного на рынок, превышает действительный спрос, то он не может быть полностью продан тем, кто готов заплатить всю стоимость ренты, заработной платы и прибыли, которые надлежит оплатить для того, чтобы товар был доставлен на рынок. Некоторая часть товара должна быть продана лицам, которые согласны заплатить меньше этой суммы, и более низкая цена, даваемая ими, должна понизить цену всего товара в целом. Рыночная цена падает сравнительно с уровнем естественной цены в зависимости от того, насколько избыток предложения товара обостряет конкуренцию между продавцами, или в зависимости от того, насколько им необходимо немедленно сбыть с рук этот товар. Избыточный ввоз скоропортящихся продуктов вызывает гораздо большую конкуренцию, чем такой же ввоз товаров непортящихся, – ввоз апельсинов, например, вызывает большую конкуренцию, чем ввоз железного лома.

Если товар доставлен на рынок в количестве, как раз достаточном для удовлетворения действительного спроса, то рыночная цена или совершенно совпадает, или почти совпадает с естественной ценой. Все количество товара, имеющееся налицо, может быть продано именно по этой, но не по более высокой цене. Конкуренция между различными торговцами заставляет их принять эту цену, но не вынуждает соглашаться на меньшую.

Количество каждого товара, доставляемого на рынок, естественно, согласуется с действительным спросом на него. Все лица, которые производительно употребляют свою землю, труд или капитал для доставки какого-нибудь товара на рынок, заинтересованы в том, чтобы количество его не превышало действительного спроса, а все остальные заинтересованы в том, чтобы оно никогда не падало ниже этого спроса.

Если в какой-либо момент количество товара на рынке превышает действительный спрос, та или другая из составных частей его цены должна оказаться оплаченной ниже своей естественной нормы. Если это будет рента, то интерес землевладельцев немедленно побудит их изъять из обработки часть их земли; а если это будет заработная плата или прибыль, то интерес рабочих в одном случае и интерес предпринимателей в другом побудит изъять часть их труда или капитала из данного производства. И количество товара, доставляемого на рынок, скоро окажется как раз достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все различные части его цены повысятся до размеров своей естественной нормы, а вся цена в целом – до естественной цены товара.

Если, напротив, в какой-либо момент количество товара, доставленного на рынок, будет ниже действительного спроса, та или другая из составных частей его цены должна будет подняться выше своей естественной нормы. Если это будет рента, интерес всех остальных землевладельцев, естественно, побудит их использовать больше земли для производства этого товара; если это будет заработная плата или прибыль, то интерес всех остальных рабочих и капиталистов скоро побудит их затратить больше труда и капитала для производства и доставки этого товара на рынок. Количество товара, доставленного на рынок, скоро окажется достаточным для удовлетворения действительного спроса. Все составные части цены товара скоро упадут до своей естественной нормы, а цена в целом – до естественной цены товара.

Таким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их на значительно более высоком уровне и иногда несколько понижать их по сравне-

нию с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они постоянно тяготеют к нему.

Все количество труда, затрачиваемого ежегодно на доставку какого-либо рода товаров на рынок, естественно, сообразуется, таким образом, с действительным спросом – оно естественно стремится всегда доставить на рынок ровно такое количество товара, какое достаточно, и не более того, что достаточно, для удовлетворения этого спроса.

Но в некоторых отраслях производства одно и то же количество труда производит в различные годы весьма различные количества товаров, тогда как в других отраслях оно неизменно или почти неизменно из года в год. Одно и то же число рабочих в сельском хозяйстве производит в различные годы весьма различное количество зерна, вина, масла, хмеля и т. п., между тем как одно и то же количество прядильщиков и ткачей каждый год производит одинаковое или почти одинаковое количество полотна и сукна. Только средний размер производства какой-либо отрасли промышленности может во всех отношениях согласоваться с действительным спросом; а так как фактический размер ее производства часто значительно превышает средний размер производства, а часто значительно отстает от него, то количество товаров, доставляемых на рынок, иногда намного превышает действительный спрос и иногда намного отстает от него. Поэтому даже при неизменности этого спроса рыночная цена этих товаров подвержена большим колебаниям, она иногда намного отстает от их естественной цены, а иногда намного превышает ее. В других отраслях производства, где продукция равных количеств труда всегда неизменна или почти неизменна, она может более точно сообразоваться с действительным спросом. И потому, пока этот спрос остается неизменным, рыночная цена товаров тоже не изменяется и совпадает или почти совпадает с естественной ценой. Собственный опыт каждого человека говорит ему, что цена полотна и сукна не подвержена столь частым и столь большим колебаниям, как цена хлеба. Цена одного рода товаров изменяется лишь в зависимости от изменений в спросе; цена другого рода товаров изменяется не только в зависимости от изменений в спросе, но и в зависимости от гораздо больших и гораздо более частых колебаний количества товара, доставляемого на рынок для удовлетворения этого спроса.

Случайные и временные колебания рыночной цены товара приходятся главным образом на те части ее, которые сводятся к заработной плате и прибыли, и меньше отражаются на той части, которая приходится на ренту. Рента, установленная в известной сумме денег, ни в малейшей степени не подвергается влиянию этих колебаний ни в своем размере, ни в своей стоимости. Рента, установленная в известной доле или в известном количестве продукта в натуре, подвергается, без сомнения, в своей годичной стоимости влиянию всех случайных и временных колебаний рыночной цены этого продукта в натуре, но при этом редко изменяется ее годичный размер. Устанавливая условия аренды, землевладелец и фермер стараются по силе своего разума сообразовать размер ренты не с временной и случайной, а со средней и обычной ценой продукта.

Указанные колебания отражаются как на стоимости, так и на норме заработной платы и прибыли в зависимости от того, переполнен рынок или же испытывает недостаток в товарах или в труде, в работе уже выполненной или подлежащей выполнению. Общественный траур повышает цену черной материи (в которой рынок в таких случаях почти всегда испытывает недостаток) и увеличивает прибыли купцов, обладающих сколько-нибудь значительным количеством ее. Он совсем не отражается на заработной плате ткачей. Рынок испытывает недостаток в товарах, но не в труде, недостаток в уже выполненной работе, но не в работе, подлежащей выполнению. Но этот же траур повышает заработную плату рабочих-портных. В этой области рынок испытывает недостаток в труде. Здесь налицо действительный спрос на большее количество труда или работы, подлежащей выполнению, превышающий предложение. Траур ведет к понижению цены цветных шелковых и шерстяных материй и таким образом сокращает прибыли купцов, имеющих на руках сколько-нибудь значительное количество их. Он понижает

также заработную плату рабочих, занятых в изготовлении этих товаров, так как всякий спрос на них приостанавливается на шесть месяцев, а может быть, и на целый год. В данном случае рынок оказывается переполненным как товарами, так и трудом.

Но хотя рыночная цена всякого отдельного товара, таким образом, постоянно тяготеет, если можно так выразиться, к естественной цене, однако иногда случайные обстоятельства, иногда естественные причины, а иногда особые распоряжения правительства могут продолжительное время держать рыночную цену многих товаров намного выше их естественной цены.

Когда в результате увеличения действительного спроса рыночная цена какого-нибудь товара поднимется значительно выше его естественной цены, лица, затрачивающие свои капиталы для снабжения рынка этим товаром, обыкновенно стараются скрыть такое изменение. Если бы оно стало общеизвестным, их большая прибыль побудила бы столь многих новых конкурентов вложить в это дело свои капиталы, что действительный спрос оказался бы полностью удовлетворенным и рыночная цена скоро понизилась бы до уровня естественной цены, а, может быть, на некоторое время и ниже ее. Если рынок находится на большом расстоянии от местожительства тех, кто снабжает его, они могут иногда сохранять секрет в течение ряда лет, и все это время пользоваться своими чрезвычайными прибылями, не встречая новых конкурентов. Однако надо признать, что секреты подобного рода редко можно сохранять в течение продолжительного времени, а чрезвычайная прибыль может держаться лишь немного дольше, чем сохраняется секрет.

Секреты в мануфактурном производстве можно сохранять дольше, чем в торговле. Красильщик, открывший способ окрашивать ткани в какой-нибудь цвет при помощи материалов вдвое более дешевых, чем те, которые обыкновенно применяются для этой цели, может при правильной постановке дела пользоваться выгодами своего изобретения всю свою жизнь и даже передать его в виде наследства своему потомству. Его чрезвычайный доход имеет своим источником высокую цену, уплачиваемую за его специальный труд. Он, в сущности, представляет собой высокую заработную плату за его труд. Но так как этот доход получается с каждой единицы его капитала и так как общая его сумма в соответствии с этим пропорциональна величине капитала, то обычно этот доход рассматривается как чрезвычайная прибыль с капитала.

Такие повышения рыночной цены являются, очевидно, следствием особых обстоятельств, действие которых, однако, может иногда длиться много лет подряд.

Некоторые естественные продукты требуют таких особых свойств почвы и расположения ее, что вся земля какой-нибудь обширной страны, годная для производства их, может оказаться недостаточной для удовлетворения действительного спроса. Поэтому все количество такого продукта, доставляемое на рынок, может быть продано тем лицам, которые готовы дать за него больше, чем необходимо для оплаты ренты за землю, на которой произведен этот продукт, и для оплаты по их естественным нормам заработной платы и прибыли за труд и капитал, затраченные на производство и доставку этого продукта на рынок. Такие товары могут в течение целых столетий продаваться по высокой цене, и в этом случае именно та часть цены, которая сводится к земельной ренте, оплачивается обычно выше своей естественной нормы. Рента с земли, доставляющей такие превосходные и высоко ценимые продукты, подобно ренте с некоторых виноградников во Франции, находящихся на особенно благоприятной и удачно расположенной почве, не стоит в каком-нибудь правильном соотношении с рентой с одинаково плодородных и столь же хорошо обрабатываемых земель в данной местности. Напротив, заработная плата и прибыль за труд и капитал, затрачиваемые для доставки таких товаров на рынок, редко отклоняются от своего нормального соотношения к заработной плате и прибыли, которые существуют в этой местности в других отраслях производства.

Такие повышения рыночной цены представляют собою, очевидно, следствие естественных причин, которые препятствуют полному удовлетворению действительного спроса и поэтому могут действовать вечно.



Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы – состоят ли они в заработной плате или прибыли – значительно выше их естественной нормы.

Монополярная цена во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на которую можно согласиться, конечно, если речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, которую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, которую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела.

Такую же тенденцию, хотя и в меньшей степени, имеют исключительные привилегии корпораций, законы об ученичестве и все те законы, которые в отдельных отраслях производства сокращают число конкурентов по сравнению с тем, каким оно было бы при других условиях. Они являются своего рода расширенными монополиями и часто могут в течение целых столетий в целом ряде отраслей производства держать рыночную цену отдельных товаров выше естественной цены и удерживать как заработную плату за труд, так и прибыль на капитал, применяемый в этих производствах, на уровне, несколько превышающем их естественную норму.

Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, вызывающие их.

Рыночная цена любого товара редко может продолжительное время держаться ниже естественной цены, хотя и может долгое время оставаться на более высоком уровне. Какая бы часть ее ни оплачивалась ниже своей естественной нормы, лица, интересы которых от этого страдают, немедленно почувствуют ущерб и сейчас же извлекут столько труда или капитала из производства этого товара, что количество последнего, доставляемое на рынок, окажется достаточным только для удовлетворения действительного спроса на него. Его рыночная цена поэтому скоро повысится до его естественной цены. Так будет, по крайней мере, в случае существования полной свободы.

Те же законы об ученичестве и законы о корпорациях, которые при процветании данной отрасли промышленности дают работнику возможность поднять свою заработную плату значительно выше ее естественной нормы, вынуждают его, когда она переживает застой, понизить ее значительно ниже этой нормы. Подобно тому как в первом случае эти законы не дают другим лицам возможности конкурировать с данным работником в его производстве, так во втором случае они не дают самому этому работнику возможности заняться иными промыслами. Однако влияние таких ограничительных постановлений в смысле понижения заработной платы рабочего ниже ее естественной нормы не бывает столь продолжительным, как влияние их в смысле повышения ее над этой нормой. Воздействие их в последнем направлении может длиться в течение многих столетий, тогда как в первом направлении оно может проявляться лишь до тех пор, пока живы те рабочие, которые были обучены данному промыслу во время его процветания. Когда они умрут, число тех лиц, которые в дальнейшем будут обучаться этой профессии, естественно будет сообразоваться с действительным спросом. Нужна такая насильственная политика, как в Индии или в Древнем Египте (где каждый человек в силу религиозных правил обязан был наследовать профессию своего отца и где самым ужасным святотатством считалось менять ее на другую профессию), чтобы в течение нескольких поколений держать в каком-либо промысле заработную плату за труд или прибыль на капитал ниже их естественной нормы.

Вот все, что я полагаю необходимым заметить в настоящее время относительно временных и постоянных отклонений рыночной цены товаров от их естественной цены.

Сама естественная цена изменяется вместе с естественной нормой каждой из ее составных частей – заработной платы, прибыли и ренты, и в каждом обществе эта норма изменяется в зависимости от его общих условий, в зависимости от его богатства или бедности, его прогресса, застоя или упадка. В последующих четырех главах я постараюсь выяснить с возможной для меня полнотой и отчетливостью причины этих разнообразных изменений.

Я постараюсь, во-первых, выяснить, какие условия естественно определяют норму заработной платы и как отражаются на этих условиях богатство или бедность общества, его прогресс, застой или упадок.

Я постараюсь, во-вторых, показать, какие условия естественно определяют норму прибыли и как, равным образом, на этих условиях отражаются указанные перемены в состоянии общества.

Хотя денежная заработная плата и прибыль весьма неодинаковы в различных сферах приложения труда и капитала, однако, по-видимому, обычно существует известная пропорция как между денежной заработной платой во всех различных сферах приложения труда, так и между денежной прибылью во всех различных сферах приложения капитала. Эта пропорция, как выяснится в дальнейшем, зависит отчасти от природы различных промыслов и отчасти от различных законов и общей политики, существующих в данном обществе. Но эта пропорция, хотя она во многих отношениях зависит от законов и общей политики, зависит, по-видимому, лишь в малой степени от богатства или бедности этого общества, его прогресса, застоя или упадка; она остается неизменной или почти неизменной при всех этих состояниях общества. Я постараюсь, в-третьих, выяснить все различные условия, определяющие эту пропорцию.

В-четвертых, наконец, я постараюсь показать, каковы условия, регулирующие земельную ренту и повышающие или понижающие действительную цену всех различных продуктов, производимых землей.

## **Глава VIII**

### **О заработной плате**

Продукт труда составляет естественное вознаграждение за труд, или его заработную плату.

В том первобытном состоянии общества, которое предшествует присвоению земли в частную собственность и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит работнику. Ему не приходится делиться ни с землевладельцем, ни с хозяином.

Если бы такое состояние сохранилось, заработная плата за труд возрастала бы вместе с увеличением производительной силы труда, порождаемой разделением труда. Все предметы постепенно становились бы более дешевыми. На производство их требовалось бы все меньшее количество труда, и так как товары, на производство которых затрачено одинаковое количество труда, при таком положении вещей, естественно, обменивались бы друг на друга, то их равным образом можно было бы покупать на продукт меньшего труда.

Хотя все предметы в действительности стали бы дешевле, но на первый взгляд могло бы показаться, что многие из них стали дороже, чем прежде, так как они обмениваются на большее количество других продуктов. Предположим, например, что в большинстве отраслей производства производительная сила труда увеличилась в десять раз, или в течение рабочего дня можно произвести в десять раз больше, чем прежде, между тем как в данной отдельной отрасли производства производительная сила труда увеличилась всего только в два раза, или в течение рабочего дня теперь можно произвести только вдвое больше, чем прежде. При обмене продуктов труда одного рабочего дня большинства отраслей производства на продукт труда

одного рабочего дня данной отрасли, на десятикратное по сравнению с прежним количеством продуктов этих отраслей производства можно было бы приобрести лишь двойное количество продуктов труда данной отрасли. Поэтому определенное количество продукта данной отрасли, например один фунт, окажется, по-видимому, в пять раз дороже прежнего, но в действительности станет вдвое дешевле. Хотя для приобретения его необходимо отдать в пять раз большее количество других продуктов, но для приобретения или производства его приходится теперь затратить вдвое меньшее количество труда, чем прежде. Следовательно, приобрести его будет теперь вдвое легче.

Однако такое первобытное состояние общества, в котором рабочий получает полный продукт своего труда, не может сохраниться с момента присвоения земли в частную собственность и накопления капитала. Это положение вещей, следовательно, отошло в область прошлого задолго до того, как были достигнуты наиболее крупные успехи в увеличении производительной силы труда, и поэтому было бы бесполезно исследовать дальше, какое влияние оно могло бы оказать на вознаграждение или заработную плату за труд.

Как только земля становится частной собственностью, землевладелец требует долю почти со всякого продукта, который работник может взрастить на этой земле или собрать с нее. Его рента составляет первый вычет из продукта труда, затраченного на обработку земли.

Далее, только в редких случаях лицо, обрабатывающее землю, имеет средства для своего содержания до сбора жатвы. Эти средства существования обычно авансируются ему из капитала его хозяина или фермера, который нанимает его и который не имел бы никакого интереса нанимать его, если бы он не получал долю с продукта его труда или если бы его капитал не возмещался с некоторой прибылью. Эта прибыль составляет второй вычет из продукта труда, затрачиваемого на обработку земли.

Такой же вычет для оплаты прибыли делается из продукта почти всякого другого труда. Во всех ремеслах и производствах большинство работников нуждается в хозяине, который авансировал бы им материалы для работы, а также заработную плату и средства существования до времени ее окончания. Этот хозяин получает долю продукта их труда, или долю стоимости, которую труд прибавляет к обрабатываемому им материалу; эта доля и составляет прибыль хозяина.

Правда, бывает иногда, что самостоятельный рабочий-одиночка обладает капиталом, достаточным для покупки материала для своей работы, и средствами существования до времени ее окончания. Он является одновременно хозяином и работником и получает полностью продукт своего труда или всю ту стоимость, которую его труд прибавляет к обрабатываемому им материалу. Продукт в таком случае содержит два различных дохода, принадлежащих обычно двум различным лицам, а именно прибыль на капитал и заработную плату за труд.

Подобные случаи, однако, не очень часты, и в Европе повсюду на одного самостоятельного работника приходится двадцать рабочих, работающих на хозяина. И поэтому под заработной платой повсюду понимают то, чем она является обычно, когда рабочий и обладатель капитала, употребляющий его в дело, являются двумя различными лицами.

Размер обычной заработной платы зависит повсюду от договора между этими обеими сторонами, интересы которых отнюдь не тождественны. Рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше. Первые стараются сговориться для того, чтобы поднять заработную плату, последние же — чтобы ее понизить.

Нетрудно, однако, предвидеть, какая из этих двух сторон должна при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и вынудить другую подчиниться своим условиям. Хозяева — предприниматели, будучи менее многочисленны, гораздо легче могут сговориться между собою, и притом закон разрешает или, по крайней мере, не запрещает им входить в соглаше-

ние, между тем как он запрещает это делать рабочим.<sup>94</sup> В Англии нет ни одного парламентского акта против соглашений о понижении цены труда, но имеется много таких актов, которые направлены против соглашений о повышении ее. Во всех таких спорах и столкновениях хозяева могут держаться гораздо дольше. Землевладелец, фермер, владелец мануфактуры или купец, не нанимая ни одного рабочего, могут обыкновенно прожить год или два на капиталы, уже приобретенные ими. Многие рабочие не могут просуществовать и неделю, немногие могут просуществовать месяц, и вряд ли хотя бы один из них может прожить год, не имея работы. В конечном счете рабочий может оказаться столь же необходимым для своего хозяина, как и хозяин для рабочего, но в первом случае необходимость не проявляется так непосредственно.

Говорят, что нам редко приходится слышать о соглашениях хозяев, зато часто слышим о соглашениях рабочих. Но те, которые на этом основании воображают, что хозяева редко вступают в соглашения, совершенно не знают ни жизни, ни данного предмета. Хозяева всегда и повсеместно находятся в своего рода молчаливой, но постоянной и единообразной стачке с целью не повышать заработной платы рабочих выше ее существующего размера. Нарушение этого соглашения повсюду признается в высшей степени неблагоприятным делом, и виновный в нем предприниматель навлекает на себя упреки со стороны своих соседей и товарищей. Мы, правда, редко слышим о таких соглашениях, но только потому, что они представляют собой обычное и, можно сказать, естественное состояние вещей, о котором никогда не говорят. Иногда хозяева входят также в особые соглашения с целью понижения заработной платы даже ниже этого уровня. Обычно они проводятся всегда с соблюдением крайней осторожности и секрета до самого момента их осуществления, и если рабочие, как это иногда бывает, уступают без сопротивления, то посторонние лица никогда не узнают о состоявшемся соглашении, хотя оно очень чувствительно отражается на рабочих. Однако таким соглашениям часто противопоставляется оборонительное соглашение рабочих; иногда же сами рабочие без всякого вызова со стороны хозяев вступают по своей инициативе в соглашение о повышении цены своего труда. Обычно они ссылаются при этом то на дороговизну съестных припасов, то на большую прибыль, получаемую хозяином. Но отличаются ли соглашения рабочих наступательным или оборонительным характером – они всегда вызывают много разговоров. Стремясь привести дело к быстрому решению, рабочие всегда поднимают большой шум, а иногда прибегают даже к неприличным буйствам и насилиям. Они находятся в отчаянном положении и действуют с безумием отчаявшихся людей, вынужденных или помирять с голоду, или нагнать страх на своих хозяев, чтобы заставить немедленно удовлетворить их требования. С другой стороны, хозяева в таких случаях поднимают не меньше шума и требуют вмешательства гражданских властей, а также строгого применения тех суровых законов, которые были изданы против соглашений слуг, рабочих и поденщиков. Ввиду этого рабочие очень редко что-либо выигрывают от бурного характера таких соглашений, которые отчасти благодаря вмешательству гражданских властей, отчасти в силу большего упорства хозяев и отчасти вследствие необходимости для большинства рабочих сдаться, чтобы получить кусок хлеба, обычно кончаются лишь наказанием или разорением зачинщиков.

Хотя в своих столкновениях с рабочими хозяева обыкновенно имеют преимущество, однако существует известная граница, ниже которой невозможно, по-видимому, сократить на сколько-нибудь продолжительное время обычную заработную плату даже низших видов труда.

Человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом, и его заработная плата должна по меньшей мере быть достаточной для его существования. Она даже в большинстве случаев должна несколько превышать этот уровень; в противном случае ему было бы невозможно содержать семью, и раса рабочих вымерла бы после первого поколения. Кан-

<sup>94</sup> Смит имеет в виду законы против стачек и коалиций рабочих, отмененные впоследствии в 1824 г. (Прим. ред.)

тильон, по-видимому, полагает,<sup>95</sup> что рабочий самого низшего разряда должен зарабатывать по меньшей мере вдвое больше того, что необходимо для его личного содержания, дабы он мог вырастить двух детей; ввиду необходимости ухода жены за детьми, труд ее предполагается достаточным лишь для прокормления ее самой. Но половина детей, как установлено, умирает до достижения совершеннолетия. Следовательно, согласно такому расчету, чета беднейших рабочих должна пытаться вырастить по меньшей мере четверых детей, чтобы двое из них достигли совершеннолетия. Расход на содержание стольких детей, как полагают, приблизительно равен стоимости содержания взрослого рабочего. Труд сильного раба, добавляет указанный автор, признается имеющим вдвое большую стоимость, чем расход на его содержание, а труд самого простого рабочего, как он полагает, не может стоить меньше труда сильного раба. Ввиду этого представляется несомненным, что для содержания семьи труд мужа и жены, даже для низших разрядов простейшего труда, должен приносить несколько больше того, что абсолютно необходимо для их собственного содержания; я не берусь, впрочем, определить, насколько именно больше.

Однако бывают определенные условия, которые иногда ставят рабочих в благоприятное положение и позволяют им увеличить свою заработную плату значительно выше этой нормы, очевидно, самой низкой, которая только совместима с простой человечностью.

Когда в данной стране постоянно возрастает спрос на тех, кто живет заработной платой, а именно на рабочих, поденщиков, прислугу всякого рода, когда каждый год дает занятие большему числу лиц, чем было занято в предыдущем году, то рабочим не приходится вступать в соглашения для повышения их заработной платы. Недостаток рабочих рук вызывает конкуренцию между хозяевами, которые для того, чтобы заполучить рабочих, предлагают один больше другого и таким образом сами нарушают естественное соглашение хозяев не увеличивать заработную плату.

Очевидно, что спрос на лиц, живущих заработной платой, может возрасти лишь пропорционально увеличению фондов, предназначенных для выплаты заработной платы. Фонды эти бывают двух родов: во-первых, избыток дохода сверх размера, необходимого для содержания хозяев; во-вторых, избыток капитала сверх размера, необходимого для предоставления занятий самим хозяевам.

Когда землевладелец, или получатель ежегодной ренты, или капиталист имеет больший доход, чем нужно, по его мнению, для содержания его семьи, он затрачивает весь этот излишек или часть его на содержание одного или нескольких слуг. И когда этот излишек возрастает, он, естественно, увеличивает число этих слуг.

Когда самостоятельный ремесленник, например ткач или сапожник, накопил капитал больший, чем нужно ему для приобретения материалов для его собственной работы и для содержания себя до продажи продукта, он, естественно, употребляет остающуюся сумму на наем одного или нескольких поденщиков, чтобы извлекать прибыль из их труда. При возрастании этой свободной суммы он, безусловно, будет увеличивать число своих рабочих.

Таким образом, спрос на лиц, живущих заработной платой, необходимо увеличивается по мере возрастания дохода и капитала данной страны и никоим образом не может увеличиваться при отсутствии такого возрастания. Возрастание же дохода и капитала означает возрастание национального богатства. Следовательно, спрос на лиц, живущих заработной платой, естественно, возрастает по мере роста национального богатства и не может возрасти при отсутствии последнего.

Не размеры национального богатства, а его постоянное возрастание вызывает увеличение заработной платы за труд. В соответствии с этим заработная плата выше всего не в наиболее богатых странах, а в странах, больше всего накапливающих или быстрее богатеющих. Англия

<sup>95</sup> См. *Cantillon. Essai sur la nature du commerce en general. 1755. Ch. XI.*

в настоящее время является, без сомнения, гораздо более богатой страной, чем любая часть Северной Америки. Однако заработная плата рабочих гораздо выше в Северной Америке, чем в любой части Англии. В провинции Нью-Йорк чернорабочие зарабатывают<sup>96</sup> 3 шилл. 6 п., т. е. 2 шилл. на английские деньги в день; корабельные плотники получают 10 шилл. 6 п. и пинту рома стоимостью в 6 п. на английские деньги – всего 6 шилл. 6 п. на английские деньги; строительные плотники и каменщики получают 8 шилл., или 4 шилл. 6 п. на английские деньги; портные – 5 шилл., т. е. около 2 шилл. 10 п. на английские деньги. Все эти цифры выше лондонских, и, как утверждают, в других колониях заработная плата столь же высока, как и в Нью-Йорке. Цена на предметы продовольствия при этом повсюду в Северной Америке много ниже, чем в Англии. Недостаток продовольствия там неизвестен. В самые худшие времена года там всегда имеется достаточно продовольствия для собственного потребления, хотя и меньше остается для вывоза. Если поэтому денежная цена труда выше, чем где бы то ни было в метрополии, то его действительная цена, т. е. количество предметов необходимости и удобств, которое рабочий действительно получает в свое распоряжение, должна быть выше еще в большей пропорции.

Хотя Северная Америка еще не так богата, как Англия, она быстрее прогрессирует и гораздо быстрее продвигается по пути к дальнейшему приобретению богатств. Самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения. В Великобритании и в большинстве других европейских стран население, как полагают, удваивается приблизительно в пятьсот лет. В британских колониях Северной Америки, как установлено, население удваивается в 20 или 25 лет. И в настоящее время этот рост населения обуславливается главным образом не постоянной иммиграцией новых жителей, а быстрым размножением населения. Как утверждают лица, доживающие до старости, часто насчитывают от 50 до 100, а нередко и больше собственных потомков. Труд там вознаграждается так хорошо, что большое количество детей не только не служит обузой, но является источником богатства и благополучия для родителей. Труд каждого ребенка до той поры, когда он в состоянии покинуть родительский дом, приносит родителям, как высчитывают, 100 ф. ст. чистого барыша. За молодой вдовой с четырьмя или пятью малыми детьми на руках, которая в средних или низших слоях населения в Европе имела бы мало шансов вступить вторично в брак, здесь часто ухаживают, как за какой-то находкой. Тот факт, что дети представляют такую большую стоимость, является величайшим из всех поощрений к браку. Нам не приходится поэтому удивляться, что жители Северной Америки обыкновенно вступают в брак очень молодыми. И несмотря на большой прирост населения, вызываемый столь ранними браками, в Северной Америке не прекращаются жалобы на недостаток рабочих рук. Спрос на рабочих и фонды, предназначенные на оплату их, возрастают, по-видимому, еще быстрее, чем число рабочих, предлагающих свой труд.

В стране, обладающей значительным богатством, которое, однако, в течение продолжительного времени не возрастает, мы не можем встретить очень высокую заработную плату. Фонд, предназначенный на заработную плату, доход и капитал ее жителей могут быть очень велики, но если они в течение нескольких столетий оставались неизменными или почти неизменными, то количество рабочих, занятых в течение данного года, легко может покрыть, и даже больше чем покрыть, потребность в них в последующем году. В такой стране редко может чувствоваться недостаток рабочих рук и хозяевам нет необходимости перебивать их друг у друга. Количество рабочих рук, напротив, в таком случае окажется превышающим спрос на них. Постоянно будет ощущаться недостаток работы, и рабочим придется перебивать ее друг

<sup>96</sup> Это было написано в 1773 г., до возникновения последних волнений. (В этом примечании Смит имеет в виду происходившие в 1775–1776 гг. революционные выступления в североамериканских колониях, которые имели своим результатом отсоединение этих колоний от Англии и образование Североамериканских Соединенных Штатов.) (Прим. ред.)

у друга. Если бы в такой стране заработная плата превысила размер, достаточный для существования рабочего и содержания его семьи, конкуренция между рабочими и интересы хозяев скоро понизили бы ее до наименьшего размера, который только совместим с простым человеколюбием. Китай долгое время был одной из самых богатых, т. е. наиболее плодородных, лучше всего обрабатываемых, наиболее трудолюбивых и самых населенных стран мира. Однако он оставался, по-видимому, продолжительное время в состоянии застоя. Марко Поло, который посетил Китай пятьсот лет тому назад, описывает его сельское хозяйство, промышленность и населенность почти в таких же выражениях, в каких они описываются путешественниками нашего времени. Возможно, что задолго до Марко Поло Китай приобрел все те богатства, которые можно было приобрести при его законах и учреждениях. Сообщения всех путешественников, которые расходятся во многих других отношениях, одинаково говорят о низкой заработной плате за труд и о трудности для рабочего в Китае содержать семью. Он доволен, если за тяжелую земляную работу в течение целого дня получит столько, что сможет купить вечером маленькую порцию риса. Условия существования ремесленников, если это возможно, еще хуже. Вместо того, чтобы спокойно ожидать в своих мастерских заказов от своих потребителей, как это принято в Европе, они постоянно рыщут по улицам, имея при себе орудия своего ремесла, предлагая свои услуги и как бы вымаливая работу. Бедность низших слоев народа в Китае далеко превосходит бедность самых нищенских наций Европы. В окрестностях Кантона многие сотни, как обычно утверждают, даже тысячи семейств не имеют совсем никакого жилища на суше и живут постоянно в маленьких рыбацких лодках по рекам и каналам. Пропитание, которое они добывают себе здесь, настолько скудно, что они жадно выуживают самые негодные отбросы, выкидываемые за борт европейских судов. Любая падаль, например дохлая собака или кошка, хотя бы совсем разложившаяся и испускающая зловоние, столь же лакомая пища для них, как самая здоровая пища для народа других стран. Браки поощряются в Китае не выгодой, получаемой от детей, а дозволением умерщвлять их. Во всех больших городах каждую ночь много детей оставляют на улице или топят, как щенят, в реке. Утверждают даже, что выполнение этого ужасного дела является признанной профессией, которая дает пропитание многим людям.

Хотя Китай, может быть, и находится в состоянии застоя, но, как кажется, он не идет назад. Его города нигде не покидаются жителями. Земли, когда-либо пущенные в обработку, нигде не забрасываются. Поэтому ежегодно должно выполняться одно и то же или почти одно и то же количество труда, и, следовательно, фонд, предназначенный на оплату его, не должен заметно уменьшаться. Следовательно, рабочие низшего разряда, несмотря на свое скудное существование, так или иначе умудряются продолжать свой род настолько, чтобы их число не уменьшалось.

Иначе будет в стране, где фонд, предназначенный на содержание труда, заметно сокращается. С каждым годом спрос на прислугу и рабочих во всех отраслях труда будет уменьшаться в сравнении с предыдущим годом. Многие рабочие, принадлежащие к высшим отраслям труда, не имея возможности найти занятия по своей специальности, будут рады найти его в низшем разряде. В низших видах труда, переполненных не только своими собственными рабочими, но и пришельцами из всех других групп, конкуренция в погоне за работой будет столь велика, что сократит заработную плату до уровня, при котором рабочий будет владеть самым жалким и скудным существованием. Многие не смогут найти занятия даже на таких тяжелых условиях — они или погибнут с голоду, или вынуждены будут искать пропитания посредством нищенства или же тяжчайших преступлений. Нужда, голод и усиленная смертность станут немедленно уделом этого разряда рабочих и отсюда будут распространяться на все высшие разряды, пока население страны не уменьшится до того количества, которое легко может просуществовать на доход и капитал, оставшиеся в стране. Приблизительно таково, пожалуй, состояние Бенгалии и некоторых других английских поселений Ост-Индии. Если в плодородной стране, население

которой раньше значительно уменьшилось и где поэтому не очень трудно найти себе средства к существованию, тем не менее ежегодно умирают от голода триста или четыреста тысяч человек, то нет сомнения, что в такой стране фонд, предназначенный на содержание труда бедных классов, быстро сокращается. Различие между духом британской конституции, под покровительством и управлением которой находится Северная Америка, и меркантильным духом торговой компании, которая господствует в Ост-Индии и угнетает ее, не может быть, пожалуй, иллюстрировано лучше, чем различием положения этих стран.

Щедрая оплата труда является поэтому как неизбежным следствием, так и естественным симптомом роста национального богатства. Скудное существование трудящихся бедняков, с другой стороны, служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание – что она быстро идет к упадку.

В Великобритании заработная плата за труд в настоящее время, по-видимому, стоит выше того уровня, который необходим для обеспечения рабочему возможности прокормить семью. Для того чтобы удостовериться в этом, нет необходимости входить в утомительные и сомнительные вычисления минимальной суммы, обеспечивающей такую возможность. Имеется много очевидных симптомов того, что заработная плата нигде в нашей стране не определяется этой низшей нормой, совместимой с простой человечностью.

Во-первых, почти повсеместно в Великобритании, даже для самых низших видов труда, существует разница между летней и зимней заработной платой. Летняя заработная плата всегда выше, но ввиду чрезвычайного расхода на топливо содержание семьи обходится дороже всего зимою. Поэтому, поскольку заработная плата выше всего в ту пору, когда расходы на содержание семьи ниже всего, представляется очевидным, что она определяется не этими необходимыми расходами, а количеством и предполагаемой стоимостью труда. Правда, могут сказать, что рабочий сберегает часть своей летней заработной платы для того, чтобы покрывать свои зимние расходы, и что заработная плата за весь год не превышает суммы, необходимой на содержание его семьи в течение всего года. Однако мы не стали бы содержать таким образом раба или человека, который в средствах своего существования находился бы в безусловной зависимости от нас. Его дневная получка точно соответствовала бы его дневным потребностям.

Во-вторых, заработная плата в Великобритании не испытывает колебаний в зависимости от колебания цены съестных продуктов. Эта последняя изменяется повсеместно из года в год, а часто из месяца в месяц, тогда как денежная цена труда остается иногда в некоторых местностях неизменной в течение целого полувека. Если, таким образом, рабочие имеют возможность содержать свои семьи в годы дороговизны, то в годы умеренных цен они должны пользоваться достатком, а в годы особенной дешевизны должны жить в изобилии. Высокие цены на предметы продовольствия в последнее десятилетие не сопровождались во многих частях королевства заметным повышением денежной цены труда. В некоторых местах последнее, правда, имело место, но, вероятно, было вызвано скорее увеличением спроса на труд, чем ростом цен на предметы продовольствия.

В-третьих, в то время как цены на предметы продовольствия колеблются из года в год больше, чем заработная плата, заработная плата, со своей стороны, колеблется от одной местности к другой больше, чем цены на предметы продовольствия. Цены на хлеб и мясо в большей части Соединенного королевства обыкновенно одинаковы или почти одинаковы. Эти и большинство других предметов, продающихся в розницу – а именно в розницу рабочие покупают все нужные им продукты, – обычно столь же дешевы или даже еще дешевле в больших городах, чем в отдаленных частях страны, по причинам, которые я еще буду иметь случай выяснить. Но заработная плата в большом городе и его окрестностях часто на четверть или одну пятую, т. е. на 20 или 25 %, выше, чем на расстоянии нескольких миль от него. 18 п. в день можно считать обычной платой за труд в Лондоне и его окрестностях. На расстоянии нескольких миль от него она падает до 14 и 15 п. В 10 п. можно принять заработную плату в Эдинбурге и его окрестно-



стях. В нескольких милях от него она падает до 8 п., обычной цены простого труда в большей части Нижней Шотландии, где она обнаруживает гораздо меньше колебаний, чем в Англии. Такая разница в цене, которая, как кажется, не всегда достаточна для того, чтобы заставить человека переселиться из одного прихода в другой, неизбежно повела бы к такому значительному передвижению самых громоздких товаров не только из одного прихода в другой, но и из одного конца королевства, пожалуй, даже с одного конца света в другой, которое скоро привело бы цены к почти одинаковому уровню. Несмотря на все то, что говорят о легкомыслии и непостоянстве человеческой природы, опыт очевидно доказывает, что перемещение человека связано с большими трудностями, чем перемещение какого бы то ни было другого груза. И потому если рабочий-бедняк может содержать свою семью в тех местностях королевства, где заработная плата ниже всего, то там, где она выше, она более чем достаточна для этой цели.

В-четвертых, колебания цен на труд не только не совпадают в пространстве и во времени с колебаниями цен на предметы продовольствия, но часто прямо противоположны им.

Зерновой хлеб – главная пища простого народа – дороже в Шотландии, чем в Англии, откуда первая почти ежегодно получает весьма значительные количества его. Но английское зерно должно продаваться по более дорогой цене в Шотландии, в стране, в которую оно ввозится, чем в Англии, стране, откуда оно получается; и при одинаковом качестве оно не может продаваться в Шотландии по более дорогой цене, чем шотландское зерно, которое поступает на тот же рынок и конкурирует с ним. Качество зерна определяется главным образом количеством муки, которое оно дает при размоле, и в этом отношении английское зерно настолько превосходит шотландское, что, будучи часто по видимости или по объему более дорогим, оно оказывается обычно более дешевым в действительности или ввиду своего лучшего качества, или даже по весу. Цена труда, напротив, в Англии дороже, чем в Шотландии. Если поэтому рабочие в состоянии содержать свои семьи в одной части Соединенного королевства, а именно в Шотландии, то они могут жить в довольстве и в другой части страны, т. е. в Англии. Правда, овсяная мука составляет в Шотландии главную и лучшую пищу простонародья, которая, по общему мнению, гораздо хуже пищи того же класса людей в Англии. Однако эта разница в условиях питания рабочих является не причиной, а следствием разницы в их заработной плате, хотя, по странному недоразумению, в ней нередко видят причину. Не потому, что один человек держит карету, а его сосед ходит пешком, первый из них является богатым, а второй – бедным, но, наоборот, потому что первый богат, он держит карету, и потому что второй беден, он ходит пешком.

В течение прошлого столетия зерновой хлеб, в среднем, в обеих частях Соединенного королевства был дороже, чем в текущем столетии.<sup>97</sup> Это факт, который не допускает ныне никаких сколько-нибудь обоснованных сомнений и который доказан еще более неопровержимо, насколько это возможно, для Шотландии, чем для Англии. Для Шотландии он подтверждается свидетельством официальных записей ежегодной рыночной цены овса и всех видов зернового хлеба во всех графствах.<sup>98</sup> Если же такое прямое доказательство требует еще косвенного подтверждения, то я укажу, что тот же факт имел место также во Франции и, вероятно, в большей части остальной Европы. Что касается Франции, то имеются несомненные доказательства этого. Но если бесспорно, что в обеих частях Соединенного королевства хлеб в прошлом столетии был несколько дороже, чем в настоящем, то столь же несомненно, что труд был значительно дешевле. И если рабочие могли содержать свои семьи в ту пору, то теперь их положение должно быть более благоприятным. В минувшем столетии наиболее распространенной поденной заработной платой чернорабочего в большей части Шотландии были 6 п. летом и 5 п.

<sup>97</sup> Это верно для XVIII столетия только до 1765 г. С 1765 по 1820 г. цена всякого рода хлеба в Англии значительно превышала среднюю цену предшествовавших периодов. С 1820 г. она упала снова до прежнего уровня. (Прим. ред.)

<sup>98</sup> Записи эти, называвшиеся в Шотландии фиарами, представляли собою рыночные книги для записывания цен различных товаров и хлеба. (Прим. ред.)

зимой. Почти такая же заработная плата, а именно 3 шилл. в неделю, и поныне существует в некоторых частях горной Шотландии и на Западных островах. В большей части Нижней Шотландии обычная заработная плата чернорабочего доходит ныне до 8 п. в день и до 10 п., а иногда и до шилл. в окрестностях Эдинбурга, в графствах, граничащих с Англией, – вероятно, по причине этого близкого соседства – и в немногих других местах, где в последнее время наблюдалось значительное увеличение спроса на труд, – в Глазго, Карроне, Айршире и др. В Англии развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли началось значительно раньше, чем в Шотландии. Спрос на труд, а следовательно, и его цену должен был неизбежно возрасти по мере этого развития. Ввиду этого как в минувшем, так и в настоящем столетии заработная плата была в Англии выше, чем в Шотландии. Она, правда, значительно возросла с того времени, но благодаря большому разнообразию заработной платы в разных местах трудно установить, на сколько именно. В 1614 г. жалование пехотному солдату было такое же, как и в настоящее время, а именно 8 п. в день. Когда оно было впервые установлено, то, естественно, было согласовано с обычной заработной платой чернорабочих, из рядов которых обыкновенно рекрутировались пехотинцы. Лорд, главный судья, Гэлс, писавший в эпоху Карла II, исчисляет необходимые расходы семьи рабочего, состоящей из шести лиц, – отца, матери, двух детей, способных к какому-нибудь труду, и двух нетрудоспособных, – в 10 шилл. в неделю, или в 26 ф. в год. Если семья не может заработать эту сумму своим трудом, она должна добыть ее, как он полагает, нищенством или воровством. Гэлс, по-видимому, весьма тщательно исследовал данный предмет.<sup>99</sup> В 1688 г. Грегори Кинг, искусство которого в политической арифметике так восхваляется доктором Дэвенантом, определил обычный доход рабочих и батраков в 15 ф. в год на семью, состоящую, по его предположению, в среднем из 3 1/2 лиц.<sup>100</sup> Таким образом, его исчисление почти совпадает с цифрой судьи Гэлса, хотя на первый взгляд как будто и расходится с нею. Оба принимают недельный расход таких рабочих семейств приблизительно в 20 п. на душу. Денежный доход и расход рабочих семей с того времени значительно возросли в большей части королевства – в некоторых местах больше, в других меньше, – однако вряд ли где бы то ни было в таких размерах, которые указывались в недавно опубликованных преувеличенных сообщениях о заработной плате в настоящее время. Следует, впрочем, заметить, что вполне точно нельзя установить для данного пункта цену за труд, ибо в одном и том же месте и за ту же самую работу часто платят неодинаковую плату в зависимости не только от различных способностей рабочих, но и от сговорчивости или упорства хозяев. В тех случаях, когда заработная плата не устанавливается законом, мы можем, в лучшем случае, определить обычный ее размер, а опыт как будто свидетельствует, что закон ни в коем случае не может надлежащим образом регулировать заработную плату, хотя часто пытался это делать.

Реальное вознаграждение за труд, т. е. действительное количество предметов необходимости и жизненных удобств, которое оно может доставить рабочему, возросло на протяжении текущего столетия, пожалуй, еще значительно, чем денежная цена труда. Подешевел не только хлеб, но значительно понизились в цене также многие другие предметы, которые вносят приятное и здоровое разнообразие в пищу трудолюбивого бедняка. Так, например, картофель в настоящее время стоит в большей части королевства не более половины того, что он стоил обыкновенно тридцать или сорок лет тому назад. То же самое можно сказать о репе, моркови, капусте – овощах, которые прежде возделывались только с помощью лопаты, а теперь обыкновенно возделываются с помощью плуга. Всякого рода фрукты и овощи стали дешевле. Большая часть яблок и даже лука, потреблявшихся в Великобритании, привозились в прошлом столетии из Фландрии. Крупные улучшения в производстве дешевых тканей, льняных и шерстяных,

<sup>99</sup> См. его проект о содержании бедных в книге *Burn. History of the Poorlaws*.

<sup>100</sup> Это вычисление можно найти у Дэвенанта в его *Essay upon the Probable Methods of Making a People Gainers in the Balance of Trades*. Davenant's Works, edit. 1771, vol. II, p. 184.

дают рабочим более дешевую и лучшую одежду, а прогресс в производстве грубых металлов дает им более дешевые и лучшие инструменты, а также много приятных и удобных предметов домашнего обихода. Мыло, соль, свечи, кожа и спиртные напитки, правда, значительно подорожали главным образом благодаря обложению налогами. Но рабочие потребляют столь незначительное количество этих предметов, что оно не уравнивает понижения цен столь многих других продуктов. Обычные жалобы на то, что роскошь распространяется даже среди низших слоев народа и что рабочие не довольствуются теперь той пищей, одеждой и жилищем, какими довольствовались в прежние времена, могут убедить нас, что возросла не только денежная цена труда, но и его реальное вознаграждение.

Следует ли считать такое улучшение положения низших слоев народа выгодным или невыгодным для общества? Ответ на первый взгляд представляется совершенно ясным. Прислуга, рабочие и поденщики всякого рода составляют преобладающую часть всякого крупного государства. А то, что ведет к улучшению условий существования большинства, никоим образом не может быть признано вредным для целого. Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительнейшая часть его членов бедна и несчастна. Да кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилище.

Бедность не всегда предупреждает браки, хотя, несомненно, затрудняет их. Она, как кажется, даже благоприятствует размножению. Истощенная голодом женщина в горной Шотландии часто имеет более двадцати детей, тогда как изнеженная пресыщенная дама часто неспособна произвести на свет и одного ребенка и обыкновенно оказывается совершенно истощенной после рождения двух или трех детей. Бесплодие, столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, всегда ослабляет и часто совершенно уничтожает способность к деторождению.

Но бедность, хотя она и не предупреждает деторождение, чрезвычайно неблагоприятна для воспитания детей. Нежное растение порождено на свет, но в столь холодной почве и суровом климате оно скоро чахнет и погибает. Как мне часто приходилось слышать, в горной Шотландии нередко встречаются матери, родившие двадцать детей и сохранившие в живых только двоих. Некоторые обладающие большим опытом офицеры уверяли меня, что число детей, родившихся у их солдат, не было бы достаточным не только для укомплектования их полков, но даже для замещения должностей одних только барабанщиков и флейтчиков. А между тем редко где можно встретить такое большое число маленьких детей, как около солдатских казарм. Очень немногие из них, по-видимому, достигают тринадцати- или четырнадцатилетнего возраста. В некоторых местах половина рождающихся детей умирает, не достигнув четырехлетнего возраста, во многих местах – семилетнего и почти повсюду не дожив до девяти или десяти лет. Однако такая смертность повсеместно встречается главным образом среди детей простолюдин, которое не может окружить их таким уходом, каким пользуются дети более обеспеченных родителей. Хотя браки у простолюдин обычно более плодотворны, чем в высших кругах общества, однако до совершеннолетия доживает меньшая часть их детей. В воспитательных же домах и среди детей, воспитываемых за счет приходской благотворительности, смертность еще больше, чем среди детей простолюдин.

Все виды животных, естественно, размножаются в соответствии с наличными средствами их существования, и ни один вид не может размножиться за пределы последних. Но в цивилизованном обществе только у низших слоев народа недостаток средств существования может ограничивать предел дальнейшего размножения, что выражается только одним – уничтожением большей части детей, рождающихся от плодотворных браков этих низших классов народа.

Щедрая оплата труда, позволяющая рабочим лучше содержать своих детей и, следовательно, вырастить большее число их, естественно, имеет тенденцию расширить пределы размножения. Следует заметить при этом, что это расширение происходит в соответствии с размерами спроса на труд. Если этот спрос непрерывно возрастает, то оплата труда с необходимостью должна в такой степени поощрять браки и размножение среди рабочих, чтобы этот непрерывно возрастающий спрос мог быть удовлетворен столь же непрерывно возрастающим населением. Если заработная плата в какой-либо момент опустится ниже того уровня, который требуется для этого, недостаток рабочих рук скоро повысит ее, а если она поднимется выше этого уровня, чрезмерное размножение скоро понизит ее до необходимой нормы. Рынок в одном случае будет настолько недостаточно снабжен рабочей силой, а в другом случае снабжен ею в таком избытке, что это скоро приведет ее цену к надлежащей норме, требуемой наличными условиями общества. Таким образом, спрос на людей, как и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей – ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, задерживает, если оно происходит слишком быстро. Этот именно спрос регулирует и определяет размножение рода человеческого во всех решительно странах мира, в Северной Америке, в Европе и Китае; он вызывает быстрое размножение людей в первой, медленное и постепенное во второй и держит население на стационарном уровне в третьей.

Обычно говорят, что утрата трудоспособности раба происходит за счет его хозяина, а утрата трудоспособности свободного работника – за его собственный счет. Между тем утрата трудоспособности последнего в действительности ложится на хозяина в такой же мере, как и утрата трудоспособности первого. Заработная плата, выплачиваемая поденщикам и рабочим всякого рода, должна достигать в среднем таких размеров, чтобы давать возможность поддерживать общее число поденщиков и рабочих на том уровне, какой требуется возрастающим, уменьшающимся или стационарным состоянием спроса общества на них. Однако, хотя утрата трудоспособности свободного работника тоже производится за счет хозяина, она обычно стоит ему меньше, чем утрата трудоспособности раба. Фонд, предназначенный на восстановление или, если можно так выразиться, на ремонт раба, обыкновенно находится в распоряжении небрежного хозяина или невнимательного управляющего. Фонд, предназначенный для той же цели по отношению к свободному человеку, находится в распоряжении его самого. Беспорядочность, обычно преобладающая в хозяйстве богатого человека, естественно, распространяется и на тот фонд, на который содержатся рабы; напротив, строгая умеренность и бережливость бедняка столь же естественно проявляются в расходовании его средств существования. При столь различном ведении хозяйства одна и та же цель будет требовать для своего выполнения совершенно различных издержек. В соответствии с этим, как мне кажется, опыт всех веков и народов говорит за то, что труд свободных людей обходится в конечном счете дешевле труда рабов. Это установлено даже в Бостоне, Нью-Йорке и Филадельфии, где заработная плата за простой труд весьма высока.

Итак, высокая оплата труда, будучи последствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной роста населения. Жаловаться по поводу ее – значит оплакивать необходимые следствия и причины величайшего общественного благосостояния.

Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед, в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее – полно печали.

Щедрое вознаграждение за труд, поощряя размножение простого народа, вместе с тем увеличивает его трудолюбие. Заработная плата за труд поощряет трудолюбие, которое, как

и всякое иное человеческое свойство, развивается в соответствии с получаемым им поощрением. Обильная пища увеличивает физические силы работника, а приятная надежда улучшить свое положение и кончить свои дни в довольстве и изобилии побуждает его к максимальному напряжению своих сил. Поэтому при наличии высокой заработной платы мы всегда найдем рабочих более деятельными, прилежными и смысленными, чем при низкой заработной плате; в Англии, например, мы скорее найдем таких рабочих, чем в Шотландии, вблизи крупных городов – скорее, чем в отдаленных сельских местностях. Конечно, имеются такие рабочие, которые, если они могут заработать в четыре дня пропитание на всю неделю, остальные три дня проводят сложа руки, однако они отнюдь не составляют большинства. Напротив, когда рабочие получают высокую почасную плату, они склонны надрываться над работой и таким образом разрушают в несколько лет свое здоровье и силы. Плотник в Лондоне и в некоторых других местах, как полагают, не может свыше восьми лет сохранить свою полную силу. Нечто подобное имеет место во многих других промыслах, где рабочие оплачиваются почасно; таков обыкновенно порядок в мануфактурах и даже в сельском хозяйстве – везде, где заработная плата выше обычного уровня. Почти все категории ремесленника подвержены каким-либо специальным болезням, порождаемым их постоянным занятием одним и тем же видом труда. Выдающийся итальянский врач Рамадзини написал особую книгу<sup>101</sup> относительно таких болезней. Мы не считаем наших солдат самой трудолюбивой частью нашего народа. Тем не менее, когда случилось употреблять их для какой-нибудь особой работы, за которую давали хорошую почасную плату, офицерам часто приходилось договариваться с предпринимателями, чтобы им не давали зарабатывать свыше определенной суммы в день в соответствии с установленными нормами почасной оплаты. До заключения этого соглашения взаимное соревнование и стремление к большему заработку часто побуждали их чрезмерно напрягать свои силы и надирать свое здоровье усиленным трудом. Чрезмерное напряжение в течение четырех дней в неделю часто бывает действительной причиной безделья в остальные три дня, по поводу которого так много и громко жалуются. За напряженным трудом, умственным или физическим, продолжающимся подряд несколько дней, у большинства людей, естественно, следует сильная, почти непреодолимая потребность в отдыхе, от которого удержать может только сила или острая нужда. Это естественная потребность, которая требует удовлетворения иной раз в виде простого отдыха, а иногда и в виде развлечений. Последствия неудовлетворения этой потребности часто опасны, а иногда губительны, они почти всегда, раньше или позже, вызывают специальную профессиональную болезнь. Если бы хозяева прислушивались всегда к велениям разума и человечности, они часто имели бы основания скорее умерять, чем возбуждать усердие многих из своих рабочих. Как я уверен, в любой профессии можно установить, что человек, который работает не спеша и потому способен работать постоянно, не только дольше сохранит свое здоровье, но в течение года выполнит большее количество работы.

Говорят, что в годы, когда продукты дешевы, рабочие в среднем более ленивы, а в годы дороговизны более усердны, чем обыкновенно. Отсюда заключают, что обилие средств существования ослабляет трудолюбие рабочих, а недостаток, напротив, усиливает трудолюбие. Не может подлежать сомнению, что недостаток, несколько превышающий обычный, может сделать некоторых рабочих ленивыми, но представляется маловероятным, чтобы он оказывал такое влияние на большинство рабочих или чтобы люди вообще работали больше при скудном питании, подавленном настроении и частых болезнях, чем при обильном питании, бодром настроении и хорошем здоровье. Годы дороговизны, следует заметить, обыкновенно бывают для простонародья годами болезней и усиленной смертности, что не может не вызывать уменьшения производительности труда.

<sup>101</sup> *Ramazzini B. A Treatise on the Diseases of Tradesmen etc.* Перевод с латинского на английский был издан в 1705 г.

В годы изобилия рабочие часто покидают своих хозяев и решаются добывать себе пропитание самостоятельным промыслом. Но эта же дешевизна предметов продовольствия, увеличивая фонд, предназначенный на содержание рабочих, побуждает хозяев, в особенности фермеров, нанимать большее число их. Фермеры в таких случаях надеются извлечь больше прибыли из своего хлеба путем найма несколько большего количества работников, чем от продажи его по низкой рыночной цене. Спрос на работников увеличивается, тогда как предложение их уменьшается. Таким образом, цена на труд в годы дешевизны часто повышается.

В годы дороговизны трудность и необеспеченность существования побуждают всех этих людей искать себе место в качестве рабочих. Но высокая цена предметов продовольствия, уменьшая фонд, предназначенный на содержание рабочих, побуждает хозяев скорее сократить, чем увеличить число своих рабочих. Вместе с тем в годы дороговизны бедные самостоятельные работники часто проедают весь свой небольшой капитал, на который они обыкновенно снабжали себя материалами для своего труда, и для поддержания своего существования вынуждены превратиться в наемных рабочих. Не все лица, ищущие работу, могут ее получить; многие готовы поступить на работу на условиях более низкой оплаты, чем обычно, и потому в годы дороговизны заработная плата как батраков, так и поденных рабочих часто понижается.

Поэтому хозяева всякого рода извлекают больше выгоды из своих рабочих в годы дороговизны, чем в годы дешевизны, и в первом случае находят их более покорными и стоворчивыми, чем во втором. И потому они, естественно, признают годы дороговизны более благоприятными, чем годы дешевизны. Лендлорды и фермеры, эти две многочисленные группы хозяев, имеют, кроме того, другую причину приветствовать годы дороговизны. Рента первых и прибыль вторых в весьма большой степени зависят от цен на предметы продовольствия. Однако не может быть ничего нелепее, как воображать, что люди вообще станут работать меньше, когда смогут работать на самих себя, нежели когда они работают на других. Бедный самостоятельный работник будет по общему правилу более трудолюбив, чем даже наемный рабочий, получающий почасную плату. Первый получает весь продукт своего труда, второй делит его со своим хозяином.

Первый, работая в одиночку и самостоятельно, менее подвержен соблазнам плохого общества, которые в крупных мануфактурах так часто губят нравственность второго. Еще более значительно, конечно, превосходство самостоятельного работника сравнительно с теми рабочими, которых нанимают помесечно или на годовой срок и которые получают постоянную заработную плату и содержание независимо от количества сделанной ими работы. Годы дешевизны имеют тенденцию увеличивать количество самостоятельных работников в сравнении с числом поденных рабочих и батраков всякого рода, а годы дороговизны – уменьшать его.

Французский писатель, отличающийся большими знаниями и талантом, сборщик налогов в избирательном округе С.-Этьен господин Мессанс,<sup>102</sup> пытается доказать, что бедняки производят больше работы в годы дешевизны, чем в годы дороговизны, сравнивая количество и стоимость товаров, произведенных в том и другом случаях в трех различных производствах: грубых шерстяных материй в Эльбефе, полотняном и шелковом по всему району Руана. Из его сообщения, основанного на регистрах официальных учреждений, явствует, что количество и стоимость товаров, вырабатываемых в этих трех производствах, обыкновенно гораздо больше в годы дешевизны, чем в годы дороговизны. Все эти три производства, по-видимому, находятся в состоянии застоя или, в общем, клонятся к упадку и не развиваются, хотя их продукция, может быть, несколько колеблется из года в год.

Полотняное производство в Шотландии и производство грубых шерстяных материй к западу от Йоркшира представляют собою развивающиеся промыслы; их продукция по общему правилу возрастает, хотя и с некоторыми колебаниями, как по количеству, так и по стоимо-

<sup>102</sup> См.: *Messance. Recherches sur la population des généralités d'Auvergne, de Lyon, de Rouen.* Paris, 1776.

сти. Однако, рассмотрев опубликованные отчеты об их ежегодной продукции, я не мог обнаружить, чтобы колебания ее стояли в какой-либо заметной связи с периодами дороговизны или дешевизны. В 1740 г., когда был большой неурожай, оба эти производства пережили, правда, весьма значительный упадок. Но в 1756 г., когда также случился большой неурожай, шотландская промышленность развивалась быстрее, чем обычно. Йоркширская промышленность действительно падала, и ее продукция не достигала уровня 1755 г. вплоть до 1766 г., когда был отменен закон об американском гербовом сборе. В этот и следующий годы она значительно превысила прежние размеры и с того времени продолжала непрерывно возрастать.

Продукция всех значительных мануфактур, продающих свои товары на отдаленных рынках, зависит не столько от дороговизны или дешевизны в странах их нахождения, сколько от условий, влияющих на спрос в тех странах, где эта продукция потребляется: от мира или войны, от процветания или упадка других соперничающих мануфактур, от благоприятного или плохого положения их главных потребителей. Кроме того, большая часть добавочного труда, который, вероятно, выполняется в годы дешевизны, никогда не входит в официальные отчеты о промышленности. Батраки и слуги, оставляющие своих нанимателей, становятся самостоятельными работниками; женщины возвращаются к своим родителям и обычно занимаются прядением, чтобы изготовить одежду для себя и своих семейств; даже самостоятельные работники не всегда работают на открытый рынок, а изготавливают для своих соседей предметы домашнего обихода. Поэтому продукт их труда часто оказывается не внесенным в те официальные регистры, сводки которых нередко публикуются с такой торжественностью и на основании которых наши купцы и промышленники часто опрометчиво основывают свои суждения о процветании или упадке государства.

Хотя колебания цен на труд не только не всегда соответствуют колебаниям цен на предметы продовольствия, но часто противоположны им, мы все же не должны на этом основании предполагать, что цена предметов продовольствия не оказывает никакого влияния на цену труда. Денежная цена труда необходимо определяется двумя моментами: спросом на труд и ценами на предметы необходимости и жизненного удобства. Спрос на труд, в зависимости от того, возрастает ли он, неподвижен или падает, т. е. в зависимости от того, требует ли он возрастающего, стационарного или уменьшающегося населения, определяет количество предметов необходимости и жизненных удобств, которые должны быть предоставлены рабочему, а денежная цена труда определяется той суммой, которая необходима для приобретения этого количества продуктов. Хотя, таким образом, денежная цена труда иногда бывает высока в то время, когда цена предметов продовольствия низка, она была бы еще выше при том же спросе на труд, но при высокой цене предметов продовольствия.

Именно потому, что спрос на труд возрастает в годы непредвиденного и чрезвычайного урожая и уменьшается в годы непредвиденного и чрезвычайного неурожая, денежная цена труда иногда повышается в первом случае и понижается во втором.

В годы непредвиденного и чрезвычайного урожая у многих промышленных предпринимателей хотя и имеются фонды, достаточные для содержания и производительного использования большего числа работников, чем было занято в предыдущем году, но им не всегда удается достать это добавочное число работников. Поэтому те хозяева, которые нуждаются в большем количестве рабочих, перебивают их друг у друга, благодаря чему нередко повышается как реальная, так и денежная цена труда рабочих.

Обратное этому происходит в год непредвиденного и чрезвычайного неурожая. Фонды, предназначенные для производительных целей, уменьшаются сравнительно с предыдущим годом. Значительное число людей лишается работы; они конкурируют друг с другом, а это нередко понижает как реальную, так и денежную цену труда. В 1740 г., когда был чрезвычайный неурожай, много народа соглашалось работать за одни харчи. В последующие урожайные годы было труднее достать рабочих и батраков.

В год дороговизны скудость средств существования, уменьшая спрос на труд, имеет тенденцию понизить его цену, тогда как высокая цена предметов продовольствия имеет тенденцию повысить ее. Напротив, изобилие урожайного года, увеличивая спрос на труд, имеет тенденцию повышать цену труда, тогда как дешевизна предметов продовольствия ведет к ее понижению. При обычных колебаниях цен на предметы продовольствия эти две противоположные причины, по-видимому, уравнивают одна другую; это, вероятно, отчасти объясняет, почему заработная плата повсюду гораздо более устойчива и неизменна, чем цена предметов продовольствия.

Рост заработной платы необходимо ведет к возрастанию цены многих товаров, поскольку увеличивает ту часть ее, которая приходится на заработную плату и, таким образом, имеет тенденцию уменьшить потребление этих товаров как внутри страны, так и за границей. Однако та же причина, которая повышает заработную плату за труд, а именно возрастание капитала, имеет тенденцию увеличить производительную силу труда, благодаря чему при затрате меньшего количества труда производится большее количество изделий. Владелец капитала, нанимающий большее количество рабочих, всегда старается в своих выгодах установить такое надлежащее разделение и распределение работ, чтобы рабочие были в состоянии изготовить возможно больше предметов. С той же целью он старается снабдить их по возможности самыми лучшими орудиями. И то, что имеет место среди рабочих отдельной мастерской, происходит по той же причине среди рабочих всего общества. Чем значительнее число их, тем больше, естественно, подразделяются они на различные классы и виды занятий. Большее число умов занято изобретением наиболее подходящих орудий и машин для выполнения работы каждого, и поэтому тем вероятнее, что они будут изобретены. В результате этих усовершенствований затраты труда при производстве многих товаров настолько уменьшаются, что возрастание цены труда более чем уравнивается уменьшением его количества.

## **Глава IX**

### **О прибыли на капитал**

Повышение или уменьшение прибыли на капитал зависит от тех же причин, которые вызывают изменение заработной платы за труд, – от возрастания или уменьшения богатства общества; но эти причины весьма различно отражаются на заработной плате и прибыли.

Возрастание капитала, увеличивающее заработную плату, ведет к понижению прибыли. Когда капиталы многих богатых купцов вкладываются в одну и ту же отрасль торговли, их взаимная конкуренция, естественно, ведет к понижению их прибылей; а когда во всех отраслях торговли данного общества происходит такое же увеличение капитала, та же конкуренция должна произвести подобное действие во всех отраслях.

Как было уже замечено, нелегко установить размер средней заработной платы даже в отдельной местности и в определенное время. Даже в этом случае мы можем обыкновенно определить лишь наиболее обычную заработную плату. Однако это редко может быть сделано и по отношению к прибыли на капитал. Прибыль так сильно колеблется, что человек, ведущий какое-нибудь торговое дело, не всегда может сам сказать вам, какова она в среднем. На нее оказывают влияние не только каждое колебание цены товаров, которыми он торгует, удаchi или неудачи его конкурентов и потребителей, а также тысячи других случайностей, которым подвержены его товары при перевозке морем или сушей или даже при хранении на складе. Прибыль поэтому колеблется не только из года в год, но и изо дня в день и почти с часу на час. Установить, какова средняя прибыль всех различных отраслей торговли, существующих в обширном королевстве, должно быть, много труднее, а судить с некоторой степенью точности о том, какова она могла быть раньше или в отдаленные от нас периоды, должно быть, вообще невозможно.



Но хотя невозможно определить с некоторой степенью точности, какова в настоящее время и какова была прежде средняя прибыль на капитал, кое-какое представление об этом может быть составлено на основании обычного процента на деньги. Можно признать за правило, что процент на деньги будет выше в тех случаях, когда возможно получить большую прибыль от вложения денег в какое-нибудь дело, и, наоборот, за них дадут меньше, если употребление их обещает меньшую выгоду. Следовательно, мы можем быть уверены, что соответственно колебаниям в данной стране обычной рыночной нормы процента должна изменяться также обычная прибыль на капитал: понижаться, когда понижается эта норма, и возрастать, когда она повышается.

Законом в 37-й год правления Генриха VIII процент, превышающий десять со ста, был объявлен незаконным. До этого, по-видимому, взимали нередко больше. В правление Эдуарда VI религиозное рвение воспрещало всякий процент. Однако, как утверждают, это запрещение, подобно всем другим такого же рода, не имело никакого действия и, вероятно, скорее увеличило, чем ослабило, зло ростовщичества. Статут Генриха VIII был возобновлен пунктом 8-м акта, изданного в 13-й год правления Елизаветы, и десять процентов продолжали быть законной нормой процента до закона, изданного в 21-й год правления Якова I, когда она была ограничена восемью процентами. Она была понижена до шести процентов вскоре после Реставрации, а законом в 12-й год правления королевы Анны – до пяти процентов. Все эти различные законодательные ограничения устанавливались, по-видимому, соответственно обстоятельствам, не забежали вперед, а следовали за рыночной нормой процента, по какой обычно занимали деньги вполне кредитоспособные люди. Со времени королевы Анны пять процентов, как кажется, скорее превышали рыночную норму, чем отставали от нее. Перед последней войной правительство занимало по три процента, а вполне кредитоспособные люди в столице и во многих других местах королевства – по три с половиной, четыре и четыре с половиной процента.

Со времени Генриха VIII богатство и доход страны непрерывно возрастали, и темп возрастания скорее постепенно ускорялся, чем замедлялся. Богатство и доходы, по-видимому, не только возрастали, но возрастали все быстрее и быстрее. В течение этого периода заработная плата тоже непрерывно возрастала, а в большей части различных отраслей торговли и промышленности прибыль на капитал уменьшалась.

Обыкновенно для ведения какой-нибудь торговли требуется большой капитал в большом городе, чем в деревне. Крупные капиталы, вложенные во все отрасли торговли, и большое число конкурентов обыкновенно уменьшают норму прибыли в городе ниже того уровня, какой держится в деревне. Но заработная плата в большом городе обычно выше, чем в деревне. В развивающемся городе лица, обладающие крупными свободными капиталами, часто не могут достать нужное им количество рабочих и потому перебивают их друг у друга, чтобы достать возможно большее число их, а это повышает заработную плату и сокращает прибыль на капитал. В отдаленных частях страны часто не хватает свободного капитала, чтобы занять всех рабочих, которые поэтому конкурируют друг с другом в поисках места, а это понижает заработную плату и повышает прибыль на капитал.

Хотя в Шотландии законная норма процента та же, что и в Англии, рыночная норма его несколько выше. Самые кредитоспособные лица редко занимают там меньше чем по пяти процентов. Даже частные банкиры в Эдинбурге платят четыре процента по своим векселям, которые могут быть предъявлены к оплате частично или полностью в любой момент. Частные банкиры в Лондоне совсем не платят процентов на деньги, вложенные у них. В Шотландии в большинстве отраслей торговли можно вести дело на меньший капитал, чем в Англии. Обычная норма прибыли должна быть поэтому несколько выше. Заработная плата, как уже указано, в Шотландии ниже, чем в Англии. К тому же страна эта не только много беднее, но и темп ее развития, – хотя она, бесспорно, развивается и богатеет, – по-видимому, более медленный.

Законная норма процента во Франции в течение настоящего столетия не всегда регулировалась рыночной ценой.<sup>103</sup> В 1720 г. процент был понижен с одной двадцатой до одной пятидесятой пенни, т. е. с пяти до двух на сто; в 1724 г. он был повышен до одной тридцатой пенни, т. е. до трех с третью на сто; в 1725 г. он был снова повышен до одной двадцатой, или до пяти на сто, а в 1766 г., во время управления г. Ляверди, уменьшен до одной двадцать пятой, т. е. до четырех процентов. Аббат Тэрре впоследствии повысил его до старой нормы в пять процентов. Многие из этих насильственных понижений процента, как предполагалось, имели в виду подготовить сокращение процента по государственному долгу – цель, которая иногда и достигалась. Франция в настоящее время, пожалуй, не столь богатая страна, как Англия, и хотя законная норма процента во Франции часто бывала ниже, чем в Англии, рыночная норма бывала обыкновенно выше, ибо там, как и в других странах, существует немало безопасных и легких способов обходить закон. Торговая прибыль, как уверяли меня британские купцы, торговавшие в обеих странах, выше во Франции, чем в Англии; и нет сомнения, что именно по этой причине многие британские подданные предпочитают применять свои капиталы в первой стране, где к торговле относятся с пренебрежением, чем в своей стране, где она пользуется большим почетом. Заработная плата во Франции ниже, чем в Англии. Когда вы приезжаете из Шотландии в Англию, различие, которое вы замечаете в одежде и внешнем виде простого народа в обеих странах, достаточно говорит о неодинаковости его положения. Контраст еще сильнее, когда вы возвращаетесь из Франции. Франция, хотя она, несомненно, более богатая страна, чем Шотландия, прогрессирует, по-видимому, не так быстро. В Шотландии общим и даже избитым местом является мнение, что она идет к упадку, – мнение, как я полагаю, плохо обоснованное даже по отношению к Франции и совершенно несостоятельное по отношению к Шотландии в глазах тех, кто знает ее теперь и знал ее 20 и 30 лет тому назад.

Голландия, напротив, в сравнении с размерами своей территории и численностью населения является более богатой страной, чем Англия. Ее правительство занимает деньги из двух процентов, а частные лица, пользующиеся прочным кредитом, – из трех процентов. Заработная плата, как говорят, в Голландии выше, чем в Англии, и голландцы, как хорошо известно, торгуют с меньшей прибылью, чем какой бы то ни было народ в Европе. Согласно утверждениям некоторых лиц, торговля Голландии клонится к упадку, и это, может быть, верно в применении к некоторым отдельным ее отраслям. Но вышеприведенные симптомы, как думается, достаточно указывают, что она не переживает общего упадка. Когда прибыль уменьшается, купцы очень склонны жаловаться на упадок торговли, хотя это уменьшение является естественным результатом процветания торговли и вложения в нее больших капиталов, чем раньше. Во время последней войны голландцы захватили всю транспортную торговлю Франции, значительную долю которой они удержали до сих пор. Крупные суммы, которыми они обладают в иностранных государственных бумагах – около 40 млн только в английских (мне эта цифра представляется значительно преувеличенной), крупные суммы, которые они ссужают частным лицам в тех странах, где норма прибыли выше, чем у них, – все это, без сомнения, свидетельствует об изобилии капитала или о возрастании его в таких размерах, что они не могут излишки его использовать со сносной прибылью в собственных предприятиях в своей стране, но отнюдь не говорит об упадке торговли и промышленности. Подобно тому как капитал частного лица, приобретенный в какой-нибудь отрасли торговли, может возрасти настолько, что это лицо уже не сможет использовать его в данной отрасли, несмотря на то что последняя продолжает развиваться, – так может происходить и с капиталом целой нации.

В наших североамериканских и вест-индских колониях не только заработная плата, но и денежный процент, а следовательно, и прибыль на капитал выше, чем в Англии. В различных колониях как законная, так и рыночная норма процента колеблется от шести до восьми

<sup>103</sup> См. *Denisart*. Article Taux des Intérêts. Tome 111. P. 18.

на сто. Высокая заработная плата и высокая прибыль на капитал почти нигде не наблюдаются одновременно, исключая недавно возникшие колонии с их особыми условиями. Новая колония в течение некоторого времени всегда должна испытывать больший недостаток в капитале сравнительно с размерами ее территории и больший недостаток населения сравнительно с размерами ее капитала, чем это имеет место в большинстве других стран. Она имеет больше земли, чем капитала для обработки ее. И потому имеющиеся у нее средства употребляются только на обработку наиболее плодородных и благоприятнее всего расположенных участков, а именно по морскому побережью и вдоль берегов судоходных рек. Притом такая земля часто покупается по цене, не достигающей даже стоимости ее естественных произведений. Капитал, затраченный на покупку и возделывание таких земель, должен приносить весьма значительную прибыль и, следовательно, давать возможность уплачивать очень высокий процент. Его быстрое накопление при столь прибыльном приложении позволяет плантатору увеличивать число своих рабочих быстрее, чем он в состоянии найти в новом поселении. И потому те, кого он может найти, получают щедрое вознаграждение. По мере роста колонии прибыль на капитал постепенно уменьшается. После того как заняты самые плодородные и лучше всего расположенные участки земли, меньшая прибыль может быть получена от обработки худших по своей почве и расположению участков и меньший процент может быть уплачен за капитал, вкладываемый в них. Ввиду этого в большей части наших колоний законная и рыночная норма процента значительно понизилась в течение текущего столетия. В то время как богатство, культура земли и население возросли, процент понизился. Заработная плата не понижается вместе с понижением прибыли на капитал. Спрос на труд возрастает вместе с возрастанием капитала независимо от того, какова приносимая им прибыль; и после того как прибыль начинает уменьшаться, капитал может не только продолжать возрастать, но даже возрастать гораздо быстрее, чем раньше. С трудолюбивыми нациями, которые прогрессируют в деле накопления богатств, повторяется то же, что и с отдельными трудолюбивыми лицами. Большой капитал, хотя и приносящий небольшую прибыль, обыкновенно возрастает быстрее, чем незначительный капитал, приносящий большую прибыль. Деньги, говорит пословица, создают новые деньги. Стоит вам добыть немного денег, и вам часто легко будет добыть больше. Главная трудность заключается именно в получении этих небольших денег. Связь между возрастанием капитала и развитием промышленности или спроса на полезный труд уже отчасти выяснена, но она будет изложена более обстоятельно в дальнейшем, когда речь будет идти о накоплении капитала.

Приобретение новой территории или развитие новых видов торговли и промышленности может иногда повысить прибыль на капитал, а вместе с нею и размер денежного процента даже в стране, быстро накапливающей богатство. Поскольку капитала страны не хватает, в связи с указанными изменениями, для всей совокупности представляющихся капиталистам дел, то он направляется только в те отрасли, которые дают наибольшую прибыль. Часть капиталов, ранее вложенных в другие отрасли торговли и промышленности, неизбежно извлекается из них и направляется в какие-либо новые и более выгодные. Поэтому во всех старых отраслях торговли конкуренция ослабевает, рынок в меньшем изобилии снабжается многими видами товаров. Их цена неизбежно более или менее повышается и дает более значительную прибыль тем лицам, которые торгуют ими и которые поэтому могут теперь занимать деньги под более высокие проценты. В течение некоторого времени после окончания последней войны не только частные лица, обладающие наилучшим кредитом, но и некоторые крупнейшие компании в Лондоне занимали обыкновенно по пять процентов, тогда как раньше платили не больше четырех или четырех с половиной. Значительное увеличение территории и торговли в результате наших приобретений в Северной Америке и Вест-Индии достаточно объясняет этот факт без необходимости относить его на счет уменьшения капиталов общества. Столь значительное расширение торговых дел за счет имеющегося налицо капитала должно было неизбежно уменьшить размеры капитала, вложенного во многие отдельные отрасли торговли, где благодаря ослаб-

лению конкуренции прибыль должна повыситься. В дальнейшем я буду иметь случай привести соображения, которые склоняют меня к предположению, что капитал Великобритании не уменьшился даже в результате громадных расходов последней войны.

Уменьшение капитала общества, или фонда, предназначенного на ведение промышленности, понижением заработной платы повышает прибыль на капитал и, следовательно, денежный процент. Благодаря понижению заработной платы владельцы оставшегося в обществе капитала могут доставлять на рынок свои товары с меньшими издержками, чем прежде, а благодаря уменьшению капитала, затрачиваемого на обслуживание рынка, они могут продавать их дороже. Их товары обходятся дешевле, а выручают они за них больше. Их прибыль поэтому возрастает в силу двух причин, и они ввиду этого могут платить более высокий процент. Столь быстрое и легкое приобретение больших состояний в Бенгалии и других британских владениях в Ост-Индии свидетельствует о том, что при очень низкой заработной плате в этих разоренных странах очень высока прибыль на капитал. Денежный процент тоже соответственно этому высок. В Бенгалии деньги часто ссужаются фермерам под сорок, пятьдесят и шестьдесят процентов, а ожидаемый урожай закладывается в обеспечение уплаты. Подобно тому как прибыль, могущая оплачивать такой высокий процент, должна поглотить почти всю ренту землевладельца, так и столь чрезмерное ростовщичество должно в свою очередь поглотить большую часть этой прибыли. Перед падением Римской республики подобное ростовщичество, по-видимому, было обычно в провинциях при разорительном управлении их проконсулов. Из писем Цицерона мы узнаем, что добродетельный Брут ссужал деньги в Кипре из сорока восьми процентов.<sup>104</sup>

В стране, которая достигла наибольшего благосостояния, соответствующего характеру ее почвы и климата и ее положению по отношению к другим странам, которая, таким образом, не может дальше развиваться и вместе с тем не идет назад, – в такой стране заработная плата и прибыль на капитал будут, вероятно, очень низки. В стране, густо населенной сравнительно с тем, что может прокормить ее почва или ее капитал, конкуренция в поисках работы будет по необходимости так сильна, что сократит заработную плату до уровня, необходимого для сохранения наличного числа рабочих; и поскольку страна уже густо заселена, число это не сможет увеличиваться. В стране, насыщенной капиталом пропорционально объему ее промышленности и торговли, в каждую отдельную отрасль вкладывается такое количество капитала, которое допускается характером и размерами ее. Конкуренция поэтому во всех отраслях будет очень сильна, а, следовательно, обычная прибыль весьма низка.

Возможно, однако, что ни одна страна еще не достигла описанной степени богатства. Китай, по-видимому, долгое время оставался в неподвижном состоянии и, вероятно, давно уже приобрел тот максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений. Но возможно, что этот максимум богатств гораздо ниже того, который при наличии других законов и учреждений можно было бы приобрести при данном характере почвы, климата и положения страны. Страна, пренебрегающая внешней торговлей или презирующая ее и допускающая иностранные корабли только в один или два порта, не может развить свою торговлю в таких размерах, в которых это было бы возможно при других законах и учреждениях. К тому же в этой стране, где богатые люди и обладатели крупных капиталов пользуются почти полной неприкосновенностью, а бедняки или обладатели мелких капиталов совсем ею не пользуются и в любое время подвергаются под предлогом отправления правосудия грабежам со стороны низших мандаринов, – в такой стране количество капитала, вложенного во все различные отрасли ее торговли и промышленности, никогда не может достичь тех размеров, которые допускаются характером и объемом последних. В каждой отдельной отрасли притеснение бедных должно создать монополию богатых, которые, захватывая в свои руки всю торговлю, могут получать

<sup>104</sup> См.: *Cicero ad Att.*, VI, I, 6.

очень большую прибыль. В соответствии с этим, как утверждают, обычный денежный процент достигает в Китае двенадцати, а обычная прибыль на капитал должна быть достаточна для оплаты такого высокого процента.

Недостатки существующих законов могут иногда повышать норму процента значительно выше того уровня, который обуславливается богатством или бедностью данной страны. Когда закон не обеспечивает выполнения договоров и обязательств, он ставит всех заемщиков почти в такое же положение, в каком в более благоустроенных странах находятся банкроты или люди с сомнительной кредитоспособностью. Неуверенность в обратном получении своих денег побуждает заимодавца требовать такой же ростовщический процент, какой обычно требуется от банкротов. У варварских народов, наводнивших западные провинции Римской империи, выполнение договоров в течение многих столетий было поставлено в зависимость исключительно от добросовестности договаривающихся сторон. Их королевские суды редко вмешивались в эту область. Высокая норма процента, установившаяся в эти отдаленные времена, может быть объяснена отчасти этой причиной.

Когда закон вообще запрещает процент, он отнюдь не предупреждает взимание его. Многие лица вынуждены занимать деньги, но никто не соглашается ссудить их, не взяв за пользование деньгами вознаграждение, соответствующее не только тому доходу, который они могут приносить, но также трудности и опасности обхода закона. Высокую норму процента у всех магометанских народов Монтескье<sup>105</sup> объясняет не их бедностью, а запрещением взимания процента, отчасти же – трудностью получить свои деньги обратно.

Минимальная обычная норма прибыли должна всегда быть несколько больше того, что достаточно для покрытия случайных потерь, возможных при любом помещении капитала. Только этот излишек представляет собою чистую прибыль. Так называемая валовая прибыль включает в себя часто не только этот излишек, но и ту сумму, которая удерживается для возмещения указанных чрезвычайных потерь. Процент, который могут платить заемщики, определяется лишь размером чистой прибыли.

Минимальная обычная норма процента точно таким же образом должна быть несколько выше того, что достаточно для возмещения случайных потерь, возможных при ссуде денег даже при соблюдении осторожности. Если бы норма процента не превышала этого размера, то только благотворительность или дружба могли бы побуждать давать займы.

В стране, достигшей высших пределов богатства, где во все отрасли промышленности и торговли вложен максимальный капитал, какой только может быть использован в них, обычная норма чистой прибыли будет очень низка, и в соответствии с этим обычная рыночная норма процента, которая может быть выплачена из нее, будет так незначительна, что только самые богатые люди смогут жить на проценты со своих денег. Все обладатели небольших и средних состояний вынуждены будут сами производительно затрачивать свои капиталы, каждый должен будет заняться каким-либо торговым делом или промышленным предприятием. К такому состоянию приближается, по-видимому, Голландия, где считается предосудительным не заниматься торговым или промышленным делом. Необходимость делает обычным почти для всех участие в торговых или промышленных предприятиях, а ведь обычай повсюду решает, что именно считается предосудительным. Подобно тому как смешно ходить одетым не так, как все, так в известной степени смешно не заниматься делами подобно другим людям. Как человек гражданской профессии кажется неловким в военном лагере или гарнизоне и даже рискует вызвать там насмешки, так бывает и с человеком, не имеющим занятий, среди деловых людей.

Что касается высшей обычной нормы прибыли, то она может достигать таких размеров, при которых ею поглощается та часть цены большинства товаров, которая должна была бы приходить на долю земельной ренты, и остается лишь столько, сколько необходимо для оплаты

<sup>105</sup> См.: *Montesquieu. Esprit des Lois*, XXII, 19.

труда, затраченного на производство товара и доставку его на рынок, и притом соответственно возможно низшему уровню оплаты труда, сводящемуся к абсолютно необходимому для существования работника. Рабочего так или иначе всегда надо кормить, когда он работает, тогда как землевладелец может и не получить ренты за свою землю. Прибыль от торговли, которую ведут в Бенгалии служащие Ост-Индской компании, вероятно, близка к этой норме.

Соотношение между обычной рыночной нормой процента и обычной нормой чистой прибыли необходимо колеблется в зависимости от повышения или понижения прибыли. В Великобритании купцы признают хорошей, умеренной, справедливой прибыль, равную удвоенному обычному проценту; как мне думается, выражения эти имеют в виду именно среднюю и обычную прибыль. В стране, где обычная норма чистой прибыли доходит до восьми или десяти на сто, можно признать справедливым, если половина ее приходится на оплату процента в тех случаях, когда предприятие ведется на чужие деньги. Риск за судьбу капитала ложится на должника, который как бы берет на страх у заимодавца; и четыре или пять процентов в большинстве отраслей промышленности могут быть признаны и достаточной прибылью за риск такого страхования, и достаточным вознаграждением за хлопоты, связанные с производительным помещением капитала. Но соотношение между процентом и чистой прибылью может быть различным в странах с более низкой или более высокой обычной нормой прибыли. При низком уровне прибыли на оплату процента не может быть уделена половина ее, а в тех случаях, когда она значительно выше, на его оплату может идти и больше половины прибыли.

В странах, быстро богатящихся, высокая заработная плата может быть уравновешена в цене многих товаров низкой нормой прибыли; и это дает возможность им продавать свои товары столь же дешево, как и менее преуспевающим соседям, у которых заработная плата ниже.

Высокая прибыль в действительности больше влияет на повышение цены продукта, чем высокая заработная плата. Если, например, в полотняном производстве увеличить на 2 пенса в день заработную плату рабочих всех категорий – чесальщиков льна, прядильщиков, ткачей и т. п., то окажется необходимым повысить цену штуки полотна только на такое количество двухпенсовых монет, сколько рабочих было занято в ее изготовлении, помноженное на число дней, в течение которых они работали. Та часть цены товара, которая сводится к заработной плате, возрастает во всех различных стадиях производства лишь в арифметической пропорции к этому увеличению заработной платы. Но при увеличении на пять процентов прибыли всех различных предпринимателей, которые нанимают этих рабочих, та часть цены товара, которая сводится к прибыли, возрастет на всех различных стадиях производства в геометрической пропорции к этому увеличению прибыли. Чесальный фабрикант, продавая свой лен, будет требовать добавочные пять процентов на всю стоимость материалов и заработной платы, авансированных им своим рабочим. Прядильный фабрикант будет требовать добавочные пять процентов как на авансированную им цену льна, так и на заработную плату прядильщиков. А ткацкий фабрикант будет требовать эти же добавочные пять процентов на авансированную цену льняной пряжи и заработную плату ткачей. На повышение цены товаров увеличение заработной платы оказывает такое же действие, как и простые проценты на возрастание долга. Увеличение же прибыли действует подобно сложным процентам. Наши купцы и владельцы мануфактур сильно жалуются на вредные результаты высокой заработной платы, повышающей цены и потому уменьшающей сбыт их товаров внутри страны и за границей. Но они ничего не говорят о вредных последствиях высоких прибылей. Они хранят молчание относительно губительных результатов своих собственных барышей, жалуясь лишь на то, что выгодно для других людей.

## **Глава X**

### **О заработной плате и прибыли при различных применениях труда и капитала**

Совокупность выгод и невыгод различных применений труда и капитала в одной и той же местности должна быть совершенно одинаковой или постоянно иметь тенденцию к равенству. Если бы в данной местности нашлось такое применение для труда и капитала, которое было бы очевидным образом более или менее выгодно, чем остальные применения, то к нему стремились бы в первом случае и покинули бы во втором случае столько людей и капитала, что в скором времени его выгоды снова оказались бы на одном уровне с другими применениями. Так, по крайней мере, должно было бы случиться в обществе, в котором дела были бы предоставлены своему естественному течению, в котором существовала бы совершенная свобода и где каждый мог бы совершенно свободно выбирать себе занятие, которое считает подходящим для себя, и менять его, когда сочтет это нужным. Собственный интерес каждого человека заставит его искать выгодного и избегать невыгодного занятия.

Однако в действительности денежная заработная плата и прибыль повсюду в Европе чрезвычайно различны для всех видов применения труда и капитала. Но это различие зависит частью от некоторых условий, которые присущи самим этим отраслям и которые в действительности или только в воображении людей компенсируют малую денежную выгоду в одних и уравнивают большую выгоду в других, частью же от господствующей в Европе политики, которая нигде ничему не предоставляет полной свободы.

Специальное рассмотрение этих обстоятельств и этой политики делит настоящую главу на два отдела.

### **Отдел I**

#### **Неравенства, обуславливаемые самим характером занятий**

Пять следующих главных условий, насколько я мог наблюдать, компенсируют малый денежный заработок в одних занятиях и уравнивают больший заработок в других: 1) приятность или неприятность самих занятий, 2) легкость и дешевизна или трудность и дороговизна обучения им, 3) постоянство или непостоянство занятий, 4) большее или меньшее доверие, оказываемое тем лицам, которые занимаются ими, и 5) вероятность или невероятность успеха в них.

Во-первых, заработная плата изменяется в зависимости от легкости или трудности, чистоты или неопрятности, почетности или унизости самого занятия. Так, в большинстве мест портной зарабатывает в среднем за год меньше ткача. Его труд много легче. Ткач зарабатывает меньше кузнеца, его труд не всегда легче, но много чище. Кузнец, хотя он и ремесленник, редко зарабатывает за двенадцать часов работы столько же, сколько зарабатывает в восемь часов рудокоп, который является простым рабочим. Дело в том, что его работа не так грязна, менее опасна и производится на поверхности земли и при дневном свете. Почет составляет значительную часть вознаграждения во всех особо уважаемых профессиях; с точки же зрения денежного вознаграждения эти профессии, принимая во внимание все обстоятельства, обыкновенно оплачиваются недостаточно, как я это еще постараюсь показать. Презрение, проявляемое к некоторым занятиям, ведет к противоположному результату. Промысел мясника – грубая и отталкивающая профессия, но почти везде он выгоднее большей части промыслов. Самое отвратительное из всех занятий – это должность палача, и, однако, она, принимая во внимание количество выполняемой работы, оплачивается лучше всех других простых занятий.

Охота и рыбная ловля, самые важные занятия рода человеческого в первобытном состоянии общества, превращаются в дальнейшем развитии в наиболее приятную забаву людей, которые теперь занимаются с удовольствием тем, к чему их раньше толкала нужда. Поэтому в цивилизованном обществе лишь круглые бедняки занимаются как профессией тем, чем другие занимаются для времяпрепровождения. Рыбаки находились в таком положении со времен Феокрита.<sup>106</sup> Браконьерами в Великобритании повсюду являются совсем бедные люди. В странах, где строгость законов не допускает браконьерства, охотники, обладающие надлежащим разрешением, находятся в положении немного лучшем. Естественная склонность к таким занятиям побуждает заниматься ими гораздо большее число людей, чем могут жить от них в некотором довольстве, и продукт их труда на рынке всегда продается слишком дешево в сравнении с затраченным трудом и потому едва обеспечивает самое скудное существование.

Неприятный характер занятия и общественное презрение к последнему оказывают на прибыль с капитала такое же влияние, как и на заработную плату. Владелец харчевни или кабака, который никогда не является хозяином своего дома и подвергается грубости первого пьяницы, занимается делом не весьма приятным и не весьма почтенным. Но вряд ли существует другая какая-либо профессия, в которой столь незначительный капитал приносил бы столь большой барыш.

Во-вторых, заработная плата изменяется в зависимости от легкости и дешевизны или трудности и дороговизны изучения данной профессии.

Когда сооружается какая-нибудь дорогая машина, обыкновенно рассчитывают, что количество работы, которое она выполнит, пока не износится, возместит капитал, затраченный на нее по меньшей мере с обычной прибылью. Человек, изучивший с затратой большого труда и продолжительного времени какую-либо из тех профессий, которые требуют чрезвычайной ловкости и искусства, может быть сравнен с такою дорогою машиною. Следует ожидать, что труд, которому он обучается, возместит ему сверх обычной заработной платы за простой труд все расходы, затраченные на обучение, с обычной по меньшей мере прибылью на капитал, равный этой сумме расходов. И это должно быть осуществлено в не слишком продолжительный промежуток времени, поскольку человеческая жизнь имеет весьма неопределенную продолжительность, как это рассчитывается применительно к более определенному сроку работы машины.

На этом основано различие между заработной платой квалифицированного труда и труда обычного.

Европейская практика признает труд всех мастеровых, ремесленников и мануфактурных рабочих квалифицированным трудом, а труд сельских работников – простым трудом. По-видимому, предполагается, что труд первых более тонкого и деликатного свойства, чем труд последних. Может быть, это и так в некоторых случаях, но в большинстве их дело обстоит совершенно иначе, как я постараюсь показать. Законы и обычаи Европы поэтому устанавливают необходимость ученичества для приобретения права занятия тем или другим видом труда, хотя в различных местах требования эти отличаются неодинаковой степенью строгости. Другие занятия свободны и открыты для каждого. Во время ученичества весь труд ученика принадлежит его хозяину. Все это время его должны содержать родители или родственники, и почти во всех случаях они также должны снабжать его одеждой. Обыкновенно мастер получает также некоторую сумму денег за обучение ремеслу. Кто не может дать денег, дает свое время, т. е. обязывается работать большее количество лет, чем обычно принято, – условие, хотя и не всегда выгодное мастеру ввиду обычной лености учеников, но всегда невыгодное ученику. В деревне, напротив, работник занимается сперва более легкими работами, постепенно приучаясь к более трудным, причем труд дает ему пропитание на всех ступенях его обучения. Справедливо поэтому,

<sup>106</sup> См.: «Idyllium», XXI.



чтобы заработная плата мастеровых, ремесленников и мануфактурных рабочих была в Европе несколько выше заработной платы простых рабочих. Так оно и есть на самом деле, и более высокий заработок этих групп рабочих ведет к тому, что в большинстве местностей их причисляют к более высокому классу населения. Однако это превосходство обычно весьма незначительно; дневной или недельный заработок поденного рабочего на обыкновенных мануфактурах, как, например, суконных и грубого полотна, в среднем в большинстве случаев весьма мало превышает заработок простых чернорабочих. Правда, их занятие более устойчиво и более постоянно, и в среднем за целый год их заработная плата, может быть, окажется гораздо более значительной. Тем не менее она, по-видимому, больше лишь настолько, чтобы компенсировать большие расходы на обучение их.

В искусствах и либеральных профессиях обучение еще гораздо дороже и продолжительнее. Ввиду этого денежное вознаграждение художников и скульпторов, юристов и врачей должно быть более щедрое, что в действительности имеет место.

Прибыль на капитал, как кажется, очень мало зависит от легкости или трудности изучения отрасли промышленности или торговли, в которую он вложен. Все различные способы обычного вложения капиталов в больших городах представляются почти одинаково легкими или трудными для изучения. Та или иная отрасль внешней или внутренней торговли не может отличаться значительно большею сложностью, чем всякая иная.

В-третьих, заработная плата изменяется в различных занятиях в зависимости от постоянства или перерывов в работе.

В некоторых отраслях промышленности работа отличается гораздо большим постоянством, чем в других. В большей части мануфактур поденщик может быть почти уверен, что будет иметь работу круглый год, если только он сам будет работоспособен. Напротив, каменщик или штукатур не могут работать ни в сильный мороз, ни в плохую погоду, но и, помимо того, они будут иметь работу лишь в зависимости от случайных заказов их клиентов, а это означает частое сидение без работы. Поэтому заработка такого рабочего в те дни, когда он работает, должно не только хватить на существование в дни безработицы, но и дать ему некоторую компенсацию за тревожные моменты и волнения, вызываемые подчас столь тяжелым положением. Поэтому в тех случаях, когда средняя заработная плата мануфактурных рабочих держится почти на одном уровне с поденной заработной платой простых чернорабочих, заработок каменщиков и штукатуров обыкновенно превышает ее в полтора-два раза. Если простые чернорабочие зарабатывают в неделю 4 и 5 шилл., то каменщики и штукатуры часто зарабатывают 7 и 8 шилл.; если первые имеют 6 шилл., последние часто получают 9 и 10, а если первые получают 9 и 10 шилл., как это бывает в Лондоне, последние обычно зарабатывают 15 и 18 шилл. Между тем из всех видов квалифицированного труда легче всего, кажется, обучиться труду каменщика и штукатура. Как передают, в Лондоне во время летнего сезона в качестве штукатуров и каменщиков часто употребляют носильщиков. Таким образом, высокая заработная плата этой группы рабочих представляет собою не столько вознаграждение за особое их искусство, сколько возмещение за непостоянство работы.

Плотничье ремесло как будто более тонкое и требующее больше ловкости, чем мастерство каменщиков. Однако если не везде, то в большинстве случаев поденная заработная плата плотника несколько ниже. Его работа в значительной мере, но не целиком зависит от случайных заказов его потребителей, а кроме того, она не в такой степени прерывается плохой погодой.

Если известный промысел, обычно доставляющий постоянное занятие, имеет в данной местности временный характер, то заработная плата рабочих всегда значительно превышает ее обычное соотношение к заработной плате чернорабочих. В Лондоне почти все рабочие-ремесленники нанимаются и увольняются своими хозяевами на неопределенный срок, со дня на день и с недели на неделю, как и поденные рабочие в других местах. И потому самый низкий разряд

ремесленных рабочих, портновские подмастерья, зарабатывает полкроны в день, хотя общепринятой платой за простой труд следует считать восемнадцать пенсов. В небольших городах и селах заработок рабочих-портных часто едва доходит до заработной платы чернорабочих, но в Лондоне они нередко много недель подряд оказываются без работы, в особенности в летнее время.

Когда непостоянство работы соединяется с особой трудностью, неприятностью и нечистоплотностью ее, это иногда повышает заработную плату за самый грубый труд сравнительно с платой за труд самых искусных ремесленников. Рудокоп, работающий сдельно, зарабатывает обыкновенно в Ньюкасле вдвое больше, а во многих местах Шотландии почти втрое больше, чем простой рабочий. Такая высокая заработная плата объясняется вообще трудностью, неприятностью и нечистоплотностью его работы. В большинстве случаев этот рабочий может всегда иметь работу, если только он этого хочет. Грузчики угля в Лондоне заняты работой, которая в отношении трудности, нечистоплотности и неприятности не уступает труду углекопов, и ввиду неизбежной нерегулярности прибытия судов с углем большинство их по необходимости имеет весьма непостоянную работу. И потому если углекопы обычно зарабатывают вдвое и втрое больше простого чернорабочего, то не должно казаться странным, что грузчики угля зарабатывают иногда вчетверо и впятеро больше. При произведенном несколько лет тому назад обследовании их положения было установлено, что при расценке, по какой они тогда оплачивались, грузчики могли зарабатывать от шести до десяти шиллингов в день. Шесть шиллингов составляют почти вчетверо больше заработной платы чернорабочего в Лондоне, а в каждой профессии наименьшим обычным заработком следует признавать заработок значительного большинства рабочих данной профессии. Как бы эти заработки ни казались чрезмерными, но если бы они превышали размер, достаточный для вознаграждения рабочего за все неприятности, связанные с его работой, в данной профессии, не представляющей исключительной привилегии, появилось бы так много конкурентов, что быстро уменьшило бы заработную плату до более низкой нормы.

Постоянство или непостоянство занятия не может влиять на размеры обычной прибыли на капитал в той или иной отрасли промышленности. Постоянство или непостоянство помещения капитала зависит не от данной отрасли промышленности, а от самого промышленника.

В-четвертых, заработная плата изменяется в зависимости от большего или меньшего доверия, которым должен пользоваться рабочий.

Заработная плата золотых дел мастеров и ювелиров повсюду выше заработной платы многих других рабочих, труд которых предполагает не только одинаковое, но и гораздо большее искусство; это объясняется дороговизной драгоценных металлов, которые им доверяются.

Мы вверяем наше здоровье врачу, наше состояние, а иногда нашу жизнь и репутацию – поверенному и адвокату. Такое доверие нельзя безопасно оказывать людям, не занимающим солидного общественного положения. Поэтому вознаграждение должно достигать таких размеров, чтобы обеспечивать им общественное положение, требуемое столь серьезным доверием. Продолжительное время и крупные расходы, необходимые на их обучение, вместе с указанным обстоятельством неизбежно еще больше повышают цену их труда.

Когда кто-либо вкладывает в свое предприятие лишь собственный капитал, не может быть вопроса о доверии; что же касается кредита, который он может получить у других лиц, то этот кредит находится в зависимости не от характера предприятия, а от мнения этих лиц о его состоянии, честности и благоразумии. Поэтому различие нормы прибыли в различных отраслях торговли и промышленности не может зависеть от различной степени доверия к предпринимателям.

В-пятых, заработная плата в различных отраслях изменяется в зависимости от вероятности или невероятности успеха в них.

Вероятность, что данное лицо окажется подходящим для занятия, которому оно обучается, весьма неодинакова для различных профессий. В большей части механических занятий успех в этом отношении почти обеспечен, но он весьма ненадежен в либеральных профессиях. Поместите своего сына учеником к сапожнику, и вы можете почти не сомневаться, что он выучится шить башмаки; но пошлите его изучать юриспруденцию, и можно поставить по крайней мере двадцать против одного, что он не достигнет таких успехов, которые позволили бы ему жить этой профессией. В правильно организованной лотерее вынимающие выигрышные номера должны выигрывать все то, что теряют вынудившие пустые билеты. В профессии, в которой приходится двадцать терпящих неудачу на одного удачника, этот один должен выиграть все то, что должны были бы получить двадцать неудачников. Адвокат, начинающий, может быть, в сорок лет кое-что зарабатывать своей профессией, должен получить вознаграждение не только за свое столь продолжительное и дорогое образование, но и за образование тех двадцати с лишним других лиц, которым никогда не удастся что-нибудь извлечь из него. Как ни могут казаться иногда чрезмерными гонорары адвокатов, их действительное вознаграждение никогда не достигает указанного размера. Подсчитайте для какого-нибудь города приблизительный годовой заработок и годовой расход всех рабочих какой-либо обычной профессии, положим, сапожников или ткачей, и вы увидите, что сумма заработка превышает, как общее правило, сумму расходов. Но произведите такой же подсчет относительно всех адвокатов и студентов в различных юридических школах, и вы увидите, что их годовой доход составляет лишь незначительную долю их годового расхода, даже если вы преувеличите первый и преуменьшите второй. Таким образом, лотерея юридической профессии весьма несправедлива, эта профессия, как и многие другие либеральные и уважаемые профессии, с точки зрения денежной выгоды, очевидно, недостаточно вознаграждается.

Тем не менее указанные профессии не уступают в привлекательности другим занятиям, и, несмотря на такое недостаточное поощрение, наиболее благородные и свободомыслящие люди стремятся получить эти профессии. Этому содействуют два различных обстоятельства. Во-первых, желание приобрести известность, которая ожидает наиболее выделившихся в одной из этих профессий, и, во-вторых, более или менее присущая каждому человеку вера не только в свои способности, но и в свое счастье.

Отличиться в профессии, в которой лишь немногие достигают даже посредственных успехов, значит обнаружить несомненную гениальность или выдающийся талант. Общественный почет, окружающий такие выдающиеся таланты, всегда составляет часть их вознаграждения, большую или меньшую в зависимости от степени этого почета. Он входит значительной частью в вознаграждение врача и еще большею частью, пожалуй, в вознаграждение юриста; для поэта и философа этот почет составляет почти единственное вознаграждение.

Существуют такие очень приятные и прекрасные таланты, которые обеспечивают их обладателям своего рода восхищение, но использование которых в целях заработка признается справедливо или в силу предрассудка своего рода общественной проституцией. Ввиду этого денежное вознаграждение тех лиц, которые пользуются такими талантами с указанной целью, должно быть достаточно не только для того, чтобы оплатить время, труд и расходы, потраченные на приобретение этих талантов, но должно и вознаградить за плохую репутацию, связанную с превращением их в источник существования. Непомерное вознаграждение актеров, оперных певцов, танцовщиков и пр. объясняется этими двумя причинами: редкостью и красотой талантов и плохой репутацией, связанной с использованием их указанным образом. С первого взгляда представляется нелепым, что мы презираем этих людей и вместе с тем вознаграждаем их таланты с самой расточительной щедростью. Но одно неразрывно связано с другим. Если общественное мнение или предрассудок когда-либо изменятся по отношению к этим профессиям, их денежное вознаграждение быстро уменьшится. Больше число людей устремится к этим профессиям, и конкуренция быстро понизит цену их труда. Подобные таланты,

хотя и нешироко распространенные, отнюдь не так редки, как думают. Многие обладают ими в совершенстве, но пренебрегают использовать их таким образом, а еще большее число людей способно приобрести эти таланты, если окажется возможным использовать их без нарушения приличий.

Преувеличенное мнение большей части людей о своих способностях представляет собою давнее зло, отмеченное философами и моралистами всех веков. На нелепую веру людей в свою счастливую звезду обращалось меньше внимания. А между тем она, если возможно, еще более распространена. Нет ни одного человека, мало-мальски здорового и бодро настроенного, который не разделял бы ее. Каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы неудачи большинством людей недооцениваются, и вряд ли найдется такой человек, мало-мальски здоровый и бодро настроенный, который преувеличивал бы их.

О том, что шансы удачи естественно переоцениваются, мы можем судить по всеобщему успеху лотерей. На свете никогда не было и не будет вполне справедливой и честной лотереи, т. е. такой, в которой все выигрыши уравнивали бы все потери, ибо в таком случае устроитель ее не имел бы никакой выгоды. В государственных лотереях билеты в действительности не стоят той цены, какую уплачивают за них первоначальные подписчики, а между тем они обычно продаются на рынке с надбавкой в 20, 30 и иногда 40 %. Необоснованная надежда выиграть один из главных выигрышей является единственной причиной такого спроса. Самые трезвые люди не считают безумием уплатить небольшую сумму за шанс выиграть 10 или 20 тыс. ф., хотя знают, что даже эта небольшая сумма, может быть, на 20 или 30 % превышает ту стоимость, которую представляет шанс на выигрыш. В лотерее, в которой ни один выигрыш не превышал бы 20 ф., спрос на билеты был бы меньше, хотя бы эта лотерея в других отношениях была гораздо справедливее и честнее, чем обычные государственные. Чтобы заручиться большими шансами на получение одного из крупных выигрышей, некоторые люди покупают по несколько билетов, а другие – мелкие доли еще большего количества их. Однако одно из наиболее достоверных математических положений состоит в том, что чем больше билетов вы рискуете приобрести, тем скорее вы окажетесь в проигрыше. Рискните на все билеты лотереи, и вы наверняка проиграете, и чем больше число ваших билетов, тем несомненное ваш проигрыш.

О том, что шансы потери часто недооцениваются и почти никогда не переоцениваются, может засвидетельствовать нам весьма умеренный процент, взимаемый при страховании. При страховании какого-либо предприятия от огня или риска на море необходимо, чтобы общая премия страхований была достаточна для покрытия всех потерь, для оплаты расходов по управлению и для получения прибыли, какая может быть получена с капитала соответствующих размеров, вложенного в любую отрасль торговли или промышленности. Лицо, уплачивающее не более этого, оплачивает, очевидно, лишь действительную стоимость риска, или низшую цену, по какой оно может разумно рассчитывать застраховать его. Но хотя многие из тех, кто занимался страховым делом, нажили немного, лишь некоторые составили на нем крупные состояния; из одного этого факта представляется вполне очевидным, что обычный баланс прибылей и убытков в этом деле не более благоприятен, чем во всякой другой из остальных отраслей торговли, в которых столько людей нажили состояния. Но как ни умеренна обыкновенно страховая премия, многие слишком пренебрежительно относятся к риску, чтобы позаботиться уплатить за премию. Беря в среднем все королевство, мы увидим, что девятнадцать домов из двадцати или, скорее, девяносто девять из ста не застрахованы на случай огня. Риск на море большинству людей внушает больше опасений, и потому отношение числа застрахованных судов к числу незастрахованных гораздо выше. Однако многие пускаются в плавание в любое время года и даже во время войны без всякой страховки. Возможно, что иногда в этом нельзя видеть неосторожность. В том случае, когда крупная компания или даже крупный купец имеет на море двадцать или тридцать судов, они могут как бы страховать одно судно другим судном. Экономия на премии за все эти суда может с избытком покрыть те потери,

которым они подвергаются при обычном течении событий. Но пренебрежительное отношение к страхованию судов, как и домов, в большинстве случаев обусловлено не такими точными вычислениями, а чисто беззаботным легкомыслием и самоуверенным презрением к риску.

Пренебрежительное отношение к риску и преувеличенная надежда на успех ни в один период жизни не проявляются так сильно, как в том возрасте, когда молодые люди выбирают себе профессию. В какой малой степени опасение неудачи способно тогда уравнивать надежды на удачу, еще очевиднее сказывается в готовности простонародья завербоваться в солдаты или отправляться в море, чем в стремлении людей из более достаточных классов вступать в так называемые либеральные профессии.

Достаточно очевидно, что может потерять рядовой солдат. И, однако, несмотря на опасность, юные добровольцы никогда не записываются в армию с такой готовностью, как в начале новой войны, и хотя у них нет почти ни малейшего шанса на повышение в чине, они в своей юношеской фантазии воображают себе тысячу случаев приобрести славу и награды. Эти романтические надежды составляют всю плату за проливаемую ими кровь. Их жалованье не достигает платы простого поденщика, а во время действительной службы их труд гораздо утомительнее.

Жребий моряка не столь неблагоприятен, как жребий солдата. Сын пользующегося уважением рабочего или ремесленника часто может пуститься в море с согласия своего отца, но идти в солдаты ему всегда приходится без такого согласия. Другие видят для него некоторые шансы выбиться в люди, если он станет моряком, но никто, кроме него самого, не ожидает этого от солдатской карьеры. Великий адмирал вызывает меньше общественного уважения, чем великий генерал, величайший успех на морской службе сулит менее блестящее состояние и почет, чем такой же успех на суше. Такая же разница наблюдается на всех ступенях морской и армейской службы. В силу правил старшинства капитан во флоте равен по чину полковнику в армии, но он не равен ему в общественном уважении. Если в лотерее мало крупных выигрышей, тем больше должно быть в ней число небольших выигрышей. Поэтому рядовые матросы чаще составляют себе небольшое состояние и получают повышение, чем рядовые солдаты, и именно надежда на эти счастливые номера лотереи главным образом и делает привлекательной профессию матроса. Хотя умение и ловкость гораздо выше у матросов, чем почти у всяких других рабочих, и хотя вся их жизнь представляет собою одну непрерывную цепь лишений и опасностей, они за все это, пока остаются в положении рядовых матросов, не получают почти никакого другого вознаграждения, кроме удовольствия развивать свою ловкость и преодолевать лишения и опасности. Их заработная плата не выше заработной платы простых чернорабочих в порту, которая определяет норму заработной платы моряков. Так как они постоянно переезжают из порта в порт, месячная плата тех, кто отправляется из различных портов Великобритании, несколько выше заработной платы рабочих других категорий в этих же местах, и норма того порта, куда направляется и откуда отплывает большинство моряков, а именно лондонского порта, определяет заработную плату во всех остальных портах. В Лондоне заработная плата большей части рабочих различных категорий почти вдвое превышает заработную плату соответствующих групп в Эдинбурге. Но матросы, отплывающие из лондонского порта, редко зарабатывают на 3 или 4 шилл. в месяц больше, чем отплывающие из Лейта, а часто разница еще того меньше. В мирное время и в торговом флоте лондонская плата колеблется между гинеей и двадцатью семью шиллингами за календарный месяц. Простой чернорабочий в Лондоне при заработной плате в 9 или 10 шилл. в неделю может заработать в календарный месяц от 40 до 45 шилл. Правда, матрос сверх своего жалованья получает продовольствие, однако стоимость его не всегда превышает разницу между его платой и оплатой простого чернорабочего, а если иногда и превышает, то излишек этот не составляет чистого выигрыша для матроса, потому что он не может поделить им с своей женой и детьми, которых он вынужден содержать отдельно от себя на свою заработную плату.

Эта жизнь, полная приключений и опасностей, среди которых человек находится постоянно на волосок от смерти, не только не устрашает молодых людей, но часто, кажется, привлекает их к профессии моряка. Нежная мать из низших слоев народа часто не решается отправить своего сына в школу в портовый город, так как опасается, что вид кораблей и рассказы матросов о приключениях побудят его пуститься в море. Отдаленная перспектива опасностей, из которых мы можем надеяться выпутаться благодаря мужеству и ловкости, не неприятна нам и ни в одной профессии не повышает заработную плату. Иначе обстоит дело с теми профессиями, в которых не помогают мужество и ловкость. В профессиях, известных своей чрезвычайной вредностью для здоровья, заработная плата всегда очень высока. Вредность работы для здоровья представляет собою особый вид неприятности, и ее влияние на заработную плату подчиняется общим условиям.

Во всех различных вложениях капитала обычная норма прибыли колеблется более или менее в зависимости от надежности дохода. Последний по общему правилу менее сомнителен во внутренней торговле, чем во внешней, а в некоторых отраслях последний менее сомнителен, чем в других: в торговле с Северной Америкой, например, менее, чем в торговле с Ямайкой. Обычная норма прибыли всегда более или менее повышается в связи с большим риском. Однако повышение это, как кажется, не пропорционально увеличению риска или не вполне уравнивает его. Банкротства чаще всего происходят в наиболее рискованных отраслях торговли. Самая рискованная из всех профессий, профессия контрабандиста, неизбежно ведет к банкротству, хотя при удаче она наиболее прибыльна. Здесь, по-видимому, как и во всех других случаях, играет роль самонадеянная вера в успех, которая втягивает в эти рискованные предприятия столько авантюристических натур, что их взаимная конкуренция понижает их прибыль ниже уровня, необходимого для компенсации риска. Для компенсации риска в полной мере необходимо, чтобы общий доход сверх обычной прибыли на капитал не только покрывал все случайные потери, но и обеспечивал смельчакам добавочную прибыль, соответствующую прибыли страховых обществ. Но если бы обычный доход был достаточен для этого, банкротства в данных отраслях не были бы более часты, чем в других.

Таким образом, из пяти условий, влияющих на размеры заработной платы, только два условия отражаются на прибыли с капитала: привлекательность или непривлекательность данного занятия и больший или меньший риск, связанный с ним. Что касается привлекательности или непривлекательности, то в этом отношении значительное большинство вложений капитала почти ничем или совершенно ничем не отличается друг от друга; совсем иначе обстоит дело с различными приложениями труда. Что же касается риска, то обычная прибыль на капитал повышается вместе с ним, но, как кажется, не всегда пропорционально ему. Из всего этого следует, что в данном обществе или данной местности средняя или обычная норма прибыли в различных сферах приложения капитала должна быть более близка к одному общему уровню, чем денежная заработная плата за различные виды труда. Так и бывает в действительности. Разница между заработком обыкновенного чернорабочего и заработком имеющего хорошую практику юриста или врача, очевидно, значительно больше разницы между обычной прибылью в любых двух отраслях торговли или промышленности. К тому же кажущееся различие прибылей в различных отраслях обыкновенно является мнимым и объясняется тем, что мы смешиваем то, что следует считать заработной платой, с тем, что следует считать прибылью.

Прибыли аптекарей вошли в пословицу, они считаются необычайно высокими. Однако эта кажущаяся большая прибыль часто представляет собою лишь справедливую заработную плату за труд. Искусство аптекаря – более тонкого и деликатного свойства, чем искусство любого ремесленника, а доверие, с которым относятся к нему, имеет еще большее значение. Он является врачом бедняка всегда и врачом богатого человека в тех случаях, когда болезнь или опасность не очень серьезна. Его вознаграждение поэтому должно соответствовать его искусству и ответственности, лежащей на нем, и обычно оно заключается в цене, по которой

он продает свои лекарства. Но все то количество лекарств, которое продаст за год в большом городе ведущий бойкую торговлю аптекарь, не стоит ему, пожалуй, больше 30 или 40 ф. И хотя он продаст эти лекарства за 300 или 400 ф., т. е. с прибылью в 1000 %, это часто будет лишь справедливая плата за его труд, переложенная на цену его лекарств тем единственным способом, каким он может переложить ее. Значительнейшая часть кажущейся прибыли представляет собою на самом деле заработную плату.

В небольшом портовом городе мелочной торговец наживает на свой капитал в 100 ф. 40 или 50 %, а крупный оптовый торговец в этом же городе выручает не более 8 или 10 % на капитал в 10 тыс. Мелочная торговля необходима для удовлетворения нужд жителей, и ограниченность рынка может не допускать вложения в дело более крупного капитала. Но мелочной торговец должен не только получать со своего промысла доходы на жизнь, но и получать доходы, соответствующие личным его качествам, которые требуются для данного промысла. Помимо обладания небольшим капиталом он должен уметь читать, писать, считать, должен также разбираться, может быть, в пятидесяти или шестидесяти сортах товаров, в их ценах, качестве, знать, где их можно дешевле всего купить. Одним словом, он должен обладать всеми теми познаниями, которые необходимы для крупного торговца, каковым ему мешает сделаться только отсутствие достаточного капитала. 30 или 40 ф. в год нельзя считать слишком высоким вознаграждением за труд человека, обладающего такими качествами. Если вычесть эту сумму из кажущейся столь высокой прибыли на его капитал, то остается, пожалуй, немногим больше, чем обычная прибыль на капитал. Значительнейшая часть кажущейся прибыли и в данном случае представляет собою на самом деле заработную плату.

Разница между кажущейся прибылью в мелочной и оптовой торговле гораздо меньше в столице, чем в небольших городах или торговых селах. В тех случаях, когда в розничную торговлю можно вложить 10 тыс. фунтов, заработная плата за труд мелочного торговца составляет совершенно ничтожное добавление к действительной прибыли со столь большого капитала. Поэтому видимая прибыль такого крупного розничного торговца близка к уровню прибыли оптовика. По этой причине товары, продаваемые в розницу, в столицах обыкновенно столь же дешевы и часто много дешевле, чем в маленьких городах и торговых селах. Бакалейные товары, например, обыкновенно намного дешевле, хлеб и мясо часто столь же дешевы. Доставка бакалейных товаров в большой город обходится не дороже, чем в торговое село, тогда как доставка хлеба и скота обходится значительно дороже, ибо их приходится перевозить на большее расстояние. Поскольку, таким образом, себестоимость бакалейных товаров одинакова в обоих местах, они дешевле продаются там, где на них выручается меньшая прибыль. Себестоимость хлеба и мяса в большом городе выше, чем в торговом селе, и хотя прибыль на них в первом меньше, они там не всегда дешевле, но часто стоят в одной цене. При торговле такими продуктами, как хлеб и мясо, та же причина, которая уменьшает видимую прибыль, повышает себестоимость. Обширность рынка, допуская вложение большего капитала, уменьшает видимую прибыль; но, требуя подвоза продуктов с более отдаленного расстояния, она увеличивает себестоимость. Это уменьшение первой и увеличение второй в большинстве случаев, как кажется, почти уравнивают друг друга, и это, вероятно, объясняет тот факт, что цены на хлеб и мясо в большей части королевства обыкновенно стоят почти на одном уровне, хотя цены на хлеб в зерне и на скот обычно весьма различны в различных частях страны.

Хотя прибыль на капитал как в оптовой, так и в розничной торговле обыкновенно в столице ниже, чем в небольших городах и торговых селах, однако крупные состояния часто вырастают из небольшого предприятия в столице и очень редко – в небольших городах и торговых селах. В небольших городах и торговых селах вследствие малой емкости рынка торговлю не всегда возможно расширять в соответствии с возрастанием капитала. Поэтому, хотя в таких местах норма прибыли отдельного лица может быть очень высока, сумма или размеры ее никогда не могут быть очень значительны, а следовательно, не может быть велико и его ежегодное

накопление. В больших городах, напротив, предприятие можно расширять по мере возрастания капитала, а кредит бережливого и расчетливого человека увеличивается еще быстрее, чем его капитал. Его предприятие расширяется в соответствии с ростом того и другого, сумма или размеры его прибыли пропорциональны размерам предприятия, а ежегодное накопление пропорционально размерам его прибыли. Однако редко случается, чтобы крупные состояния даже в больших городах наживались в давно установившихся и хорошо известных отраслях торговли или промышленности иначе, как после долгих годов трудовой и бережливой жизни. В таких местах состояния нередко создаются благодаря так называемой спекуляции. Купец-спекулянт не занимается какой-нибудь одной регулярной, прочно установившейся и широко известной отраслью торговли. В одном году он торгует зерном, в следующем – вином, а затем – сахаром, табаком или чаем. Он хватается за любое торговое дело, которое обещает ему прибыль выше обычной, бросает его, как только замечает, что прибыль от него понижается до уровня других отраслей торговли. Его прибыли и убытки поэтому не могут быть ни в каком соответствии с прибылями и убытками в какой-либо установившейся и общеизвестной отрасли торговли. Смелый авантюрист может иногда приобрести значительное состояние в результате двух или трех успешных спекуляций, но с такой же вероятностью он может потерять целое состояние. Такую спекулятивную торговлю можно вести только в крупных городах. Только там, где торговые дела и торговая корреспонденция получили широкое распространение, можно иметь все необходимые для этого сведения.

Хотя пять условий, указанных выше, вызывают значительное неравенство заработной платы и прибыли на капитал, они не оказывают влияния на общую сумму действительных или воображаемых выгод или невыгод, связанных с тем или иным приложением труда и капитала. По самому существу своему они возмещают малые размеры денежного вознаграждения в одних отраслях и уравнивают слишком высокое вознаграждение в других.

Однако для соблюдения такого равенства в общей сумме выгод и невыгод необходимы даже при наличии наиболее полной свободы три следующих условия: во-первых, данная отрасль торговли или промышленности должна быть хорошо всем известна и давно утвердиться в данной местности; во-вторых, она должна находиться в своем нормальном или, так сказать, естественном состоянии; в-третьих, она должна быть единственным или главным занятием тех, кто посвящает себя ей.

Во-первых, это равенство может иметь место лишь в тех занятиях, которые хорошо известны и давно установились в данной местности.

При прочих равных условиях заработная плата обыкновенно бывает выше в новых, чем в старых отраслях промышленности и торговли. Когда какой-нибудь предприниматель приступает к учреждению нового производства, он должен сперва отвлечь нужных ему рабочих от других отраслей промышленности, прельщая их более высокой заработной платой, чем та, которую они получают на своих прежних местах или которая вообще соответствует характеру их труда. И должно пройти значительное время, прежде чем он сможет решиться сократить ее до обычного уровня. Производства, спрос на продукты которых вызывается вообще модой и капризами потребителей, постоянно меняются и редко существуют столь продолжительное время, чтобы их можно было считать прочно утвердившимися. Напротив, те производства, продукты которых удовлетворяют преимущественно необходимые или привычные потребности, менее подвержены изменениям, и одни и те же способы производства могут удовлетворять спрос в течение целых столетий. Ввиду этого заработная плата в производствах первого рода должна быть выше, чем в производствах второго рода. В Бирмингеме преобладают предприятия первой категории, в Шеффилде – второй, и заработная плата в этих двух пунктах, как сообщают, соответствует такому различию в характере их производств.

Введение новой отрасли производства или торговли или нового метода в земледелии всегда представляет собою своего рода спекуляцию, от которой предприниматель ожидает полу-



чить чрезвычайную прибыль. Прибыли эти иногда бывают очень велики, но иногда, а может быть и чаще всего, бывает совершенно противоположное; но, по общему мнению, прибыли эти не находятся ни в каком правильном соответствии с прибылями других, старых отраслей промышленности и торговли в данной местности. В случае успеха предприятия она обыкновенно бывает вначале очень высока. Когда же данная отрасль производства или торговли или новый метод вполне упрочиваются и становятся общеизвестными, конкуренция уменьшает прибыль до обычного уровня ее в других отраслях.

Во-вторых, это равенство общей суммы выгод и невыгод для различных приложений труда и капитала может иметь место только при обычном или, так сказать, естественном состоянии их.

Спрос почти на все отдельные виды труда то сильнее, то слабее обычного. В одном случае выгоды данного приложения труда увеличиваются, в другом – уменьшаются по сравнению с обычным уровнем их. Спрос на сельскохозяйственных рабочих сильнее в пору сенокоса и жатвы, чем в течение большей части года, и заработная плата повышается вместе с усилением спроса. Во время войны, когда от 40 до 50 тыс. матросов отвлекаются из торгового флота в военный, спрос на матросов для торговых судов необходимо усиливается соответственно уменьшению их числа, заработная плата в таких случаях обыкновенно повышается с гиней и 27 шилл. до 40 шилл. и 3 ф. в месяц. Напротив, в производстве, клонящемся к упадку, многие рабочие, не желая покидать привычную работу, удовлетворяются более низкой заработной платой, чем та, которая соответствовала бы вообще характеру их работы.

Прибыль на капитал колеблется вместе с колебаниями цены товаров, на изготовление которых он употребляется. При возрастании цены какого-либо товара выше ее обычной или средней нормы прибыль по крайней мере на некоторую часть капитала, затраченного на доставление его на рынок, повышается сравнительно с ее обычным уровнем, а при понижении этой цены падает ниже его. Цены всех товаров более или менее подвержены колебаниям, но эти колебания более значительны для одних товаров, чем для других. В производстве всех товаров, создаваемых человеческим трудом, количество труда, ежегодно затрачиваемого, необходимо регулируется годичным спросом, так что средняя годовая продукция по возможности соответствует среднему годовому потреблению. Как уже было указано, в некоторых отраслях одно и то же количество труда создает всегда одно и то же или почти одно и то же количество товаров. В полотняном или шерстяном производстве, например, одно и то же число рабочих вырабатывает ежегодно почти одно и то же количество полотна и шерстяной материи. Поэтому колебания рыночной цены таких товаров могут происходить только в результате каких-либо случайных колебаний спроса. Общественный траур повышает цену черного сукна, но ввиду того, что спрос на большую часть сортов полотняных и шерстяных материй почти неизменен, то и цена их тоже устойчива. Но существуют и другие отрасли, где одно и то же количество труда не всегда производит одинаковое количество товаров. Так, например, одно и то же количество труда дает в различные годы весьма различные количества хлеба, вина, хмеля, сахара, табака и пр. Цена таких товаров колеблется в зависимости не только от колебаний спроса, но и от еще больших и более частых колебаний их количества и ввиду этого чрезвычайно изменчива. Но вместе с колебаниями цен товаров необходимо колеблются и прибыли некоторых купцов. Операции купцов-спекулянтов направлены главным образом на такого рода товары. Они стараются скупить их, когда предвидят вероятное возрастание их цены, и продавать их, когда ожидается ее падение.

В-третьих, равенство общей суммы выгод и невыгод для различных приложений труда и капитала может иметь место только в тех промыслах, которые представляют собою единственную или главную профессию лиц, занимающихся ими.

В тех случаях, когда кто-либо получает средства существования от одного занятия, не отнимающего большую часть его времени, он часто в часы досуга готов работать в другом занятии за более низкую плату, чем та, которая вообще соответствует характеру этого занятия.

До настоящего времени во многих частях Шотландии существует еще категория людей, называемых коттерами или коттеджерами,<sup>107</sup> хотя несколько времени тому назад они встречались чаще, чем теперь. Это своего рода батраки лендлордов и фермеров, не живущие в усадьбе последних. Они обычно получают от своих хозяев вознаграждение в виде хижины и небольшого огорода, сено в количестве, необходимом для прокормления коровы, а иногда акр или два плохой пахотной земли. Когда хозяин нуждается в их труде, он дает им сверх указанного два гарнца овсяной крупы в неделю стоимостью около шестнадцати пенсов. В течение большей части года он мало или совсем не нуждается в их труде, а обработка предоставленного им маленького участка не занимает всего того времени, которое имеется в их распоряжении. Когда такие батраки были более многочисленны, чем в настоящее время, они, как передают, охотно отдавали свое свободное время кому угодно за весьма ничтожное вознаграждение и работали за меньшую заработную плату, чем другие рабочие. В давно минувшие времена такие крестьяне-батраки были, по-видимому, общим явлением во всей Европе. В странах малокультурных и редко населенных большая часть землевладельцев и фермеров не могла иным способом обеспечить себе то чрезвычайное количество рабочих рук, которое требуется для сельского хозяйства в определенные периоды. Та поденная или еженедельная плата, которую такие рабочие получали время от времени от своих хозяев, очевидно, не составляла полной цены труда. Их небольшой клочок земли составлял значительную ее часть. Однако многие писатели, собиравшие данные о ценах на труд и на предметы продовольствия в прежние времена, по-видимому, считали это поденное или недельное вознаграждение полной платой за труд и потому могли с удовольствием констатировать ее удивительно малые размеры.

Продукт такого труда часто оказывается на рынке дешевле, чем это соответствовало бы его характеру. Чулки во многих частях Шотландии вяжут гораздо дешевле, чем в других местах, где их изготавливают на станках, и это потому, что их вяжут работницы, которые главную часть своих средств к существованию получают от других занятий. Более тысячи пар чулок привозится ежегодно с Шетландских островов в Лейт, причем цена их колеблется от 5 до 7 п. за пару. В Лирвике, скромной столице Шетландских островов, как меня уверяли, 10 п. в день составляют обычную плату за простой труд. На этих же островах население вяжет шерстяные чулки ценою в одну гинею и выше за пару.

Прядение льняной пряжи в Шотландии производится почти так же, как и вязание чулок, т. е. работницами, которые нанимаются главным образом для других целей. Те, кто пытается заработать на жизнь исключительно одним из этих видов труда, ведут весьма скудное существование. В большей части Шотландии хорошей прядильщицей считается та, которая может заработать 20 п. в неделю.

В богатых странах рынок сбыта обычно так обширен, что любое занятие достаточно для того, чтобы поглотить весь труд и капитал лица, занимающегося им. Примеры людей, живущих одним занятием и в то же время получающих какие-либо выгоды от другого, встречаются главным образом в бедных странах. Однако следующий пример подобного явления встречается также в столице очень богатой страны. Нет, мне думается, такого города в Европе, где квартирная плата дороже, чем в Лондоне, и тем не менее я не знаю столицы, в которой можно было бы за более дешевую плату нанять меблированную квартиру. Квартиры в Лондоне не только дешевле, чем в Париже, но при равных удобствах много дешевле даже, чем в Эдинбурге; и, что может показаться удивительным, высокая плата за аренду целого дома является причиной низкой платы за аренду квартир. Высокий уровень арендной платы за целый дом в

<sup>107</sup> От слова cottage – хижина. (Прим. ред.)

Лондоне обусловлен не только теми причинами, которые влияют в том же направлении во всех крупных столицах: дороговизной труда, дороговизной всех строительных материалов, которые по общему правилу приходится подвозить издалека, и, сверх того, высокою земельною рентою, поскольку каждый землевладелец выступает в качестве монополиста и часто взимает за один акр плохой земли в городе более высокую ренту, чем платят за сто акров лучшей земли в деревне; он обусловлен отчасти особыми привычками населения, обязывающими каждого главу семейства снимать целый дом от подвала до чердака. Под квартирой в Лондоне понимают всякое жилое помещение под одной крышей; во Франции, Шотландии и многих других частях Европы под нею часто понимают лишь один этаж. Лондонский купец вынужден снимать целый дом в той части города, где живут его покупатели. Его магазин помещается в нижнем этаже, а он и его семья спят на самом верхнем этаже; он старается покрыть часть своей арендной платы за дом сдачей двух средних этажей. Он надеется содержать свою семью доходом с торговли, а не выручкой от сдачи квартир внаем, тогда как в Париже и Эдинбурге лица, сдающие квартиры, не имеют обычно других источников существования, и плата за них должна не только покрывать наемную плату за весь дом, но ее должно хватать и на покрытие всех расходов семьи.

## Отдел II

### Неравенства, вызываемые вмешательством государства

Таковы неравенства в общей сумме выгод и невыгод различного приложения труда и капитала, неравенства, которые вызываются отсутствием одного из трех вышеуказанных условий даже в тех случаях, когда существует полнейшая свобода. Но политика вмешательства правительств Европы, не допуская полной свободы, порождает другие неравенства, которые имеют гораздо более важное значение.

Политика вмешательства действует следующими тремя способами: во-первых, ограничивая конкуренцию в некоторых промыслах меньшим числом людей, во-вторых, усиливая конкуренцию в других промыслах сравнительно с тем, что было бы при естественных условиях; в-третьих, стесняя свободный переход труда и капитала от одного промысла к другому и с одного места в другое.

I. Политика вмешательства порождает весьма важное неравенство в общей сумме выгод и невыгод различного приложения труда и капитала, ограничивая в некоторых промыслах конкуренцию меньшим числом людей.

Главным средством, применяемым для этого, являются исключительные привилегии цеховых корпораций.

Исключительная привилегия какого-нибудь зарегистрированного цеха неизбежно ограничивает конкуренцию в городе, где он существует, теми лицами, которые состоят в цехе. Для доступа в цех обыкновенно необходимо пробывать в городе учеником у мастера, состоящего в цехе. Цеховые постановления иногда устанавливают количество учеников, которое допускается держать каждому мастеру, и почти всегда – продолжительность ученичества. Постановления того и другого рода имеют целью ограничить конкуренцию меньшим числом людей, чем это было бы при отсутствии таких стеснений. Ограничение числа учеников сокращает конкуренцию непосредственно. Продолжительность срока ученичества ограничивает ее косвенным, но не менее действительным образом, поскольку увеличивает расходы на обучение мастерству.

В Шеффилде постановлением цеха ни одному мастеру-ножовщику не дозволяется держать более одного ученика. В Норвиче и Норфольке ни один ткацкий мастер не имеет права держать более двух учеников под угрозой штрафа в пользу короны в пять фунтов в месяц. Повсеместно в Англии, а также в английских колониях ни один мастер-шляпник не может держать более двух учеников под угрозой штрафа в пять фунтов в месяц, из которого половина идет в пользу короны, а другая в пользу заявившего о том суду. Оба последние постановления,

хотя они и утверждены законом королевства, очевидно, продиктованы тем же цеховым духом, каким внушен и шеффилдский статут. Не прошло и года со времени учреждения в Лондоне цеха шелкоткачей, как они издали постановление, ограничивающее число учеников у каждого мастера. Потребовался специальный акт парламента для отмены этого постановления.

По-видимому, с давних пор по всей Европе обычная продолжительность ученичества в большинстве цехов была установлена в семь лет. Все такие цеховые корпорации в старые времена назывались университетами – от латинского слова, означающего корпорацию вообще. Университет кузнецов, университет портных и т. д. – такие выражения мы обыкновенно встречаем в старинных документах и хартиях старых городов. Когда впервые учреждались те особые корпорации, которые ныне, собственно, и называются университетами, срок продолжительности обучения для получения степени магистра наук или искусств был, по-видимому, приурочен к сроку ученичества обычных ремесел, цехи которых возникали гораздо раньше. Подобно тому как было необходимо проработать семь лет у полноправного мастера, чтобы стать самому мастером и иметь учеников в каком-либо ремесле, точно так же требовалось заниматься у соответствующего полноправного магистра в течение семи лет, чтобы стать магистром, учителем или доктором (в старые времена это были синонимы) либеральных профессий и держать школьников или учеников (слова эти первоначально тоже были синонимами).

Законом в 5-й год правления Елизаветы, обыкновенно называемым законом<sup>108</sup> об ученичестве, было установлено, чтобы никто впредь не занимался каким-либо ремеслом, искусством или мастерством, существовавшими в ту пору в Англии, не пробыв предварительно по крайней мере семи лет в ученичестве. Таким образом, частные постановления многих отдельных корпораций превратились в Англии в общеобязательный закон для всех ремесел в городах Англии. Ибо хотя выражения этого закона были очень общи и, очевидно, подразумевали все королевство, однако путем толкования его действие было ограничено одними городами; было признано, что в деревнях одно лицо может заниматься несколькими различными ремеслами, хотя оно и не отбыло семилетнего ученичества в каждом из них, так как ремесла эти необходимы для удобства жителей, а количество последних недостаточно для того, чтобы каждым ремеслом занимались особые люди.

Сверх того, точное толкование закона ограничивало его действие теми ремеслами и промыслами, которые существовали в Англии до 5-го года правления Елизаветы, и никогда не распространялось на ремесла, которые появились позднее. Такое ограничение породило ряд различий, которые с точки зрения определенной политики представляются в высшей степени нелепыми. Было установлено, например, что каретник ни сам, ни через своих работников не имеет права изготовлять колеса для своих экипажей, а должен покупать их у мастера-колесника, ибо последнее ремесло существовало в Англии до 5-го года правления Елизаветы. Но колесник, хотя он и не пробыл в ученичестве у каретника, имел право делать сам или при помощи своих работников кареты и экипажи, ибо ремесло каретника не подходит под действие закона, так как оно появилось в Англии после его издания. Многие из мануфактур Манчестера, Бирмингема и Уольвергамптона ввиду этого не подлежат действию этого закона, поскольку они не существовали в Англии до 5-го года правления Елизаветы.

Во Франции продолжительность ученичества неодинакова в различных городах и в различных ремеслах. В Париже во многих ремеслах требуется пятилетний срок; но до получения права заниматься ремеслом в качестве самостоятельного мастера кончивший срок ученичества во многих ремеслах должен еще прослужить пять лет в качестве подмастерья. В течение этого времени он называется компаньоном, или товарищем своего мастера, а самый срок называется товариществом, или компаньоном.

<sup>108</sup> Издан в 1563 г., отменен в 1814 г. (Прим. ред.)

В Шотландии нет закона, устанавливающего всеобщий срок ученичества. В различных ремеслах этот срок неодинаков. Когда он продолжителен, он может быть сокращен уплатою небольшого взноса. Точно так же в большинстве городов за весьма незначительную сумму можно приобрести право вступления в любой цех. Ткачи полотна и парусины, главных производств в стране, а также все другие подсобные ремесленники, каковы колесники, шпильщики и пр., могут заниматься своим ремеслом в любом городе с цеховым устройством, не уплачивая никакого взноса. Во всех цеховых городах каждое лицо имеет право продавать мясо в установленный законом день недели.

Обычный срок ученичества в Шотландии ограничивается тремя годами даже в некоторых очень сложных ремеслах, и вообще я не знаю другой страны в Европе, где цеховые постановления были бы менее стеснительны.

Самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще. Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он сам считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, значит прямо посягать на эту священнейшую собственность. Это представляет собою явное посягательство на законную свободу как самого работника, так и тех, кто хотел бы нанять его. Такие ограничения препятствуют рабочему работать так, как он считает выгодным, а остальным людям – нанимать тех, кого они хотят. Судить о том, пригоден ли рабочий для работы, можно смело предоставить разумению самих нанимателей, которых это больше всего касается. Преувеличенная забота законодателя о том, чтобы они не нанимали неподходящих работников, очевидно, столь же неуместна, сколько стеснительна.

Институт продолжительного ученичества не может дать никакой гарантии того, что в продажу не будут часто поступать плохо изготовленные изделия. Последнее происходит обычно в результате обмана, а не благодаря неумению, продолжительное ученичество не может гарантировать от обмана. Для предупреждения этого необходимы совершенно иные меры. Проба на серебряных изделиях и клеймо на полотне и шерстяной материи дают покупателю гораздо большую гарантию, чем любой статут об ученичестве. Покупатель обыкновенно обращает внимание на наличность пробы или клейма, но никогда не считает нужным осведомляться, отбыл ли семилетний срок ученичества работник, изготовивший эти предметы.

Институт продолжительного ученичества отнюдь не имеет тенденции готовить молодежь к промышленному труду. Подмастерье, работающий поштучно, наверное, будет очень трудолюбив, поскольку он получает выгоду от своего старания. Ученик, наверное, будет ленив, и почти всегда так и бывает, потому что у него нет непосредственного интереса не быть ленивым. В более грубых профессиях приятность труда состоит исключительно в вознаграждении. Чем скорее данное лицо сможет получить вознаграждение за свой труд, тем скорее оно, наверное, почувствует вкус к труду и привычку к работе. Юноша, естественно, приобретает отвращение к труду, если в течение продолжительного времени он не получает от него никакой выгоды. Мальчики, отдаваемые в ученики общественными благотворительными учреждениями, обыкновенно отдаются на более продолжительный срок, и, по общему мнению, из них выходят очень ленивые и негодные работники.

Ученичество было вообще неизвестно древним. Взаимные обязательства мастера и ученика занимают значительное место во всех современных законодательствах. Римское право совершенно умалчивает об этом. Я не знаю ни одного греческого или латинского слова (мне кажется, я смело могу утверждать, что таких слов в этих языках не существует), выражающего то понятие, которое мы ныне связываем со словом ученичество, т. е. понятие работника, занятого трудом какой-либо профессии в пользу мастера в течение определенного количества лет при условии, что мастер обучает его данной профессии.

Продолжительное ученичество вообще не нужно. Специальности, стоящие гораздо выше обычных ремесел, например изготовление карманных и стенных часов, не знают таких секретов, чтобы требовалось долгое обучение. Конечно, первоначальное изобретение этих прекрасных механизмов и даже некоторых из инструментов, употребляемых при изготовлении их, было плодом глубокой мысли и продолжительного времени, и его справедливо следует считать одним из самых счастливых результатов человеческой изобретательности. Но после того как они были изобретены и хорошо поняты, вряд ли требуется более нескольких недель для объяснения во всех подробностях молодому работнику, как пользоваться этими инструментами и как изготовлять эти механизмы. Пожалуй, достаточно даже для этого и нескольких дней. В простых механических ремеслах, безусловно, достаточно нескольких дней. Правда, даже в самых простых ремеслах сноровка приобретается только в результате продолжительной практики и опыта. Но молодой работник будет практиковаться с гораздо большей старательностью и вниманием, если с самого начала он будет работать в качестве подмастерья, получая плату пропорционально той небольшой работе, которую он сумеет выполнить, и уплачивая в свою очередь за материалы, которые ему случится испортить в силу своей неловкости и неопытности. При таких условиях его обучение по общему правилу было бы более успешно и во всяком случае менее продолжительно и не так дорого. Конечно, при таком порядке терял бы мастер. Он терял бы всю ту заработную плату ученика, которая теперь остается у него в кармане за все семь лет обучения. В конечном счете, может быть, терял бы и сам ученик. В ремесле, которому так легко обучиться, у него было бы больше конкурентов, и его заработная плата, когда он становился бы взрослым рабочим, была бы ниже, чем в настоящее время. То же самое усиление конкуренции уменьшало бы прибыль мастера, равно как и заработную плату рабочих. Теряли бы все ремесла, все искусства, все профессии. Но выиграло бы население, ибо труд всех ремесленников сделался бы много дешевле.

Все цехи и большая часть цеховых правил были учреждены именно для того, чтобы посредством ограничения свободной конкуренции, которая необходимо приводит к падению цен, а следовательно, и заработной платы и прибыли, предотвратить такое падение. В прежние времена во многих частях Европы для учреждения цеха не требовалось никакой иной власти, кроме городских властей того места, в котором они учреждались. Правда, в Англии требовалась также хартия от короля. Но эта королевская прерогатива, по-видимому, была установлена скорее в целях вымогательства денег от подданных, чем в интересах защиты общественной свободы от таких притеснительных монополий. По-видимому, такого рода хартии охотно давались по уплате определенной суммы королю; и когда представители того или иного вида ремесла или торговли считали нужным выступать в качестве корпорации, не имея на то хартии, такие незаконные гильдии, как их называли, не всегда распускались, их лишь заставляли платить в пользу короля ежегодно определенную денежную сумму за разрешение пользоваться узурпированными ими привилегиями.<sup>109</sup> Непосредственный надзор за всеми цехами и издаваемыми ими правилами, которые они считали нужным устанавливать для урегулирования своих дел, принадлежал управлению города, в котором они устанавливались; и меры воздействия по отношению к ним, если они предпринимались, исходили не от короля, а от более обширной корпорации, частью или членами которой они сами являлись.

Управление городами, в которых существовали цехи, находилось вообще в руках торговцев и ремесленников, и, очевидно, в их интересах было противодействовать тому, чтобы рынок был переполнен, как они обыкновенно выражаются, изготавливаемыми ими продуктами, а это значит, что они в действительности заинтересованы были в постоянном недоснажении рынка. Каждая группа ремесленников и торговцев стремилась установить ограничения, ведущие к этой цели, и, поскольку это допускалось, была готова согласиться, чтобы всякая дру-

<sup>109</sup> См. *Madox*. Firma Burgi. P. 26, etc.

гая группа делала то же самое. В результате подобных ограничений каждая группа, правда, должна была покупать все нужные ей товары от другой группы в пределах того же города по более дорогой цене, нежели за пределами города. Но возмещалось это тем, что каждая из них могла продавать свои товары настолько же дороже и, следовательно, столько же выигрывала, сколько теряла. Таким образом, в торговых сделках различных групп городского населения между собой ни одна из них не теряла благодаря таким указанным ограничениям. Но в своих сделках с деревней все они выгадывали, а ведь именно торговля с деревней главным образом обогащает города.

Все города получают главные свои средства существования и все сырье для промышленности из деревни. Город платит за это деревне двумя способами: во-первых, отдавая деревне обратно часть этого сырья в переработанном виде; в таком случае цена сырья увеличивается на всю сумму заработной платы рабочих и прибыли их предпринимателей или мастеров; во-вторых, отдавая деревне часть сырья и готовых изделий, которые город ввозит из других стран или из отдаленных частей той же страны; в таком случае первоначальная цена продуктов тоже увеличивается на всю сумму заработной платы перевозчиков и матросов и прибыли купцов, нанимающих их. Барыш, извлекаемый из первой отрасли торговли, представляет собой выгоду, которую город получает от своих ремесел; барыш от второго вида торговли представляет собою выгоды, даваемые внутренней и внешней торговлей. Заработная плата рабочих и прибыли их предпринимателей покрывают собой всю сумму барыша, даваемого этими обоими видами торговли и промышленности. Ввиду этого все ограничения увеличения этой заработной платы и прибыли сверх их нормального размера позволяют городу покупать за меньшие количества своего труда продукт большего количества труда деревни. Они ставят торговцев и ремесленников города в преимущественное положение сравнительно с землевладельцами, фермерами и рабочими в деревне и нарушают естественное равновесие, которое в противном случае имело бы место в торговле между городом и деревней. Весь ежегодный продукт труда общества распределяется между этими двумя различными группами населения. В силу указанных ограничений большая часть этого продукта достается на долю жителей города, чем это имело бы место при отсутствии этих ограничений, и меньшая доля – жителям деревни.

Цена, которую город уплачивает в действительности за продовольствие и материалы, ежегодно ввозимые им, выражается в общем количестве промышленных изделий и других товаров, ежегодно вывозимых из него. Чем дороже продаются последние, тем дешевле покупаются первые. Городская промышленность получает больше, а труд деревни оказывается менее выгодным.

В том, что городская промышленность повсюду в Европе более выгодна, чем сельскохозяйственный труд, мы можем удостовериться, не входя в сложные вычисления, на следующем весьма простом и известном примере. В любой европейской стране на целую сотню людей, приобретших большие состояния, хотя они начали с очень скромного дела в торговле или мануфактуре, т. е. в отраслях преимущественно городских, приходится лишь один человек, приобретший состояние в какой-нибудь отрасли сельского труда, сводящегося к добычанию сырья при помощи улучшения и обработки почвы. Промышленный труд, таким образом, должен лучше вознаграждаться, заработная плата и прибыль с капитала должны быть больше в городе, чем в деревне. Но капитал и труд, естественно, ищут самого выгодного приложения. Поэтому они по мере возможности притекают в город и покидают деревню.

Жители города, будучи собраны в одном месте, легко могут сговариваться между собою и вступать в соглашения. Ввиду этого даже самые незначительные городские ремесла объединялись почти везде в цехи; и даже там, где объединения не было, среди них обыкновенно преобладают корпоративный дух, вражда к чужеземцам и посторонним, нежелание держать учеников или сообщать секреты своего ремесла; часто добровольными организациями и соглашениями они предупреждают ту свободную конкуренцию, которую они не могут воспретить изданием

соответствующих постановлений. Ремесла, в которых занято очень немного людей, наиболее легко достигают таких соглашений. Полдюжины чесальщиков шерсти нужны для того, чтобы дать материал для работы тысяче прядильщиков и ткачей. Сговорившись не брать учеников, они могут не только обеспечить себе обилие работы, но и поставить эту отрасль промышленности в своего рода рабскую зависимость от себя и повысить цену своего труда намного выше того уровня, который соответствует характеру их работы.

Сельские жители, рассеянные на больших пространствах друг от друга, нелегко могут сговариваться между собою. И они не только никогда не объединялись в цехи, но среди них даже никогда не преобладал цеховой дух. Никогда не признавалось необходимым установить ученичество для допущения к занятию сельским хозяйством – главному занятию деревни. Но если не считать изящные искусства и либеральные профессии, не существует, пожалуй, занятия, которое требовало бы столь разнообразных знаний и такого обширного опыта. Бесчисленные книги, написанные на всех языках об этой отрасли труда, могут свидетельствовать нам, что среди самых мудрых и ученых наций на сельское хозяйство никогда не смотрели как на легкодоступное занятие. И тщетно мы старались бы почерпнуть из всех этих томов знакомство со всеми разнообразными и сложными сторонами этого хозяйства, которые известны даже рядовому фермеру, как бы презрительно ни говорили иногда о нем некоторые высокомерные авторы. Напротив, вряд ли существует такое механическое ремесло, все операции которого нельзя было бы подробно и вполне ясно изложить в брошюрке в несколько страничек, насколько это возможно сделать при помощи слов, поясняемых чертежами. В самом деле, в Истории искусств и ремесел, ныне издаваемой Французской академией наук, многие из них так именно и объясняются. Кроме того, руководство операциями, которые должны меняться в зависимости от каждой перемены погоды, а также и от других случайных обстоятельств, требует гораздо большей сообразительности, чем в том случае, когда операции всегда одни и те же или почти одни и те же.

Не только ремесло фермера, общее управление сельским хозяйством, но и многие низшие отрасли сельского труда требуют гораздо больше искусства и опыта, чем большинство механических ремесел. Человек, который работает над медью или железом, работает инструментами и с материалом, характер которых неизменен или почти неизменен. Между тем работник, который пашет землю при помощи запряжки лошадей или быков, работает с инструментами и орудиями, здоровье, сила и настроение которых весьма неодинаковы в различных случаях. Качество материала, с которым он работает, тоже не менее изменчиво, чем его орудия и инструменты, обращение с тем и другим требует от него большой сообразительности и внимания. И простой пахарь, хотя обычно его считают образцом глупости и невежества, в большинстве случаев обладает такой рассудительностью и вниманием. Правда, он менее общителен, чем механические рабочие, живущие в городе. Его голос и язык более грубы, их труднее понять тем, кто не привык к ним. Но его умственные способности, поскольку он привык наблюдать большее разнообразие предметов, обыкновенно гораздо выше тех, все внимание которых с утра до ночи обычно направлено на выполнение одной или двух весьма простых операций. Насколько в действительности низшие слои народа в деревне превосходят в умственном отношении городское простонародье, хорошо известно всякому, кого дела или любознательность побуждали часто беседовать с теми и другими. Ввиду этого в Китае и Индостане, как утверждают, положение сельских рабочих и их заработная плата выше положения и заработной платы большей части ремесленников и мануфактурных рабочих. Так было бы, вероятно, повсеместно, если бы этому не препятствовали цеховые законы и цеховой дух.

Преобладание городской промышленности над сельской во всех странах Европы объясняется не исключительно существованием цехов и цеховых законов. Оно поддерживается многими другими постановлениями властей. Высокие пошлины на ввозимые из-за границы мануфактурные товары и на все вообще товары, ввозимые иностранными купцами, ведут к



тому же. Цеховые законы позволяют жителям города повышать цены на товары, не опасаясь свободной конкуренции их собственных соотечественников. Указанные пошлины обеспечивают их равным образом и от конкуренции иностранцев. Повышение цен, обусловленное этими двумя причинами, в конце концов оплачивается землевладельцами, фермерами и сельскими рабочими, которые редко оказывали сопротивление введению таких монополий. Они обыкновенно не склонны и не способны вступать в такие соглашения; а вопли и софистические доводы купцов и фабрикантов легко убеждают их в том, что частный интерес одной части, и притом незначительной части, общества тождествен с общим интересом целого.

В Великобритании преобладание городской промышленности над сельской раньше, по-видимому, было гораздо значительнее, чем в настоящее время. Заработная плата в деревне уже более приближается к заработной плате промышленного труда, а прибыль на капитал в сельском хозяйстве не так отстает от прибыли на торговый и промышленный капитал, как это было, по-видимому, в минувшем столетии или в начале настоящего. Эту перемену следует считать необходимым, хотя и запоздавшим последствием тех чрезвычайных преимуществ и покровительства, которыми пользовалась городская промышленность. Накопленный в городах капитал в конце концов становится столь значительным, что уже нет возможности прилагать его к делу с прежнею прибылью в тех отраслях промышленности, которые обычны в городах. Эти отрасли промышленности, как и всякие другие, имеют свои пределы; возрастание капитала, имея своим следствием усиление конкуренции, необходимо ведет к уменьшению прибыли. А понижение прибыли в городе ведет к отливу капитала в деревню, который, создавая новый спрос на сельский труд, необходимо ведет к повышению заработной платы. Капитал, если можно так выразиться, растекается затем по всему лицу страны и, будучи вложен в сельское хозяйство, отчасти возвращается в деревню, за счет которой в значительной мере был первоначально накоплен в городе. В дальнейшем я попытаюсь показать, что повсюду в Европе крупнейшие улучшения в сельском хозяйстве и подъем его были обусловлены таким приливом капитала, первоначально накопленного в городах. Одновременно с тем я попытаюсь доказать, что, хотя некоторые страны таким путем достигли значительной степени богатства, такое развитие, однако, само по себе по необходимости совершается медленно, ненадежно, подвержено перерывам в силу бесчисленных случайностей и во всех отношениях противно естественному порядку и разуму. В третьей и четвертой книгах этого исследования я попытаюсь по возможности полно и отчетливо выяснить те интересы, предрассудки, законы и обычаи, которые дали повод к такому порядку вещей.

Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен. Действительно, невозможно воспрепятствовать таким собраниям изданием закона, который можно было бы проводить в жизнь или который был бы совместим со свободой и справедливостью. Хотя закон не может препятствовать представителям какой-либо отрасли торговли или ремесла собираться по временам вместе, он во всяком случае не должен ничего делать для облегчения таких собраний и еще меньше для того, чтобы делать их необходимыми.

Постановление, которое обязывает всех лиц, занимающихся в данном городе определенной отраслью торговли или ремесла, вносить свои имена и адреса в публичный регистр, облегчает такие собрания. Оно сближает лиц, которые без этого, может быть, никогда не узнали бы друг друга, и каждому из них указывает, где найти своих собратьев по профессии.

Постановление, дающее лицам, занимающимся определенным видом торговли или ремесла, право облагать себя для обеспечения своих бедных и больных членов, вдов и сирот, делает такие собрания необходимыми.

Корпорация или цех не только делает такие собрания необходимыми, но и делает постановление большинства обязательным для всей корпорации. В свободной торговле или свобод-

ном ремесле действительное соглашение может быть установлено только при согласии всех членов, и оно может иметь силу до тех пор, пока все члены останутся при этом же мнении. Большинство же корпораций или цеха может издать обязательное постановление с соответствующими карами за его нарушение, причем это постановление ограничивает конкуренцию более действительно и на более продолжительное время, чем любое добровольное соглашение.

Мнение о необходимости цехов для лучшего управления торговлей или ремеслом лишено всякого основания. Действительная дисциплина налагается на работника не его цехом, а его потребителями и заказчиками. Не что иное, как боязнь потерять их заказы или лишиться работы, удерживает его от обманов и ограничивает небрежность. Цех, обладающий исключительными правами, необходимо ослабляет силу этой дисциплины. При наличии цехов в производстве занята определенная группа работников, независимо от того, работают ли они хорошо или плохо. Именно по этой причине во многих крупных городах с цеховым устройством нельзя найти сносных работников даже в самых необходимых ремеслах. Если вы хотите, чтобы ваш заказ был сносно выполнен, вы должны его отдать куда-нибудь в пригород, где работники, не имея исключительных привилегий, зависят только от своей репутации, и потом вы должны каким-нибудь способом принести в город контрабандой свой заказ.

Таким-то образом господствующая в Европе политика вмешательства, ограничивая в некоторых профессиях конкуренцию меньшим числом людей, чем были бы склонны заняться ими, создает весьма важное неравенство в общей сумме выгод и невыгод различных приложений труда и капитала.

Во-вторых, господствующая в Европе политика вмешательства, усиливая в некоторых профессиях конкуренцию сравнительно с тем размером, который она имела бы при естественных условиях, создает другое неравенство противоположного свойства в общей сумме выгод и невыгод различных приложений труда и капитала.

Например, признавалось весьма важным, чтобы к определенным профессиям подготовлялось достаточное число молодых людей, и с этой целью государство, а иногда и частные благотворители учреждали специальные пенсии, пособия на учение, стипендии и т. п., которые и привлекали к этим занятиям гораздо больше людей, чем это имело бы место при отсутствии таких мер. Во всех христианских государствах, как мне кажется, подготовка большей части духовенства оплачивается именно таким образом. Весьма немногие лица из духовенства воспитываются на свой собственный счет. Благодаря этому продолжительная, трудная и дорогостоящая подготовка тех, кто обучается на собственные средства, не всегда обеспечивает им надлежащее вознаграждение, ибо церковь переполнена людьми, которые, чтобы получить какое-нибудь место, готовы согласиться на гораздо меньшее вознаграждение, чем то, на которое им давало бы право их образование; таким образом, конкуренция бедняков лишает вознаграждения лиц состоятельных. Несомненно, не подобает сравнивать приходского священника и капеллана с подмастерьем в каком-нибудь ремесле. Но жалованье их можно с полным правом считать имеющим тот же характер, что и заработная плата подмастерья. Все они одинаково получают плату за свой труд согласно договору, установленному по соглашению с лицами, от которых они зависят. До самой середины XIV столетия пять серебряных марок, содержащих приблизительно столько же серебра, сколько десять фунтов нынешней монеты, составляли в Англии обычную плату приходского священника или его заместителя, как это мы находим в постановлениях различных национальных конвентов. В эту же эпоху плата в 4 п. в день, содержащих такое же количество серебра, как 1 шилл. современной монеты, была установлена за работу мастера-каменщика и 3 п. в день, т. е. 9 п. на нынешние деньги, за работу каменщика-подмастерья.<sup>110</sup> Таким образом, заработная плата этих работников при условии, если они имели работу круглый год, была много выше вознаграждения приходского священника. Если

<sup>110</sup> См. Статут о рабочих, изданный в 25-й год правления Эдуарда III.

же мастер-каменщик не имел работы в течение трети года, его заработная плата равнялась вознаграждению священника. Законом, изданным в 12-й год правления королевы Анны (в главе 12-й), объявлялось, что, «поскольку ввиду отсутствия достаточного содержания и вознаграждения священников приходы во многих местах остаются без последних, епископ уполномочивается устанавливать за своей подписью и печатью достаточную стипендию или жалованье не свыше 50 и не менее 20 ф. в год». Плата в 40 ф. в год признается в настоящее время весьма хорошим вознаграждением для приходского священника, и, несмотря на упомянутый акт парламента, существует немало приходов с вознаграждением ниже 20 ф. в год. В Лондоне встречаются сапожники, зарабатывающие 40 ф. в год, и там вряд ли можно найти трудолюбивого рабочего какой-либо профессии, не зарабатывающего более 20 ф. в год. Последняя сумма в самом деле не превышает того, что часто зарабатывает простой чернорабочий во многих сельских приходах. Во всех случаях, когда закон пытался регулировать заработную плату рабочих, он делал это скорее с целью понизить, а не повысить ее. Но закон неоднократно пытался повысить оплату приходских священников и обязать в интересах достоинства церкви приходских ректоров обеспечить им несколько больше, чем то скудное содержание, на которое они сами могли бы согласиться. И в обоих случаях закон, по-видимому, одинаково не достигал цели: не мог ни повысить вознаграждения приходских священников, ни понизить заработную плату рабочих в той степени, в какой имел это в виду; это имело место потому, что он не был в состоянии помешать первым соглашаться на вознаграждение меньше установленного размера ввиду их нужды и большой конкуренции между ними, а последним получать выше установленного размера ввиду конкуренции между теми, кто рассчитывал извлечь прибыль или удовольствие от найма этих рабочих.

Высокие оклады и иные почетные отличия поддерживают достоинство церкви, несмотря на бедственное положение некоторых ее низших чинов. Последние получают некоторую компенсацию за скудость своего денежного вознаграждения в виде уважения, которым пользуется их профессия. В Англии и во всех католических странах выгоды, предоставляемые духовным званием, в действительности гораздо значительнее, чем это было бы необходимо. Пример шотландской, женеvской и некоторых других протестантских церквей свидетельствует, что пользующаяся таким почетом профессия, подготовку к которой так легко получить, и при перспективе гораздо более скромного вознаграждения привлекала бы к принятию священнического сана достаточное количество образованных, приличных и почтенных людей.

Если бы в профессиях, где не существует должностных окладов, как, например, в юриспруденции и медицине, такое же количество лиц обучалось на общественный счет, конкуренция скоро стала бы так сильна, что очень заметно понизила бы вознаграждение за труд. В таком случае никому, пожалуй, не было бы расчета подготавливать своего сына к этим профессиям на собственные средства. Эти профессии были бы всецело предоставлены лицам, которые обучались на общественный счет и в силу своей многочисленности и бедности были бы вынуждены довольствоваться весьма скудным вознаграждением, а это привело бы к полному упадку ныне столь уважаемых профессий, как юриспруденция и медицина.

Та несчастная порода людей, которых обыкновенно называют учеными и литераторами, находится почти в таком же положении, в каком, вероятно, очутились бы юристы и врачи при наличии описанных выше условий. По всей Европе большинство их подготавливалось к служению церкви, но в силу различных обстоятельств не приняло церковного сана. Они, следовательно, обычно обучались на общественный счет, и повсюду число их так значительно, что плата за их труд по общему правилу сводится к самому незначительному уровню.

До изобретения искусства книгопечатания ученый и литератор могли найти применение своим знаниям только в одном занятии – в занятии частного или школьного учителя и в сообщении другим людям тех любопытных и полезных знаний, какие они приобрели; это, несомненно, более почетное, более полезное и, по общему мнению, более выгодное занятие,

чем писание для книгоиздателя, ставшее обычным после появления книгопечатания. Продолжительность подготовки, способности, знания и усердие, необходимые для того, чтобы стать выдающимся преподавателем, по меньшей мере не уступают качествам, необходимым для виднейших практиков в сфере юриспруденции и медицины. Но обычное вознаграждение выдающегося преподавателя не стоит ни в малейшем соответствии с вознаграждением юриста или врача; объясняется это тем, что профессия первого переполнена нуждающимися людьми, получившими образование на общественный счет, тогда как в профессиях последних встречается очень немного лиц, получивших подготовку не на собственные средства. Однако, каким бы незначительным ни казалось обычное вознаграждение частных и школьных преподавателей, оно, несомненно, было бы еще ниже, если бы не была устранена конкуренция тех еще более нуждающихся образованных людей, которые пишут для заработка. До изобретения книгопечатания понятия «студент» и «нищий» были, по-видимому, почти синонимами. В ту пору ректоры некоторых университетов часто выдавали своим студентам разрешительные свидетельства на право просить милостыню.

В древности, до учреждения фондов для подготовки несостоятельных людей к ученым профессиям, вознаграждение выдающихся преподавателей было, по-видимому, гораздо более значительно. Исократ в своем так называемом диалоге против софистов упрекает учителей своего времени в непоследовательности. «Они дают своим ученикам самые широковещательные обещания, – говорит он, – и берутся научить их быть мудрыми, счастливыми и справедливыми, и в обмен за столь важную услугу они требуют ничтожное вознаграждение в четыре или пять мин. Те, которые обучают мудрости, – продолжает он, – без сомнения, сами должны быть мудрыми, но если бы кто-нибудь другой продал такие услуги за подобную плату, это сочли бы безусловной глупостью». Исократ, конечно, не имеет здесь в виду преувеличивать обычное вознаграждение, и мы поэтому можем быть уверены, что оно было не меньше указываемого им. Четыре мины равнялись 13 ф. ст. 6 шилл. 8 п., а пять мин – 16 ф. ст. 13 шилл. 4 п. Следовательно, обычно уплачивалась сумма не ниже большей из указанных двух сумм. Сам Исократ брал с каждого ученика по десяти мин, или 33 ф. ст. 6 шилл. 8 п. Когда он преподавал в Афинах, у него было, как передают, сто учеников. Я полагаю, что таково было количество учеников, которых он обучал одновременно или которые слушали то, что мы называли бы теперь курсом лекций; количество это не покажется необычным, если принять во внимание размеры города и славу учителя, преподававшего к тому же самую модную в то время науку – риторику. Таким образом, он должен был выручать с каждого курса лекций тысячу мин, или 3 333 ф. ст. 6 шилл. 8 п. Действительно, как утверждает Плутарх в другом месте,<sup>111</sup> обычная плата Исократу за курс учения достигала тысячи мин. Многие другие выдающиеся учителя приобретали, по-видимому, в те времена крупные состояния. Горгий принес в дар Дельфийскому храму свою собственную статую из литого золота. Мы не должны, я думаю, предполагать, что она была в натуральную величину. Его образ жизни, как и образ жизни Гиппия и Протагора, двух других знаменитых преподавателей того времени, по описанию Платона, отличался великолепием, доходившим даже до тщеславия. Образ жизни самого Платона, как рассказывают, не лишен был блеска. Аристотель, закончив обучение Александра и получив, по всеобщему признанию, в высшей степени щедрое вознаграждение от Александра и его отца Филиппа, счел тем не менее выгодным вернуться в Афины, чтобы возобновить преподавание в своей школе. Преподаватели наук в ту пору, вероятно, были не столь многочисленны, как сто или двести лет спустя, когда конкуренция, по-видимому, несколько понизила цену на их труд и уменьшила оказываемый им почет. Однако наиболее знаменитые из них, по-видимому, пользовались всегда гораздо большим почетом, чем кто-либо из представителей подобных профессий в насто-

<sup>111</sup> *Plutarch. Vitae X Oratorum.*

ящее время. Афиняне отправили академика<sup>112</sup> Карнеада и стоика Диогена в торжественное посольство в Рим, и хотя их город тогда уже утратил свое прежнее величие, все же он был еще независимой и значительной республикой. Притом Карнеад был по рождению вавилонянином,<sup>113</sup> и так как никогда не было народа, столь мало склонного к допущению чужестранцев к общественным должностям, как афиняне, их уважение к нему, по-видимому, было очень велико.

Такое неравенство в конечном счете, пожалуй, более выгодно, чем вредно для общества. Оно, может быть, несколько принижает профессию преподавателя, но дешевизна научного образования представляет собою, несомненно, такое преимущество, которое значительно превосходит это незначительное неудобство. И притом население извлекало бы еще большую выгоду, если бы устройство школ и колледжей, в которых происходит обучение, было более разумно, чем это имеет место в настоящее время в большей части Европы.

В-третьих, господствующая в Европе политика, препятствуя свободному переходу труда и капитала от одного применения к другому и из одной местности в другую, порождает в некоторых случаях весьма неудобные неравенства в общей сумме выгод и невыгод различных положений труда и капитала.

Законы об ученичестве препятствуют свободному переходу труда от одного занятия к другому даже в пределах одной и той же местности. Искключительные привилегии цеховых корпораций не допускают такого же перехода из одной местности в другую даже в пределах той же профессии.

Часто бывает, что в то время, как в одном производстве рабочие получают высокую заработную плату, рабочие другого вынуждены довольствоваться самым скудным существованием. Первое развивается, и поэтому в нем всегда существует спрос на добавочные рабочие руки; второе находится в упадке, и поэтому число излишних рабочих рук непрерывно возрастает. Эти два производства могут иногда быть в одном и том же городе, а иногда в одной округе, не будучи в состоянии оказать малейшую помощь друг другу. Законы об ученичестве мешают этому в одном случае, а в другом – этому мешают не только законы об ученичестве, но и о существовании замкнутого цеха. А между тем во многих различных производствах операции настолько сходны, что рабочие легко могли бы переходить от одного производства к другому, если бы им не препятствовали эти нелепые законы. Ремесла ткача гладкого полотна и ткача гладкого шелка, например, почти совсем не отличаются друг от друга; ремесло ткача гладкого сукна несколько иного рода; но разница так незначительна, что ткач полотна или шелка всего за несколько дней может стать сносным работником и в этом производстве. Если, таким образом, одно из этих трех главных ремесел находится в упадке, рабочие могут найти средства к существованию в остальных двух, которые находятся в более благоприятном положении, и их заработная плата не будет тогда чрезмерно повышаться в преуспевающем производстве и падать слишком низко в клонящемся к упадку. Правда, производство полотна в Англии в силу особого статута открыто для всех, но так как оно не очень распространено в большей части страны, то не может служить поддержкой всем рабочим других производств, находящихся в упадке; поэтому всюду, где имеют силу законы об ученичестве, эти рабочие не имеют другого выбора, как жить за счет прихода или же пойти работать простыми чернорабочими, на что они благодаря своим привычкам менее пригодны, чем для любого ремесла, в известной мере сходного с их собственным. Ввиду этого они обычно предпочитают обращаться за помощью к приходу.

---

<sup>112</sup> Карнеад назван академиком, так как он принадлежал к философской школе, которая была основана Платоном и получила название по имени Академии. (Прим. ред.)

<sup>113</sup> Смит здесь делает ошибку. Карнеад родился в Кирене, греческой колонии на северном берегу Африки. (Прим. ред.)

Но все то, что препятствует свободному перемещению труда от одного занятия к другому, препятствует также и перемещению капитала, ибо размеры капитала, могущего найти помещение в любой отрасли промышленности, находятся в очень большой зависимости от количества труда, которое может быть занято в ней. Однако цеховые постановления в меньшей степени препятствуют перемещению капитала из одной местности в другую, чем перемещению труда: повсюду богатому купцу гораздо легче приобрести право на торговлю в городе с цеховым устройством, чем бедняку-ремесленнику получить право работать в нем.

Препятствия свободному перемещению труда, создаваемые цеховыми законами, существуют, думается мне, во всей Европе. Но те препятствия, которые в этом отношении создаются законами о бедных, являются, насколько мне известно, особенностью Англии. Они состоят в трудности для бедняка приобрести оседлость или даже разрешение на занятие своим ремеслом в любом приходе, за исключением того, к которому он принадлежит. Цеховые законы препятствуют свободному передвижению лишь труда ремесленников и мануфактурных рабочих, тогда как трудность приобрести оседлость препятствует даже передвижению простого черно-рабочего труда. Нелишним будет дать беглый очерк возникновения, усиления и современного состояния этого зла, величайшего, пожалуй, из всех создаваемых в Англии политикой государства.

Когда вследствие уничтожения монастырей бедные лишились благотворительной помощи этих религиозных учреждений после ряда других неудачных попыток помочь им, законом, изданным в 43-й год правления Елизаветы (глава 2-я),<sup>114</sup> было установлено, чтобы каждый приход заботился о своих бедных и чтобы ежегодно назначались попечители о бедных, которые должны были вместе с церковными старостами собирать путем обложения жителей прихода необходимые для этой цели суммы.

В силу этого закона каждый приход неизбежно оказывался вынужденным заботиться о своих бедных. Поэтому немаловажное значение приобрел вопрос, кого же, собственно, считать бедным данного прихода. Вопрос этот после различных толкований был в конце концов решен законом, изданным в 13-й и 14-й годы правления Карла II, когда было постановлено, что неопротестованное пребывание в каком-либо приходе в течение сорока дней создает для любого лица оседлость в нем, но что в течение этого срока двое мировых судей имеют право по жалобе церковных старост или попечителей о бедных удалить всякого нового жителя в тот приход, где он перед тем законно проживал, если только он не нанимает помещения за плату в 10 ф. ст. в год или не представит достаточных, по мнению судей, гарантий в том, что он не явится бременем для прихода, в котором теперь поселился.

Как утверждают, закон этот имел следствием различного рода обманы: приходские должностные лица при помощи подкупа побуждали своих бедных тайно переселяться в другие приходы и, скрываясь в течение сорока дней, приобретать там оседлость, чтобы таким образом освобождать от себя приход, к которому они, собственно, принадлежали. Поэтому законом, изданным в первый год правления Якова II, было постановлено, что сорокадневное пребывание, необходимое для приобретения кем-либо оседлости, должно считаться лишь с момента представления этим лицом письменного заявления с указанием его местожительства и состава его семьи церковным старостам или попечителям прихода, в котором оно собиралось поселиться.

Но приходские должностные лица, по-видимому, не всегда относились к своему собственному приходу с большей добросовестностью, чем к чужим приходам, и нередко, получив извещение о самовольных поселениях, допускали их и не предпринимали никаких шагов против этого. Поэтому, поскольку предполагалось, что каждый обитатель прихода имеет интерес воспрепятствовать по возможности обременению его такими новыми поселенцами, законом,

<sup>114</sup> Закон о бедных был издан в 1601 г. (Прим. ред.)

изданным в 3-й год правления Вильгельма III, было постановлено, что срок сорокадневного пребывания исчисляется лишь после оглашения упомянутого письменного заявления в воскресенье в церкви после службы.

«В конце концов, – говорит доктор Берн,<sup>115</sup> – этот вид оседлости, устанавливаемой сорокадневным пребыванием после оглашения письменного заявления, приобретаетсѣ весьма редко, и законодательство имеет в виду не столько облегчить приобретение оседлости, сколько затруднить его тем лицам, которые тайком поселяются в приходе, ибо подача такого заявления лишь побуждает приход удалить такого поселенца. Но если положение поселенца таково, что сомнительно, подлежит он удалению или нет, подачею своего заявления он вынуждает приход или не препятствовать ему в приобретении оседлости, дав прожить сорок дней, или, выселив его, предоставить решение вопроса суду».

Таким образом, этот закон сделал почти невозможным для бедняка приобретение новой оседлости прежним порядком, а именно проживанием в течение сорока дней. Но чтобы не казалось, что он вообще воспрещает неимущим переселяться из одного прихода в другой, закон установил еще четыре других способа приобретения оседлости, помимо подачи или оглашения соответствующего заявления. Первый способ – это обложение приходскими налогами и уплата их; второй – избрание на какую-либо приходскую должность и отправление ее в течение года; третий – прохождение срока ученичества в приходе; четвертый – служба по найму непрерывно в течение года на территории прихода.

Приобрести оседлость одним из первых двух способов можно только при согласии всех обитателей прихода, которые очень хорошо понимают последствия допущения пришельца, живущего лишь своим трудом, посредством обложения его приходскими налогами или избрания на приходскую должность.

Ни один семейный человек не может рассчитывать приобрести оседлость одним из двух последних способов. Ученики почти всегда бывают неженатые, а в законе специально оговорено, что ни один женатый работник не может приобрести оседлость посредством работы по найму в течение года. Главным результатом установления оседлости, приобретаемой посредством службы по найму, явилось исчезновение в значительной мере из практики старого обычая годичного найма, который ранее был настолько распространен в Англии, что даже до сих пор закон предполагает годичный срок найма, если не оговорен другой срок. Хозяева не всегда желают предоставить своим работникам оседлость, нанимая их таким образом, а работники не всегда желают быть нанятыми на таких условиях, потому что, поскольку всякая последняя оседлость аннулирует все предыдущие, они могут утратить свою первоначальную оседлость в местах своего рождения, пребывания их родителей и родственников.

Очевидно, что ни один самостоятельный работник, поденщик или ремесленник, не может приобрести оседлость посредством ученичества или работы по найму. Поэтому в тех случаях, когда такой работник поселялся для работы в новом приходе, он подлежал выселению по усмотрению любого церковного старосты или попечителя, как бы трудолюбив и здоров он ни был, если только не снимал жилища за плату в 10 ф. в год, – что невозможно для человека, живущего исключительно своим трудом, – или не представлял обеспечения, освобождающего приход от забот о содержании его и признанного достаточным двумя мировыми судьями. Размер этого обеспечения всецело предоставлен усмотрению мировых судей, но они, безусловно, не могут требовать обеспечения менее чем в 30 ф., так как закон устанавливает, что даже покупка недвижимости стоимостью ниже 30 ф. не дает покупщику оседлости, поскольку ее недостаточно, чтобы гарантировать приход от возможных расходов на пособие. Но такое обеспечение вряд ли может представить человек, живущий своим трудом, а между тем часто требуется значительно более крупное обеспечение.

---

<sup>115</sup> *Burn R. Justice. Vol. II, p. 253. Edit. 1764.*

В целях восстановления в известной мере свободного передвижения труда, почти совершенно уничтоженного этими различными законами, были придуманы «удостоверения». Законом, изданным в 8-й и 9-й годы правления Вильгельма III, установлено, что лиц, имеющих удостоверение от последнего прихода, в котором они на законном основании проживали, – удостоверение, подписанное церковными старостами и попечителями о бедных и заверенное двумя мировыми судьями, – обязаны допускать к поселению все другие приходы; они не подлежат выселению только на том основании, что могут оказаться обременительными для прихода, а могут быть выселяемы лишь в том случае, если фактически ложатся на него бременем, и что приход, выдавший удостоверение, обязан уплачивать расходы по содержанию и выселению их. И для лучшего обеспечения прихода, в котором поселялось такое снабженное удостоверением лицо, этот закон устанавливал далее, что оно может приобрести здесь оседлость исключительно лишь посредством найма жилища с платой не менее 10 ф. в год или бесплатным отправлением в течение года какой-либо выборной приходской должности; следовательно, устранялась возможность приобретения оседлости посредством подачи заявления, службы по найму, ученичества или платежа приходских налогов. Затем закон 12-го года правления королевы Анны (статут I, глава 18-я) устанавливал, что ни ученики, ни рабочие лиц, снабженных таким удостоверением, не могут приобретать оседлость в приходе, в котором эти лица проживают на основании удостоверения.

Насколько это нововведение восстановило свободное передвижение труда, почти совершенно уничтоженное ранее изданными законами, мы можем судить на основании следующего весьма справедливого замечания доктора Берна: «Очевидно, что имеются различные причины требовать удостоверений от лиц, приходящих куда-либо в целях поселения; в самом деле, причины эти сводятся к тому, что эти лица не могут приобрести оседлость ни путем ученичества, ни посредством службы по найму, ни подачей заявления, ни уплатой приходских налогов; что они не могут давать оседлости своим ученикам и работникам; что в случае, если они ложатся бременем на приход, определенно известно, куда надлежит выселить их, причем приходу возмещаются расходы по выселению и содержанию их до него; что в случае их заболевания и невозможности ввиду этого выселения содержать их должен приход, выдавший удостоверение, – все это может иметь место лишь при наличии удостоверения. С другой стороны, эти же причины побуждают приходы в обычных случаях отказывать в выдаче удостоверений, ибо они имеют все основания ожидать, что получившие их лица вновь окажутся у них и притом в гораздо худшем положении».<sup>116</sup> Это замечание, по-видимому, позволяет заключить, что удостоверение всегда требуется приходом, в котором хочет поселиться бедняк, и что оно весьма редко выдается тем приходом, который он предполагает покинуть. «Обязательность этих удостоверений не лишена жестокости, – говорит этот же весьма вдумчивый автор в своей «Истории законов о бедных»,<sup>117</sup> – поскольку она дает приходскому должностному лицу власть привязывать человека к месту на всю его жизнь, как бы ни было ему неудобно оставаться в той местности, где он имел несчастье приобрести так называемую «оседлость», или как бы выгодно ни было переселение в другое место».<sup>118</sup>

Хотя удостоверение не является вместе с тем свидетельством о хорошем поведении и удостоверяет только то, что данное лицо действительно принадлежит к данному приходу, от доброй воли приходских должностных лиц зависит, выдать такое удостоверение или отказать в нем. Как сообщает доктор Берн, однажды был предъявлен иск о принуждении церковных

<sup>116</sup> *Burn R. Justice. Vol. II, p. 274. Edit. 1764.*

<sup>117</sup> *Burn R. The history of the poor-laws, with observations. London, 1764.*

<sup>118</sup> Постановление Вильгельма III, согласно которому бедняк мог выселиться из своего прихода лишь после получения надлежащего разрешения, было отменено в 1795 г. (Прим. ред.)



старост или попечителей подписать удостоверение, но Суд королевской скамьи отклонил его как весьма странную претензию.

Значительная неравномерность заработной платы, часто наблюдаемая нами в Англии в близких друг от друга местах, объясняется, вероятно, затруднениями, которые закон об оседлости ставит бедняку, желающему без соответствующего удостоверения перенести свой труд из одного прихода в другой. Действительно, холостяк, здоровый и трудолюбивый, может иногда поселиться в другом приходе, не имея удостоверения, – его будут терпеть, но человек женатый и имеющий детей, который попытается сделать это, в большинстве приходов почти наверняка подвергнется выселению; а если этот холостяк впоследствии женится, то по общему правилу он тоже будет выселен. Благодаря этому недостаток рабочих рук в одном приходе не может быть в любой момент восполнен излишком их в других приходах, как это бывает постоянно в Шотландии и, как мне думается, во всех остальных странах, где не существует затруднений для приобретения оседлости. В таких странах заработная плата, правда, может иногда несколько повышаться в окрестностях большого города или там, где возникает чрезвычайный спрос на труд, и постепенно понижаться по мере удаления от таких пунктов, пока не сравняется с обычным в стране уровнем; но мы никогда не встретим таких резких и необъяснимых различий в заработной плате, которые нередко видим в Англии, где бедняку часто бывает труднее переступить искусственную границу прихода, чем пересечь море или проникнуть за цепь высоких гор – эти естественные границы, которые в других странах нередко отделяют одну от другой местности с различною заработной платою.

Выселение человека, не совершившего никакого преступления или проступка, из избранного им для жительства прихода представляет собою очевидное нарушение естественной свободы и справедливости. Однако простой народ Англии, столь ревностно относящийся к своей свободе, но подобно народу большинства других стран никогда правильно не понимающий, в чем именно она состоит, уже более столетия терпит это угнетение. Хотя мыслящие люди нередко указывали на закон об оседлости как на общественное зло, он никогда не вызывал каких-либо массовых народных протестов, подобно протестам против общих приказов об аресте,<sup>119</sup> тоже представляющих собою злоупотребление, но не лежащее гнетом на широкие массы. Осмелюсь сказать, что вряд ли найдется в Англии хотя один бедняк в сорокалетнем возрасте, который в какой-либо момент своей жизни не почувствовал жестокий гнет этого нелепого закона об оседлости.

Закончу эту главу указанием, что, хотя в прежнее время было обычным нормировать заработную плату, во-первых, общими законами, имеющими силу на протяжении всего королевства, и, во-вторых, специальными постановлениями мировых судей в каждом отдельном графстве, оба эти метода в настоящее время совершенно вышли из употребления. «Основываясь на более чем четырехсотлетнем опыте, – говорит доктор Берн, – пора, кажется, оставить все попытки подвергать строгому регулированию то, что по самой природе своей представляется не поддающимся точному определению: в самом деле, если все лица, занятые одним и тем же видом труда, будут получать одинаковую заработную плату, не будет никакого соревнования, не останется места для трудолюбия или искусства».

Отдельные акты парламента тем не менее все еще пытаются иногда регулировать заработную плату в отдельных отраслях промышленности и в отдельных местностях. Так, закон 8-го года правления Георга III<sup>120</sup> под угрозой строгих кар воспрещает всем хозяевам-портным в Лондоне и на пять миль в окружности давать, а их работникам принимать более 2 шилл.

<sup>119</sup> Общие приказы об аресте – warrants – предписывали задерживать всех людей, подозреваемых в каком-либо преступлении, без обозначения их имен. Они издавались чаще всего против пасквилей и других преступлений против печати. В 1776 г. эти общие приказы об аресте были отменены и постановлено было, что всякое warrant должно быть именное, в противном случае оно не имело силы. (Прим. ред.)

<sup>120</sup> Отменен в 1825 г. (Прим. ред.)

7 1/2 п. в день, исключая случаев общественного траура. Во всех тех случаях, когда законодательство пытается улаживать несогласия между хозяевами и рабочими, его советниками всегда являются хозяева. Поэтому, когда предписания закона оказываются в пользу рабочих, они всегда справедливы, но они не всегда справедливы в тех случаях, когда высказываются в пользу хозяев. Так, закон, обязывающий хозяев в ряде отраслей промышленности рассчитываться с рабочими деньгами, а не товарами, совершенно справедлив. Он не налагает на хозяев никаких трудно исполнимых обязательств; он лишь обязывает их платить деньгами ту именно сумму, которую они, по их словам, выплачивали товарами, хотя на деле они выплачивали меньше. Этот закон издан в пользу рабочих, но закон, изданный в 8-й год правления Георга III, составлен в интересах хозяев. Когда хозяева сговариваются в целях сокращения заработной платы своих рабочих, они обыкновенно заключают частное соглашение не давать им больше определенной суммы под угрозой известного штрафа. Но если рабочие заключают между собою противоположные соглашения под угрозой штрафа не соглашаться на определенную заработную плату, закон карает их весьма сурово; а ведь если бы он относился беспристрастно, он должен был бы таким же образом поступать и по отношению к хозяевам. Но закон, изданный в 8-й год правления Георга III, устанавливает такое же ограничение заработной платы, которое хозяева пытаются иногда осуществить посредством упомянутых соглашений. Представляется вполне обоснованной жалоба рабочих, что такое ограничение ставит самых способных и трудолюбивых на одну доску с рядовыми рабочими.

В прежние времена обычно пытались также регулировать прибыль купцов и других торговцев нормированием цен съестных припасов и других товаров. Такса на хлеб, насколько я знаю, представляет собою единственный пережиток этой старинной практики. При существовании монопольной корпорации, может быть, и надлежит регулировать цену предметов первой необходимости, но при отсутствии таких корпораций конкуренция будет регулировать цены гораздо лучше любой таксы. Установление таксы на хлеб, предусмотренное законом, изданным в 31-й год правления Георга II, не могло войти в жизнь в Шотландии благодаря недосмотру закона: осуществление его было связано с должностью базарного пристава,<sup>121</sup> каковая там отсутствовала. Этот недосмотр оставался неисправленным до третьего года правления Георга III. Отсутствие таксы не вызывало никаких заметных неудобств, а установление ее в немногих местах, где это имело место, не принесло заметных выгод. Впрочем, в большей части городов Шотландии существует корпорация булочников, претендующая на исключительные привилегии, хотя они и не очень строго соблюдаются.

На соотношение между нормами заработной платы и прибыли в различных приложениях труда и капитала, по-видимому, не очень заметно влияет, как уже указано, богатство или бедность страны, ее прогрессирующее, стационарное или регрессирующее состояние. Такие резкие изменения в общественном благосостоянии, хотя и отражаются на общем уровне заработной платы и прибыли, в конечном счете должны одинаково влиять на них в различных отраслях промышленности. Соотношение между ними должно поэтому оставаться прежним и не может изменяться по крайней мере на сколько-нибудь продолжительное время изменением в общественном благосостоянии.

## Глава XI

### Земельная рента

Рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, представляет собою наивысшую сумму, какую в состоянии уплатить арендатор при данном качестве земли.

---

<sup>121</sup> Чиновник судебного ведомства, разбирательству которого подлежали все уголовные преступления, совершающиеся на ярмарках и рынках (употребление неправильных весов и пр.). (Прим. ред.)

Устанавливая условия договора, землевладелец стремится оставить арендатору лишь такую долю продукта, которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. Это, очевидно, наименьшая доля, какую может удовлетвориться арендатор, не оставаясь в убытке, а землевладелец редко имеет в виду оставить ему больше. Всю ту часть продукта, или, что то же самое, всю ту часть цены, которая остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет представлять собою наивысшую сумму, какую только арендатор может платить при данном качестве земли. Правда, иногда щедрость, а еще чаще невежество землевладельца побуждают его довольствоваться несколько меньшей долей, равно как иногда, хотя и реже, невежество арендатора побуждает его обязаться платить несколько больше или довольствоваться несколько меньшей прибылью, чем обычная в данной местности прибыль на сельскохозяйственный капитал. Тем не менее указанную долю все же можно рассматривать как естественную земельную ренту, т. е. ренту, за которую сдается в аренду большая часть земель.

Можно думать, что земельная рента часто представляет собою лишь умеренную прибыль, или процент на капитал, затраченный землевладельцем на улучшение земли. Это, без сомнения, может отчасти иметь место в некоторых случаях, но только отчасти. Землевладелец требует ренту и за земли, совершенно не подвергавшиеся улучшению, а предполагаемый процент, или прибыль на капитал, затрачиваемый на улучшение земли, обыкновенно составляет надбавку к этой первоначальной ренте. Кроме того, улучшения эти не всегда производятся на средства землевладельца, нередко они делаются за счет арендатора. Однако при возобновлении арендного договора землевладелец обычно требует такого увеличения ренты, как будто все эти улучшения были произведены за его счет. Он иногда требует ренту даже за то, что вообще не поддается улучшению посредством человеческих усилий. Солянка – вид морской травы, будучи сожжена, дает щелочную соль, употребляемую при выделке стекла, мыла и для других целей. Она растет в некоторых местах Великобритании, в особенности в Шотландии, только на таких скалах, которые расположены в полосе прилива и дважды в день покрываются водой; труд человека, таким образом, ничего не сделал для увеличения производительности этих скал. А между тем землевладелец, в состав имения которого входит береговая полоса с такого рода травой, требует за нее такую же ренту, как и за свои хлебные поля.

Около Шетландских островов море особенно изобилует рыбой, ловля которой доставляет значительную часть средств существования обитателям этих островов. Но для того чтобы пользоваться водными богатствами, они должны иметь жилище на прилегающей земле. И рента, получаемая в данном случае землевладельцем, соответствует не тому, что фермер может получить с земли, а тому, что он может получить одновременно от земли и от моря. Рента выплачивается отчасти рыбою; именно здесь мы встречаем один из немногих примеров того, когда рента входит как составная часть в цену рыбы.

Таким образом, земельная рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, представляет собою монопольную цену. Она не стоит ни в каком решительно соответствии с тем, что землевладелец затратил на улучшение земли или чем он мог бы довольствоваться; она определяется тем, что фермер в состоянии платить за землю.

Сельскохозяйственные продукты могут, как правило, поступать на рынок только в таком количестве, чтобы обычная цена их была достаточна для возмещения капитала, необходимого для доставки их туда, и для оплаты обычной прибыли. Если обычная цена превышает эту норму, излишек ее, естественно, приходится на долю земельной ренты; если она не превышает эту норму, то, хотя товар и может доставляться на рынок, он не приносит никакой ренты землевладельцу. От спроса зависит, превышает ли цена этот уровень или нет.

На некоторую часть сельскохозяйственного продукта спрос всегда должен быть таков, чтобы обеспечивать более высокую цену, чем это необходимо для доставления его на рынок; на остальную часть продукта спрос может и не обеспечивать такую более высокую цену. В первом случае землевладелец всегда получит ренту, во втором он может получить ее или не получить в зависимости от различных обстоятельств.

Отсюда, следовательно, надо заметить, что рента входит в состав цены продукта иным образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль на капитал являются причиной высокой или низкой цены продукта; больший или меньший размер ренты является результатом последней. Цена продукта высока или низка в зависимости от того, высокую или низкую заработную плату и прибыль приходится выплачивать для того, чтобы данный продукт доставлялся на рынок. Но цена продукта дает высокую или низкую ренту или не дает никакой ренты в зависимости от того, высока эта цена или низка, превышает ли она на много, незначительно или совсем не превышает сумму, достаточную для покрытия заработной платы и прибыли.

Настоящая глава распадается на три отдела соответственно рассмотрению, во-первых, той части сельскохозяйственного продукта, которая всегда дает некоторую ренту, во-вторых, той части его, которая в одних случаях дает, а в других случаях не дает ренту, и, в-третьих, тех колебаний, которые, естественно, имели место в различные периоды земельных улучшений в относительной стоимости этих различных видов сырья при сравнении их друг с другом и с промышленными товарами.

## Отдел I

### **О сельскохозяйственном продукте, который всегда доставляет ренту**

Так как люди, подобно другим живым существам, естественно размножаются соответственно имеющимся средствам их существования, то постоянно существует больший или меньший спрос на предметы питания. Последние всегда могут быть обменены на большее или меньшее количество труда, и всегда найдутся охотники выполнить какую-нибудь работу, чтобы получить эти предметы питания. Правда, вследствие того что иногда за труд приходится выплачивать высокую заработную плату, количество труда, которое можно получить в обмен на определенное количество предметов питания, не всегда равняется тому количеству труда, содержание которого может быть обеспечено при наиболее экономном их расходовании. Но на предметы питания всегда можно приобрести такое количество труда, которое можно содержать на них соответственно обычному для данной местности уровню существования этого вида труда.

Но земля почти при всех условиях производит большее количество пищи, чем это необходимо для содержания всего того количества труда, которое затрачивается на доставление этой пищи на рынок, хотя бы этот труд содержался самым щедрым образом. При этом получающийся излишек всегда более чем достаточен для возмещения капитала, затрачиваемого на применение этого труда, и для получения прибыли на него. Поэтому всегда некоторый излишек остается на долю ренты землевладельца.

В самых безлюдных местностях Норвегии и Шотландии имеются пастбища для скота, который доставляет молоко и приплод в количестве, достаточном не только для содержания всего того труда, который необходим для ухода за этим скотом и для оплаты обычной прибыли фермера или владельца стад, но и для доставления небольшой ренты землевладельцу. Рента эта увеличивается в зависимости от качества пастбища. В таком случае одна и та же площадь земли не только прокармливает большее количество скота, но и требует меньшего количества труда для ухода за ним и сбора продуктов с него, ибо скот содержится на меньшем простран-

стве. Землевладелец выигрывает двояким образом – от увеличения продукта и от сокращения количества труда, которое приходится содержать за счет этого продукта.

Земельная рента изменяется не только в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был продукт, получаемый с нее, но и в зависимости от расположения ее, каково бы ни было ее плодородие. Пригородная земля дает большую ренту, чем столь же плодородная земля в отдаленной части страны. Хотя обработка той и другой может требовать одинакового количества труда, доставка на рынок продукта с отдаленного участка земли всегда должна обходиться дороже, а следовательно, за счет этого продукта должно получать содержание большее количество труда; благодаря этому должен сокращаться тот излишек, из которого получают как прибыль фермера, так и рента землевладельца. Но в отдаленных частях страны норма прибыли, как уже выяснено, обыкновенно бывает выше, чем в окрестностях больших городов. Поэтому землевладельцу приходится получать меньшую долю из этого уменьшенного излишка.

Хорошие дороги, каналы и судоходные реки, сокращая расходы на перевозку, ставят отдаленные части страны в положение, приблизительно одинаковое с участками, расположенными поблизости к большим городам. С этой точки зрения они представляют собой величайшее из всех улучшений. Они поощряют обработку отдаленных частей страны, которые всегда являются и самыми обширными. Они приносят выгоды городу, уничтожая монополию его ближайших окрестностей, они выгодны даже и для самих этих окрестностей: хотя эти дороги содействуют ввозу некоторых конкурирующих товаров на прежний рынок, они вместе с тем открывают много новых рынков для продуктов этих окрестностей. Монополия, помимо того, является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свободного и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прибегать к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты. Не более пятидесяти лет тому назад несколько графств поблизости от Лондона обращались в парламент с петициями против проведения шоссейных дорог в отдаленных графствах. Они заявляли, что эти отдаленные графства смогут благодаря дешевизне труда в них продавать на лондонском рынке свое сено и хлеб дешевле, чем близкие графства, и таким образом вызовут в последних понижение ренты и разорение сельского хозяйства. Между тем их рента с того времени возросла, а сельское хозяйство улучшилось.

Земля умеренного плодородия, засеваемая хлебом, производит значительно большее количество пищи для человека, чем самое лучшее пастбище такого же размера. Хотя обработка ее требует гораздо большей затраты труда, тем не менее излишек, остающийся за вычетом семян и после оплаты всего затраченного труда, тоже бывает значительно больше. Если бы поэтому фунт мяса имел стоимость не больше стоимости фунта хлеба, этот большой излишек продукта всегда представлял бы собою более значительную стоимость и составлял бы большой фонд для прибыли фермера и ренты землевладельца. Так, по-видимому, и было повсеместно в начальной стадии земледелия.

Но относительная стоимость этих двух различных видов пищи – хлеба и мяса – весьма неодинакова в различные периоды развития сельского хозяйства. В самой примитивной, начальной его стадии все необработанные пустоши, которые тогда покрывали значительно большую часть страны, целиком были предоставлены скоту. Налицо имеется больше мяса, чем хлеба, и поэтому хлеб является тем видом пищи, на который существует наибольший спрос и который вследствие этого имеет наиболее высокую цену. Как нам сообщает Уллоа,<sup>122</sup> в Буэнос-Айресе сорок или пятьдесят лет тому назад обычная цена быка на выбор из стада в двести – триста голов равнялась всего четырем реалам, или 21 1/2 пенсам. Он ничего не говорит о цене хлеба, вероятно, потому, что не заметил в этом отношении ничего особенного. Бык, как он говорит, стоит там немногим больше, чем труд поймать его. Но хлеб нигде нельзя получить,

<sup>122</sup> См.: *Ulloa. Restablecimiento de las y Comercio Espanol. 1740. Книга I, глава 15.*

не затратив значительного труда, а в стране, лежащей по берегам реки Ла-Платы, в то время служившей главным путем из Европы к серебряным рудникам Потози, денежная цена труда не могла быть очень дешева. Иначе бывает, когда земледелие распространяется на большую часть страны. Тогда хлеба имеется больше, чем мяса. Спрос меняет свой характер, и цена мяса становится выше цены хлеба.

Помимо того, при распространении земледелия уже не хватает необработанных земель для того, чтобы удовлетворять существующий спрос на мясо. Приходится значительную часть возделанной земли обращать на выращивание и откармливание скота, цена которого поэтому должна быть достаточна не только для оплаты труда по уходу за ним, но и для оплаты ренты и прибыли, которые землевладелец и фермер могли бы получить, если бы эта земля была занята под пашню. Скот, выращенный на самых некультурных пустошах, продается на данном рынке по той же цене при одинаковом весе и качестве, как и скот, выращенный на самых культурных землях. Владельцы таких пустошей пользуются этим и повышают ренту со своей земли в соответствии с ценою этого скота. Не более ста лет тому назад во многих местах горной Шотландии мясо было столь же дешево или еще дешевле, чем даже хлеб из овсяной муки. Объединение с Англией открыло скоту горной Шотландии рынок Англии. Его обычная цена в настоящее время в три раза превышает цену, существовавшую в начале столетия, а рента многих поместий горной Шотландии за это время возросла втрое или вчетверо. В настоящее время почти повсеместно в Великобритании фунт лучшего мяса обычно стоит больше двух фунтов лучшего пшеничного хлеба, а в урожайные годы стоит иногда столько же, сколько стоят три или четыре фунта хлеба.

Таким образом, по мере развития сельского хозяйства рента и прибыль с пастбищ, не подвергавшихся улучшению, в известной степени определяются рентой и прибылью с улучшенных пастбищ, а эти последние – рентой и прибылью, получаемыми при производстве хлебов. Хлеб представляет собою злак, вырастающий ежегодно; мясо является продуктом, для полного созревания которого требуется четыре или пять лет. Поэтому, так как с акра земли получается гораздо меньшее количество одного рода пищи, чем другого, эта недостаточность должна компенсироваться более высокой ценой. Если бы эта компенсация превышала необходимый размер, то еще больше земель обращалось бы в пастбища, и, напротив, если она не достигла этого размера, часть пастбищ была бы обращена в пашню.

Однако надо иметь в виду, что это равенство ренты и прибыли с лугов и земель под хлебом, т. е. с земель, непосредственный продукт которых служит пищей скоту, и с земель, непосредственный продукт которых служит пищей людям, наблюдается лишь по отношению к большей части культурных земель обширной страны. При наличии особых местных условий дело обстоит совершенно иначе, и рента и прибыль с земель под лугами гораздо выше ренты и прибыли, получаемых при возделывании хлеба.

Так, в окрестностях большого города спрос на молоко и сено для лошадей вместе с высокой ценой мяса часто ведет к повышению стоимости сена выше того, что можно назвать естественным соотношением с хлебом. Очевидно, что эти местные выгоды не могут распространяться на земли, расположенные далеко от города.

Особые обстоятельства иногда вели к такому возрастанию населения в некоторых странах, что вся их территория, подобно землям в окрестностях большого города, оказывалась уже недостаточной для того, чтобы произвести сено и хлеб в количестве, необходимом для существования жителей. Их земли поэтому обращались главным образом на производство трав, как более громоздкого товара, не выносящего ввиду этого перевозку на большие расстояния, а хлеб, пища главной массы народа, ввозился преимущественно из-за границы. В таком положении в настоящее время находится Голландия, а в эпоху процветания Рима таково же было, по-

видимому, положение значительной части Италии. По свидетельству Цицерона,<sup>123</sup> Катон Старший говорил, что наибольшую прибыль имение приносит при хорошем откармливании скота, несколько меньшую – при сносном и еще меньшую – при плохом откармливании его; меньше всего прибыли дает, по его мнению, вспашка земли. Действительно, в той части древней Италии, которая примыкала к Риму, распашке земель сильно противодействовали частые раздачи хлеба народу, производившиеся бесплатно или по весьма низкой цене. Этот хлеб привозился из завоеванных провинций, из которых некоторые должны были доставлять республике вместо налогов десятую часть своего урожая по установленной цене приблизительно шесть пенсов за гарнец. Низкая цена, по которой этот хлеб раздавался народу, должна была вести к понижению цены хлеба, доставляемого на римский рынок из Лациума или древней территории Рима, и подрывать хлебопашество в этой области.

В стране, главным продуктом которой является хлеб, хорошо огороженный луг часто приносит более высокую ренту, чем любое поле по соседству. Луг нужен для содержания скота, употребляемого при обработке пашни, приносимая им высокая рента в данном случае выплачивается, собственно, не из стоимости его собственного продукта, а из продукта пашни, обрабатываемой при его помощи. Но эта рента, наверное, понизится, если окрестные земли будут полностью огорожены. Существующая ныне в Шотландии высокая рента с огороженных земель обусловлена, по-видимому, немногочисленностью таких участков и удержится, вероятно, только до тех пор, пока число их не увеличится. Выгоды огораживания лугов более значительны, чем огораживания полей. Оно сберегает труд по охране скота, который к тому же лучше откармливается, когда его не беспокоит пастух или его собака.

Там, где не существует местных преимуществ подобного рода, рента и прибыль, получаемые от хлеба или другой главной растительной пищи народа, должны, естественно, регулировать ренту и прибыль с пастбищ, если последние пригодны для возделывания хлеба.

Применение искусственных кормов – репы, моркови, капусты и других, которые позволяют прокармливать с одинакового участка земли большее количество скота, чем при естественных травах, должно несколько уменьшать, как можно ожидать, дороговизну мяса в культурной стране в сравнении с хлебом. Это, по-видимому, и имеет место. Имеются основания полагать, что по крайней мере на лондонском рынке цена мяса в сравнении с ценою хлеба в настоящее время значительно ниже, чем это было в начале минувшего столетия.

В прибавлении к жизнеописанию принца Генриха доктор Берч<sup>124</sup> дает нам сведения о ценах на мясо, которые обычно платил этот принц. Мы узнаем, что четыре четверти быка весом в 600 фунтов обходились ему в 9 ф. 10 шилл. или около того, т. е. в 31 шилл. 8 п. за 100 фунтов. Принц Генрих умер 6 ноября 1612 г. на девятнадцатом году жизни.

В марте 1764 г. было произведено парламентское обследование причин дороговизны предметов продовольствия. При этом, в числе других свидетельств, один виргинский купец показал, что в марте 1763 г. он нагружал свои суда мясом по цене 24–25 шилл. за 100 фунтов и эту цену считал обычной, между тем как за то же количество мяса такого же сорта он в этот год дороговизны платил 27 шилл. Однако эта высокая цена 1764 г. оказывается на 4 шилл. 8 п. дешевле того, что обычно платил принц Генрих. При этом следует иметь в виду, что речь идет лишь о мясе лучшего сорта, которое пригодно для засолки в целях перевозки на отдаленные расстояния.

Цена, которую платил принц Генрих, достигает 3 4/5 п. за фунт туши, не разбирая худших и лучших частей, при такой средней цене лучшие сорта мяса в розничной торговле не могли стоить дешевле 4 1/2 или 5 п. за фунт.

<sup>123</sup> Cicero. De Officiis, II, 25.

<sup>124</sup> Birch. Life of Henry, Prince of Wales. P. 449.

При парламентском обследовании 1764 г. свидетели заявляли, что цена лучших частей мяса первого сорта для потребителя достигает 4 и 4 1/2 п. за фунт, а более грубых сортов от 7 фартиггов до 2 1/2 и 2 3/4 п., при этом они говорили, что эти цены вообще на полпенни выше соответствующих обычных цен в марте месяце. Но даже и эта высокая цена значительно ниже той обычной розничной цены, которая, как мы можем предполагать, существовала во времена принца Генриха.

В течение первых двенадцати лет прошлого столетия средняя цена лучшей пшеницы достигала на виндзорском рынке 1 ф. 18 шилл. 3 1/6 п. за квартал в девять винчестерских бушелей. А за двенадцать лет, предшествовавших 1764 г. (включая последний), средняя цена такого же количества лучшей пшеницы на том же рынке достигала 2 ф. 1 шилл. 9 1/2 п.

Таким образом, в течение первых двенадцати лет минувшего столетия, как оказывается, пшеница была значительно дешевле, а мясо значительно дороже, чем в течение двенадцати лет, предшествовавших 1764 г.

Во всех крупных государствах большая часть культурных земель используется для производства пищи для людей или корма для скота. Рента и прибыль, получаемые с этих земель, определяют ренту и прибыль с земель, занятых под другие виды культур. Если бы какой-нибудь отдельный продукт приносил меньшую ренту и прибыль, земля, на которой он возделывается, была бы обращена на производство хлеба или кормов, а если бы он приносил большую ренту или прибыль, часть земли, находящейся под хлебом или кормами, скоро была бы обращена под возделывание этого продукта.

Правда, культуры, требующие более значительных первоначальных затрат на улучшение земли или более значительных ежегодных расходов на ее обработку, по-видимому, дают обычно: первые – более высокую ренту, а вторые – более высокую прибыль, чем производство хлеба и кормов. Но редко этот излишек ренты или прибыли превышает умеренный процент или возмещение за указанные добавочные издержки.

Так, хмельник, плодовый сад, огород дают обыкновенно землевладельцу более высокую ренту, а фермеру – более высокую прибыль, чем хлебное поле или пастбище. Но подготовка земли для них требует более значительных расходов, чем и обуславливается более высокая рента землевладельцев. Они требуют более внимательного и искусного ухода, чем и обуславливается более высокая прибыль фермера. Да и урожай, по крайней мере хмеля и плодов, более сомнителен, а потому и цена продукта в данном случае помимо погашения всех случайных потерь должна также включать и нечто вроде страховой премии. Уровень жизни садоводов, обычно скромный и всегда умеренный, показывает нам, что их искусство, по общему мнению, не вознаграждается чрезмерно. Этим восхитительным искусством занимаются для развлечения многие богачи, благодаря чему люди, занимающиеся им ради прибыли, извлекают из него лишь скромную выгоду: лица, долженствующие быть их лучшими покупателями, сами снабжают себя наиболее дорогими их произведениями.

Выгоды, извлекаемые землевладельцем от таких улучшений земли, никогда, по-видимому, не превышают того, что необходимо для покрытия первоначальных расходов на такие улучшения. В сельском хозяйстве Древнего мира хорошо орошаемый огород считался, вероятно, наряду с виноградниками той частью фермы, которая приносит наиболее ценный продукт. Но Демокрит, который писал о сельском хозяйстве около двух тысяч лет тому назад и считался древними одним из отцов этого искусства, думал, что неумно поступает тот, кто огораживает огород. Прибыль, писал он, не возместит расходов на каменную ограду, а кирпичи (он имел в виду, как я думаю, кирпичи, обожженные на солнце) будут разрушаться под дождем, от зимних ветров и требовать постоянного ремонта. Колумелла,<sup>125</sup> приводящий это мнение Демокрита, не опровергает его, а предлагает весьма экономный способ огораживания посред-

<sup>125</sup> Columella. De re rustica, XI, cap. 3.



ством изгороди из терновника и шиповника, которая, по его словам, оказалась на опыте наиболее прочной и долговечной, но которая, по-видимому, не была во всеобщем употреблении во времена Демокрита. Палладий<sup>126</sup> присоединяется к мнению Колумеллы, до того еще одобренному Варроном. Таким образом, по мнению этих древних знатоков сельского хозяйства, продукт с огорода лишь немногим превышает то, что необходимо для оплаты усиленной обработки и расходов по орошению; в этих южных странах в те времена, как и ныне, считалось целесообразным иметь в своем распоряжении струю воды, которую можно было бы провести к каждой грядке огорода. В настоящее время в большей части Европы считают, что огороды не заслуживают лучшего ограждения, чем предложенное Колумеллой. В Великобритании и некоторых других северных странах наиболее тонкие фрукты могут быть доведены до совершенства только с помощью стены. Поэтому их цена в этих странах должна быть достаточна для оплаты стоимости возведения и поддержания в порядке такой ограды. Стена фруктового сада окружает часто огород, который, таким образом, пользуется выгодами ограды, какую его собственный продукт редко в состоянии оплатить.

То, что виноградник, надлежащим образом посаженный и культивированный, составляет наиболее ценную часть имения, являлось, по-видимому, не вызывающим сомнений правилом в древнем земледелии, как и в современной агрикультуре во всех винодельческих странах. Но как мы узнаем от Колумеллы,<sup>127</sup> для сельских хозяев древней Италии было спорным вопросом, выгодно ли засаживать новый виноградник. Он высказывается, как и подобает истинному любителю культур, требующих тщательного ухода, в пользу виноградников и пытается показать, сравнивая прибыль и издержки, что они представляют собою самую выгодную культуру. Однако такие сравнения прибыли и издержек проектируемых культур обычно бывают весьма ошибочны, в особенности в сельском хозяйстве. Если бы в действительности выручка от таких насаждений была обыкновенно так велика, как это воображают, не могло бы быть и спора по этому поводу. А между тем этот вопрос в настоящее время часто возбуждает разногласия в винодельческих странах. Исследователи по вопросам сельского хозяйства, любители и сторонники высших культур обыкновенно склонны, как кажется, решать вопрос вместе с Колумеллой в пользу виноградников. Во Франции стремление владельцев старых виноградников воспрепятствовать насаждению новых как будто подтверждает их мнение и указывает на то, что люди, которые должны знать это по собственному опыту, сознают, что этот вид культуры в настоящее время в данной стране выгоднее, чем какой-либо иной. Но вместе с тем это указывает, по-видимому, и на сознание того, что такая более высокая прибыль может существовать лишь до тех пор, пока существуют законы, ограничивающие в настоящее время свободное виноделие. В 1731 г. владельцы виноградников добились издания королевского указа, воспрещающего как насаждение новых виноградников, так и восстановление старых, обработка которых была прервана в течение двух лет без специального королевского разрешения, даваемого на основании отзыва интенданта провинции, удостоверяющего, что он обследовал данный участок и что последний непригоден для какой-либо другой культуры. Приказ этот мотивировался недостатком хлеба и трав и обилием вина. Но если бы такое обилие существовало в действительности, оно помимо всякого королевского указа предупредило бы насаждение новых виноградников, поскольку понизило бы прибыль от этого вида культуры ниже естественного ее уровня по сравнению с прибылью от хлебных полей и лугов. Что же касается предполагаемого недостатка хлеба, вызываемого умножением виноградников, то во Франции хлеб нигде так тщательно не возделывается, как в тех винодельческих провинциях, где земля пригодна для производства его, как, например, в Бургундии, Гиенне и Верхнем Лангедоке. Многочисленность рабочих, занятых в одном виде культуры, по необходимости содействует развитию другого, так

<sup>126</sup> *Palladius Rutilius*. De re rustica, lib. I, cap. 34.

<sup>127</sup> *Columella*. De re rustica, IV, cap. 5.

как создает готовый рынок для продукта последнего. Уменьшение числа тех лиц, которые в состоянии оплачивать хлеб, является, несомненно, самым негодным способом поощрять возделывание хлеба. Это то же самое, что стараться содействовать сельскому хозяйству, препятствуя развитию мануфактур.

Ввиду всего сказанного рента и прибыль от тех культур, которые требуют или более значительных первоначальных затрат для приспособления к ним земли, или более значительного ежегодного расхода на обработку, хотя часто значительно превышают ренту и прибыль, получаемые при возделывании хлеба или от лугов, все же, если они только компенсируют указанные чрезвычайные расходы, регулируются в действительности рентой и прибылью, получаемыми от этих наиболее распространенных растений.

Впрочем, иногда бывает и так, что количество земли, которое может быть обращено под какую-нибудь особую культуру, слишком незначительно для удовлетворения действительного спроса. Весь продукт может быть продан тем лицам, которые готовы дать за него несколько больше того, чем это достаточно для оплаты ренты, заработной платы и прибыли, необходимых для производства продукта и для доставки его на рынок, в соответствии с естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты, т. е. нормами, существующими для большей части других возделываемых земель. Излишек цены, остающийся после покрытия всех издержек по улучшению земли и обработке ее, в этом случае – и только в этом – может обыкновенно не стоять ни в каком соответствии с подобным излишком, получающимся от хлебных полей и лугов, но может превышать его почти в любых размерах. При этом значительнейшая часть этого излишка, естественно, приходится на ренту землевладельца.

Надо иметь в виду, что обычное и естественное соотношение между рентой и прибылью от виноделия и рентой и прибылью с земель под хлебом и травами сохраняется только по отношению к виноградникам, дающим вино обычного хорошего качества, которое может быть получено почти везде на любой легкой или песчаной почве и отличается лишь своей крепостью и полезностью для здоровья. Только с такими виноградниками могут конкурировать другие земли среднего качества, ибо очевидно, что виноградники на специальных почвах находятся вне конкуренции.

Различные качества почвы в большей степени влияют на качества вина, чем на качества какого-либо другого плода. Некоторые почвы придают вину такой букет, которого нельзя получить с других земель ни при какой обработке и уходе. Такой букет, действительный или воображаемый, иногда присущ продукту немногих виноградников; иногда он присущ виноградникам значительной части небольшого района, а иногда им отличаются виноградники значительной части обширной провинции. Все количество таких вин, выносимых на рынок, не покрывает действительного спроса или спроса тех, кто готов оплатить всю сумму ренты, прибыли и заработной платы, необходимых для приготовления их и доставки на рынок, в соответствии с естественными нормами заработной платы, прибыли и ренты, т. е. нормами, по которым они оплачиваются в виноградниках среднего качества. Поэтому все это количество может быть продано тем, кто готов платить за это вино больше указанной суммы, а это неизбежно ведет к повышению его цены сравнительно с ценой вина среднего качества. Разница в цене более или менее зависит от того, насколько популярность данного вина и недостаточность его количества делают конкуренцию покупателей более или менее обостренной. Как бы то ни было, большая часть этой разницы составляет ренту землевладельца. Ибо хотя такие виноградники обычно требуют более тщательной обработки, чем большинство других, однако высокая цена вина, по-видимому, является не столько следствием, сколько причиной такой тщательной обработки. При столь ценном продукте потери, вызываемые небрежностью, так велики, что заставляют даже наиболее легкомысленных относиться к делу с вниманием. Небольшой части этой высокой цены достаточно поэтому для выплаты заработной платы за добавочный труд,

затрачиваемый при уходе за такими виноградниками, и для прибыли на добавочный капитал, затрачиваемый на этот труд.

Принадлежащие европейским государствам вест-индские колонии, производящие сахар, могут быть сравнены с этими особенно ценными виноградниками. Всего получаемого продукта оказывается недостаточно для удовлетворения действительного спроса Европы, поэтому он может быть продан только тем лицам, которые согласны платить более того, что необходимо для оплаты ренты, прибыли и заработной платы, необходимых для производства его и доставки на рынок, соответственно обычной норме их при производстве других продуктов. В Кохинхине наилучший белый сахар продается обыкновенно по три пиастра за квинтал, по 13 шилл. 6 п. приблизительно на наши деньги, как сообщает нам г. Пуавр,<sup>128</sup> весьма внимательный наблюдатель сельского хозяйства этой страны. Тамашний квинтал весит от 150 до 200 парижских фунтов или в среднем 175 парижских фунтов, что дает приблизительно цену в 8 шиллингов за 100 английских фунтов; цена эта не достигает и четвертой части того, что обыкновенно платят за сырец или сахарный песок, ввозимый из наших колоний, и шестой части того, что платят за лучший кусковой сахар. Значительнейшая часть обрабатываемой земли занята в Кохинхине производством хлеба и риса, составляющих пищу главной массы народа. Соответственные цены хлеба, риса и сахара там, вероятно, сохраняют свое естественное соотношение или то соотношение, которое естественно устанавливается между различными растениями большей части обрабатываемых земель ввиду необходимости вознаграждения землевладельцев и фермеров приблизительно в соответствии с их обычными первоначальными затратами на улучшения и на ежегодные расходы по обработке. Но в наших колониях, производящих сахар, цена его в противоположность этому не соответствует цене продукта рисовых и хлебных полей в Европе или Америке. Обыкновенно утверждают, что плантатор сахара рассчитывает, чтобы ром и патока покрывали все его расходы по обработке и чтобы получаемый им сахар весь составлял его чистую прибыль. Если это верно, чего я не стану утверждать, то это равносильно тому, если бы фермер, производящий хлеб, рассчитывал покрывать все свои расходы по обработке отрубями и соломой, а от зерна получить только чистую прибыль. Мы часто видим, что торговые компании в Лондоне и других городах покупают в наших колониях, производящих сахар, обширные земли, которые намереваются улучшить и обрабатывать с прибылью при посредстве управляющих и агентов, несмотря на большую отдаленность их и ненадежность дохода. Никто не захочет улучшать и обрабатывать таким способом наиболее плодородные земли Шотландии, Ирландии или хлебных провинций Северной Америки, хотя при более строгом отправлении правосудия в этих странах можно было бы ожидать более регулярного поступления доходов.

В Виргинии и Мэриленде разведение табака, как более выгодное, предпочитается возделыванию хлеба. Табак может быть с выгодой возделываем в большей части Европы, но почти по всей Европе он сделался главным предметом обложения, и господствовало мнение, что собирать налог с каждой отдельной фермы, в которой разводится это растение, было бы гораздо затруднительнее, чем взимать его при ввозе табака. Ввиду этого разведение табака было в высшей степени нелепым образом воспрещено в большей части Европы, что необходимо дает своего рода монополию тем странам, которые разрешают его разведение. И так как Виргиния и Мэриленд производят наибольшее количество табака, они широко пользуются выгодами этой монополии, хотя и делят их с некоторыми конкурентами. Тем не менее разведение табака, по видимому, не столь выгодно, как производство сахара. Мне никогда не приходилось слышать о табачных плантациях, разводимых и обрабатываемых за счет капитала купцов, проживающих в Великобритании, и наши колонии, разводящие табак, не присылают к нам в метрополию столь богатых плантаторов, каких мы часто видим приезжающими из наших сахарных

<sup>128</sup> См.: *Poivre. Voyages d'un philosophe*. 1768.

колоний. Хотя предпочтение, оказываемое в этих колониях разведению табака сравнительно с возделыванием хлеба, говорит как будто о том, что действительный спрос Европы на табак не вполне покрывается, однако он, по-видимому, удовлетворяется в большей мере, чем спрос на сахар. И хотя современная цена табака, вероятно, более чем достаточна для оплаты ренты, заработной платы и прибыли, необходимых для производства его и доставки на рынок, соответственно их норме в производящей хлеб стране, она все же не настолько превышает этот уровень, как нынешняя цена сахара. Вследствие этого наши табакоразводчики проявили такие же опасения по поводу изобилия табака, как и владельцы старых виноградников во Франции по поводу изобилия вина. Особым актом они ограничили разведение табака шестью тысячами кустов, долженствующих давать тысячу квинталов табаку на каждого негра в возрасте от 16 до 60 лет. Такой негр, по их расчету, помимо ухода и производства такого количества табака, может обработать четыре акра маиса. Кроме того, для предотвращения переполнения рынка они иногда в урожайные годы, по словам д-ра Дугласа<sup>129</sup> (я подозреваю, что он плохо осведомлен), сжигали определенное количество табака на каждого негра, как это делали голландцы с пряностями. Если необходимы столь насильственные методы для того, чтобы удерживать на определенном уровне нынешнюю цену табака, то ненадолго, вероятно, сохранится особая выгода разведения его в сравнении с производством хлеба, если только она вообще существует.

Таким образом, рента с обрабатываемых земель, продукт которых составляет пищу людей, регулирует ренту большей части других находящихся под обработкой земель. Ни один специальный продукт не может продолжительное время давать меньшую ренту, ибо в таком случае земля будет немедленно обращена под другую культуру; а если какой-либо специальный продукт приносит обычно более высокую ренту, то это потому, что количество земли, которое может быть приспособлено для его производства, слишком незначительно для удовлетворения действительного спроса.

В Европе хлеб является главным продуктом земли, который служит непосредственно в качестве пищи. Поэтому, если не считать особых условий, рента с земли, обращенной под производство хлеба, регулирует в Европе ренту со всех других обрабатываемых земель, Великобритании не приходится завидовать ни виноградникам Франции, ни масличным плантациям Италии. За исключением особых условий, стоимость этих последних регулируется стоимостью земель, находящихся под хлебом; а плодородие этих земель в Англии ненамного уступает плодородию таких же земель в любой из этих двух стран.

Если в какой-либо стране наиболее распространенная и излюбленная пища народа получается от растения, которое произрастает на земле среднего качества в гораздо большем количестве, чем хлеб на самой плодородной земле, при условии одинаковых или почти одинаковых затрат на обработку, то рента землевладельца, или то избыточное количество пищи, которое будет оставаться в его распоряжении после оплаты труда и возмещения капитала фермера вместе с обычной прибылью, будет по необходимости значительно больше. Каковы бы ни были обычные расходы на содержание труда в этой стране, этот большой избыток всегда может обеспечивать содержание большего количества труда, а следовательно, позволит землевладельцу купить или получить в свое распоряжение большее количество труда. По необходимости будет гораздо больше и реальная стоимость его ренты, его реальное богатство и власть, его обладание предметами необходимости и удобства, получаемыми от труда других людей.

Рисовое поле производит гораздо больше пищи, чем самое плодородное хлебное поле. Как утверждают, с акра собирают обычно два урожая в год, по 30–60 бушелей каждый. Хотя возделывание риса в соответствии с этим требует большего количества труда, однако после покрытия расходов на содержание его остается гораздо больший излишек. В тех странах, где возделывается рис и где он является главной излюбленной пищей народа, где земледельцы

<sup>129</sup> Douglas. Summary. Vol. 2, p. 372, 373.

питаются главным образом им, землевладельцы получают более значительную долю этого большего излишка, чем в странах, производящих хлеб. В Каролине, где плантаторы, как и в других британских колониях, соединяют в своем лице землевладельцев и фермеров и где ввиду этого рента смешивается с прибылью, возделывание риса оказалось более выгодным, чем возделывание хлеба, хотя поля их приносят лишь одну жатву в год и благодаря сохранению европейских привычек рис не является здесь обычной излюбленной пищей населения.

Хорошее рисовое поле во все времена года представляет собою болото, а в одно время года – болото, покрытое водою. Оно непригодно ни для хлеба, ни для пастбища, ни для винограда, ни для какого-либо другого растения, могущего быть весьма полезным для людей; а земли, пригодные для всех указанных целей, непригодны для риса. Поэтому даже в странах, производящих рис, рента с рисовых земель не может регулировать ренту с других обрабатываемых земель, которые ни при каких условиях не могут быть обращены под возделывание риса.

Количество пищи, производимое картофельным полем, не уступает количеству, производимому рисовым полем, и значительно превышает количество пищи, даваемое пшеничным полем. Двенадцать тысяч квинталов картофеля представляют не больший урожай с акра земли, чем две тысячи квинталов пшеницы. Количество питательных веществ, которое может быть извлечено из этих двух растений, отнюдь не пропорционально их весу ввиду большого содержания воды в картофеле. Однако, принимая вес воды в этом корнеплоде в половину его общего веса, что следует признать очень большой нормой, мы все же получим, что акр земли под картофелем приносит шесть тысяч квинталов твердой пищи – в три раза больше акра, засеянного пшеницею. Обработка акра земли под картофелем требует меньше расходов, чем обработка акра под пшеницей, поскольку оставление земли под паром, предшествующее обыкновенно посеву пшеницы, более чем компенсирует вскапывание земли под картофель и другие работы, производимые при посеве картофеля. Если этот корнеплод когда-нибудь станет в какой-либо части Европы обычной и излюбленной пищей населения, подобно рису в некоторых странах, и будет занимать ту часть возделываемой земли, какую ныне занимают пшеница и другие зерновые хлеба, идущие в пищу, то та же самая площадь возделываемой земли будет давать пропитание гораздо большему количеству людей. И так как рабочие большей частью питаются картофелем, будет оставаться больший излишек после возмещения капитала и покрытия всего содержания рабочих, занятых при возделывании его. При этом большая доля этого излишка будет доставаться землевладельцу. Население будет возрастать, а рента будет повышаться сравнительно с ее теперешним уровнем.

Земля, пригодная для картофеля, пригодна почти для всех других полезных растений. Если картофель будет занимать такую же часть всей возделываемой земли, какую ныне занимает хлеб, он точно таким же образом будет регулировать ренту большей части других возделываемых земель.

Как мне говорили, в некоторых местностях Ланкашира считают, что хлеб из овсяной муки представляет собою более приятную пищу для рабочих, чем пшеничный хлеб; мне часто приходилось слышать такое же мнение в Шотландии. Однако я несколько сомневаюсь в справедливости этого. Люди из простонародья в Шотландии, питающиеся овсяным хлебом, по общему правилу не так сильны и красивы, как люди того же класса в Англии, питающиеся пшеничным хлебом. Они и не работают так хорошо, и не выглядят так хорошо, как те. И так как не наблюдается такого же различия между людьми состоятельными в этих двух странах, то опыт, по-видимому, свидетельствует о том, что пища простонародья в Шотландии не в такой степени соответствует потребностям человека, как пища людей того же класса в Англии; но не так, по-видимому, обстоит дело с картофелем. Как говорят, носильщики, чернорабочие, угольщики в Лондоне, а также те несчастные женщины, которые живут проституцией, – эти сильнейшие мужчины и, пожалуй, самые красивые в британских владениях женщины – в большинстве своем происходят из низших слоев населения Ирландии, которые питаются главным образом

этим корнеплодом. Никакая другая пища не может представить более решительного доказательства своих питательных качеств или своей особенной полезности для здоровья человека.

Трудно сохранять картофель в течение целого года и невозможно держать его, как хлеб, в течение двух или трех лет. Опасение не иметь возможности продать его до того, как он начнет портиться, препятствует его разведению и является, возможно, главным препятствием к тому, чтобы он сделался когда-нибудь, подобно хлебу, в какой-либо обширной стране главной растительной пищей всех классов населения.

## **Отдел II**

### **О сельскохозяйственном продукте, который иногда дает ренту, а иногда не дает ее**

Пищевые продукты, по-видимому, представляют собою единственный сельскохозяйственный продукт, который всегда и необходимо дает некоторую ренту землевладельцу. Другие виды продуктов, смотря по обстоятельствам, иногда могут давать, а иногда и не давать ренты.

После пищи одежда и жилище являются двумя главными потребностями человечества.

В своем первобытном состоянии земля может доставлять материалы для одежды и жилища гораздо большему числу людей, чем она может прокормить. В своем культурном состоянии она иногда может прокормить большее число людей, чем она может снабдить указанными материалами, – по крайней мере в таком виде, в каком они желают получить их и согласны платить за них. В первом случае поэтому всегда имеется налицо излишек этих материалов, которые ввиду этого часто имеют небольшую стоимость или совсем не имеют ее. Во втором случае часто бывает недостаток, благодаря чему необходимо увеличивается их стоимость. В первом случае значительная часть этих материалов выбрасывается как нечто бесполезное, а цена той части, которая используется, признается равной лишь стоимости труда и издержек, затраченных на приведение их в годное для пользования состояние, и потому не может давать ренту землевладельцу. Во втором случае все они идут в дело, причем часто спрос превышает их количество. Всегда находятся люди, готовые заплатить за них больше того, что необходимо для оплаты расходов по доставлению их на рынок. Поэтому их цена всегда может дать некоторую ренту землевладельцу.

Первоначальным материалом для одежды служили шкуры более крупных животных. Поэтому у охотничьих и пастушеских народов, пища которых состоит главным образом из мяса таких животных, каждый человек, добывая себе пищу, вместе с тем снабжает себя материалом для одежды, и притом в большем количестве, чем может сам носить. Если бы не существовало торговли с чужеземцами, большая часть этих шкур выбрасывалась бы как нечто, не имеющее никакой стоимости. Таково было, вероятно, положение у охотничьих народов Северной Америки до открытия их страны европейцами, которым они теперь выменивают избыток своих мехов на одеяла, огнестрельное оружие и водку, что и придает им некоторую стоимость. При современном уровне торгового развития известной нам части земного шара наиболее варварские народы, у которых существует земельная собственность, ведут, как я думаю, внешнюю торговлю указанного рода и находят со стороны своих более богатых соседей такой большой спрос на все материалы для одежды, производимые их страной и не могущие быть переработанными или потребленными у себя дома, что благодаря им цена поднимается выше уровня, необходимого для того, чтобы покрыть издержки по доставке их этим более богатым соседям. Они приносят поэтому некоторую ренту землевладельцу. Когда большая часть скота горной Шотландии потреблялась на месте, вывоз шкур составлял главнейшую статью торговли этой страны, а выручка за них составляла добавочную сумму к ренте, получаемой с имений горной полосы. Английская шерсть, которая в прежние времена не могла быть потреблена или переработана внутри страны, находила рынок в более богатой и более промышленной Фландрии,

и цена ее доставляла некоторую добавочную сумму к ренте с земли, на которой она была произведена. В странах, стоящих на той же ступени развития, на какой стояла тогда Англия или на какой находится в настоящее время горная Шотландия, не ведущих внешнюю торговлю, материалы для одежды должны быть, очевидно, в таком изобилии, что значительная их часть должна выбрасываться как бесполезная, и ни одна часть их не может давать ренту землевладельцу.

Материалы для постройки жилищ не всегда могут быть перевозимы на столь большие расстояния, как материалы для одежды, и не так легко становятся предметом внешней торговли. Когда они имеются в изобилии в стране, производящей их, часто, даже при современном уровне торгового развития, не представляют никакой стоимости для землевладельца. Хорошая каменоломня в окрестностях Лондона будет давать значительную ренту. Во многих частях Шотландии и Уэльса она ничего не принесет. Сухой строительный лес имеет значительную стоимость в населенной и культурной стране, и земля, дающая его, приносит большую ренту. Но во многих частях Северной Америки землевладелец будет весьма благодарен всякому, кто срубит большую часть его громадных деревьев. В некоторых частях горной Шотландии при отсутствии дорог и водных путей древесная кора представляет собою единственный продукт леса, который может быть отправлен на рынок. Дерево оставляют гнить на земле. Когда строительные материалы имеются в таком изобилии, та часть их, которая идет в дело, имеет только ту стоимость, которую им придают труд и издержки, затраченные на приведение их в годное состояние. Они не приносят ренты землевладельцу, который обыкновенно позволяет пользоваться ими всякому, кто только попросит у него разрешения. Впрочем, спрос более богатых народов иногда позволяет землевладельцу получать ренту от этих материалов. Замоещение улиц Лондона позволило владельцам некоторых голых скал на берегах Шотландии извлечь ренту с таких земель, которые никогда раньше не давали ее. Леса Норвегии и побережья Балтийского моря находят рынок сбыта во многих местах Великобритании, которого они не находят у себя в стране, и потому приносят некоторую ренту своим владельцам.

Численность населения той или другой страны пропорциональна не тому количеству людей, которое может быть обеспечено доставляемыми ею одеждой и жилищем, а тому количеству людей, которое может быть прокормлено ею. Когда обеспечена пища, легко найти необходимую одежду и жилище. Но при наличии последних часто может оказаться трудным достать пищу. Даже в некоторых частях британских владений то, что называется домом, может быть выстроено с затратой однодневного труда одного человека. Простейший вид одежды, шкура животных, требует несколько больше труда на сдирание и очистку ее, чтобы сделать пригодной для употребления. Но для этого все же не требуется очень значительного труда. Если иметь в виду дикие и варварские племена, то сотой или несколько более сотой части всего количества труда, затрачиваемого в течение года, достаточно для снабжения их одеждой и жилищем. Остальные девяносто девять сотых труда часто оказываются едва достаточными для того, чтобы обеспечить их пищей.

Но когда благодаря улучшению и обработке земли труд одной семьи может уже снабжать пищей две семьи, труд половины всего общества оказывается достаточным для снабжения пищей всех жителей. Поэтому другая половина или по меньшей мере значительная часть ее может быть использована для добывания других предметов, для удовлетворения иных потребностей или прихотей человечества. Одежда и жилище, предметы домашнего обихода и так называемая обстановка представляют собою значительную часть таких потребностей и прихотей. Богатый человек потребляет не больше пищи, чем его бедный сосед. Что касается качества, то могут быть значительные различия в пище, на отыскание и приготовление ее может требоваться много труда и умения, но в количественном отношении разницы почти нет. Сравните обширный дворец и большой гардероб одного с лачугой и немногими лохмотьями другого, и вы увидите, что различие в их одежде, жилище и домашней обстановке почти одинаково

велико как в отношении количества, так и качества. Стремление к пище ограничивается у каждого человека небольшой вместимостью человеческого желудка, но стремление к удобствам и украшению жилища, одежды, домашней обстановки и утвари не имеет, по-видимому, предела или определенных границ. Поэтому те, кто обладает большим количеством пищи, чем могут сами потребить, всегда готовы обменять излишек ее, или, что то же самое, цену его, на удовлетворение потребностей другого рода. Все то, что остается после удовлетворения потребностей, имеющих определенную границу, затрачивается на потребности, которые не могут быть полностью удовлетворены. Бедняк для того, чтобы добыть пищу, изощряется в удовлетворении этих прихотей богатых; и для того, чтобы добыть ее наверняка, он соперничает с другими такими же бедняками в дешевизне и совершенстве своего труда. Число работников возрастает вместе с возрастанием количества пищи или с развитием улучшения обработки земель; так как сама природа их занятия допускает величайшее разделение труда, то количество материала, которое они могут обработать, возрастает в еще большей степени, чем число самих работников. Отсюда возникает спрос на материалы всякого рода, какие только в состоянии употреблять человеческая изобретательность в полезных целях или для украшения, в строительстве, в одежде, в нарядах или домашней обстановке и утвари; спрос на ископаемые и минералы, содержащиеся в недрах земли, на драгоценные металлы и драгоценные камни.

Таким образом, пища является не только первоначальным источником ренты, но и все другие продукты земли, которые в позднейшие периоды начали давать ренту, получают эту часть своей стоимости от увеличения производительности труда при добывании пищи, обусловленного улучшенными методами обработки земли.

Однако эти другие виды продуктов земли, которые позже начинают давать ренту, дают ее не всегда. Даже в цивилизованных и культурных странах спрос на эти продукты не всегда настолько велик, чтобы цена их превышала ту цену, которая достаточна для оплаты труда и возмещения – вместе с обычной прибылью – капитала, затрачиваемого для доставки их на рынок. Будет ли этот спрос достаточно велик или нет, зависит от различных обстоятельств.

Так, например, получение ренты с каменноугольной копи зависит отчасти от обилия в ней угля, отчасти от ее местоположения.

Рудник какого бы то ни было рода может быть признан богатым или бедным в зависимости от того, будет ли количество минералов, которое может быть извлечено из него при затрате определенного количества труда, больше или меньше количества, которое может быть добыто при равной затрате труда из большей части других рудников того же рода.

Некоторые каменноугольные копи, выгодно расположенные, не могут подвергаться разработке ввиду своей скудости. Получаемый продукт не оплачивает издержек. Они не могут давать ни прибыли, ни ренты.

Существуют такие копи, продукт которых может покрывать лишь оплату труда и возмещение капитала, затрачиваемого при их разработке, вместе с обычной прибылью на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю работ, но не дают ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только землевладельцем, который, будучи сам предпринимателем работ, получает обычную прибыль на капитал, затрачиваемый им на это. Многие каменноугольные копи Шотландии разрабатываются таким именно образом. Землевладелец никого не допустит к разработке, не потребовав уплаты некоторой ренты, но едва ли кто будет в состоянии платить ее.

Другие каменноугольные копи в той же стране, достаточно богатые, не могут подвергаться разработке вследствие их положения. Из таких копей может быть добыто с затратой обычного или даже меньшего труда такое количество минералов, которое достаточно для покрытия издержек производства; но в местности, далекой от берега, редко населенной и не имеющей хороших путей сообщения или водных путей, это добытое количество не сможет быть продано.



Каменный уголь – менее удобное топливо, чем дерево: как утверждают, он более вреден. Поэтому стоимость отопления углем в местах его потребления должна быть несколько менее стоимости дровяного отопления.

Но цена леса, в свою очередь, изменяется в зависимости от состояния сельского хозяйства приблизительно таким же образом и по той же самой причине, как и цена скота. При самом возникновении земледелия большая часть поверхности каждой страны покрыта лесами, которые в ту пору являются для землевладельца лишь бременем, не имеют для него никакой стоимости, так что он готов предоставить всякому вырубать их. По мере развития земледелия леса отчасти вырубаются благодаря увеличению запасов, частью погибают благодаря возрастанию численности скота. Хотя скот и не размножается с такой быстротой, как растет хлеб, добываемый исключительно трудом человека, все же он размножается под защитой и благодаря уходу людей, которые запасают в урожайные годы корм, могущий прокормить скот в годы неурожайные; люди в течение всего года дают скоту большее количество корма, чем доставила бы ему невозделанная природа, они же, уничтожая и вытесняя его врагов, обеспечивают ему беспрепятственное пользование тем, что дает природа. Бесчисленные стада домашних животных, если им позволяют пастись в лесах, не уничтожают, правда, старых деревьев, но губят молодые побеги, так что в течение столетия или двух весь лес погибает. И тогда недостаток леса повышает его цену. Он начинает давать хорошую ренту, и землевладелец иногда находит наиболее выгодным делом разведение строевого леса на своих лучших землях; высота прибыли, получаемой при этом, часто возмещает медленность оборота капитала. Таково приблизительно положение в настоящее время в некоторых местах Великобритании, где прибыль от насаждения лесов не уступает прибыли, получаемой от хлебопашества и разведения лугов. Выгоды от лесоразведения никогда не могут превышать, по крайней мере на сколько-нибудь продолжительное время, ренту, которую может приносить на этой земле хлебопашество или луг; но в удаленной от моря, стоящей на высоком культурном уровне стране она часто будет немногим ниже этой ренты. Действительно, на морском побережье высококультурной страны, пользующейся для топлива каменным углем, иногда может оказаться дешевле привозить лес для строительных надобностей из более отсталых стран, чем взращивать его внутри страны. В новом городе Эдинбурге, выстроенном в течение последних лет, не найти, пожалуй, ни одного бревна из шотландского леса.

Какова бы ни была цена на лес, если цена угля такова, что расход на отопление углем почти одинаков с расходом на дровяное отопление, мы можем быть уверены, что в данной местности и при данных условиях цена угля не может подняться выше. Это, по-видимому, наблюдается в некоторых отдаленных от побережья частях Англии, особенно в Оксфордском графстве, где даже простонародье обыкновенно при топке мешает пополам каменный уголь с дровами и где поэтому разница в расходе на тот или другой вид топлива не может быть весьма значительна.

В странах, производящих каменный уголь, цена последнего везде стоит ниже этого максимального уровня. В противном случае уголь не мог бы выдержать издержек при дальней перевозке сухим путем или водою. При таких условиях находило бы сбыт только небольшое количество угля, а углепромышленники и владельцы угольных копей находят более выгодным для себя продавать большее количество угля по цене, несколько превышающей минимальную, чем небольшое количество его по максимальной цене. Наиболее богатая копь регулирует цену угля всех других копей в окрестности. Как владелец копи, так и предприниматель, разрабатывающий ее, находят, что, продавая несколько дешевле своих соседей, они могут получить: первый – большую ренту, второй – большую прибыль. Их соседи скоро оказываются вынужденными продавать свой уголь по такой же цене, хотя и не могут делать это без потерь, ибо это всегда уменьшает, а иногда и совсем сводит на нет их ренту и прибыль. Некоторые копи в

результате этого забрасываются, другие же перестают приносить ренту и могут быть разрабатываемы только землевладельцем.

Низшая цена, по которой может продаваться уголь в течение сколько-нибудь продолжительного времени, должна, как и цена всякого другого товара, быть достаточной для возмещения капитала, затрачиваемого на его производство, и обычной прибыли на него. Цена угля, получаемого из копи, которая не дает ее собственнику ренты и которую он должен разрабатывать сам или же забросить, обычно должна приблизительно держаться на указанном уровне.

Даже в тех случаях, когда уголь дает ренту, последняя обычно составляет меньшую часть его цены, чем это имеет место у большинства других произведений земли. Рента с имения, в котором ведется сельское хозяйство, обыкновенно достигает, как считают, трети валового продукта; при этом, по общему правилу, она устойчива и не зависит от случайных колебаний урожая. Для угольных копей рента в размере одной пятой валового продукта считается весьма высокой; обычно она достигает одной десятой его; при этом сама рента редко бывает обеспечена, она зависит от случайных колебаний добычи. Эти последние так значительны, что в стране, где капитализация из  $3\frac{1}{3}$  процента признается умеренной ценой при покупке недвижимого сельскохозяйственного имения, капитализация из 10 процентов считается хорошей ценой при покупке каменноугольных копей.

Стоимость каменноугольных копей для ее владельца часто зависит столько же от ее местоположения, как и от богатства. Стоимость рудника, содержащего металлы, в большей степени зависит от его богатства и в меньшей – от местоположения. Простые, а в еще большей мере драгоценные металлы, будучи выделены из руды, представляют собой такую значительную стоимость, что могут обычно выдержать издержки перевозки на очень большие расстояния сухим путем и на самые отдаленные расстояния морским путем. Их рынок сбыта не ограничивается местностями, находящимися поблизости к руднику, а распространяется на весь мир. Японская медь составляет предмет торговли в Европе; испанское железо продается на рынках Чили и Перу. Перуанское серебро проникает не только в Европу, но и через последнюю в Китай.

Цена угля в Уэстморлэнде или Шропшире может оказывать мало влияния на цену его в Ньюкасле, а цена его в Лионском районе и совсем не может оказывать влияния. Продукты столь отдаленных друг от друга каменноугольных копей никогда не могут конкурировать между собой. Напротив, продукты наиболее отдаленных друг от друга металлических рудников часто могут конкурировать между собой и в действительности обычно конкурируют. Поэтому цена простых, а еще более драгоценных металлов из самых богатых рудников в мире необходимо должна влиять на цену продукта всех других рудников. Цена меди в Японии должна оказывать некоторое влияние на цену меди, получаемой из рудников Европы. Цена серебра в Перу, или количество труда, или других товаров, которые можно получить там в обмен на него, должна иметь некоторое влияние на цену серебра, добываемого не только из рудников Европы, но и из рудников Китая. После открытия рудников в Перу серебряные рудники Европы были в большинстве своем заброшены. Стоимость серебра так понизилась, что добыча из этих рудников не могла оплачивать или возмещать с прибылью стоимость пищи, одежды, жилищ и других предметов необходимости, потребленных при разработке этих рудников. То же самое случилось с рудниками Кубы и Сан-Доминго и даже со старинными перуанскими рудниками после того, как были открыты рудники в Потози.

Поскольку, таким образом, цена всякого металла в любом руднике регулируется в некоторой степени ценой в самом богатом в мире руднике из числа действительно находящихся в разработке, постольку она в большинстве из них может приносить лишь немногим больше того, что необходимо для покрытия издержек по разработке, и редко может давать очень высокую ренту землевладельцу. Ввиду этого рента в большинстве рудников, по-видимому, входит

лишь небольшой долей в цену простых и еще меньшей долей в цену драгоценных металлов. Стоимость труда и прибыль составляют большую часть цены тех и других.

Шестую часть валового продукта составляет в среднем рента с оловянных рудников Корнуэльса, самых богатых из известных во всем мире, как сообщает нам почтенный г. Борлес,<sup>130</sup> помощник директора оловянных рудников. Некоторые, как он говорит, приносят больше, другие дают не так много. Рента с некоторых весьма богатых свинцовых рудников Шотландии тоже составляет шестую часть валового продукта.

Как сообщают Фрезьер<sup>131</sup> и Уллоа,<sup>132</sup> собственник серебряных рудников в Перу часто выговаривает у своего арендатора только одно условие: арендатор обязывается толочь руду на его мельнице с уплатой обычного вознаграждения за это. Действительно, до 1736 г. пошлина в пользу испанского короля достигала одной пятой чистого серебра, что для того времени и можно считать действительной рентой большей части серебряных рудников Перу, самых богатых, какие только были известны во всем мире.

Если бы пошлины совсем не было, эта пятая доля, естественно, принадлежала бы землевладельцу; тогда разрабатывались бы многие рудники, которые в настоящее время заброшены, ибо не могут оплатить такую пошлину. Пошлина, взимаемая герцогом Корнуэльским с олова, превышает, как полагают, 5 процентов, или двадцатую часть, стоимости его; каковы бы ни были ее размеры, она целиком шла бы в пользу собственника рудника, если бы олово было свободно от обложения. Но если прибавить одну двадцатую к одной шестой, то мы найдем, что в общей сложности средняя рента с оловянных рудников Корнуэльса относилась к средней ренте с серебряных рудников Перу, как тринадцать к двенадцати. Но серебряные рудники Перу в настоящее время не в состоянии приносить даже такую низкую ренту, и пошлина на серебро была понижена в 1736 г. с одной пятой до одной десятой. Но даже и такая пошлина с серебра больше искушает заниматься контрабандой, чем пошлина в размере одной двадцатой с олова, а контрабанда драгоценного металла гораздо легче, чем контрабанда громоздкого продукта. Ввиду этого, как говорят, пошлина в пользу испанского короля уплачивается очень плохо, тогда как пошлина в пользу герцога Корнуэльского уплачивается хорошо. Поэтому весьма вероятно, что рента составляет большую часть цены олова в самых богатых оловянных рудниках, чем цены серебра в самых богатых серебряных рудниках мира. Рента, остающаяся владельцу после возмещения капитала, затраченного при разработке этих рудников, и оплаты обычной прибыли, больше, по-видимому, с простых, чем с драгоценных металлов.

Вместе с тем в Перу обычно не очень велики и прибыли предпринимателей, разрабатывающих серебряные рудники. Те же самые весьма почтенные и хорошо осведомленные авторы сообщают нам, что всякого человека, предпринимającego разработку нового рудника в Перу, по общему правилу считают обреченным на банкротство и разорение, вследствие чего его все избегают и сторонятся. На занятие разработкой рудников там, по-видимому, смотрят так же, как и у нас, видя в нем лотерею, в которой выигрышные билеты не уравнивают пустых, хотя крупные размеры выигрышей искушают много смельчаков вкладывать свои состояния в столь малообещающее дело.

Однако, поскольку государь получает значительную часть своих доходов с добычи серебряных рудников, существующие в Перу законы всевозможными способами поощряют открытие и разработку новых рудников. Всякое лицо, открывающее новый рудник, имеет право отметить себе участок в двести сорок шесть футов в длину, соответственно предполагаемому им направлению жилы, и вдвое меньше в ширину. Он становится собственником этой части рудника и может разрабатывать его, не уплачивая никакого вознаграждения землевладельцу.

<sup>130</sup> *Borlase*. Natural History of Goruwall. P. 183.

<sup>131</sup> *Frezier*. Voyage de la Mer du Sud. Vol. I, p. 269, sqq.

<sup>132</sup> *Ulloa*. Noticias Americanas Entretienmentos, 12–14.

Интересы герцога Корнуэльского привели к установлению почти таких же правил в этом старинном герцогстве. Любое лицо, открывающее оловянный рудник на незанятых и неогороженных землях, имеет право отметить его границы в определенных размерах, что называется отмежевкой рудника. Такое лицо становится фактическим владельцем рудника и может или само разрабатывать его, или сдавать в аренду другому лицу, не спрашивая согласия землевладельца, которому, впрочем, должно уплачиваться весьма незначительное вознаграждение за разработку. В правилах этих в обоих случаях священные права частной собственности принесены в жертву предполагаемым интересам государственных доходов.

Таким же образом поощряется в Перу открытие и разработка новых золотых рудников, и королевская пошлина с золота достигает лишь двадцатой части чистого металла. Раньше она равнялась пятой части, потом десятой, как и с серебра, но выяснилось, что рудники не могут выдержать даже низшей из этих ставок. Тем не менее если, как говорят те же авторы Фрезьер и Уллоа, редко приходится встретить человека, составившего состояние разработкой серебряных рудников, то еще реже встречаются такие люди среди разрабатывающих золотые. Пошлина в размере двадцатой части составляет, по-видимому, всю ренту, приносимую большею частью золотых рудников Чили и Перу. Притом золото гораздо более удобно для контрабанды, чем даже серебро, не только ввиду большей стоимости металла в сравнении с его объемом, но и вследствие того особого вида, в каком природа производит его. Серебро редко находится в чистом виде, как и большинство других металлов, оно обыкновенно добывается в соединении с каким-либо другим минералом, от которого его можно отделить в количествах, оплачивающих издержки, только посредством весьма длительного и кропотливого процесса, выполняемого лишь в специально сооруженной мастерской, что трудно скрыть от надзора королевских чиновников. Золото, напротив, почти всегда добывается в чистом виде. Его иногда находят слитками небольших размеров; и даже в тех случаях, когда оно смешано небольшими и почти незаметными частицами с песком, землей и другими телами, его легко отделить от этих примесей весьма быстрым и простым способом, доступным в любом частном жилище всякому человеку, обладающему небольшим количеством ртути. И если поэтому королевская пошлина плохо уплачивается с серебра, то она должна быть еще хуже уплачиваема с золота, а рента должна составлять гораздо меньшую часть цены золота, чем серебра.

Самая низкая цена, по которой могут продаваться драгоценные металлы, или наименьшее количество других предметов, на которые они могут обмениваться в течение сколь угодно значительного времени, регулируется теми же правилами, какие устанавливают наименьшую обычную цену всех других товаров. Эта цена определяется капиталом, который обычно должен быть затрачен, стоимостью пищи, одежды и жилища, которые обычно должны быть употреблены для извлечения металлов из рудника и доставления их на рынок. Она должна быть по меньшей мере достаточна для возмещения капитала и доставления обычной прибыли на него.

Однако наивысшая цена этих металлов определяется, по-видимому, лишь недостатком или обилием их в данное время. Она не определяется ценой какого-либо товара, как это, например, имеет место с каменным углем, который – даже при недостатке его – не может подняться выше цены дров. Увеличьте недостаток в золоте до известной степени, и мельчайший кусочек его станет более дорогим, чем бриллиант, и будет обмениваться на большее количество других товаров.

Спрос на драгоценные металлы обуславливается отчасти их полезностью, отчасти их красивым видом. Они, пожалуй, полезнее всех других металлов, за исключением железа. Так как они менее подвержены ржавчине и загрязнению, их легче держать в чистоте, а потому столовая и кухонная посуда, сделанная из них, часто бывает приятнее всякой другой. Серебряный котел больше сохраняет чистоту, чем свинцовый, медный или оловянный, благодаря тому же свойству золотой котел еще лучше серебряного. Но главное достоинство драгоценных метал-

лов связано с их красивым видом, что делает их особенно пригодными для украшения одежды и домашней утвари. Никакая краска или лакировка не могут дать столь блестящего цвета, как позолота. Достоинство драгоценных металлов, обусловленное красотой, в значительной мере увеличивается благодаря их редкости. Для большинства богатых людей главное наслаждение богатством состоит в возможности выставлять это последнее на показ; в их глазах оно никогда не бывает полным, если они не обладают теми внешними отличиями богатства, какими не может обладать никто, кроме них одних. В их глазах достоинства предмета, в какой-либо мере полезного или красивого, значительно увеличиваются благодаря его редкости или необходимости затратить много труда для того, чтобы достать его в сколько-нибудь большом количестве труда, который никто не в состоянии оплатить, кроме них. Такие предметы они охотно готовы покупать по цене более высокой, нежели вещи, гораздо более красивые и полезные, но более распространенные. Эти свойства полезности, красоты и редкости лежат в основе высокой цены драгоценных металлов, которые повсюду обмениваются на большое количество других товаров. Эта их высокая стоимость предшествовала и была независима от чеканки из них монеты и явилась именно тем качеством, которое сделало их пригодным для такого употребления. Но такое употребление, создав добавочный спрос на них, а следовательно, уменьшив количество драгоценных металлов, могущее быть употребленным на другие цели, могло впоследствии повести к сохранению или даже повышению их высокой стоимости.

Спрос на драгоценные камни обуславливается исключительно их красотой. Они служат только для украшения, и достоинства их значительно увеличиваются благодаря редкости или благодаря трудности и издержкам, связанным с добыванием их из рудников. Ввиду этого заработная плата и прибыль в большинстве случаев поглощают почти всю высокую цену драгоценных камней. Рента входит в нее лишь очень небольшой долей, а часто даже и совсем не входит, и только самые богатые рудники приносят сколько-нибудь значительную ренту. Когда ювелир Тавернье<sup>133</sup> посетил алмазные копи в Голконде и Визиапуре, ему сообщили, что местный государь, в пользу которого они разрабатывались, приказал остановить работу на всех рудниках, за исключением тех, которые дают самые крупные и наилучшие камни. Остальные, по-видимому, не окупали для владельца расходов по разработке.

Так как цена драгоценных металлов и камней регулируется во всем свете ценою их на самых богатых рудниках, то рента, которую может давать своему владельцу тот или иной рудник, зависит не от его абсолютного, а, так сказать, от относительного богатства или избытка его добычи сравнительно с другими рудниками такого же рода. Если были бы открыты новые рудники, настолько более богатые, чем рудники Потози, насколько последние богаче европейских рудников, то стоимость серебра понизилась бы в такой степени, что даже рудники Потози оказались бы не стоящими разработки. До открытия испанской Вест-Индии самые богатые рудники Европы могли давать своим владельцам такую же высокую ренту, какую в настоящее время дают богатейшие рудники в Перу. Хотя количество получавшегося серебра было меньше, оно могло быть обмениваемо на такое же большое количество других предметов и доля собственника могла давать ему возможность приобретать такое же большое количество труда или товаров. Стоимость как продукта, так и ренты, действительный доход, который они доставляли обществу и владельцу, могла быть такой же высокой.

Самые обильные рудники драгоценных металлов или камней могут мало прибавить к мировому богатству. Продукт, стоимость которого обуславливается главным образом его редкостью, необходимо уменьшается в стоимости при обилии его. Серебряный сервиз и другие пустые украшения одежды или утвари можно будет приобретать за меньшее количество труда или меньшее количество других товаров – лишь в этом будет состоять та выгода, которую мир сможет извлечь из обилия драгоценных металлов и камней.

<sup>133</sup> *Tavernier. Indian Travels. Book II, chap. 11–15.*

Иначе обстоит дело с земельными владениями на поверхности земли. Стоимость их продукта и ренты пропорциональна их абсолютному, а не относительному плодородию. Земля, производящая определенное количество пищи, одежды и жилищ, всегда может прокормить, одеть и снабдить жилищем определенное количество людей; и какова бы ни была доля землевладельца, она всегда дает ему соответственную возможность распоряжения трудом этих людей или товарами, какими этот труд может снабдить его. Стоимость самой бесплодной земли не уменьшается благодаря соседству самой плодородной. Напротив, она обыкновенно возрастает от этого. Многочисленность населения, живущего на плодородных землях, создает рынок для значительной части продуктов бесплодной земли, которого они никогда не могли бы найти среди населения, могущего прожить на продукт этой земли.

Все, что увеличивает плодородие земли, производящей пищу, увеличивает не только стоимость земель, которые подвергались улучшению, но и стоимость других земель, создавая новый спрос на их продукты. Излишек пищи, которым благодаря улучшению земли могут располагать многие люди сверх того, что они сами могут потребить, представляет собою основную причину спроса на драгоценные металлы и камни, а также на всякие другие удобства и украшения в одежде, жилищах, домашней утвари и нарядах. Пищевые продукты не только составляют главную часть мирового богатства, их изобилие создает главную часть стоимости многих других видов богатства. Бедные обитатели Кубы и Сан-Доминго, когда они были впервые открыты испанцами, имели обыкновение носить маленькие куски золота, как украшения, в своих волосах и на других частях своего одеяния. Они, по-видимому, ценили их приблизительно так, как ценили бы мы любую безделушку, выделяющуюся своею красотою, и признавали их годными для украшения, но отнюдь не столь ценными, чтобы отказать отдать их тому, кто попросит. По первой просьбе они отдавали их своим новым гостям, нисколько, по-видимому, не предполагая, что дают им весьма ценный подарок. Они изумлялись при виде алчности, проявляемой испанцами в стремлении получить золото, и не подозревали, что может существовать страна, где многие люди имеют в своем распоряжении такое изобилие пищи, столь скудной у жителей Кубы и Сан-Доминго, что за очень небольшое количество этих блестящих безделушек готовы отдать столько пищи, сколько хватит на прокормление целой семьи в течение многих лет. Если бы можно было объяснить им это, то страсть испанцев к золоту перестала бы вызывать их удивление.

### Отдел III

#### **О колебаниях в соотношении стоимости продуктов, всегда приносящих ренту, и продуктов, иногда приносящих и иногда не приносящих ренту**

Возрастающее изобилие пищи, являющееся результатом роста улучшений и расширения обработки земель, необходимо должно вести к увеличению спроса на те виды сельскохозяйственных продуктов, которые не употребляются в пищу, а служат удобством или украшением. Поэтому вполне вероятно, что в общем процессе развития может иметь место только одно изменение в относительной стоимости этих двух различных видов продуктов. Стоимость того вида продуктов, которые иногда приносят и иногда не приносят ренту, должна постоянно возрастать сравнительно со стоимостью продуктов, всегда приносящих некоторую ренту. По мере развития искусств и промышленности материалы для одежды и построек, полезные ископаемые и минералы, драгоценные металлы и камни должны с течением времени пользоваться все большим спросом, должны обмениваться на все большее и большее количество пищи, или, другими словами, должны становиться все дороже и дороже. Действительно, так и происходило со многими из этих предметов в большинстве случаев и происходило бы со всеми ими

всегда, если бы особые обстоятельства не увеличивали иногда предложения некоторых из них в еще большей степени, чем спрос.

Стоимость каменоломни плитняка, например, неизбежно возрастает вместе с ростом богатства и населения окрестной местности, в особенности в том случае, если она является там единственной каменоломней. Напротив, стоимость серебряного рудника, даже если на расстоянии в тысячу миль не существует второго рудника, не возрастает обязательно вместе с увеличением богатства страны, в которой он находится. Рынок сбыта для продукта каменоломни редко может простирается более чем на несколько миль вокруг нее, и спрос должен вообще соответствовать богатству и населенности данного небольшого района. Напротив, рынок сбыта для продукта серебряного рудника может простирается на все известные части земного шара. Поэтому, если не возрастает богатство и население всего мира вообще, спрос на серебро может совсем и не возрастет, даже при увеличении богатства обширной страны, окружающей рудник. Даже в том случае, если богатство всего мира возрастает, но параллельно с этим ростом открываются новые рудники, гораздо более богатые, чем известные раньше, то, хотя и возрастает спрос на серебро, предложение его все же может возрасти в еще большей степени, так что действительная цена этого металла будет постепенно понижаться, т. е. данное количество его, например весом в один фунт, будет обмениваться постепенно на все меньшее и меньшее количество труда или на меньшее количество хлеба, главной составной части содержания рабочего.

Рынком сбыта для серебра является цивилизованная часть всего мира, вовлеченная в торговлю.

Если в процессе общего развития спрос этого рынка возрастет, а предложение не увеличится в той же пропорции, то стоимость серебра будет постепенно возрастать по сравнению со стоимостью хлеба. Данное количество серебра будет вымениваться на все большее количество хлеба, или, другими словами, средняя денежная цена хлеба будет постепенно уменьшаться.

Если, напротив, предложение благодаря какому-либо случайному обстоятельству будет возрастать в течение ряда лет в большей степени, чем спрос, то этот металл будет становиться постепенно дешевле, или, другими словами, средняя денежная цена хлеба, несмотря на все улучшения, будет постепенно повышаться.

Но если, с другой стороны, предложение металла будет возрастать приблизительно в такой же мере, как и спрос, то он будет по-прежнему обмениваться на почти такое же количество хлеба, и средняя денежная цена хлеба будет, несмотря на все улучшения, оставаться почти неизменной.

Эти три случая исчерпывают, по-видимому, все возможные комбинации, могущие иметь место в ходе прогресса; и поскольку мы можем судить на основании истории Франции и Великобритании, за четыре столетия до настоящего времени каждая из этих трех комбинаций имела, по-видимому, место на европейском рынке и почти в таком же порядке, в каком я изложил их здесь.

## **Очерк колебаний стоимости серебра в течение последних четырех столетий**

### **Первый период**

В 1350 г. и несколько ранее до того средняя цена квартера пшеницы в Англии расценивалась, по-видимому, не ниже 4 унций серебра, равных приблизительно 20 шилл. на нынешние деньги. С этого уровня она, по-видимому, постепенно понижалась до 2 унций серебра, что равно приблизительно 10 шилл. на нынешние деньги, причем по этой цене она расценивалась

в начале XVI столетия и продолжала, по-видимому, расцениваться так приблизительно вплоть до 1570 г.

В 1350 г., в 25-й год правления Эдуарда III, был издан так называемый статут о рабочих. Во вступительной части его содержатся жалобы на дерзость слуг, которые стараются повысить свою заработную плату, получаемую от хозяев. Статут поэтому постановляет, чтобы в дальнейшем все слуги и работники довольствовались той самой заработной платой и содержанием (содержание в те времена означало не только одежду, но и продовольствие), которые они обычно получали в 20-й год правления короля и за четыре предшествующих года, чтобы в связи с этим входящая в их содержание пшеница не расценивалась нигде выше 10 п. за бушель и чтобы усмотрению хозяев предоставлялось выдавать это содержание пшеницей или деньгами. Таким образом, в 25-й год правления Эдуарда III цена в 10 п. за бушель признавалась весьма умеренной, ибо требовалось издание специального закона, чтобы заставить слуг соглашаться на эту цену вместо обычного содержания натурой; эта цена признавалась справедливой также и за десять лет до того, в 16-й год правления указанного короля, – срок, до которого простирался закон. Но в 16-й год правления Эдуарда III 10 п. содержали около пол-унции серебра тауэрского веса<sup>134</sup> и почти равнялись полкроне на нынешние деньги. Следовательно, четыре унции серебра тауэрского веса, равные 6 шилл. 8 п. на деньги того времени и около 20 шилл. на современные деньги, надо было признавать умеренной ценой за кварталер в 8 бушелей.

Упомянутый закон, несомненно, дает нам более точное понятие о том, что в те времена признавалось умеренной ценой хлеба, чем приводимые обыкновенно историками цены за отдельные годы, поскольку эти отдельные годы являлись годами чрезвычайной дороговизны или дешевизны и на основании их трудно поэтому составить себе представление относительно обычной цены. Впрочем, имеются и другие основания полагать, что в начале XIV столетия и за несколько времени до того обычная цена пшеницы не падала ниже 4 унций серебра за кварталер и что цена других зерновых продуктов была пропорциональна ей.

В 1309 г. Рауль де Борн при избрании его приором монастыря св. Августина в Кентербери, устроил пиршество, описанное Вильямом Торном, который сообщает не только список пищевых продуктов, но и цены многих отдельных предметов.<sup>135</sup> Во время этого пиршества было потреблено, во-первых, 53 кварталера пшеницы ценою в 19 ф., или по 7 шилл. 2 п. за кварталер, что на наши деньги составляет около 21 шилл. 6 п.; во-вторых, 58 кварталеров солода на 17 ф. 10 шилл., или по 6 шилл. за кварталер, что составляет на наши деньги около 18 шилл.; в-третьих, 20 кварталеров овса на 4 ф., или 4 шилл. за кварталер, на наши деньги около 12 шилл. Цены солода и овса здесь как будто выше, чем это следовало бы при соблюдении обычного соотношения с ценою пшеницы.

Цены эти приведены не ввиду их чрезвычайной дороговизны или дешевизны, но упоминаются случайно, как цены, фактически уплаченные за большие количества хлеба, поглощенного во время пиршества, известного своим великолепием.

В 1262 г., в 51-й год правления Генриха III, был восстановлен старинный закон, так называемая такса на печеный хлеб и пиво, которая, как говорит король во вступлении к закону, была установлена во времена его предков, королей Англии, вероятно, потому, что этот закон восходит по крайней мере ко временам его деда, Генриха II, а может быть, и ко временам завоевания Англии. Закон устанавливает цену печеного хлеба в зависимости от существующих цен на пшеницу в размере от 1 шилл. до 20 шилл. за кварталер на деньги того времени. Но законы подобного рода обычно предусматривают одинаково все отступления от средних цен – как цены ниже средней, так и выше ее. Основываясь на этом, 10 шилл., содержащие 6 унций

<sup>134</sup> См. выше примечание в главе IV. (Прим. ред.)

<sup>135</sup> Нижеприведенный расчет взят Смитом из известной книги Флитвуда (*Flutwood. Chronicon Pretiosum*. London, 1707). (Прим. ред.)



серебра тауэрского веса и равные приблизительно 13 шилл. на наши деньги, следует считать средней ценой квартера пшеницы в то время, когда этот закон был впервые установлен; эта же цена удержалась вплоть до 51-го года правления Генриха III. Мы поэтому не сделаем большой ошибки, если предположим, что средняя цена была не ниже 1/3 наивысшей цены, установленной законом для хлеба, т. е. не ниже 6 шилл. 8 п. на деньги того времени, содержащие 4 унции серебра тауэрского веса.

Исходя из приведенных фактов, мы имеем основания, по-видимому, заключать, что около середины XIV столетия и в течение значительного времени до того средняя или обычная цена квартера пшеницы считалась не меньше 4 унций серебра тауэрского веса.

С середины приблизительно XIV столетия и до начала XVI столетия справедливая и умеренная, т. е. обычная или средняя, цена пшеницы постепенно понизилась, по-видимому, до половины указанной цены, так что в конце концов упала до 2 унций серебра тауэрского веса, что равняется приблизительно 10 шилл. на наши нынешние деньги. Пшеница расценивалась по этой цене приблизительно до 1570 г.

В расходной книге Генриха, пятого графа Нортумберлендского, составленной в 1512 г., имеются две различные цифры, показывающие цену пшеницы. Одна из них принимает ее в 6 шилл. 8 п. за квартал, другая – лишь в 5 шилл. 8 п. В 1512 г. 6 шилл. 8 п. содержали две унции серебра тауэрского веса и равнялись около 10 шилл. на наши деньги.

С 25-го года правления Эдуарда III до начала правления Елизаветы, за промежуток времени более чем в два столетия, 6 шилл. 8 п. продолжали, как это явствует из различных статутов, считаться умеренной и справедливой, т. е. обычной или средней, ценой пшеницы. Однако количество серебра, содержащееся в этой номинальной сумме, в течение этого периода постоянно уменьшалось вследствие изменений, производившихся в монете. Увеличение стоимости серебра, по-видимому, настолько уравнивало уменьшение его количества, содержащегося в данной номинальной сумме, что законодательство не считало нужным обратить внимание на это обстоятельство.

Так, в 1436 г. был издан закон, что пшеница может быть вывозима без специального разрешения, когда цена ее не превышает 6 шилл. 8 п.; а в 1463 г. – закон, воспрещавший ввоз пшеницы при цене ее, не превышающей 6 шилл. 8 п. за квартал. Законодательные органы полагали, что при столь низкой цене вывоз не может представлять никаких неудобств, но что при возрастании цены сверх этого уровня будет благоразумным допустить ввоз пшеницы. Таким образом, в ту эпоху умеренной и справедливой ценой пшеницы считались 6 шилл. 8 п., содержавшие столько же серебра, сколько 13 шилл. 4 п. на наши деньги (на одну треть меньше, чем содержала такая же номинальная сумма во время Эдуарда III).

В 1554 г., в 1-й и 2-й годы правления Филиппа и Марии, и в 1558 г., в 1-й год правления Елизаветы, вывоз пшеницы был таким же образом воспрещен в тех случаях, когда цена квартера превышала 6 шилл. 8 п. – сумма, которая содержала тогда лишь на 2 п. больше серебра, чем такая же номинальная сумма содержит в настоящее время.<sup>136</sup> Но скоро было найдено, что воспрещение вывоза пшеницы до тех пор, пока цена ее понизится до столь ничтожного уровня, означает в действительности запрещение ее вывоза вообще. Поэтому в 1562 г., в 5-й год правления Елизаветы, был допущен вывоз пшеницы из некоторых портов в тех случаях, когда цена квартера не превышала 10 шилл., содержавших приблизительно такое же количество серебра, как и соответствующая номинальная сумма в настоящее время. Таким образом, цена эта признавалась в это время умеренной и справедливой ценой пшеницы. Она почти совпадает с расценкой Нортумберлендской расходной книги 1512 г.

<sup>136</sup> Фунт разделялся в то время на 60, а впоследствии на 62 шилл. Таким образом, 6 шилл. 8 п. того времени составляли ровно десятую часть фунта и содержали 1/279 ф., более чем 6 шилл. 8 п. настоящего времени; различие это равно почти 2 1/2 п. (Прим. ред.)

На то, что во Франции средняя цена зерновых хлебов тоже была значительно ниже в конце XV и начале XVI столетия, чем в два предшествовавшие, указано как г. Дюпрэ де Сен-Мор,<sup>137</sup> так и блестящим автором «Опыта о хлебной политике».<sup>138</sup> Цена хлеба за этот период, вероятно, понизилась таким же образом в большей части Европы.

Такое повышение цены серебра в сравнении с ценою хлеба могло быть обусловлено или исключительно увеличением спроса на этот металл в результате развития промышленности и земледелия, тогда как предложение его оставалось неизменным, или же при неизменном сравнительно с предыдущим временем спросе оно могло быть обусловлено исключительно постепенным уменьшением предложения, поскольку большая часть известных в то время рудников была значительно истощена, а потому и расходы по разработке их значительно возросли, или же оно могло быть обусловлено отчасти одним, отчасти другим из указанных двух обстоятельств. В конце XV и в начале XVI столетия большая часть Европы приближалась к установлению более устойчивой формы правительства, чем та форма, которой она обладала в течение нескольких столетий до того. Увеличение безопасности должно было, естественно, вести к возрастанию промышленности и культуры, и спрос на драгоценные металлы, а также на все другие предметы роскоши и украшения должен был, естественно, увеличиваться вместе с возрастанием богатства. Более значительный по количеству ежегодный продукт должен был требовать для своего обращения большего количества монеты, а возросшее количество богатых людей должно было требовать большего количества всякой утвари и других украшений из серебра. Естественно также предположить, что большая часть рудников, снабжавших тогда европейский рынок серебром, была значительно истощена, и потому разработка их была сопряжена с более значительными издержками. Многие из них разрабатывались со времен римлян.

Однако большинство писавших по вопросу о ценах товаров в прежние времена держалось того мнения, что со времени завоевания Англии, а может быть, и со времени вторжения Цезаря, вплоть до открытия рудников Америки, стоимость серебра непрерывно понижалась. К такому мнению их, по-видимому, приводили отчасти наблюдения относительно цен как на хлеб, так и на некоторые иные виды сельскохозяйственных сырых продуктов, а отчасти распространенный взгляд, что с возрастанием богатства во всякой стране, естественно, возрастает и количество серебра, и поэтому его стоимость уменьшается по мере увеличения этого количества.

В своих замечаниях о ценах на хлеб эти исследователи, по-видимому, часто упускали из виду три различных обстоятельства.

I. В старину почти все ренты уплачивались натурой, определенным количеством хлеба, скота, птицы и пр. Однако часто бывало, что землевладелец устанавливал, что он может по усмотрению требовать от держателя земли или ежегодного платежа натурой или же взамен его определенную сумму денег. Цена, согласно которой платеж натурой заменялся таким образом определенной суммой денег, называется в Шотландии конверсионною ценою. Так как выбор между получением ренты натурой или деньгами всегда принадлежит землевладельцу, то в интересах держателя необходимо, чтобы конверсионная цена была несколько ниже средней рыночной цены. Поэтому во многих местах она почти не превышает половины последней. В большей части Шотландии этот обычай все еще держится в отношении домашней птицы, а в некоторых местах и в отношении скота. Возможно, что он сохранился бы и в отношении хлеба, если бы ему не положило конец установление публичных такс. Особыми комиссиями устанавливались ежегодные котировки средней цены всех сортов зерновых хлебов различного качества в соответствии с фактической рыночной ценой их в каждом отдельном графстве. Эти

<sup>137</sup> Dupré de St. Maur. Recherches sur la valeur des monnoies et sur les prix des grains et après le Concile de Francfort, 1762. *Idem*. Essai sur les monnoies ou Réflexions sur le rapport entre l'argent et les denrées, 1746.

<sup>138</sup> Смит имеет в виду французского экономиста Герберта (Herbert), выпустившего в 1754 г. книгу «Essai sur la police générale des grains». (Прим. ред.)

таксировки делали достаточно безопасным для держателя земли и гораздо более удобным для землевладельца переводить хлебную ренту в деньги в соответствии с установленною такою каждого года, а не в соответствии с какой-либо фиксированной заранее определенной ценой; но исследователи, собиравшие данные о ценах на хлеб в прежние времена, часто, по-видимому, принимали цену, которая называется в Шотландии конверсионною, за фактическую рыночную цену. Флитвуд в одном случае признает, что сделал именно такую ошибку. Но поскольку он писал свою книгу со специальной целью, он счел нужным сделать это признание лишь после того, как он привел эту конверсионную цену пятнадцать раз. Цена эта составляет 8 шилл. за квартал пшеницы. Эта сумма в 1423 г., в применении к которому она впервые упоминается им, содержала такое же количество серебра, как и 16 шилл. на наши теперешние деньги, а в 1562 г., в применении к которому он приводит ее в последний раз, она содержала не более того, что содержит такая же номинальная сумма в настоящее время.

II. Исследователей часто вводила в заблуждение небрежность, с какою некоторые старинные законы о таксе переписывались иногда нерадивыми переписчиками, а иногда, пожалуй, и составлялись законодателями.

Старинные статуты о таксе всегда начинали, по-видимому, с установления цены на хлеб и пиво при самой низкой цене пшеницы и ячменя, а затем постепенно переходили к установлению этих цен при соответственном постепенном повышении цены этих двух видов зерна. Но переписчики этих статутов часто, как кажется, считали достаточным переписывать постановление лишь в той части, которая упоминает первые три или четыре ставки низшего размера, сокращая таким образом свой труд и считая это, по-видимому, достаточным, чтобы показать пропорцию, которая должна быть соблюдена при всех более высоких ценах.

Так, в таксе на хлеб и пиво в 51-й год правления Генриха III цена на хлеб устанавливалась в соответствии с различными ценами пшеницы от одного до двадцати шиллингов за квартал на деньги того времени. Но в рукописях, с которых печатались все различные издания статутов до издания г. Руфхэда,<sup>139</sup> переписчики никогда не переписывали эти постановления дальше цены в 12 шилл. Некоторые исследователи, введенные в заблуждение такой ошибочной копией, весьма естественно заключали, что средняя цена, или 6 шилл. за квартал, равная приблизительно 18 шилл. на наши нынешние деньги, была обычной, или средней ценой пшеницы в то время.

В статуте о позорном столбе и позорном стуле,<sup>140</sup> изданном приблизительно в то же время, цена на пиво устанавливается в соответствии с каждым повышением цены ячменя на шесть пенсов в пределах от двух до четырех шиллингов за квартал. Однако эти 4 шилл. не считались наивысшей ценой, до которой мог часто доходить ячмень в то время, и эти цены приводились только в виде примера пропорции, которая должна соблюдаться для определения всех других цен, более высоких или более низких. Об этом мы можем заключить из последних слов статута: «et sic deinceps crescetur vel diminuetur per sex denarios». Выражение это не отличается точностью, но смысл его достаточно ясен: «Цена пива, таким образом, должна повышаться или понижаться в соответствии с каждым повышением или понижением цены ячменя на 6 п.». При составлении этого статута сами законодатели были столь же небрежны, как и переписчики при переписке других.

В старинной рукописи под заглавием «Regiam Majestatem», древнем шотландском своде законов, имеется закон о таксе, в котором цена хлеба определяется в соответствии с различными ценами муки, начиная от 10 п. и до 3 шилл. за шотландский «болл», равный приблизительно половине английского квартера. 3 шотландских шиллинга в то время, когда, как пред-

<sup>139</sup> Это издание вышло в 1762 г. в 11 томах, к которым вышло 8 добавочных томов в 1796 г. (Прим. ред.)

<sup>140</sup> В этом статуте речь идет о наказании булочников и пивоваров за продажу хлеба и пива по ценам, превышающим таксу. (Прим. ред.)

полагают, была издана эта такса, равнялись около 9 шилл. серебром на наши нынешние деньги. Г-н Руддиман,<sup>141</sup> по-видимому, заключает из этого, что 3 шилл. представляли собою самую высшую цену, до которой когда-либо поднималась пшеница в те времена, и что 10 пенсов, шиллинг или самое большее 2 шиллинга были обычной ценой ее. Но при ознакомлении с рукописью представляется очевидным, что все эти цены приведены лишь в качестве примера той пропорции, которая должна соблюдаться между ценами пшеничной муки и ценами на хлеб. Закон оканчивается следующими словами: «*reliqua judicabis secundum praescripta habendo respectum ad pretium bladi*», что означает: «Вы должны судить в остальных случаях согласно вышенаписанному, считаясь с ценой зерна».

III. Указанные исследователи, по-видимому, были введены в заблуждение чрезвычайно низкой ценой, по которой иногда продавалась пшеница в весьма давние времена, и воображали, что, поскольку она оказывалась тогда значительно ниже, чем в последующие времена, постольку и обычная ее цена должна была быть тоже значительно ниже. Однако они могли бы найти, что ее наивысшая цена в те давно прошедшие времена была как раз настолько же выше, насколько ее низшая цена была ниже, чем когда-либо в последующие времена. Так, для 1270 г. Флитвуд сообщает нам две цены квартера пшеницы. Одна равняется 4 ф. 16 шилл. на деньги того времени, что составляет 14 ф. 8 шилл. на наши деньги, а другая равняется 6 ф. 8 шилл., что составляет 19 ф. 4 шилл. на наши деньги. В конце XV или в начале XVI столетия нельзя встретить ни одной цены, которая приближалась бы к этим непомерно высоким ценам. Цена хлеба, хотя и во все времена подверженная колебаниям, больше всего колеблется в тех неспокойных и неблагоустроенных государствах, где расстройство всякой торговли и сообщений мешает тому, чтобы изобилие в одной части страны облегчало недостаток в другой. В смутные времена Плантагенетов, которые управляли Англией с середины XII до конца XV столетия, один округ мог пользоваться изобилием, тогда как другой, находящийся на небольшом расстоянии от первого, мог претерпевать все ужасы голода, если его жатва была уничтожена неблагоприятной погодой или же вторжением какого-нибудь соседнего барона. Если между ними лежали земли какого-либо враждебного владетеля, один округ не был в состоянии оказать малейшую помощь другому. При сильном правительстве Тюдоров, управлявших Англией в течение последней части XV и всего XVI столетия, ни один барон не был так могуществен, чтобы осмелиться нарушать общественное спокойствие.

Читатель найдет в конце настоящей главы сводку цен на пшеницу, собранных Флитвудом с 1202 по 1597 г. (включая оба эти года), переведенных на современные деньги и разделенных хронологически на семь отделов по двенадцать лет в каждом. В конце каждого отдела он найдет также среднюю цену для 12 лет, из которых он состоит. Для этого продолжительного периода Флитвуд сумел собрать цены не более чем для восьмидесяти лет, так что для последнего отдела в двенадцать лет не хватает четырех лет. Поэтому я присоединил цены 1598, 1599, 1600 и 1601 гг., заимствованные мною из книг Итонского колледжа. Это единственное добавление, сделанное мною. Читатель увидит, что с начала XIII столетия до середины XVI средняя цена для каждых 12 лет становится постепенно все ниже и ниже и что к концу XVI столетия она начинает снова повышаться. Однако цены, сведения о которых Флитвуд был в состоянии собрать, были, по-видимому, главным образом ценами, которые отличались своей чрезвычайной дороговизной или дешевизной; поэтому я не могу утверждать, что на основании их можно прийти к каким-либо надежным выводам. Но, поскольку они вообще что-нибудь доказывают, они подтверждают мнение, которое я пытался обосновать. Впрочем, сам Флитвуд вместе с большинством других исследователей, по-видимому, полагал, что в течение всего этого периода стоимость серебра вследствие возрастающего его обилия непрерывно уменьшалась. Цены на хлеб, собранные им самим, безусловно, не подтверждают этого мнения. Они

<sup>141</sup> См. его предисловие к сборнику Андерсона, *Diplomata Scotiae*.

подтверждают в полной мере мнение Дюпрэ де Сен-Мор и то мнение, которое я пытался изложить. Епископ Флитвуд и г. Дюпрэ де Сен-Мор являются теми двумя авторами, которые, по видимому, собрали с величайшей тщательностью и точностью цены на различные предметы в старинные времена. Представляется несколько странным, что при столь значительном расхождении их мнений приводимые ими факты, поскольку они относятся по крайней мере к цене хлеба, столь точно совпадают.

Но наиболее вдумчивые авторы в своих утверждениях о высокой стоимости серебра в те давние времена основывались не столько на низкой цене хлеба, сколько на низкой цене других сырых продуктов земли. Хлеб, как утверждали они, будучи своего рода обработанным продуктом, был в те примитивные времена значительно дороже по сравнению с большей частью других товаров; здесь имеется в виду, как мне кажется, большая часть необработанных продуктов, каковы скот, птица, дичь всякого рода и пр. Бесспорно правильно, что в те времена варварства и бедности эти продукты были сравнительно гораздо дешевле, чем хлеб. Но эта дешевизна была следствием не высокой стоимости серебра, а малой стоимости этих продуктов. Она обусловливалась не тем, что серебро в то время покупало или представляло большее количество труда, а тем, что подобные продукты покупали или представляли собою гораздо меньшее количество труда, чем в эпоху, отличающуюся большим богатством и развитием промышленности. Серебро, конечно, должно быть дешевле в испанской Америке, чем в Европе, в стране, где оно добывается, чем в стране, в которую оно привозится с издержками на сухопутную и морскую перевозку на дальнее расстояние, на фрахт и страхование. Как рассказывает Уллоа, немного лет тому назад в Буэнос-Айресе цена быка, взятого прямо из стада в триста или четыреста голов, равнялась 21 1/2 п. Как сообщает нам г. Байрон,<sup>142</sup> цена хорошей лошади в столице Чили равнялась 16 шилл. серебром. В стране, которая отличается естественным плодородием, но значительнейшая часть которой остается необработанной, скот, птица, дичь всякого рода и пр., поскольку они могут быть приобретены с затратой весьма незначительного количества труда, покупают или получают в свое распоряжение тоже лишь весьма малое количество труда. Низкая денежная цена, по которой они могут быть проданы, отнюдь не служит доказательством того, что действительная стоимость серебра там очень высока, – это лишь доказывает, что действительная стоимость этих продуктов очень низка.

Надо всегда помнить, что труд, а не какой-либо особый товар или группа товаров, является действительным мерилom стоимости как серебра, так и всех других товаров.

В странах, почти необитаемых или лишь слабо заселенных, скот, птица, дичь всякого рода и т. п., поскольку они являются непосредственным произведением природы, часто производятся ею в гораздо больших количествах, чем это требуется для потребления жителей страны. При таком положении вещей предложение обычно превышает спрос. Поэтому при различных состояниях общества, на различных стадиях развития благосостояния подобные товары эквивалентны весьма различным количествам труда.

При любом состоянии общества, на любой ступени развития благосостояния хлеб представляет собой продукт человеческого труда. Но среднее количество продукта любой отрасли труда всегда более или менее точно соответствует среднему потреблению; среднее предложение соответствует среднему спросу. Затем на любой ступени культуры для возделывания одинаковых количеств хлеба при одинаковой почве и при одинаковом климате требуются в среднем почти равные количества труда или, что то же самое, почти равные затраты на труд; ибо непрерывное возрастание производительности труда при повышении культуры более или менее уравнивается непрерывным возрастанием цены скота – главного орудия в земледелии. Ввиду всего этого мы можем быть уверены, что при любом состоянии общества, на любой ступени культуры равные количества хлеба в большей мере, чем равные количества других

<sup>142</sup> Byron. Narrative of the distresses suffered on the coast of Patagonia from 1740 to 1746. London, 1768. P. 220.

видов сырых продуктов земли, будут представлять собой или будут эквивалентны одинаковым количествам труда. В соответствии с этим хлеб, как уже указано, является на всех различных ступенях развития богатства и культуры более точным мерилем стоимости, чем какой-либо другой товар или группа товаров. Поэтому на всех этих различных ступенях развития мы можем лучше судить о действительной стоимости серебра, сравнивая ее с хлебом, нежели с каким-либо другим товаром или группой товаров.

Помимо того, хлеб или всякая иная обычная и излюбленная растительная пища народа составляет во всякой культурной стране главную часть содержания работника. Вследствие расширения земледелия земля каждой страны производит гораздо большее количество растительной, чем животной пищи, и работник повсюду питается главным образом той здоровой пищей, которая является наиболее дешевой и обильной. Мясо, если не считать наиболее богатых стран или таких, где труд очень высоко оплачивается, составляет лишь незначительную часть пропитания работника, птица – еще меньшую часть, а дичь и совсем не входит в его питание. Во Франции и даже в Шотландии, где труд несколько лучше вознаграждается, чем во Франции, трудящийся бедняк редко кушает мясо, исключая праздников и других чрезвычайных случаев. Денежная цена труда поэтому гораздо больше зависит от средней денежной цены хлеба, этого предмета питания работника, чем от цены мяса или какого-либо другого сырого продукта земли. Поэтому действительная стоимость золота и серебра, действительное количество труда, которое они могут купить или получить в свое распоряжение, гораздо больше зависит от количества хлеба, чем от количества мяса или всякого другого сырого продукта земли.

Подобные поверхностные наблюдения над ценами хлеба или других товаров не ускользнули бы, вероятно, от внимания многих просвещенных авторов, если бы они не находились под влиянием распространенного мнения, которое утверждает, что, поскольку количество серебра естественно возрастает в каждой стране вместе с возрастанием богатства, постольку его стоимость уменьшается по мере возрастания его количества. Но такое мнение представляется совершенно необоснованным.

Количество драгоценных металлов в стране может возрастать в силу двух различных причин: или, во-первых, благодаря возрастающему обилию рудников, доставляющих эти металлы, или, во-вторых, благодаря возрастанию богатства народа, благодаря увеличению продукта его годового труда. Первая из этих причин, без сомнения, необходимо связана с уменьшением стоимости драгоценных металлов, вторая отнюдь не связана с этим.

Когда открываются более обильные рудники, на рынок поступает большее количество драгоценных металлов и, поскольку остается неизменным то количество предметов необходимости и удобства, на которое эти металлы должны быть обменены, данное количество металлов должно быть обменено на меньшее количество товаров. Поскольку увеличение количества драгоценных металлов в какой-либо стране происходит от роста добычи рудников, оно необходимо бывает связано с некоторым уменьшением их стоимости.

Когда, напротив того, богатство какой-либо страны возрастает, когда годичный продукт ее труда становится постепенно все больше и больше, появляется необходимость в большем количестве денег для обращения большего количества товаров; с другой стороны, частные лица начинают, естественно, приобретать все большее количество серебряных и золотых изделий, так как они в состоянии делать это и обладают большим количеством товаров для обмена на эти изделия. Количество звонкой монеты, имеющейся в их распоряжении, будет увеличиваться в силу необходимости, а количество золотых и серебряных изделий – из тщеславия и суетности, т. е. по той же причине, в силу которой у них, вероятно, будет увеличиваться также количество красивых статуй, картин и всяких других дорогих и редких предметов. Но трудно предполагать, чтобы скульпторы и художники вознаграждались хуже во времена растущего богатства и преуспевания, чем во времена бедности и застоя, не приходится думать, чтобы за золото и серебро платили меньше в такое время.

Так как цена золота и серебра, естественно, возрастает в каждой стране вместе с возрастанием богатства – если только случайное открытие более богатых рудников не понижает ее, то, каково бы ни было состояние рудников, цена золота и серебра в любое время бывает, естественно, выше в богатой, чем в бедной стране. Золото и серебро, как и все другие товары, естественно, ищут рынок, где за них дают лучшую цену, а лучшая цена обычно дается за всякую вещь в той стране, которая может заплатить за нее больше. Но следует помнить, что труд представляет собою в последнем счете ту цену, которая уплачивается за всякую вещь, и в странах, в которых труд оплачивается одинаково хорошо, денежная цена его пропорциональна денежной цене средств существования рабочего. Но золото и серебро, естественно, обмениваются на большее количество средств существования в богатой стране, чем в бедной, в стране, изобилующей средствами существования, чем в стране, которая недостаточно снабжена ими. Если две такие страны находятся на значительном расстоянии друг от друга, разница может быть очень велика, потому что, хотя металлы, естественно, притекают с менее выгодных рынков на более выгодные, все же может оказаться затруднительным перевозить их в таких количествах, чтобы приблизительно уравнивать их цену в обеих странах. Если страны эти близки друг к другу, разница будет меньше и иногда может быть едва заметной, потому что в этом случае перевозка будет легче. Китай более богатая страна, чем любая часть Европы, и разница между ценой средств существования в Китае и Европе очень велика. Рис в Китае гораздо дешевле, чем пшеница в любой части Европы. Англия более богатая страна, чем Шотландия, но разница между денежной ценой хлеба в этих двух странах гораздо меньше и даже едва заметна. Если судить по количеству или мере, то хлеб в Шотландии представляется обычно значительно более дешевым, чем в Англии, но, если иметь в виду его качество, он оказывается, несомненно, несколько более дорогим. Шотландия получает почти ежегодно большие количества зерна из Англии, а всякий товар должен быть несколько дороже в стране, в которую он ввозится, чем в стране, откуда он получается. Английское зерно должно быть поэтому дороже в Шотландии, чем в Англии, а между тем, принимая во внимание его качество, т. е. количество и доброкачественность муки, которую можно получить из него, оно не может быть продаваемо по более высокой цене, чем шотландское зерно, соперничающее с ним на том же рынке.

Разница между денежной ценой труда в Китае и Европе еще больше, чем между денежной ценой средств существования, так как действительное вознаграждение труда в Европе выше, чем в Китае, поскольку значительнейшая часть Европы находится в прогрессирующем состоянии, а Китай, по-видимому, в стационарном. Денежная цена труда в Шотландии ниже, чем в Англии, так как действительное вознаграждение труда значительно ниже, хотя и в Шотландии происходит рост богатства, но более медленный, чем в Англии. Значительные размеры эмиграции из Шотландии и малые размеры ее из Англии достаточно доказывают, что спрос на труд весьма неодинаков в этих странах. Следует помнить, что соотношение между действительным вознаграждением труда в различных странах, естественно, регулируется не фактическим богатством или бедностью этих стран, а тем, происходит ли в них рост богатства, переживают они застой или упадок.

Золото и серебро, естественно, обладая наибольшей стоимостью у самых богатых народов, имеют наименьшую стоимость у народов самых бедных. У дикарей, являющихся самыми бедными из всех народов, они вряд ли имеют вообще какую-либо стоимость.

В больших городах хлеб всегда дороже, чем в отдаленных частях страны. Но это является следствием не действительной дешевизны серебра, а действительной дороговизны хлеба. Отнюдь не меньше труда стоит доставить серебро в город по сравнению с доставкой его в отдаленные части страны, но гораздо дороже обходится доставить в него хлеб.

В некоторых очень богатых и торговых странах, как, например, в Голландии и в области Генуи, хлеб дорог в силу тех же причин, в силу каких он дорог и в больших городах. Они производят недостаточно для прокормления своих жителей. Они богаты трудолюбием и искус-

ством своих ремесленников и мануфактурных работников, богаты всякого рода машинами, могущими облегчать и сокращать труд, богаты кораблями и другими средствами передвижения и торговли, но они бедны хлебом, который привозится туда из отдаленных стран и поэтому должен быть оплачен с надбавкой к цене для покрытия расходов по перевозке его из этих стран. Не меньше труда стоит доставить серебро в Амстердам, чем в Данциг, но стоит гораздо дороже доставить туда хлеб. Действительная стоимость серебра должна быть почти одинакова в обоих местах, но действительная стоимость хлеба должна быть весьма различна. Пусть уменьшится реальное богатство Голландии или Генуэзской области при неизменной численности их населения; пусть уменьшится их способность снабжать себя продовольствием из отдаленных стран; в таком случае цена хлеба, вместо того чтобы понизиться вместе с уменьшением количества их серебра, которое неизбежно должно сопутствовать такому материальному упадку в качестве его причины или следствия, повысится до размеров голодной цены. Когда мы нуждаемся в предметах существования, мы вынуждены отказаться от всего излишнего; стоимость всех этих излишних предметов, повышающаяся во времена благосостояния и процветания, понижается в периоды бедности и упадка. Иначе бывает с предметами первой необходимости. Их действительная цена, т. е. количество труда, на которое они могут быть обменены, повышается в периоды бедности и нужды и падает в периоды благосостояния и процветания, которые всегда являются вместе с тем временем большого изобилия, так как без него не было бы ни благосостояния, ни процветания. Хлеб представляет собою предмет первой необходимости, а серебро – лишь предмет роскоши, без которого можно обойтись.

Каково бы ни было поэтому увеличение количества драгоценных металлов, вызванное в период между серединой XIV и серединой XVI столетий ростом богатства и культуры, оно не могло бы вызвать тенденцию к уменьшению его стоимости в Великобритании или в какой-либо другой части Европы. Если поэтому те, которые собирали данные о ценах на товары в прежние времена, не имеют никаких оснований делать из своих наблюдений над ценами хлеба или других товаров выводы об уменьшении стоимости серебра в указанный период, то еще меньше имеется у них оснований заключать об этом из предполагаемого возрастания богатства и прогресса культуры.

## Второй период

Как ни расходятся мнения ученых относительно движения стоимости серебра в течение первого периода, они единодушны относительно второго периода.

Приблизительно с 1570 до 1640 г., за период около 70 лет, колебания стоимости серебра и хлеба проявлялись в совершенно обратном направлении. Серебро понизилось в своей действительной стоимости или обменивалось на меньшее количество труда, чем прежде, а хлеб повышался в своей номинальной цене и, вместо того чтобы продаваться обычно по 2 унции серебра за кварталер, или около 10 шилл. на наши нынешние деньги, стал продаваться по 6 и 8 унций серебра за кварталер, или по 30 и 40 шилл. на наши теперешние деньги.

Открытие обильных рудников в Америке является, по-видимому, единственной причиной такого уменьшения стоимости серебра по отношению к стоимости хлеба. Решительно все объясняют это явление именно таким образом, и никогда не было спора по вопросу о самом факте или причине его. В значительнейшей части Европы в этот период промышленность и богатство развивались, и спрос на серебро вследствие этого должен был увеличиваться. Но увеличение предложения, по-видимому, настолько превосходило возрастание спроса, что стоимость этого металла значительно упала. Следует заметить, что открытие рудников в Америке не имело, вероятно, сколько-нибудь заметного влияния на цены продуктов в Англии вплоть до 1570 г., хотя даже рудники в Потози были открыты более чем за двадцать лет до того времени.



С 1595 по 1620 г. (включая оба эти года) средняя цена квартера в 9 бушелей лучшей пшеницы была, по-видимому, на виндзорском рынке, как это явствует из счетов Итонского колледжа, 2 ф. 1 шилл. 6  $\frac{9}{13}$  п. Основываясь на этой цене, отбросив дробь и вычтя девятую часть, т. е. 4 шилл. 7  $\frac{1}{3}$  п., мы получим цену квартера в 8 бушелей в 1 ф. 16 шилл. 10  $\frac{2}{3}$  п. А из этой цены, тоже отбрасывая дробь и вычитая девятую часть, т. е. 4 шилл. 1  $\frac{1}{9}$  п., как разницу между ценой пшеницы высшего и среднего сорта, получим цену пшеницы среднего качества приблизительно в 1 ф. 12 шилл. 8  $\frac{8}{9}$  п., или около 6  $\frac{1}{3}$  унций серебра.

С 1621 по 1636 г. (включая оба эти года) средняя цена такого же количества пшеницы высшего сорта на том же рынке достигала, согласно тем же счетам, 2 ф. 10 шилл.; это дает, если сделать такие же вычеты, как и в предыдущем случае, среднюю цену за квартал в 8 бушелей пшеницы среднего качества в 1 ф. 19 шилл. 6 п., или около 7  $\frac{2}{3}$  унции серебра.

### Третий период

Между 1630 и 1640 гг., или около 1636 г., влияние открытия рудников в Америке на уменьшение стоимости серебра, по-видимому, проявлялось с наибольшею силою, а стоимость этого металла никогда не падала так низко по сравнению со стоимостью хлеба, как около этого времени. Она как будто повысилась в течение настоящего столетия и, пожалуй, начала повышаться даже за некоторое время до конца минувшего столетия.

С 1637 по 1700 г. (включая оба эти года), т. е. за последние шестьдесят четыре года минувшего столетия, средняя цена квартера в 9 бушелей лучшей пшеницы на виндзорском рынке была, по-видимому, как это следует из некоторых счетов, 2 ф. 11 шилл.  $\frac{1}{3}$  п., что только на 1 шилл.  $\frac{1}{3}$  п. дороже, чем за шестнадцать лет до того. Но в течение этих шестидесяти четырех лет имели место два события, которые должны были породить гораздо больший недостаток хлеба, чем это могло бы быть вызвано неурожаем, и которые поэтому даже и при отсутствии предположения о дальнейшем понижении стоимости серебра более чем объясняют это весьма небольшое возрастание цены хлеба.

Первым из этих событий была гражданская война, которая, препятствуя хлебопашеству и расстраивая торговлю, должна была повысить цену хлеба значительно выше того, чем это могло быть вызвано неурожаями. Она должна была повести к этому в большей или меньшей степени на всех рынках королевства, но в особенности на рынках в окрестностях Лондона, который требует снабжения из самых отдаленных местностей. Действительно, в 1648 г. цена пшеницы высшего качества на виндзорском рынке была, согласно тем же данным, 4 ф. 5 шилл., а в 1649 г. – 4 ф. за квартал в 9 бушелей. Повышение в эти два года сравнительно с ценою в 2 ф. 10 шилл. (средняя цена за шестнадцать лет до 1637 г.) достигает 3 ф. 5 шилл.; будучи разделено на шестьдесят четыре последних года минувшего столетия, это повышение почти достаточно объясняет то небольшое возрастание цены, которое, по-видимому, имело место за эти годы. Но хотя эти цены являются максимальными, они отнюдь не являются ценами, порожденными единственно гражданской войной.

Вторым фактом явилась премия за вывоз хлеба, установленная в 1688 г. Как многие полагали, такая премия, поощряя хлебопашество, может с течением времени вызвать большее обилие, а следовательно, и большую дешевизну хлеба на внутреннем рынке, чем это иначе могло бы иметь место. В дальнейшем я выясню, в какой мере премия может в любое время дать такие результаты; в настоящее время замечу лишь, что между 1688 и 1700 гг. она не успела за краткостью времени привести к таким результатам. За этот короткий период времени единственным результатом премии должно было быть повышение цены на внутреннем рынке, поскольку эта премия поощряла вывоз избытка каждого года и этим не давала избытку одного года уравнивать недостаток хлеба в другом году. Хотя недостаток хлеба, существовавший в Англии с 1693 по 1699 г. (включая оба эти года), несомненно, был обусловлен главным обра-

зом неурожаями и потому охватывал значительную часть Европы, он должен был несколько усиливаться благодаря премии. Вследствие этого в 1699 г. дальнейший вывоз хлеба был воспрещен на девять месяцев.

Был еще третий факт на протяжении этого периода, который хотя и не мог вызвать какой-либо недостаток в хлебе или увеличение действительного количества серебра, уплачиваемого обычно за него, но необходимо должен был повести к некоторому увеличению номинальной суммы, платимой за него. Фактом этим было значительное ухудшение монеты благодаря обрезыванию ее и стиранию. Зло это возникло во время Карла II и все усиливалось вплоть до 1695 г., когда, как мы можем узнать от г. Лоундса, находящаяся в обращении серебряная монета была в среднем на 25 % ниже установленной ее стоимости. Но номинальная сумма, составляющая рыночную цену всякого товара, необходимо регулируется не столько количеством серебра, которое должно содержаться в ней согласно установленной норме, сколько тем количеством, которое фактически, как это установлено опытом, в ней содержится. Следовательно, эта номинальная сумма в силу необходимости более высока тогда, когда монета значительно обесценена благодаря обрезыванию ее и изнашиванию, нежели когда она близка к своей установленной стоимости.

В течение текущего столетия серебряная монета ни разу не была настолько ниже своего установленного веса, как в настоящее время. Но хотя она была очень сильно испорчена, ее стоимость поддерживалась на известной высоте стоимостью золотой монеты, на которую она обменивалась. Ибо, хотя до последней перечековки золотая монета была тоже порядочно испорчена, она была испорчена гораздо меньше, чем серебряная. Напротив того, в 1695 г. стоимость серебряной монеты не поддерживалась на установленном уровне золотой монетой; гинея тогда обычно выменивалась на 30 шилл. стертой и обрезанной серебряной монеты. Вплоть до последней перечековки золота цена серебряных слитков редко превышала 5 шилл. 7 п. за унцию, что лишь на 5 п. больше монетной цены. Но в 1695 г. обычная цена серебряных слитков достигала 6 шилл. 5 п. за унцию,<sup>143</sup> т. е. на 15 п. превышала монетную цену. Таким образом, даже до последней перечековки золота золотая и серебряная монета одинаково расценивались в сравнении с серебряными слитками не более чем на 8 % ниже своей установленной стоимости. Напротив того, в 1695 г. они расценивались почти на 25 % ниже своей установленной стоимости. Но в начале настоящего столетия, т. е. непосредственно вслед за великой перечековкой в эпоху короля Вильгельма, большая часть находившейся в обращении серебряной монеты должна была быть еще ближе к своему установленному весу, чем в настоящее время. Затем в течение настоящего столетия не бывало крупных общественных бедствий вроде гражданской войны, которые могли бы разорить земледелие или прерывать нормальный ход внутренней торговли страны. И хотя премия, существовавшая в течение большей части этого столетия, должна была всегда несколько повышать цену хлеба сравнительно с тем, какой она была бы при отсутствии ее и при современном состоянии земледелия, все же на протяжении всего столетия эта премия должна была иметь достаточно времени, чтобы вызвать все те выгодные последствия, которые обычно приписываются ей, а именно содействовать развитию земледелия и таким образом увеличить количество хлеба на внутреннем рынке. При таких условиях в силу принципов системы, которую я изложу и объясню в дальнейшем, она должна была бы, повышая, с одной стороны, цену хлеба, вместе с тем приводить, с другой стороны, к ее понижению. Многие даже полагают, что она больше повлияла в последнем смысле. Действительно, за первые шестьдесят четыре года текущего столетия средняя цена квартера в 9 бушелей пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке достигала, по-видимому, согласно счетам Итон-

<sup>143</sup> Lowndes. Essay on the silver coin. P. 68. (Точное название: Lowndes W. Report containing an Essay for the Amendment of the Silver Coins. London, 1695. – Прим. науч. ред.)

ского колледжа, 2 ф. 6<sup>144</sup>9/32 п., что приблизительно на 10 шилл. 6 п., или более чем на 25 %, дешевле, чем цена ее за последние шестьдесят четыре года истекшего столетия, и на 9 шилл. 6 п. дешевле цены ее за шестнадцать лет, предшествовавшие 1636 г., когда открытие американских рудников, как можно предполагать, успело в полной мере оказать свое влияние, и на 1 шилл. дешевле, чем в течение двадцати шести лет до 1620 г., пока это открытие, как это возможно предполагать, еще не успело полностью оказать свое влияние. Согласно этим данным, средняя цена пшеницы среднего качества достигала в течение этих первых шестидесяти четырех лет текущего столетия около 32 шилл. за квартал в 8 бушелей.

Таким образом, стоимость серебра, по-видимому, в течение текущего столетия повысилась сравнительно со стоимостью хлеба и, вероятно, начала повышаться еще за несколько времени до истечения минувшего столетия.

В 1687 г. цена квартера в 9 бушелей пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке была 1 ф. 5 шилл. 2 п., что представляет собою самую низкую цену ее, существовавшую когда-либо с 1595 г.

В 1688 г. Грегори Кинг, человек, известный своими познаниями в вопросах подобного рода, полагал, что средняя цена пшеницы в годы умеренного урожая составляет для производителя 3 шилл. 6 п. за бушель, или 28 шилл. за квартал. Цена производителя, как я полагаю, представляет собою то, что называют иногда договорной ценой, или ценой, по которой фермер договаривается поставлять в течение определенного ряда лет определенное количество хлеба торговцу. Так как договор подобного рода избавляет фермера от расходов и труда по продаже своего продукта, то договорная цена обыкновенно бывает ниже так называемой средней рыночной цены. Кинг полагал, что 28 шилл. за квартал составляли в то время обычную договорную цену в годы умеренных урожаев. До наступления нужды в хлебе, вызванной рядом последних чрезвычайных неурожаев, эта была, как меня уверяли, обычная договорная цена в годы, отличающиеся средним урожаем.

В 1688 г. парламентом была установлена премия за вывоз хлеба. Землевладельцы, составлявшие тогда гораздо большую часть законодательного собрания, чем в настоящее время, видели, что денежная цена хлеба падает. Премия являлась средством искусственно поднять ее до той высокой цены, по которой хлеб часто продавался во времена Карла I и Карла II. Поэтому премия должна была выдаваться до тех пор, пока цена пшеницы не достигнет 48 шилл. за квартал, т. е. на 20 шилл., или на 5/7 дороже той цены производителя, которую исчислял г. Кинг в том самом году при умеренных урожаях. Если его исчисления заслуживают хотя бы отчасти того доверия, которым они пользуются повсеместно, то 48 шилл. за квартал представляли собою цену, которую при отсутствии таких средств, как премия, нельзя было в то время ожидать, если не считать лет чрезвычайного неурожая. Но правительство короля Вильгельма тогда еще не упрочилось, оно не было в состоянии в чем-либо отказать землевладельцам, от которых оно как раз в то время добивалось утверждения впервые ежегодного земельного налога.

Таким образом, стоимость серебра сравнительно со стоимостью хлеба, вероятно, несколько повысилась незадолго до конца минувшего столетия и, по-видимому, продолжала повышаться в течение большей части настоящего столетия, хотя неизбежное действие премии должно было противодействовать этому повышению и сделать его меньше, чем оно было бы при отсутствии премии при данном состоянии земледелия.

В урожайные годы премия, ведя к усиленному вывозу, неизбежно повышает цену хлеба сравнительно с тем, какова она была бы в такие годы при отсутствии премии. Прямая цель премии состояла в поощрении земледелия путем повышения цены хлеба даже в наиболее урожайные годы.

<sup>144</sup> «Treaties on the Corn Trade». Tract 3 d.

Правда, в годы большого недостатка хлеба премия временно отменялась. Тем не менее она должна была оказывать некоторое влияние на цены даже в такие годы. Вызывая в урожайные годы чрезвычайно большой вывоз, премия часто препятствует тому, чтобы изобилие одного года уравновешивало недостаток другого.

Таким образом, как в урожайные, так и в неурожайные годы премия повышает цену хлеба выше того уровня, на котором она, естественно, держалась бы при современном состоянии земледелия. Если поэтому в течение первых шестидесяти четырех лет текущего столетия средняя цена хлеба была ниже, чем в течение последних шестидесяти четырех лет минувшего столетия, то при таком же состоянии земледелия она была бы еще значительно ниже, если бы не оказывала своего влияния премия.

Но мне могут возразить, что, не будь премии, состояние земледелия было бы иное. Ниже, при специальном рассмотрении вопроса о премиях, я попытаюсь выяснить, какое влияние они могли оказать на земледелие страны. Теперь же я лишь замечу, что повышение стоимости серебра по сравнению со стоимостью хлеба было характерно не для одной лишь Англии. Оно происходило во Франции в течение того же периода и приблизительно в тех же размерах, что было замечено тремя весьма точными, старательными и трудолюбивыми собирателями цен на хлеб, а именно: г. Дюпрэ де Сен-Мором, г. Мессансом и автором «Опыта о хлебной политике».<sup>145</sup> Но во Франции вывоз хлеба до 1764 г. был воспрещен, и трудно предположить, чтобы почти одинаковое понижение цены, которое имело место в одной стране, несмотря на указанное запрещение вывоза, в другой вызывалось чрезвычайным поощрением, оказываемым вывозу.

Будет, пожалуй, более правильным считать такое изменение средней денежной цены хлеба скорее следствием некоторого постепенного повышения действительной стоимости серебра на европейском рынке, чем какого-либо понижения средней действительной стоимости хлеба. Как уже было указано, хлеб для значительных периодов времени является более точным мерилom стоимости, чем серебро или какой-нибудь другой товар. Когда после открытия богатых рудников в Америке хлеб подорожал в три и четыре раза в сравнении с его прежней денежной ценой, такое изменение приписывалось всеми не повышению действительной стоимости хлеба, а уменьшению действительной стоимости серебра. Если поэтому за первые шестьдесят четыре года текущего столетия средняя денежная цена хлеба несколько понизилась сравнительно с ценой, существовавшей в течение большей части минувшего столетия, то мы должны будем точно так же объяснять это изменение не понижением его действительной стоимости, а некоторым повышением действительной стоимости серебра на европейском рынке.

Правда, высокая цена хлеба в последние десять или двенадцать лет вызвала подозрение, что действительная стоимость серебра все еще продолжает падать на европейском рынке. Но, по-видимому, эта цена хлеба является следствием чрезвычайных неурожаев, и поэтому ее следует считать не постоянным явлением, а преходящим и случайным. Урожаи в последние десять-двенадцать лет были неблагоприятны в большей части Европы, а беспорядки в Польше весьма значительно усилили недостаток хлеба во всех тех странах, которые в годы дороговизны обычно снабжались этим рынком. Столь длинный ряд неурожаев, хотя и не представляет собою обычного явления, отнюдь не может быть признан чем-то исключительным; все, кому приходилось изучать историю цен на хлеб в прежние времена, легко могут вспомнить немало примеров подобного рода. Кроме того, десять лет необычайных неурожаев не более удивительны, чем десять лет необычайных урожаев. Низкая цена хлеба с 1741 по 1750 г. (включая оба эти года) с полным правом может быть противопоставлена высокой цене его за последние восемь или десять лет. С 1741 по 1750 г. средняя цена квартера в 9 бушелей пшеницы высшего сорта на виндзорском рынке достигала, как явствует из счетов Итонского колледжа, лишь 1 ф. 13

<sup>145</sup> Автором этой книги был Герберт (Herbert). См. примечание № 138. (Прим. ред.)

шилл. 9 4/5 п., что почти на 6 шилл. 3 п. ниже средней цены первых шестидесяти четырех лет текущего столетия. Согласно этим данным, средняя цена квартера в 8 бушелей пшеницы среднего качества равна для этих лет только 1 ф. 6 шилл. 8 п.

Однако между 1741 и 1750 гг. премия должна была предотвратить понижение цены хлеба на внутреннем рынке в той степени, в какой это произошло бы при естественном ходе вещей. В течение этих десяти лет, согласно записям таможи, количество вывезенного хлеба всех видов достигало не менее 8 029 156 кварталов. Премия, выплаченная за это количество, достигала 1 514 962 ф. 17 шилл. 4 1/2 п. И в 1749 г. Пельгэм, бывший в то время первым министром, заметил в палате общин, что за три предыдущих года чрезвычайно крупная сумма была выплачена в виде премии за вывоз хлеба. Он имел все основания сделать это замечание, а в следующем году – еще больше того. За один только этот год выплаченная премия достигала не менее 324 176 ф. 10 шилл. 6 п. Нет нужды указывать, как значительно такой форсированный вывоз должен был повышать цену хлеба сравнительно с тем, какова она была бы на внутреннем рынке в иных условиях.

В конце таблицы цен, приложенной к настоящей главе, читатель увидит отдельную таблицу, относящуюся к этим десяти годам. Он найдет также отдельную таблицу для десяти предыдущих лет, для которых средняя цена тоже ниже, хотя и не настолько ниже, общей средней цены за первые шестьдесят четыре года этого столетия. Впрочем, 1740 г. был годом сильнейшего неурожая. Двадцать лет, предшествовавшие 1750 г., вполне могут быть противопоставлены двадцати годам, предшествовавшим 1770 г. Подобно тому как в первое двадцатилетие цены стояли намного ниже средней за все столетие, несмотря на один или два года дороговизны, так и во второе цены стояли много выше средней, несмотря на один или два года дешевизны, как, например, 1759 г. И если в первом случае цены стояли не настолько ниже общей средней, насколько они стояли выше такой средней во втором случае, то мы должны приписать это, вероятно, существованию премии. Перелом в ценах был, очевидно, слишком внезапен, чтобы его можно было приписывать изменению стоимости серебра, всегда медленному и постепенному. Внезапность и резкость результата может быть объяснена только такой причиной, которая и сама действует внезапно, а именно случайными колебаниями урожая.

Правда, денежная цена труда в Великобритании повышалась в течение настоящего столетия. Однако это, по-видимому, являлось следствием не столько какого-либо уменьшения стоимости серебра на европейском рынке, сколько увеличения спроса на труд в Великобритании, порождаемого значительным и почти всеобщим процветанием страны. Во Франции, стране, далеко не пользующейся таким благосостоянием, с середины последнего столетия наблюдается постепенное понижение денежной цены труда вместе с понижением средней денежной цены хлеба. Как в прошлом, так и в настоящем столетии поденная плата чернорабочего, как утверждают, почти все время держалась на уровне 1/20 средней цены сете пшеницы, меры, содержащей несколько больше 4 винчестерских бушелей. В Великобритании, как было уже указано, действительное вознаграждение за труд, действительное количество предметов необходимости и удобства, которые получает рабочий, значительно возросло в течение настоящего столетия. Повышение денежной цены труда, по-видимому, является следствием не уменьшения стоимости серебра на европейском рынке, но повышения действительной цены труда специально на английском рынке, обусловленного особо благоприятными условиями этой страны.

В течение некоторого времени после открытия Америки серебро продолжало продаваться по своей прежней или незначительно пониженной цене. Прибыли с рудников некоторое время были очень велики и значительно превышали их естественную норму. Но лица, ввозившие серебро в Европу, однако, скоро должны были убедиться, что весь годичный ввоз не может быть продан по столь высокой цене. Серебро постепенно стало вымениваться на все меньшее и меньшее количество товаров. Его цена постепенно падала все ниже и ниже, пока не достигла своего естественного уровня, или той суммы, которая необходима для уплаты, согласно их

естественным нормам, заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты, подлежащих оплате для того, чтобы доставить серебро из рудника на рынок. В большей части рудников Перу пошлина короля Испании, достигающая десятой части валового продукта, поглощает, как было уже указано, всю земельную ренту. Пошлина эта первоначально достигала половины, потом понизилась до  $1/3$ , затем до  $1/5$  и, наконец, до  $1/10$  валовой добычи, эта норма существует в настоящее время. В большинстве серебряных рудников Перу, по-видимому, это все, что остается после возмещения капитала предпринимателя и оплаты его обычной прибыли; вообще, всеми признается, что эта прибыль, бывшая прежде очень высокой, в настоящее время не превышает минимума, при котором еще возможна дальнейшая разработка рудников.

Пошлина в пользу испанского короля была понижена до  $1/5$  зарегистрированного серебра в 1504 г.,<sup>146</sup> т. е. за 41 год до 1545 г., когда были открыты рудники Потози. За девяносто лет, т. е. почти до 1636 г., эти рудники, самые богатые во всей Америке, имели достаточно времени для того, чтобы в полной мере оказать свое действие или привести к такому понижению стоимости серебра на европейском рынке, которое только было возможно при продолжающемся взимании пошлины в пользу испанского короля. Девяносто лет – период, вполне достаточный для того, чтобы довести цену любого товара, не являющегося монопольным, до естественной его цены или до минимальной, по которой он может вообще продаваться сколько-нибудь продолжительное время при уплате специальной пошлины.

Возможно, что цена серебра на европейском рынке могла бы упасть еще ниже, вследствие чего стало бы необходимым или понизить пошлину на него не только до  $1/10$ , как это было сделано в 1736 г., но и до  $1/12$ , как это было сделано с золотом, или же приостановить разработку большей части американских рудников, ныне разрабатываемых. Постепенное возрастание спроса на серебро или постепенное расширение рынка сбыта для продукта американских серебряных рудников является, вероятно, той причиной, которая предотвратила это и не только поддерживала на прежнем уровне стоимость серебра на европейском рынке, но даже, может быть, несколько повысила ее сравнительно со стоимостью его в середине последнего столетия.

Со времени первоначального открытия Америки рынок сбыта для продукта ее серебряных рудников постепенно все более и более расширялся.

I. Европейский рынок постепенно все более и более расширялся. Со времени открытия Америки значительно повысилось благосостояние большей части Европы. Англия, Голландия, Франция и Германия, даже Швеция, Дания и Россия – все эти страны значительно прогрессировали в смысле развития земледелия и промышленности. Италия, кажется, также не регрессировала. Ее упадок предшествовал завоеванию Перу. С тех пор она несколько оправилась. Правда, предполагают, что Португалия и Испания несколько регрессировали. Но Португалия составляет лишь ничтожную часть Европы, а упадок Испании, пожалуй, не так велик, как это обычно предполагают. В начале XVI столетия Испания была очень бедной страной даже в сравнении с Францией, благосостояние которой сильно повысилось с тех пор. Всем хорошо известно замечание императора Карла V, часто путешествовавшего по обеим этим странам, что во Франции всего вдоволь, в Испании же во всем чувствуется недостаток. Возрастающая производительность европейского сельского хозяйства и промышленности неизбежно должна была требовать постепенного увеличения количества серебряной монеты, необходимой для обращения большого количества продуктов, а возрастание числа богатых людей неизбежно должно было вести за собою такое же возрастание количества их серебряной посуды и украшений.

II. Америка сама является новым рынком сбыта для продуктов ее собственных серебряных рудников, а так как ее земледелие, промышленность и население развиваются гораздо

<sup>146</sup> Solorzano. Vol. 2.

быстрее, чем в самых цветущих странах Европы, то ее спрос должен возрастать гораздо быстрее. Английские колонии вообще представляют собою новый рынок, который требует отчасти для монеты, отчасти для утвари и украшений непрерывно возрастающего притока серебра для целого материка, который до того времени совсем не предъявлял спроса на этот металл. Точно так же совсем новым рынком является и большинство испанских и португальских колоний. Новая Гренада, Юкатан, Парагвай и Бразилия до открытия их европейцами были населены дикими народами, не знавшими ни ремесел, ни земледелия. А теперь и земледелие, и ремесла уже в значительной степени развиты в этих странах. Даже Мексика и Перу, которые, правда, нельзя считать совершенно новыми рынками, предъявляют теперь, несомненно, гораздо больший спрос, чем когда бы то ни было раньше. После всех чудесных рассказов о блестящем состоянии этих стран в прежние времена всякий, кто читает историю их открытия и завоевания, сохраняя при этом трезвость суждения, увидит, что жители их гораздо более отстали в ремеслах, земледелии и торговле, чем татары в современной Украине. Даже перуанцы, наиболее цивилизованные из этих двух народов, хотя и употребляли золото и серебро для украшений, не имели никакой чеканной монеты. Вся их торговля велась посредством безденежного обмена, и в соответствии с этим у них почти не существовало разделения труда. Люди, обрабатывавшие землю, должны были сами строить себе дома, делать себе одежду, обувь, домашнюю утварь и сельскохозяйственные орудия. Небольшое число бывших у них ремесленников, как говорят, содержалось государем, знатными лицами или духовенством и было, вероятно, их слугами или рабами. Все старинные ремесла Мексики и Перу никогда не доставили ни одного своего продукта в Европу. Испанские армии, вряд ли когда-либо насчитывавшие более пятисот человек, а часто не достигавшие и половины этого числа, почти везде встречали величайшие затруднения при добывании средств существования. Голод, который эти войска, как говорят, вызывали почти везде, куда они приходили в этих странах, которые вместе с тем изображаются как весьма населенные и богатые, достаточно доказывает, что баснословные рассказы об этой населенности и высокой культуре не заслуживают большого доверия. Испанские колонии обладают правительством, во многих отношениях менее благоприятным для земледелия, роста благосостояния и населения, чем правительство английских колоний. Но они, несмотря на все это, по-видимому, развиваются быстрее, чем любая страна в Европе. При плодородной почве и хорошем климате изобилие и дешевизна земли – условия, общие всем новым колониям, – являются, по-видимому, столь большим преимуществом, что это уравнивает многие недостатки гражданского управления. Фрезьер,<sup>147</sup> посетивший Перу в 1713 г., говорит, что в Лиме насчитывается от 25 до 28 тыс. жителей. Уллоа, живший в этой стране от 1740 до 1746 г., говорит, что в ней насчитывается свыше 50 тыс. жителей. Разница в их показаниях о населенности ряда других городов Чили и Перу почти такая же; и так как у нас нет, по-видимому, никаких оснований сомневаться в осведомленности их обоих, то это говорит о росте населения, который вряд ли меньше, нежели в английских колониях. Таким образом, Америка представляет собою новый рынок для продукта ее собственных серебряных рудников, спрос на который должен возрастать быстрее, чем в большинстве самых цветущих стран Европы.

III. Ост-Индия<sup>148</sup> также является рынком для продукта серебряных рудников Америки, и притом рынком, который со времени открытия этих рудников постоянно поглощал все большее количество серебра. С того времени постоянно возрастала непосредственная торговля между Америкой и Ост-Индией, ведущаяся водным путем через Акапулько, а косвенные сношения через Европу возрастали в еще большей степени. В течение XVI столетия португальцы были единственным народом Европы, который вел регулярную торговлю с Ост-Индией. В

<sup>147</sup> *Frezier. Voyage de la Mer du Sud. Vol. II, p. 379.*

<sup>148</sup> Во времена Смита Ост-Индией назывались не только Индостан и Индокитай, но все страны и острова, расположенные к востоку от реки Инда. (Прим. ред.)

последние годы столетия голландцы начали пробивать брешь в этой монополии и в течение короткого времени вытеснили их из главных поселений Индии. В течение большей части минувшего столетия эти два народа делили между собою главнейшую часть ост-индской торговли, причем торговля голландцев возрастала в большей степени, чем падала торговля португальцев. Англичане и французы вели в истекшем столетии некоторую торговлю с Индией, но она значительно возросла только в течение настоящего века. Ост-индская торговля шведов и датчан возникла в течение настоящего столетия. Даже русские ведут ныне регулярную торговлю с Китаем посредством караванов, которые идут сухим путем через Сибирь и Татарию в Пекин. Ост-индская торговля всех этих народов, если не считать торговлю французов, которую последняя война почти совершенно уничтожила, возрастала почти непрерывно. Возрастающее потребление произведений Ост-Индии в Европе, по-видимому, так велико, что все эти нации увеличивают свою торговлю с этой страной. Чай, например, являлся напитком, весьма мало употреблявшимся в Европе до половины истекшего столетия. В настоящее время стоимость чая, ежегодно ввозимого Английской ост-индской компанией для потребления одних только англичан, превышает полтора миллиона фунтов стерлингов в год; но, кроме того, еще большее количество постоянно ввозится в страну контрабандой из портов Голландии, из Гетеборга в Швеции, а также с берегов Франции, пока там процветает Французская ост-индская компания. Потребление китайского фарфора, пряностей с Молуккских островов, бенгальских материй и бесчисленного количества других предметов возросло почти в таких же размерах. В соответствии с этим общий тоннаж всех европейских судов, занятых в ост-индской торговле, в любой момент прошлого столетия был, пожалуй, немногим больше тоннажа Английской ост-индской компании до последнего сокращения числа ее судов.

Но стоимость драгоценных металлов в Ост-Индии, а в особенности в Китае и Индостане, когда европейцы впервые начали торговать с этими странами, была гораздо выше, чем в Европе; и в настоящее время она продолжает быть выше. В странах, возделывающих рис, который обыкновенно дает две, а иногда и три жатвы в год, причем каждая более обильна, чем жатва какого-либо другого зернового хлеба, обилие пищи должно быть гораздо более значительно, чем в любой стране таких же размеров, возделывающей хлеб. Такие страны ввиду этого отличаются более густым населением. В этих странах богатые люди, располагая гораздо большим избытком пищи, сверх того, что могут сами потребить, имеют средства для покупки гораздо большего количества труда других людей. Поэтому двор вельможи в Китае или Индостане, согласно всем сообщениям, гораздо более многочисленный и блестящий, чем дома самых богатых людей в Европе. Тот же самый избыток пищи позволяет им отдавать большее количество ее за все те особенные и редкие произведения, которые природа доставляет лишь в небольших количествах, как, например, драгоценные металлы и камни, составляющие главный предмет соревнования богатых. Поэтому, если бы рудники, снабжавшие индийский рынок, были столь же изобильны, как и рудники, снабжавшие европейский рынок, драгоценные металлы должны были бы, естественно, обмениваться на большее количество пищи в Индии, чем в Европе. Рудники, снабжавшие индийский рынок драгоценными металлами, были, по-видимому, менее, а снабжавшие драгоценными камнями гораздо более богаты, чем рудники, снабжавшие европейский рынок. Ввиду этого драгоценные металлы, естественно, вымениваются в Индии на несколько большее количество драгоценных камней и на гораздо большее количество пищи, чем в Европе. Денежная цена бриллиантов, наиболее дорогого предмета роскоши, должна быть несколько ниже, а денежная цена пищи, самого главного предмета необходимости, значительно ниже в Индии, чем в Европе. Но, как уже замечено, действительная цена труда, действительное количество предметов существования, предоставляемое работнику в Китае и Индостане – двух крупнейших рынках Индии, меньше, чем в большей части Европы. На заработную плату работника там можно купить меньшее количество пищи, а так как денежная цена пищи в Индии гораздо ниже, чем в Европе, то и денежная цена заработной платы



там ниже по двум причинам: ввиду меньшего количества пищи, которое можно приобрести на нее, и из-за дешевизны этой пищи. В странах, обладающих одинаково развитыми ремеслами и промышленностью, денежная цена большей части промышленных изделий пропорциональна денежной цене труда; а в отношении развития ремесел и промышленности Китай и Индостан хотя и уступают, но ненамного любой части Европы. Денежная цена большей части промышленных изделий поэтому, естественно, будет значительно ниже в этих обширных государствах, чем в любой европейской стране. Кроме того, в большей части Европы расходы по сухопутной перевозке весьма значительно увеличивают как действительную, так и номинальную цену большинства промышленных изделий. Приходится затрачивать больше труда, а следовательно, и больше денег на то, чтобы доставить сперва материалы, а потом изготовленный продукт на рынок. В Китае и Индостане обилие и разнообразие внутренних водных сообщений сберегают значительную часть этого труда, а следовательно, и этих денег и, таким образом, еще больше понижают действительную и номинальную цену большинства промышленных изделий. В силу всех этих причин драгоценные металлы представляют собою товар, который всегда было выгодно и до сих пор еще чрезвычайно выгодно привозить из Европы в Индию. Вряд ли найдется другой товар, который продавался бы там по лучшей цене или по сравнению с количеством труда и товаров, которое он стоит в Европе, мог бы обмениваться на большее количество труда или товаров в Индии. При этом выгоднее привозить серебро, чем золото, так как в Китае и большей части других рынков в Индии соотношение между чистым серебром и чистым золотом равняется десяти или, самое большее, двенадцати к одному, тогда как в Европе оно достигает четырнадцати или пятнадцати к одному. В Китае и большей части других рынков Индии десять или, самое большее, двенадцать унций серебра вымениваются на одну унцию золота, в Европе для этого требуется от четырнадцати до пятнадцати унций. Ввиду этого в составе груза большей части европейских судов, отплывающих в Индию, серебро занимало одно из первых мест. Оно составляет главный груз кораблей, направляющихся из Акапулько в Манилу. Серебро нового континента является, таким образом, по-видимому, одним из главных товаров, посредством которых ведется торговля между двумя крайними пунктами старого света, и в значительной мере посредством него связываются между собою эти отдаленные части света.

Для того чтобы снабжать столь обширный рынок, количество серебра, ежегодно доставляемого из рудников, должно быть не только достаточно для обеспечения постоянного возрастания спроса на монету и утварь, которое вызывается во всех странах ростом благосостояния, но и для возмещения того постоянного снашивания и потребления серебра, какое имеет место во всех странах, пользующихся этим металлом.

Постоянная потеря драгоценных металлов, которая в монете обусловливается снашиванием, а в утвари снашиванием и чисткой, весьма значительна, и для товаров, употребление которых столь широко распространено, сама по себе должна требовать ежегодно весьма значительного пополнения. Потребление этих металлов в некоторых специальных производствах, будучи в целом, может быть, и не больше указанного постепенного потребления их, все же гораздо чувствительнее, так как оно происходит гораздо быстрее. В предприятиях одного лишь Бирмингема количество золота и серебра, которое ежегодно употребляется на золочение и изготовление накладных изделий и потому не может уже опять принять форму этих металлов, превышает 50 тыс. ф. ст. Это дает нам некоторое представление о том, как велико должно быть ежегодное потребление во всех частях света как в производствах, подобных бирмингемскому, так и при изготовлении позументов, галунов, парчовых золотых и серебряных тканей, при золочении книг, позолоте мебели и пр. Точно так же значительное количество должно утрачиваться ежегодно при перевозке этих металлов из одного места в другое по морю и суше. Кроме того, в большей части азиатских государств почти повсеместный обычай зарывать в

землю в горшках сокровища вызывает потерю еще большего количества, так как часто после смерти лица, зарывшего клад, местонахождение последнего неизвестно.

Количество серебра и золота, ввозимых в Кадис и Лиссабон (считая не только зарегистрированное, но и предполагаемый контрабандный ввоз), достигает, согласно наиболее верным подсчетам, около 6 млн. ф. ст. ежегодно.

Согласно г. Медженсу,<sup>149</sup> ежегодный ввоз драгоценных металлов в Испанию в среднем за шесть лет, а именно с 1748 по 1753 г., и в Португалию в среднем за семь лет, а именно с 1747 по 1753 г., достигал для серебра по весу 1 101 107 фунтов, а для золота – 49 940 фунтов. Считая серебро по 62 шилл. за тройский фунт, получаем для серебра 3 413 431 ф. ст. 10 шилл. Для золота, считая по 44 1/2 гинеи за тройский фунт, получаем 2 333 446 ф. ст. 14 шилл. Общий итог достигает 5 746 878 ф. ст. 4 шилл. Медженс утверждает, что цифра регистрируемого ввоза вполне точна. Он приводит нам подобные сведения об отдельных пунктах, откуда привозятся золото и серебро, и о количествах того и другого металла, привозимых, согласно регистру, из каждого пункта. Он также принимает во внимание количество каждого металла, ввозимого, по его предположению, контрабандой. Большой опыт этого дельного купца придает его мнению значительный вес.

Согласно красноречивому и в некоторых отношениях хорошо осведомленному автору «Философской и политической истории поселения европейцев в обеих Индиях»,<sup>150</sup> ежегодный ввоз зарегистрированного золота и серебра в Испанию в среднем за 11 лет, а именно с 1754 по 1764 г., достигал 13 984 185 3/5 пиастра (в десять реалов).<sup>151</sup> Прибавляя возможный ежегодный ввоз контрабандой, он полагает, что ежегодный ввоз мог достигать 17 миллионов пиастров, что при 4 шилл. 6 п. за пиастр составляет 3 825 000 ф. ст. Он приводит также данные об отдельных пунктах, откуда привозилось золото и серебро, и о количествах обоих металлов, доставлявшихся, согласно регистрам, из каждого отдельного пункта. Он сообщает нам также,<sup>152</sup> что если судить о количестве ежегодно ввозимого из Бразилии в Лиссабон золота по сумме пошлины, уплачиваемой португальскому королю и достигающей одной пятой чистого металла, то мы можем оценить его в 18 млн крузадо или 45 млн французских ливров, что составляет около 2 млн ф. ст. Имея в виду контрабандный ввоз, мы можем смело добавить к этой сумме восьмую часть, или 250 тыс. ф., так что весь ввоз выразится в сумме 2 250 тыс. ф. Таким образом, согласно этим данным, ежегодный ввоз драгоценных металлов в Испанию и Португалию вместе достигает приблизительно 6 075 тыс. ф. ст.

Некоторые другие весьма достоверные, хотя и рукописные, подсчеты, как уверяли меня, сходятся в определении размера этого ежегодного ввоза в среднем приблизительно в 6 млн ф. ст., иногда несколько больше, иногда несколько меньше.

Правда, ежегодный ввоз драгоценных металлов в Кадис и Лиссабон не представляет собою всей ежегодной продукции рудников Америки. Некоторая часть ее ежегодно отправляется на судах через Акапулько в Манилу; некоторая часть составляет предмет контрабандной торговли, которую ведут испанские колонии с колониями других европейских народов, а некоторая часть, несомненно, остается в самой стране. Помимо того, рудники Америки отнюдь не являются единственными золотыми и серебряными рудниками в мире, хотя они и значительно богаче других. По общепризнанному мнению, продукция всех других известных нам рудников

<sup>149</sup> Добавление к «Всемирному купцу», стр. 15 и 16. Это добавление было напечатано лишь в 1756 г., спустя три года после напечатания самой книги, не имевшей второго издания. Добавление поэтому можно встретить лишь в немногих экземплярах; оно исправляет многие ошибки, имеющиеся в книге. (Прим. ред.)

<sup>150</sup> Автором этого сочинения был известный аббат Рейналь: *Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*, 1770. Второе издание вышло в 1780 г. (Прим. ред.)

<sup>151</sup> См. Рейналь. кн. VIII, § 42 первого издания; автор исключил эти подробности из второго издания своего сочинения, вышедшего в 1780 г. (Прим. ред.)

<sup>152</sup> См. Рейналь. кн. IX, § 54 первого издания. В издании 1780 г. это вычисление дано в сокращенном виде. См. это издание, кн. IX, § 23. (Прим. ред.)

незначительна в сравнении с добычей американских, и значительно большая часть их добычи, как это тоже общепризнано, ввозится ежегодно в Кадис и Лиссабон. Но потребление одного лишь Бирмингема, составляющее 50 тыс. ф. в год, равняется уже одной сто двадцатой части этого ежегодного ввоза в 6 млн. Ввиду этого все ежегодное потребление золота и серебра во всех различных странах мира, где эти металлы употребляются, может, пожалуй, достигать приблизительно всей годичной добычи. Остаток может быть не больше, чем достаточно для удовлетворения возрастающего спроса стран, в которых растет благосостояние. Возможно даже, что его не хватает для удовлетворения этого спроса, что может несколько повысить цену этих металлов на европейском рынке.

Количество меди и железа, ежегодно доставляемое из рудников на рынок, несравненно больше количества золота и серебра. Мы, однако, не воображаем на основании этого, что эти грубые металлы доставляются в количестве, превышающем имеющийся на них спрос, или что они постепенно становятся все дешевле и дешевле. Почему же мы должны считать, что это происходит с драгоценными металлами? Правда, грубые металлы, хотя и более прочны, подвергаются гораздо более грубому употреблению, а так как они обладают гораздо меньшей стоимостью, то к их сохранению относятся с меньшей заботой. Тем не менее драгоценные металлы отнюдь не обязательно в большей степени бессмертны, чем они, но тоже подвержены утрате, снашиванию и потреблению самыми различными способами.

Цена всех металлов, хотя и подверженная медленным и постепенным колебаниям, меньше изменяется из года в год, чем цена почти всех других сырых продуктов земли, а цена драгоценных металлов еще менее подвержена внезапным колебаниям, чем цена грубых металлов. В основе такой необычайной устойчивости их цены лежит малая изнашиваемость. Хлеб, доставленный на рынок в прошлом году, почти весь уже потреблен задолго до истечения настоящего года. Но некоторая часть железа, извлеченного из рудников двести или триста лет тому назад, может все еще находиться в употреблении, точно так же, как, может быть, и некоторая часть золота, добытого две или три тысячи лет тому назад. Различные количества хлеба, которые в различные годы служат для мирового потребления, всегда более или менее пропорциональны соответственной продукции этих лет. Но соотношение между различными количествами железа, находящимися в употреблении в два различных года, весьма мало изменяется в зависимости от случайной разницы в продукции рудников за эти два года. А соотношение между количествами золота испытывает еще меньшее влияние от колебаний добычи золотых рудников. Поэтому, хотя добыча большей части металлических рудников колеблется, может быть, гораздо больше из года в год, чем продукция большей части хлебных полей, эти колебания не оказывают такого же влияния на цену товаров первого рода, как на цену товаров второго рода.

### **Колебания в соотношении между стоимостью золота и серебра**

До открытия американских рудников соотношение стоимости чистого золота к стоимости чистого серебра регулировалось на различных монетных дворах Европы в размере от одного к десяти до одного к двенадцати, т. е. предполагалось, что одна унция чистого золота стоит от десяти до двенадцати унций серебра. Около середины истекшего столетия оно было определено в пределах от одного к четырнадцати до одного к пятнадцати, т. е. унция чистого золота предполагалась уже равной от четырнадцати до пятнадцати унций чистого серебра. Золото повысилось в своей номинальной стоимости, или за него стали давать большее количество серебра. Оба металла понизились в своей действительной стоимости, или могли уже приобретать меньшее количество труда; серебро, однако, понизилось в стоимости больше, чем золото. Хотя как золотые, так и серебряные рудники Америки превосходили своим обилием

все известные до тех пор рудники, богатство серебряных, по-видимому, было сравнительно меньше, чем золотых рудников.

Большие количества серебра, привозимые ежегодно из Европы в Индию, постепенно понизили в некоторых английских поселениях в этой стране стоимость этого металла в сравнении со стоимостью золота. На монетном дворе в Калькутте унция чистого золота принималась равной по стоимости пятнадцати унциям серебра, как это было и в Европе. Но на монетном дворе золото оценивается, быть может, слишком высоко сравнительно со стоимостью, какую оно имеет на бенгальском рынке. В Китае соотношение между золотом и серебром продолжает держаться на отношении одного к десяти или одного к двенадцати. В Японии оно, как говорят, составляет один к восьми.

Соотношение между количествами золота и серебра, ежегодно ввозимыми в Европу, согласно сообщению г. Медженса, равняется приблизительно одному к двадцати двум, т. е. на одну унцию золота туда ввозится несколько больше двадцати двух унций серебра. Большое количество серебра, ежегодно отправляемого в Ост-Индию, уменьшает, как он думает, количество этих металлов, остающееся в Европе, доводя их соотношение до одного к четырнадцати или пятнадцати, что соответствует соотношению их стоимостей. Соотношение между их стоимостями, по его мнению, должно обязательно быть равно соотношению между их количествами; оно равнялось бы поэтому одному к двадцати двум, если бы не имел места этот большой вывоз серебра.

Но обычное соотношение между соответственными стоимостями двух товаров отнюдь не равняется обязательно соотношению между количествами их, находящимися обычно на рынке. Цена быка, определяемая в десять гиней, приблизительно в 60 раз больше цены теленка, определяемой в 3 шилл. 6 п. Однако нелепо было бы заключать отсюда, что на рынке обычно имеется 60 телят на одного быка; но столь же нелепо было бы, исходя из того факта, что унция золота обычно стоит от четырнадцати до пятнадцати унций серебра, заключать, что на рынке обычно имеется только четырнадцать или пятнадцать унций серебра на одну унцию золота.

Количество серебра, обычно находящегося на рынке, вероятно, гораздо значительно больше количества золота, и притом вне всякого соответствия с соотношением стоимости определенного количества золота к стоимости такого же количества серебра. Общее количество дешевого товара, выносимого на рынок, обыкновенно не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество дорогого товара. Все количество хлеба, ежегодно доставляемого на рынок, не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество мяса, а все количество мяса, доставляемого на рынок, не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем общее количество домашней птицы, последнее же не только больше, но и обладает большей стоимостью, чем все количество дичи. Число покупателей дешевого товара настолько превышает число покупателей дорогого, что обыкновенно можно продать не только большее количество его, но и реализовать большую стоимость. Поэтому все количество дешевого товара должно обычно превышать все количество дорогого товара в большей степени, чем стоимость дорогого товара превышает стоимость такого же количества дешевого. Если сравнивать между собой драгоценные металлы, то серебро будет дешевым товаром, а золото – дорогим. Мы поэтому, естественно, должны ожидать, что серебро на рынке всегда превышает золото не только по своему количеству, но и по своей стоимости. Пусть кто-нибудь, обладающий небольшим количеством того и другого, сравнит имеющиеся у него серебряные и золотые вещи, и он, вероятно, найдет, что не только по количеству, но и по стоимости первые значительно превосходят последние. Кроме того, многие люди обладают серебряной посудой, не имея золотых вещей; последние даже у тех, кто имеет их, ограничиваются обыкновенно часами, табакерками и тому подобными мелкими вещами, которые, в общей сложности, редко представляют собою сколько-нибудь значительную стоимость. Правда, в британской монете золото по своей стоимости значительно перевешивает серебро, но не так обстоит дело во всех

странах. В денежном обращении некоторых стран стоимость обоих металлов почти одинакова. В Шотландии, до соединения с Англией, золотая монета весьма мало перевешивала,<sup>153</sup> хотя это и имело место, как явствует из отчетов монетного двора. В денежном обращении многих стран перевешивает серебро. Во Франции крупнейшие суммы обычно выплачиваются этим металлом, там трудно получить больше золота, чем можно носить с собой в кармане. Однако большая стоимость серебряной утвари сравнительно с золотой, замечаясь во всех странах, более чем уравнивает преобладание золотой монеты сравнительно с серебряной, которое имеет место лишь в некоторых странах.

Хотя в одном смысле этого слова серебро всегда было и, вероятно, всегда будет дешевле золота, однако в другом смысле золото при современном состоянии испанского рынка может быть признано, пожалуй, несколько более дешевым, чем серебро. Товар можно признавать дорогим или дешевым не только в зависимости от большей или меньшей абсолютной величины его обычной цены, но и в зависимости от того, стоит ли эта цена значительно выше или ниже самой низкой цены, при которой возможно доставлять его на рынок в течение сколько-нибудь продолжительного времени. Эта низшая цена представляет собою цену, которая лишь возмещает с умеренной прибылью капитал, затрачиваемый на доставку товара на рынок. Цена эта не дает ничего землевладельцу, рента не входит в нее какой-либо составной частью, она целиком распадается на заработную плату и прибыль. Но при современном состоянии испанского рынка золото, несомненно, несколько ближе к самой низкой цене, чем серебро. Пошлина испанского короля на золото составляет лишь одну двадцатую часть чистого металла, или пять процентов, тогда как его пошлина на серебро достигает одной десятой части его, или десяти процентов. В этих пошлинах, как было уже замечено, содержится вся рента большей части золотых и серебряных рудников испанской Америки; и пошлина с золота увеличивается еще хуже, чем с серебра. Прибыли предпринимателей золотых рудников, которые реже составляют себе состояние, должны быть так же, как общее правило, более умеренны, чем прибыли предпринимателей серебряных рудников. Поэтому цена испанского золота, которое приносит меньшую ренту и меньшую прибыль, должна быть на испанском рынке несколько ближе к низшей цене, по которой его возможно доставить туда, чем цена испанского серебра. Если принять во внимание все издержки, то окажется, что все количество первого металла не может быть продано на испанском рынке с такою же выгодой, как все количество последнего металла. Правда, пошлина португальского короля с бразильского золота равна прежней пошлине испанского короля с мексиканского и перуанского серебра, а именно равняется одной пятой части чистого металла. Поэтому трудно судить, поступает ли на общий европейский рынок вся масса американского золота по цене, которая по сравнению с ценою американского серебра более приближается к той низшей цене, по которой возможно доставлять его на этот рынок.

Цена бриллиантов и других драгоценных камней, может быть, еще более приближается к низшей цене, по которой возможно доставлять их на рынок, чем даже цена золота.

Хотя и не очень вероятно, чтобы какая-либо доля пошлины с серебра, которая взимается с него как с одного из наиболее подходящих для обложения и составляющего исключительно предмет роскоши и притом еще приносит столь значительный доход, была отменена до тех пор, пока еще возможно платить ее, однако невозможность уплачивать ее, которая в 1736 г. сделала необходимым уменьшение ее с одной пятой до одной десятой, может сделать необходимым и дальнейшее ее уменьшение, как уже оказалось необходимым уменьшение пошлины с золота до одной двадцатой. Все, кто изучал состояние серебряных рудников испанской Америки, признают, что, подобно всем другим рудникам, они требуют при разработке все больших

<sup>153</sup> См. предисловие Руддима к *Diplomata etc. Scotiae*. (Сборник шотландских постановлений Андерсона. – *Прим. науч. ред.*)

издержек из-за большой глубины, на которой приходится вести работу, и более значительных расходов на откачку воды и обеспечение их притоком свежего воздуха на такой глубине.

Эти причины, равносильные растущему недостатку серебра (ибо можно сказать, что, если добывание определенного количества товара становится более трудным и сопряженным с большими расходами, товар этот становится более редким), должны со временем привести к одному из трех следующих результатов. Возрастание издержек должно, во-первых, или полностью компенсироваться пропорциональным повышением цены металла, или, во-вторых, полностью компенсироваться пропорциональным уменьшением пошлины с серебра, или, в-третьих, компенсироваться частью одним, частью другим из этих двух способов. Этот последний исход весьма возможен. Как золото возросло в цене по сравнению с серебром, несмотря на значительное уменьшение пошлины, так и серебро может повышаться в цене по сравнению с трудом и товарами, несмотря на такое же уменьшение пошлины с серебра.

Подобные последовательные понижения пошлины хотя и не могут совершенно предотвратить, однако должны, несомненно, более или менее задержать повышение стоимости серебра на европейском рынке. Благодаря такому понижению пошлины могут начать действовать многие рудники, которые не могли разрабатываться ранее, так как они не были в состоянии оплачивать прежнюю пошлину, и количество серебра, ежегодно доставляемого на рынок, станет несколько больше, а стоимость данного количества его поэтому несколько меньше, чем это было бы в противном случае. Вследствие уменьшения пошлины в 1736 г. стоимость серебра на европейском рынке – хотя она в настоящее время, вероятно, не ниже, чем была до этого уменьшения, – все же по меньшей мере на десять процентов ниже, чем она была бы, если бы испанское правительство продолжало взимать прежнюю пошлину.

Факты и соображения, приведенные мною выше, побуждают меня думать или, вернее, подозревать и предполагать, что, несмотря на это уменьшение пошлины, стоимость серебра в течение настоящего столетия начала несколько повышаться на европейском рынке. Действительно, самое добросовестное суждение, какое я могу составить себе относительно этого вопроса, вряд ли заслуживает имени прочного убеждения. В самом деле, повышение это, если допускать, что оно вообще имело место, было до сих пор настолько незначительно, что после всего сказанного многим может показаться вообще сомнительным, произошло ли это на самом деле и что не случилось ли нечто обратное, т. е. не продолжает ли стоимость серебра на европейском рынке понижаться и по сию пору.

Следует, однако, заметить, что, каков бы ни был предполагаемый ежегодный ввоз золота и серебра, должен быть такой период, когда ежегодное потребление этих металлов будет равняться этому ежегодному ввозу. Их потребление возрастает с возрастанием их общей массы или, вернее, в еще большей пропорции. По мере возрастания их массы уменьшается их стоимость. Их больше употребляют в дело, меньше берегут, и в результате этого потребление их возрастает в большей степени, чем общая масса. Поэтому по истечении определенного периода ежегодное потребление этих металлов должно, таким образом, сравняться с ежегодным ввозом при том условии, что ввоз этот не возрастает постоянно; мы не предполагаем, что последнее имеет место в настоящее время.

Если при ежегодном потреблении, сравниваемом с ежегодным ввозом, последний постепенно уменьшается, то ежегодное потребление может в течение некоторого времени превышать ежегодный ввоз. Масса этих металлов может постепенно и незаметно уменьшаться, а их стоимость постепенно и незаметно повышаться до тех пор, пока ежегодный ввоз опять не достигнет стационарного состояния и ежегодное потребление постепенно и незаметно приспособится к той норме, которая соответствует такому ежегодному ввозу.

## **Основания, позволяющие предполагать, что стоимость серебра продолжает уменьшаться**

Возрастание богатства Европы и широко распространенный взгляд, что количество драгоценных металлов, естественно, увеличивается с ростом богатства, а их стоимость уменьшается с увеличением их количества, могут, пожалуй, вызвать общераспространенное мнение, будто стоимость благородных металлов все еще продолжает понижаться на европейском рынке, а продолжающееся повышение цен многих сырых продуктов земли может укреплять подобное мнение.

Я уже пытался показать, что такое увеличение количества драгоценных металлов, происходящее во всякой стране при возрастании богатства, не имеет тенденции уменьшать их стоимость. Золото и серебро, естественно, притекают в богатую страну по той же самой причине, по которой туда притекают всякого рода предметы роскоши и утонченности, – не потому, что они дешевле там, чем в более бедных странах, а потому, что они дороже. Их привлекает более высокая цена, и как только этот более высокий уровень цены исчезает, они неизбежно перестают притекать туда.

Я уже пытался показать, что, за исключением хлеба и других растений, разводимых человеческим трудом, все другие виды сырых продуктов – скот, птица, всякого рода дичь, полезные ископаемые и металлы – становятся, естественно, дороже по мере возрастания богатства и культуры общества. Хотя, таким образом, подобные товары начинают обмениваться на большие количества серебра, чем раньше, отсюда отнюдь не следует, что серебро действительно стало дешевле или обменивается на меньшее количество труда, чем до сих пор; отсюда лишь следует, что эти товары в действительности стали дороже или вымениваются на большее количество труда, чем раньше. С развитием культуры повышается не только их номинальная цена, но и реальная. Повышение номинальной цены этих товаров является следствием не какого-либо понижения стоимости серебра, а повышения их действительной цены.

## **Различные последствия развития культуры для трех видов сырых продуктов**

Различные виды сырых продуктов могут быть подразделены на три разряда. Первый включает те продукты, количество которых человеческий труд вообще вряд ли в состоянии увеличить. Второй включает такие, количество которых он в состоянии увеличивать соответственно спросу. Третий включает такие, по отношению к которым способность человеческого труда увеличивать их количество ограничена или неопределенна. По мере развития богатства и культуры действительная цена первых может возрастать до чрезвычайной высоты и, по-видимому, не ограничена никакими пределами. Действительная цена вторых хотя и может значительно повышаться, ограничена определенными пределами, перейти которые она не может на сколько-нибудь продолжительное время. Действительная цена третьих, при естественной тенденции повышаться по мере роста богатства, все же может на данной ступени развития даже понижаться, иногда оставаться неизменной, а иногда более или менее возрастать в зависимости от того, насколько те или иные обстоятельства делают более или менее успешными усилия человеческого труда увеличить этот вид сырых продуктов.

### **Первый разряд**

Первый разряд сырых продуктов, цена которых возрастает по мере роста богатства, состоит из тех продуктов, количество которых человеческий труд вообще совсем не может

увеличивать. Он состоит из таких предметов, которые природа производит только в определенных количествах и которые ввиду их нестойкости и быстрой порчи невозможно накапливать из продукта нескольких лет. Такова большая часть редких и особенно ценных птиц и рыб, различных видов дичи, почти всех видов дикой птицы, а также многие другие предметы. Когда возрастает богатство и сопровождающая его роскошь, спрос на эти предметы также возрастает, и никакие усилия человеческого труда не могут значительно увеличить предложение этих предметов сравнительно с тем, каково оно было до этого увеличения спроса. Таким образом, при неизменном количестве таких товаров и при постоянном усилении конкуренции между желающими их приобрести их цена может возрасти до любых размеров и, по-видимому, не ограничивается никакими определенными пределами. Если бы появилась такая мода на куликов, что они стали бы продаваться по двадцать гиней за штуку, то никакие усилия человеческого труда не могли бы все же значительно увеличить количество их, доставляемое на рынок, сверх того, что доставляется теперь. Этим легко объясняются высокие цены, которые платили римляне в период наивысшего расцвета за редких птиц и рыб. Цены эти были следствием не низкой стоимости серебра в то время, а высокой стоимости этих редких предметов, количество которых человеческий труд не мог увеличивать произвольно. Действительная стоимость серебра была выше в Риме в течение некоторого времени до и после падения республики, чем в большей части Европы в настоящее время. Три сестерции, или около 6 п., были ценой, уплачиваемой республикой за модий или гарнец пшеницы из Сицилии, поставляемой в счет десятины. Эта цена, впрочем, была, вероятно, несколько ниже средней рыночной цены, ибо обязательство поставлять пшеницу по такой цене считалось налогом, взимаемым с сицилийских фермеров. Поэтому, когда римлянам случалось предъявлять спрос на большее количество пшеницы, чем полагалось получить с десятины, им приходилось платить по соглашению за излишек по 4 сестерции, или по 8 п., за гарнец, и такая цена, вероятно, считалась умеренной и разумной, т. е. обычной или средней договорной ценой того времени; она равняется около 21 шилл. за квартал. 28 шилл. за квартал составляли до последних неурожайных лет обычную договорную цену английской пшеницы, которая по качеству ниже сицилийской и обыкновенно продается на европейском рынке по более низкой цене. Следовательно, стоимость серебра в те древние времена должна была относиться к современной его стоимости, как четыре к трем, т. е. за три унции серебра тогда можно было приобрести то же количество труда и товаров, что и за 4 унции в настоящее время. Когда мы поэтому читаем у Плиния,<sup>154</sup> что Сей купил для подарка императрице Агриппине белого соловья за 6 тыс. сестерций, или около 50 ф. на наши деньги, и что Азиний Целер<sup>155</sup> купил рыбу-краснобородку за 8 тыс. сестерций, или приблизительно 66 ф. 13 шилл. 4 п. на наши деньги, то, как ни поражает нас чрезмерность таких цен, они тем не менее представляются нам на треть ниже того, чем они в действительности были. Действительная цена этих предметов, количество труда и предметов существования, которые давали за них, была на одну треть выше того, что говорит нам их номинальная цена в настоящее время. Сей отдал за соловья такое количество труда и средств существования, которое в настоящее время можно приобрести за 66 ф. 13 шилл. 4 п., а Азиний Целер дал за краснобородку такое количество труда и средств существования, которое ныне можно приобрести за 88 ф. 17 шилл. 9 п. Необычайность таких высоких цен обуславливалась не столько обилием серебра, сколько обилием труда и средств существования, которыми располагали эти римляне сверх того, что было необходимо для их собственного потребления. Количество серебра, которым они располагали, было значительно меньше того, каким они могли бы в настоящее время располагать при помощи такого же количества труда и средств существования.

<sup>154</sup> Lib. X, ch. 29.<sup>155</sup> Lib. IX, ch. 17.



## Второй разряд

Второй вид сырых продуктов, цена которых повышается по мере возрастания богатства, состоит из таких продуктов, количество которых человеческий труд может увеличивать соответственно возрастанию спроса. Он состоит из тех полезных растений и животных, которые в некультурных странах природа производит в таком изобилии, что они обладают небольшой стоимостью или совсем не имеют ее, и которые по мере развития культуры вынуждены поэтому уступать место более выгодным продуктам. В течение продолжительного периода возрастания богатства количество их постоянно уменьшается, тогда как спрос на них постоянно возрастает. Ввиду этого их действительная стоимость, действительное количество труда, которое можно приобрести на них, постепенно увеличивается, пока, наконец, не становится столь высокой, чтобы сделать их столь же выгодным продуктом, как и всякий иной продукт, который может быть произведен человеческим трудом на самой плодородной и наилучшим образом обработанной земле. Когда эти продукты достигают такой высокой цены, они уже не могут становиться дороже. Если бы произошло последнее, большее количество земли и труда было бы вскоре использовано в целях увеличения количества этих продуктов.

Когда цена скота, например, так повышается, что оказывается столь же выгодным возделывать землю для получения корма для него, как и для получения пищи для людей, она уже не может более повышаться. Если бы это произошло, большее количество земли вскоре оказалось бы обращенным под пастбища. Увеличение площади пахотных земель, сокращая количество земли под природными пастбищами, уменьшает количество мяса, которое, естественно, производит страна без затраты труда и обработки земли, и увеличивает спрос на мясо, поскольку увеличивает количество тех, кто обладает хлебом, или, что то же самое, ценою хлеба для обмена на мясо. Поэтому цена мяса, а следовательно, и скота должна постепенно возрастать, пока она не станет столь высокой, чтобы стало более выгодным пользоваться наиболее плодородной и наилучше обработанной землей для получения корма скоту, чем для посева хлеба. Но расширение площади запашки в размерах, при которых цена скота поднялась бы до такого уровня, может иметь место только на позднейших стадиях развития культуры и богатства; и до тех пор, пока цена скота не достигнет такой высоты, она должна постоянно повышаться, если только страна вообще развивается. Возможно, что в некоторых частях Европы цены на скот еще не повысились до таких размеров. Они не достигли такой высоты ни в одной части Шотландии до объединения с Англией. Если бы шотландский скот не имел другого рынка сбыта, кроме шотландского, то в стране, где площадь земли, пригодной только для пастбищ, очень велика в сравнении с землями, пригодными для других целей, вряд ли было бы возможно, чтобы цена скота достигла такой высоты, при которой было бы выгодно обрабатывать землю для получения кормов. В Англии, как уже было указано, цена скота достигла, по-видимому, в окрестностях Лондона такой высоты около начала минувшего столетия, но в большей части отдаленных районов страны она достигла этого уровня, вероятно, позднее, а в некоторых из последних она вряд ли достигла его и в настоящее время. Из всех различных предметов, входящих во вторую группу сырых продуктов, скот, вероятно, является тем продуктом, цена которого раньше всего с ростом богатства достигает такой высоты.

Пока цена скота не достигнет такой высоты, представляется вряд ли возможным, чтобы полностью обрабатывалась хотя бы большая часть тех земель, которые пригодны для самой интенсивной обработки. На всех фермах, слишком отдаленных от городов, чтобы возможно было привозить оттуда удобрение, т. е. на большей части их в каждой обширной стране, количество хорошо обрабатываемой земли должно быть пропорционально количеству удобрения, производимому на самой ферме, а последнее, в свою очередь, должно быть пропорционально количеству скота, содержащегося на ней. Земля удобряется или выпасом скота на

ней, или откармливанием его в стойле и вывозом навоза оттуда на поля. Но если цена скота недостаточна для оплаты ренты и прибыли с обработанной земли, фермер не может пасти его на своей земле; тем меньше может он при таком условии кормить его в стойле. При стойловом содержании скот можно кормить только продуктом с культурной и хорошо обрабатываемой земли, ибо сбор скудного и разбросанного продукта с обширной площади неводеланной земли требовал бы слишком много труда и обходился бы слишком дорого. Если поэтому цена скота недостаточна для оплаты продукта с культурной и обрабатываемой земли, на которой он пасется, то эта цена еще в меньшей мере окажется достаточной для оплаты продукта, собираемого с затратой значительного количества добавочного труда и доставляемого скоту в стойло. Поэтому при таких условиях можно кормить в стойле с прибылью только такое количество скота, которое необходимо для вспашки полей. Но такое количество скота никогда не может дать достаточно удобрения для постоянного содержания в хорошем состоянии всех земель, которые можно при помощи этого скота обработать. Даваемое скотом удобрение, недостаточное для всей фермы, естественно, предназначается для таких земель, на которых оно может быть наиболее выгодным образом или удобнее всего использовано, т. е. на самых плодородных или, может быть, наиболее близких к усадьбе. Эти-то земли и будут постоянно содержаться в хорошем состоянии и будут пригодны для вспашки. Остальная земля, ее бо́льшая часть, будет оставаться запущенной, не давая почти ничего, кроме скудного пастбища, едва достаточного для прокормления небольшого количества блуждающего полуголодного скота; при этом ферма, хотя и обладающая гораздо меньшим количеством скота в сравнении с тем, какое было бы необходимо для обработки ее в полной мере, весьма часто будет переобременена им сравнительно с фактически производимым ею продуктом. Часть этой обширной площади, оставленной в течение шести или семи лет под выгоном, может быть снова вспахана, причем даст, может быть, одну или две скудные жатвы плохого овса или какого-либо другого грубого зерна, а затем, оказавшись совершенно истощенной, должна быть снова заброшена и отдана, как прежде, под выгон, под вспашку же должна быть взята другая часть этой площади, чтобы, в свою очередь, стать истощенной и заброшенной. Такова действительно была общая система ведения хозяйства по всей низменной части Шотландии до объединения ее с Англией. Участки, которые постоянно удобрялись и содержались в хорошем состоянии, редко превышали третью или четвертую часть всей площади фермы, а иногда не занимали и пятой или шестой части ее. Остальная площадь никогда не удобрялась, но, несмотря на это, часть ее, в свою очередь, обычно обрабатывалась и истощалась. Очевидно, что при такой системе хозяйства даже та часть земель Шотландии, которая пригодна для хорошей обработки, производила очень немного в сравнении с тем, что она в состоянии была бы дать. Хотя такая система кажется очень невыгодной, однако до объединения с Англией низкая цена скота, по-видимому, делала ее почти неизбежной. И если, несмотря на значительное возрастание цен на скот, эта система все же продолжает преобладать в значительной части страны, то это, несомненно, обусловливается во многих местах невежеством и привязанностью к старым обычаям, а в большинстве местностей – невозможностью устранить те затруднения, которые естественный ход вещей ставит немедленному или быстрому введению лучшей системы: во-первых, бедностью крестьян, тем, что они не успели еще приобрести достаточное количество скота для более полной обработки своих земель; тот же самый рост цен на скот, который делает для них выгодным держать большее количество скота, делает для них более затруднительным приобретать его; во-вторых, тем, что они не имели еще времени сделать свои земли пригодными для содержания надлежащим образом большего количества скота, даже если бы они были в состоянии приобрести его. Увеличение количества скота и улучшение земли должны идти рука об руку, одно никогда не может сильно обгонять другое. Без некоторого увеличения скота вряд ли возможно сколько-нибудь заметное улучшение земли, но не может быть и сколько-нибудь значительного увеличения количества скота без предварительного улучшения земли, ибо в противном слу-

чае земля не могла бы прокормить его. Эти естественные препятствия для введения лучшей системы могут быть устранены лишь в результате продолжительного труда и бережливости, и должно пройти не менее полустолетия или, может быть, даже целое столетие, прежде чем возможно будет во всех частях страны совершенно оставить старую систему, которая постепенно отмирает. Однако из всех коммерческих выгод, которые извлекла Шотландия из союза с Англией, величайшей является, может быть, рост цен скота. Он не только повел к увеличению стоимости всех поместий горной Шотландии, но и был, вероятно, главной причиной улучшения культуры и развития низменной части Шотландии.

Во всех новых колониях большое количество пустующих земель, которые в течение многих лет могут служить исключительно для пастбищ, скоро приводит к чрезвычайному обилию последнего, а обыкновенно следствием большого обилия неизбежно является большая дешевизна. Хотя весь скот европейских колоний в Америке был первоначально привезен из Европы, он скоро так размножился здесь и настолько понизился в цене, что даже лошадей пускали свободно пастись в лесах, причем владельцы не считали нужным заботиться об их целостности. Только спустя продолжительное время после основания подобных колоний может стать выгодным кормить скот продуктами с возделываемой земли. Те же самые причины, а именно отсутствие достаточного количества удобрений и несоответствие между размерами капитала, затрачиваемого на обработку земли, и количеством земли, пригодным для обработки, должны, по всей вероятности, привести к распространению здесь системы хозяйства, сходной с той, которая еще продолжает существовать в столь многих местах Шотландии. И действительно, шведский путешественник Кальм, описывая систему хозяйства некоторых английских колоний Северной Америки в 1749 г., замечает, что весьма трудно обнаружить здесь следы характера английского народа, столь хорошо знакомого с различными отраслями сельского хозяйства. Колонисты почти не удобряют свои хлебные поля, говорит он; когда участок земли истощается после ряда непрерывных посевов, они расчищают и обрабатывают новый, а когда истощается и этот участок, переходят к третьему. Свой скот они пускают бродить в лесах и других пустошах, где он почти помирает с голоду, ибо они давно уже уничтожили почти все однолетние травы, скашивая их слишком рано весною и не давая созреть их цветам или рассыпать свои семена.<sup>156</sup> Однолетние травы, по-видимому, были лучшими естественными травами в этой части Америки, и когда европейцы впервые поселились здесь, эти травы росли очень густо и достигали трех или четырех футов в высоту. Участок, который в то время, когда Кальм писал, не мог прокормить и одной коровы, в прежние времена, как его уверяли, давал пищу четырем коровам, причем каждая из них давала вчетверо больше молока, чем теперь. Скудость пастбищ, по его мнению, привела к вырождению скота, который значительно ухудшался с каждым поколением. Этот скот, по-видимому, мало чем отличается от той слабой породы, которая преобладала по всей Шотландии лет 30 или 40 тому назад и которая в настоящее время столь значительно улучшена в большей части низменной Шотландии, и притом не столько переменной породы, хотя и это было испробовано в некоторых местах, сколько улучшением и увеличением корма.

Таким образом, хотя и должно пройти много времени, пока скот может приобрести такую цену, чтобы сделать выгодным возделывание земли для откармливания его, тем не менее из всех различных видов сырых продуктов второго рода скот, пожалуй, первый достигает такой цены. В самом деле, пока он не достиг этой цены, представляется невозможным, чтобы сельскохозяйственная техника могла быть доведена хотя бы до той степени совершенства, какой она достигла во многих частях Европы.

Если скот раньше всего достигал указанной цены, то дичь, пожалуй, достигала этой цены в последнюю очередь. Цена дичи в Великобритании, какой бы чрезмерно высокой она ни каза-

<sup>156</sup> Кальм. Путешествие. Т. I, стр. 343, 344.

лась, далеко не достаточна для возмещения расходов по содержанию охотничьего парка, как это отлично знают все, кому приходилось заниматься разведением дичи. Если бы это было иначе, то разведение дичи сделалось бы вскоре распространенной отраслью сельского хозяйства, как это было с разведением маленьких птиц, известных под названием «turdi» у древних римлян. Варрон<sup>157</sup> и Колумелла<sup>158</sup> уверяют нас, что это было в высшей степени прибыльным делом. Как сообщают, столь же выгодно в некоторых частях Франции откармливание овсянок, перелетных птиц, прилетающих в страну совершенно тощими. Если дичь будет оставаться в моде и если богатство и роскошь в Великобритании будут возрастать так, как они возрастали в течение последнего времени, то цена ее может, вероятно, подняться еще выше.

Между периодом хозяйственного развития, когда достигает высшего предела цена такого необходимого продукта, как скот, и тем периодом, когда такой цены достигает столь излишний продукт, как дичь, протекает весьма продолжительный промежуток времени, в течение которого многие другие виды сырых продуктов постепенно достигают своей наивысшей цены – некоторые раньше, другие позднее, в зависимости от различных обстоятельств.

Так, на отбросы из амбаров и хлебов на каждой ферме содержится некоторое количество домашней птицы. И поскольку ее кормят тем, что было бы потеряно без пользы, она представляет собой чистую экономию, так как почти ничего не стоит фермеру и он может продавать ее по очень дешевой цене. Почти вся сумма, которую он выручает за нее, составляет чистый барыш, и, как ни незначительна будет цена ее, это не побудит его прекратить разведение ее. Но в странах с низким уровнем культуры, а потому слабо заселенных, домашней птицы, разводимой таким путем без всяких расходов, часто бывает вполне достаточно для удовлетворения всего наличного спроса. При таких условиях она поэтому часто стоит столько же, сколько мясо или всякая иная животная пища. Но все количество домашней птицы, которое ферма производит таким образом без всяких издержек, всегда должно быть значительно меньше общего количества мяса, которое получается на этой ферме; а при распространении богатства и роскоши то, что встречается редко, при прочих равных условиях предпочитается всегда тому, что обычно и общераспространенно. Поэтому по мере роста богатства и роскоши, обусловленного хозяйственным развитием, цена домашней птицы постепенно повышается и начинает превышать цену мяса, пока в конце концов не достигает столь высокого уровня, что становится выгодным возделывать землю для разведения и откармливания ее. И когда цена достигла такого высокого уровня, она уже не может подняться еще выше. В противном случае добавочные участки земли скоро были бы обращены на это дело. В некоторых провинциях Франции разведение домашней птицы признается весьма важной отраслью сельского хозяйства и достаточно прибыльным делом, чтобы побуждать фермера возделывать для этой цели значительное количество маиса и гречихи. Фермер, обладающий хозяйством среднего размера, имеет иногда до пятисот птиц у себя на дворе. В Англии разведение домашней птицы, по-видимому, еще не признается повсеместно столь важным делом. А между тем она там, несомненно, дороже, чем во Франции, так как Англия получает значительные количества ее из Франции. В ходе хозяйственного развития период, во время которого данный вид животной пищи достигает наивысшей цены, должен, естественно, быть периодом, непосредственно предшествующим всеобщему стремлению возделывать землю в целях производства именно этого вида пищи. В течение некоторого времени до того, как такая практика получит всеобщее распространение, недостаточность этого вида пищи необходимо должна повести к повышению его цены. Когда же производство его станет общераспространенным, обычно вводятся новые методы откармливания, которые позволяют фермеру на той же площади земли прокармливать гораздо большее количество данного вида животной пищи. И не только обилие заставляет его продавать дешевле, но и эти нововведения

<sup>157</sup> «De re rustica», lib. III, cap. 2.

<sup>158</sup> «De re rustica», lib. VIII, cap. 10, где он цитирует Варрона.

и улучшения позволяют ему делать это, ибо, если бы он не мог ввести их, изобилие не было бы длительным. Вероятно, именно по этой причине введение в употребление клевера, репы, моркови, капусты и т. п. содействовало понижению обычной цены мяса на лондонском рынке несколько ниже того уровня, на каком она держалась в начале минувшего столетия.

Свинья, которая находит себе пищу среди нечистот и жадно пожирает многое из того, что отбрасывает всякое иное полезное животное, первоначально, подобно домашней птице, содержится на отбросы хозяйства и представляет собою чистую экономию. Пока количество этих животных, которое может быть откармливаемо таким путем с незначительными издержками или совсем без них, вполне достаточно для удовлетворения спроса, этот вид мяса поступает на рынок по гораздо более низкой цене, чем любой другой вид мяса. Но когда спрос начинает превышать это количество, когда становится необходимым производить корм специально для откармливания свиней, как это приходится делать для откармливания всякого другого скота, тогда цена неизбежно повышается и делается пропорционально выше или ниже других видов мяса в зависимости от того, делает ли природа страны и состояние ее сельского хозяйства более дорогим или более дешевым откармливание свиней или других видов скота. Во Франции, согласно свидетельству Бюффона,<sup>159</sup> цена свинины почти равняется цене говядины. В большей части Великобритании она в настоящее время несколько выше.

Значительное повышение цены свиней и домашней птицы в Великобритании часто объяснялось уменьшением численности коттеров<sup>160</sup> и других мелких держателей земли – явлением, которое во всех частях Европы непосредственно предшествовало улучшению техники сельского хозяйства, но которое вместе с тем могло содействовать более быстрому и усиленному возрастанию цены этих продуктов, чем это было бы без него. Подобно тому как самая бедная семья в состоянии часто содержать кошку или собаку, не производя никаких расходов, так и беднейшие держатели земли могут обычно содержать при очень небольших издержках несколько домашних птиц или свинью и несколько поросят. Остатки и отбросы их собственной пищи, сыворотка, снятое молоко и пр. дают этим животным часть корма, а остальное они находят себе в соседних полях, не причиняя никому сколько-нибудь заметного ущерба. Ввиду этого с уменьшением количества таких мелких держателей обязательно должно значительно сократиться и количество продовольствия, производимого с ничтожными расходами или без всяких расходов, и цена его должна вследствие этого повышаться быстрее и усиленнее, чем это имело бы место без такого уменьшения. Однако раньше или позже по мере хозяйственного развития цена эта во всяком случае должна подняться до максимальной высоты, до какой только может подняться, т. е. до цены, которая оплачивает труд и издержки по обработке земли, доставляющей корм для этих животных, в таком же размере, как оплачиваются труд и издержки на большей части земель, возделываемых для других целей.

Домашнее хозяйство, как разведение свиней и домашней птицы, первоначально тоже ведется в виде побочного дела, не вызывающего специальных расходов. Скот, который по необходимости содержится на ферме, дает больше молока, чем это требуется для прокормления его потомства или для потребления семьи фермера; при этом он дает больше всего молока в определенный сезон. Между тем из всех сельскохозяйственных продуктов молоко, пожалуй, больше всего подвержено порче. В жаркое время года, когда его получается больше всего, оно еле выдерживает сутки. Фермер, делая из него сливочное масло, сохраняет небольшую часть его на неделю; делая из него соленое масло, сохраняет его на год, а выделявая из него сыр, сохраняет значительно большую часть его на несколько лет. Часть всего этого продукта сохраняется для потребления собственной семьи фермера, а остальное поступает на рынок и продается по высшей цене, какую только можно получить и которая не может быть настолько низка,

<sup>159</sup> «Histoire Naturelle», vol. V.

<sup>160</sup> См. выше (Глава X). (Прим. ред.)

чтобы отбить у фермера охоту отправлять на рынок излишки, остающиеся после потребления его семьи. В самом деле, если цена слишком низка, он, вероятно, будет вести свое молочное хозяйство очень неряшливо и грязно и, вероятно, решит обойтись без отдельного помещения или здания для этой цели, работа будет производиться среди чада, дыма и грязи его кухни, как это практиковалось почти на всех фермах с молочным хозяйством в Шотландии 30–40 лет тому назад и как это кое-где имеет место еще и поныне. Те же причины, какие постепенно повышают цену мяса, а именно увеличение спроса и – как следствие повышения благосостояния страны – уменьшение того количества скота, которое можно содержать с небольшими издержками или без всяких издержек, ведут и к повышению цены молочных продуктов, которая, естественно, находится в зависимости от цены мяса или издержек по содержанию скота. Повышение цены дает возможность оплачивать большее количество труда, большую тщательность и чистоту. Молочное хозяйство начинает заслуживать больше внимания со стороны фермера, и качество его продуктов постепенно улучшается. В конце концов цена достигает такой высоты, что становится выгодным обращать некоторые из наиболее плодородных и лучше всего возделанных участков земли на корм скоту исключительно для молочного хозяйства. Больше цена уже не может повышаться. Если бы это случилось, вскоре еще большее количество земли было бы обращено на эту цель. По-видимому, цена эта достигла такого предела в большей части Англии, где много хорошей земли обычно используется таким образом. В Шотландии же, где большинство фермеров редко отводит много хорошей земли под производство корма для скота исключительно в целях молочного хозяйства, эта цена, как кажется, еще нигде не достигала такой высоты, за исключением окрестностей немногих крупных городов. Хотя цена продуктов молочного хозяйства в течение нескольких последних лет очень значительно повысилась, все же, вероятно, она еще слишком низка, чтобы делать это возможным. Впрочем, плохое качество этих молочных продуктов в сравнении с английскими вполне соответствует низкому уровню их цены. Но оно является скорее следствием, а не причиной более низкой цены. Продукты лучшего качества, доставляемые на рынок, нельзя было, по-видимому, продавать при наличных условиях в стране по более высокой цене; а ныне существующая цена, вероятно, не покрывает издержки на землю и труд, необходимые для производства значительно лучшего качества. В большей части Европы, несмотря на высокий уровень цен, молочное хозяйство не считается более выгодным способом использования земли, чем производство зерновых хлебов или разведение скота, этих двух главных отраслей сельского хозяйства. Поэтому и в большей части Шотландии оно еще не может быть столь выгодным.

Очевидно, таким образом, что ни в одной стране земли не могут полностью поступить в обработку и подвергаться улучшениям, пока цена всех решительно продуктов, какие человеческий труд вынужден производить на этих землях, не достигла такой высоты, чтобы оплачивались издержки на такую обработку и улучшение. Для получения такого результата цена каждого определенного рода продуктов должна быть достаточна для того, чтобы оплачивать, во-первых, ренту хорошей пахотной земли под хлеб, так как она определяет ренту большей части других возделанных земель, и, во-вторых, оплачивать труд и издержки фермера не хуже, чем они обычно оплачиваются на хорошей пахотной земле под хлебом, или, другими словами, чтобы возмещать с обычной прибылью затрачиваемый на нее капитал. Такое повышение цены каждого определенного вида продуктов должно, очевидно, предшествовать улучшению и обработке земли, которая предназначается для производства их. Выгода составляет цель всякого улучшения, и последнее не заслуживает названия улучшения, если оно имеет своим неизбежным следствием убытки. Но убытки должны быть неизбежным следствием улучшения земли для возделывания продукта, цена которого никогда не может вернуть производственных затрат. Если полное улучшение и обработка всех земель страны представляют собой величайшее общественное благо – в чем не может быть ни малейшего сомнения, – то указанное повышение цены всех различных видов сырого продукта следует считать отнюдь не обществен-

ным бедствием, а необходимым предвестником и спутником этого величайшего общественного блага.

Это повышение номинальной, или денежной, цены всех этих различных видов сырого продукта было также следствием не какого-либо понижения стоимости серебра, а повышения их действительной цены. Они стоят не только большего количества серебра, но и большего количества труда и средств существования, чем прежде. Так как требуется большее количество труда и средств существования, чтобы доставить их на рынок, то, когда они попадают туда, они представляют большее его количество или эквивалентны ему.

### **Третий разряд**

Третьим и последним видом сырых продуктов, цена которых, естественно, возрастает по мере развития хозяйства, являются продукты, по отношению к которым способность человеческого труда увеличивать их количество является ограниченной или неопределенной. Хотя реальная цена такого сырого продукта имеет поэтому естественную тенденцию к возрастанию по мере хозяйственного развития, все же, в зависимости от различных причин, делающих усилия человеческого труда более или менее успешными в деле увеличения его количества, она может падать, иногда оставаться без изменения в различные периоды этого развития, а иногда повышаться в большей или меньшей степени на протяжении одного и того же периода.

Существуют такие виды сырого продукта, которые природа сделала как бы придатком к другим видам, так что количество одного продукта, какое может произвести страна, необходимо ограничено количеством другого. Количество шерсти или сырых кож, например, какое может произвести данная страна, неизбежно ограничено количеством крупного и мелкого скота, имеющегося у нее. А это последнее, в свою очередь, неизбежно определяется общим состоянием и характером ее сельского хозяйства.

Те же причины, которые по мере хозяйственного развития ведут к постепенному повышению цены мяса, должны, казалось бы, оказывать такое же действие и на цены шерсти и сырых кож и повышать их почти в такой же степени. Это, вероятно, и имело бы место, если бы на начальных стадиях хозяйственного развития рынок для продуктов последнего рода был ограничен такими же узкими пределами, как и рынок для мяса. Но размеры рынков в обоих этих случаях обычно крайне различны.

Рынок для мяса почти везде ограничивается страной, которая его производит. Правда, Ирландия и британская Америка ведут значительную торговлю солониной, но они, как мне кажется, являются единственными странами торгового мира, которые делают это, т. е. вывозят в другие страны сколько-нибудь значительную долю своего мяса.

Рынок для шерсти и сырых кож, напротив, на ранней стадии хозяйственного развития редко ограничивается страной, которая производит их. Они легко могут быть перевозимы в отдаленные страны: шерсть может перевозиться без всякой обработки, а сырые кожи – с очень небольшой обработкой; так как они служат сырьем для многих отраслей производства, то промышленность других стран может предъявлять спрос на них, хотя в своей собственной стране его может и не быть.

В странах, плохо возделываемых и потому слабо заселенных, цена шерсти и сырых кож всегда составляет гораздо большую долю цены всего животного, чем в странах, где благодаря более высокому уровню хозяйства и более многочисленному населению существует большой спрос на мясо. Юм замечает, что во времена саксов руно овцы оценивалось в 2/5 стоимости всей овцы и что это соотношение значительно превышает современную расценку. Как меня уверяли, в некоторых провинциях Испании овец часто убивают только ради шерсти и сала. Тушу оставляют гнить на земле или на пищу животным и хищным птицам. Если это иногда бывает в Испании, то почти постоянно так происходит в Чили, в Буэнос-Айресе и во многих

других частях испанской Америки, где рогатый скот почти постоянно убивается только ради шкуры и сала. Точно так же почти всегда практиковалось в испанской части Сан-Доминго, когда она кишела звероловами, и до того времени, когда создание поселений, развитие хозяйства и возрастание населения французских плантаций (ныне простирающиеся по берегу почти всей западной половины острова) придали некоторую стоимость также скоту испанцев, которые до сих пор владеют не только восточной частью берега, но и всей внутренней и горной частью страны.

С развитием хозяйства и ростом населения цена головы скота necessarily повышается, однако цена туши повышается гораздо больше, чем цена шерсти и шкуры. Параллельно с развитием хозяйства и ростом населения страны должен неизбежно расширяться рынок для мяса, который на низшей ступени развития общества всегда ограничивается пределами производящей страны. Но поскольку рынок для шерсти и кожи даже варварской страны часто простирается на весь торговый мир, его расширение редко может происходить в такой же пропорции. На состояние всего торгового мира редко может оказать влияние хозяйственное развитие и подъем в одной какой-нибудь стране, и рынок для таких товаров может оставаться неизменным или почти неизменным после указанного подъема хозяйства. Впрочем, при естественном ходе вещей он в результате этого должен скорее несколько расшириться. В частности, если отрасли промышленности, для которых эти товары служат сырым материалом, начинают процветать в данной стране, рынок, если даже он и не расширится значительно, окажется по крайней мере значительно приближенным к месту производства, и цена этих материалов может повыситься на всю ту сумму, которая обычно расходовалась на перевозку их в отдаленные страны. Поэтому, если цена шерсти и кож не повысится в той же пропорции, как цена мяса, она все же должна, естественно, несколько повыситься и во всяком случае не должна понизиться.

Однако в Англии, несмотря на цветущее состояние ее шерстяной промышленности, цена английской шерсти очень значительно упала со времени Эдуарда III. Имеется много достоверных свидетельств, которые показывают, что во время правления этого короля (в середине XIV столетия или около 1339 г.) умеренной и справедливой ценой за тюк в 28 фунтов английской шерсти считалось не менее 10 шилл. на деньги того времени,<sup>161</sup> что при 20 п. за унцию составляло 6 унций серебра тауэрского веса,<sup>162</sup> или около 30 шилл. на наши деньги. В настоящее время хорошей ценой за вполне хорошую английскую шерсть можно считать 21 шилл. за тюк в 28 фунтов. Таким образом, денежная цена шерсти во время Эдуарда III относится к ее современной денежной цене, как 10:7. Превышение ее реальной цены было еще больше. Считая 6 шилл. 8 п. за квартал пшеницы, мы имеем для этого давно прошедшего времени цену 12 бушелей пшеницы в 10 шилл. При цене в 28 шилл. за квартал 21 шилл. составляет в настоящее время цену только 6 бушелей. Таким образом, отношение между реальными ценами в то давнее время и ныне равно 12:6, или 2:1. В те давно прошедшие времена на один тюк шерсти можно было купить вдвое большее количество средств существования, чем в настоящее время, а следовательно, и вдвое большее количество труда, если реальная оплата труда была одинакова для этих периодов.

Такое падение как реальной, так и номинальной стоимости шерсти никоим образом не могло бы произойти при естественном ходе вещей. Действительно, оно являлось следствием насильственных и искусственных мер: во-первых, полного воспрещения вывоза шерсти из Англии; во-вторых, разрешения ввоза ее из Испании без уплаты пошлины; в-третьих, воспрещения вывоза ее из Ирландии в другие страны, кроме Англии. В результате этих ограничительных мер рынок для английской шерсти, вместо того чтобы расшириться вследствие хозяйственного развития Англии, был ограничен внутренним рынком, куда был открыт доступ для

<sup>161</sup> «Memoirs of wool» Smith'a, т. I, гл. 5, 6 и 7; также т. II, гл. 176.

<sup>162</sup> См. выше примечание № 88. (Прим. ред.)



конкуренции с нею шерсти нескольких других стран и где ирландская шерсть была вынуждена конкурировать с нею. А так как к тому же шерстяные фабрики в Ирландии встречаются максимум стеснений, совместимых со справедливым и честным ходом дел, то ирландцы в состоянии перерабатывать только часть своей шерсти и вынуждены поэтому отправлять большую часть ее в Великобританию, на единственный рынок, открытый для них.<sup>163</sup>

Мне не удалось найти столь же достоверных данных о цене сырых кож в давно прошедшее время. Шерсть обычно уплачивалась как налог в пользу короля, и ее расценка при уплате его устанавливает по крайней мере до известной степени ее обычную цену. Но не так, по-видимому, было с сырыми кожами. Впрочем, Флитвуд приводит нам, пользуясь счетами от 1425 г. приора в Бурчестере (Оксфорд) и одного из его каноников, их цену, по крайней мере ту, которая указывалась в этом отдельном случае; мы имеем такие цифры: 5 бычьих шкур за 12 шилл., 5 коровьих шкур за 7 шилл. 3 п., 36 овечьих кож (двухлеток) за 9 шилл., 16 телячьих кож за 2 шилл. В 1425 г. 12 шилл. содержали приблизительно такое же количество серебра, как 24 шилл. на наши деньги. Бычья шкура, следовательно, оценивалась в приведенном счете таким количеством серебра, которое содержится в 4 4/5 шилл. на наши теперешние деньги. Его номинальная цена была в то время значительно ниже, чем теперь; но при цене квартера пшеницы в 6 шилл. 8 п. на 12 шилл. можно было тогда купить 14 4/5 бушеля пшеницы, которые при цене в 3 шилл. 6 п. за бушель в настоящее время стоили бы 51 шилл. 4 п. Следовательно, за бычью шкуру в то время можно было бы купить столько же хлеба, сколько можно купить его за 10 шилл. 3 п. в наши дни. Ее реальная стоимость равнялась 10 шилл. 3 п. на наши теперешние деньги. Мы не можем предполагать, что в те давние времена скот, который в течение большей части зимы почти помирал с голоду, был очень больших размеров. Бычья шкура весом в 4 стона<sup>164</sup> по 16 ф. не считается ныне плохой, а в ту пору была бы, вероятно, признана очень хорошей. Но при цене в полкроны за стон, какова в настоящее время (февраль 1773 г.), по моим сведениям, обычная цена, такая шкура стоила бы теперь только 10 шилл. Таким образом, хотя ее номинальная цена в настоящее время выше, чем она была в эти давно минувшие времена, ее реальная цена, реальное количество средств существования, какое можно купить или получить в обмен на нее, скорее несколько уменьшилась. Цена коровьих шкур, как она указана в упомянутых счетах, почти соответствует цене бычьих шкур. Цена овечьих кож значительно выше этого. Они, вероятно, продавались вместе с шерстью. Цена телячьих кож, напротив, много ниже. В странах, где цены на скот очень низки, телят, которых не хотят вскармливать для поддержания стада, обыкновенно бьют очень молодыми, как это имело место в Шотландии лет 20–30 тому назад. Это сберегает молоко, расход которого не может окупить их цена. Поэтому их кожи обыкновенно мало на что пригодны.

Цена невыделанных шкур в настоящее время ниже, чем это было несколько лет тому назад, что объясняется, вероятно, отменой пошлины на тюленьи шкуры и разрешением в 1769 г. беспошлинного ввоза невыделанных шкур из Ирландии и из колоний. Если взять среднюю цену за настоящее столетие, то она окажется, наверное, несколько более высокой, чем это было в давно прошедшее время. Природа этого товара делает его менее пригодным, чем шерсть, для перевозки на отдаленные рынки. Он ухудшается в качестве от времени. Просоленная шкура признается худшей по качеству, чем свежая, и продается за более низкую цену. Это обстоятельство должно неизбежно иметь тенденцию понижать цену сырых шкур в стране, которая не перерабатывает их сама, а вынуждена вывозить, и сравнительно повышает ее в странах, где эти кожи подвергаются переработке. Оно должно приводить к понижению их цены в варварской стране и к повышению ее в культурных и промышленных странах. Следовательно, оно должно было приводить к понижению ее в минувшие времена и к повышению в наше время.

<sup>163</sup> Запрещение было отменено в 1825 г. и заменено низкой вывозной пошлиной. Она была отменена в 1833 г. (Прим. ред.)

<sup>164</sup> *Стон* – мера веса для некоторых товаров, в том числе для кож. (Прим. ред.)

Кроме того, нашим кожевникам не удалось, как это удалось суконщикам, убедить разум нации, что благополучие государства зависит от процветания именно их отрасли промышленности; ввиду этого им покровительствовали гораздо меньше. Вывоз невыделанных шкур, правда, был воспрещен и объявлен вредным, но их ввоз из чужеземных стран был обложен пошлиной; и хотя эта пошлина была отменена для шкур, ввозимых из Ирландии и из колоний (на срок только в пять лет), все же Ирландия не была ограничена рынком Великобритании для продажи своих излишних или тех шкур, которых она не перерабатывала сама. Шкуры простого скота в последние годы внесены в список товаров, которые колониям разрешается вывозить только в метрополию; точно так же и торговля Ирландии до сих пор не подвергалась в этом отношении никаким стеснениям в целях поддержки великобританских кожевенных заводчиков.

Всякого рода регулирующие меры, ведущие к понижению цены шерсти или невыделанных шкур ниже их естественного уровня, в культурной и развитой в хозяйственном отношении стране должны иметь тенденцию к повышению цены на мясо. Цена как крупного, так и мелкого скота, разводимого и откармливаемого на улучшенной и культурной земле, должна быть достаточна для оплаты ренты и прибыли, которые ожидают получить с такой земли ее владелец и фермер. Если она недостаточна для этого, они скоро перестанут откармливать скот. Поэтому та доля цены, которая не оплачивается шерстью или шкурой, должна покрываться ценою туши. Чем меньше платят за первые, тем больше должно быть уплачено за вторую. Землевладельцам и фермерам безразлично, как распределяется эта цена между различными частями животного, если только она полностью уплачивается им. Поэтому в хозяйственно развитой и культурной стране интересы землевладельцев и фермеров не могут быть сильно задеты такими регулирующими мерами, хотя их интересы как потребителей могут оказаться затронутыми в результате повышения цены продовольствия. Совершенно иным будет положение в малоразвитой и некультурной стране, где большая часть земель не может быть использована ни для какой другой цели, кроме разведения и выращивания скота, и где шерсть и шкура составляют главную часть стоимости этого скота. Их интересы как землевладельцев и фермеров в этом случае будут глубоко задеты подобными регулирующими мерами, а интерес их в качестве потребителей – весьма мало. Понижение цены шерсти и шкуры в этом случае не приведет к повышению цены туши, так как количество выращиваемого скота не изменяется, поскольку большая часть земель страны не применима ни для какой другой цели, кроме разведения скота; на рынок будет поступать такое же количество мяса, как и до того, между тем как спрос на него не увеличится; следовательно, цена его останется прежней. Полная цена за голову скота уменьшится, и вместе с нею понизятся рента и прибыль со всех тех земель, главным продуктом которых был скот, т. е. большей части земель страны. Воспрещение вывоза шерсти, которое обычно, но весьма ошибочно приписывается Эдуарду III, при существовавших в то время условиях явилось бы в высшей степени разрушительной мерой, какую только можно себе представить. Оно не только вызвало бы понижение стоимости большей части земель королевства, но благодаря понижению цены наиболее важных видов мелкого скота оно весьма замедлило бы его улучшение в дальнейшем.

Шерсть в Шотландии весьма значительно понизилась в цене вследствие соединения с Англией, благодаря которому она оказалась исключенной из обширного рынка Европы и ограниченной небольшим рынком Великобритании. Стоимость большей части земель южных графств Шотландии, где преобладает овцеводство, очень сильно пострадала бы благодаря этому событию, если бы повышение цены мяса не уравновесило полностью падение цены шерсти.

Успешность человеческого труда в области увеличения количества шерсти или сырых кож является ограниченной, поскольку она зависит от производства данной страны, и неопределенной, поскольку зависит от производства других стран. Она зависит не столько от количества, производимого последними, сколько от того количества, которое она сами не перераба-

тывают, а также от тех ограничений, которые они могут считать нужным установить для вывоза этого вида сырья. Поскольку все эти обстоятельства нисколько не зависят от промышленности данной страны, это неизбежно делает успешность ее усилий более или менее неопределенной. Таким образом, успешность человеческого труда в области увеличения количества этого вида сырых продуктов является не только ограниченной, но и неопределенной.

Точно так же успешность его ограничена и неопределенна в деле увеличения количества другого весьма важного вида сырого продукта – количества рыбы, доставляемой на рынок. Это количество ограничено топографией страны, близостью или отдаленностью ее различных провинций от моря, количеством ее озер и рек, а также так называемым богатством или скудостью этих морей, озер и рек рыбою. По мере роста населения, по мере все большего увеличения годового продукта земли и труда страны возрастает число покупателей рыбы, и они обладают большим количеством и разнообразием других продуктов или, что то же самое, располагают ценой большего количества и более разнообразных других продуктов, на которую могут производить покупки. Но обыкновенно невозможно снабжать обширный рынок, не затрачивая большого количества труда и притом в большей пропорции, чем это необходимо для снабжения небольшого и ограниченного рынка. Так, рынок, который сперва требовал только одну тысячу тонн рыбы в год, а теперь требует десять тысяч, уже не может удовлетвориться трудом, возросшим тоже в десять раз, ибо приходится отыскивать рыбу на более далеком расстоянии, надо употреблять более крупные суда, пользоваться более дорогими орудиями всякого рода. Поэтому реальная цена этого продукта, естественно, повышается с ходом хозяйственного развития. И мне кажется, что она в большей или меньшей степени действительно повышалась во всех странах.

Хотя успешность ловли рыбы в какой-нибудь день может быть весьма неопределенной, однако при данной топографии страны средний улов за год или за несколько лет в отношении доставки на рынок определенного количества рыбы может быть признан достаточно определенным, что, без сомнения, и есть в действительности. Так как ловля рыбы в большей степени зависит от расположения страны, чем от уровня ее богатства и состояния промышленности, поэтому в различных странах она может быть одинаковой на различных ступенях хозяйственного развития и весьма различной на одной и той же ступени, зависимость же ее от состояния хозяйства неопределенна, и об этой именно неопределенности я здесь и говорю.

Успешность человеческого труда в деле увеличения количества различных минералов и металлов, извлекаемых из недр земли, в особенности более дорогих, по-видимому, не является ограниченной, но является совершенно неопределенной.

Количество драгоценных металлов, имеющееся в какой-либо стране, не ограничивается какими-либо свойствами ее почвы и поверхности, как, например, богатством или скудостью ее собственных рудников. Эти металлы часто имеются в изобилии в странах, совсем не обладающих рудниками. Их количество в каждой определенной стране зависит, по-видимому, от двух различных обстоятельств: во-первых, от ее покупательной способности, от состояния ее промышленности, от размеров годового продукта ее земли и труда, в соответствии с чем она в состоянии затрачивать большее или меньшее количество труда и средств существования на добычу или покупку таких предметов роскоши, как золото и серебро из своих собственных рудников или из рудников других стран; во-вторых, от богатства или скудости рудников, которые в данный период снабжают торговый мир этими металлами. Количество этих металлов в странах, наиболее отдаленных от рудников, в большей или меньшей степени зависит от богатства или скудости последних, ввиду легкости и дешевизны перевозки этих металлов, их небольшого объема и большой стоимости. На количестве их в Китае и Индостане должно более или менее отражаться богатство рудников в Америке.

Поскольку количество драгоценных металлов в какой-либо отдельной стране зависит от первого из этих двух обстоятельств (покупательной способности), постольку их реальная цена,

как и цена всех других предметов роскоши, должна повышаться вместе с возрастанием богатства и развитием хозяйства страны и падать при бедности ее и застое. Страны, могущие накопить большое количество труда и средств существования, в состоянии покупать любое количество этих металлов ценою большего количества труда и средств существования.

Поскольку количество драгоценных металлов в данной стране зависит от второго из этих обстоятельств (богатства или скудости рудников, которые снабжают торговый мир), постольку их реальная цена, реальное количество труда или средств существования, которые можно купить или обменять на них, будет, без сомнения, более или менее понижаться в соответствии с богатством этих рудников и повышаться в соответствии с их скудостью.

Но очевидно, что богатство или скудость рудников, которые в данное время могут оказаться поставщиками торгового мира, представляет собой обстоятельство, которое может не иметь никакой связи с состоянием промышленности отдельной страны. Оно представляется даже не имеющим никакой связи с состоянием мировой промышленности вообще. Правда, по мере того как промыслы и торговля постепенно распространялись по все большей и большей части земного шара, поиски рудников, производившиеся теперь на огромном пространстве, могли иметь больше шансов на успех, чем в ту пору, когда ограничивались более узкими пределами. Однако открытие новых рудников по мере постепенного истощения старых представляется делом в высшей степени ненадежным, успех которого не может гарантировать человеческое искусство или труд. Все признаки, как известно, сомнительны, и только фактическое открытие и успешная разработка нового рудника могут удостоверить его действительную стоимость или даже существование в нем металла. В этих поисках нет, по-видимому, определенных пределов ни для возможного успеха, ни для возможной безуспешности человеческого труда. Вполне возможно, что на протяжении одного или двух столетий будут открыты новые рудники, более богатые, чем известные когда-либо до сих пор; и точно так же вполне мыслимо, что наиболее богатые из известных в это время рудников окажутся более бедными, чем разрабатывавшиеся еще до открытия рудников Америки. Произойдет то или другое, это будет иметь очень мало значения для действительного богатства и благосостояния мира, для действительной стоимости годового продукта, земли и труда человечества. Его номинальная стоимость, количество золота и серебра, в котором может быть выражен или представлен этот годовой продукт, будет, без сомнения, весьма различна, но его реальная стоимость, действительное количество труда, которое можно купить или выменять на него, будет одним и тем же. В первом случае один шиллинг мог бы представлять не больше труда, чем представляет его одно пенни в настоящее время, а в последнем случае одно пенни могло бы представлять столько же труда, сколько шиллинг в настоящее время. Но в первом случае обладатель одного шиллинга был бы не богаче того, кто имеет теперь одно пенни, а в последнем случае обладатель одного пенни был бы столь же богат, как и обладающий теперь одним шиллингом. Дешевизна и обилие золотой и серебряной утвари были бы единственной выгодой, которую мир мог бы извлечь из первого обстоятельства, и дороговизна и редкость этих ненужных вещей были бы единственным неудобством, которое явилось бы результатом последнего обстоятельства.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.